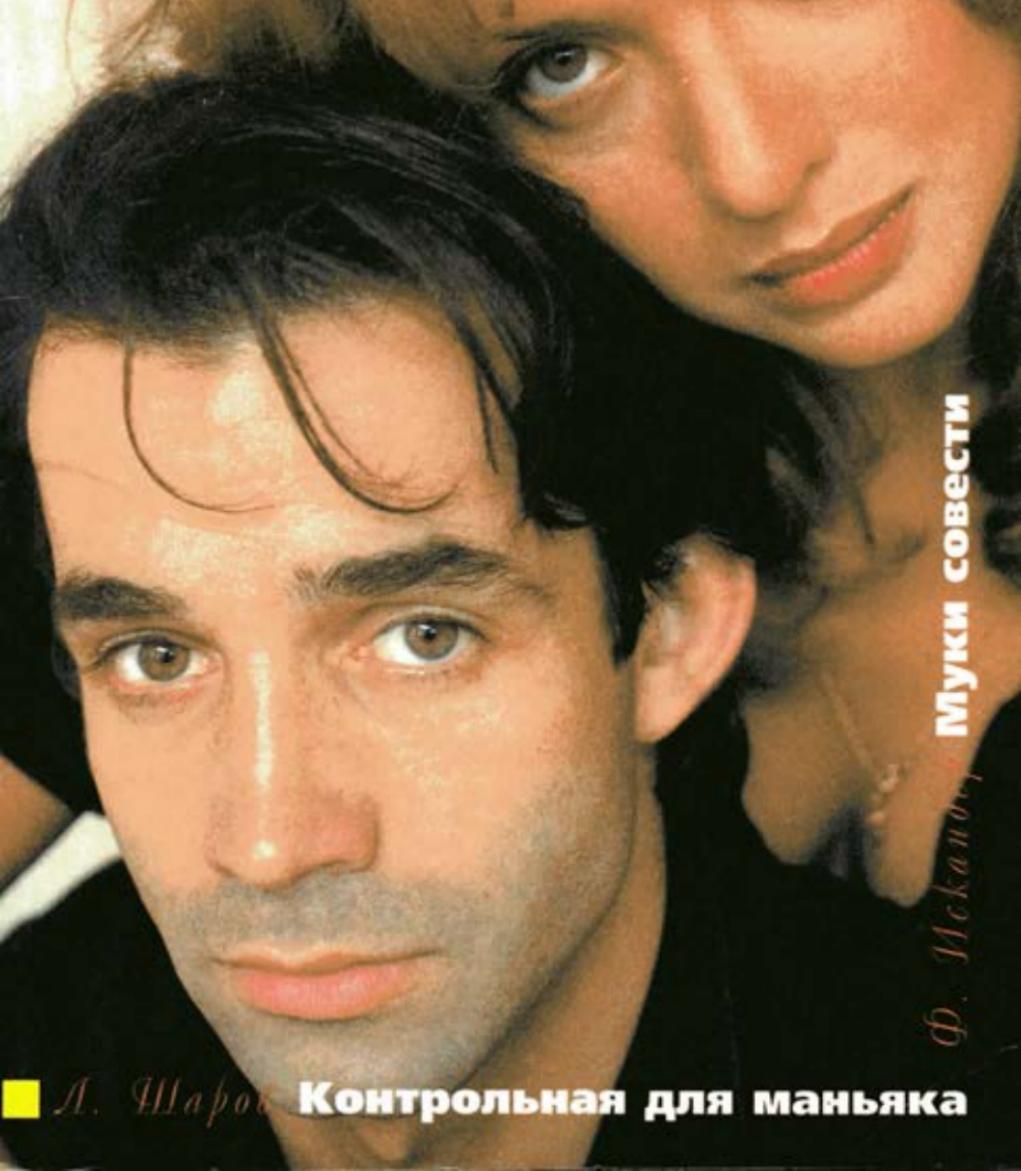

смена

андрей

Ф. Меканов *Мужчины*

■ *Л. Шаров* Контрольная для маньяка

СОВРЕМЕННОМУ МОТОРУ

МАСЛО
ЛУКОЙЛ

Главный редактор
Михаил Кизилов

Редколлегия:
зам.главного редактора

Софис Данюшевский

Николай Левицев

зам.главного редактора

Сергей Попов

главный художник

Виталий Федоров

редактор отдела

литературы и искусства

Памара Чилина

Литературно-
Художественный
Иллюстрированный
Журнал

Основан
в январе
1924 года.

4'99

апрель (1614)

Сдано в набор 18.2.99

Подписано к печати 17.3.99

Бумага офсетная.

Печать офсетная.

Заказ № 595

Тираж 50 000 экз.

Цена свободная

101457, ГСП, Москва,

Бумажный проезд, 14.

212-15-07 — для справок.

250-29-39 — отдел реализации.

Факс (095) 250-59-28.

E-mail: smena@sonnet.ru

Журнал зарегистрирован

в Комитете Российской

Федерации по печати.

Рег.№ 014832

Учредитель —
ООО "Издательский дом
журнала "Смена".

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.

Набор, верстка и цветodelение
ЗАО "НИИ НИТ"

Отпечатано в типографии
ОАО ПО "Пресса-1"

В случае полиграфического брака
обращаться в типографию

ОАО ПО "Пресса-1"

257-42-29

257-41-03

Журнал выходит
12 раз в год.

© "Смена", 1999.

22 Фазиль Искандер
МУКИ СОВЕСТИ, ИЛИ
БАЙСКАЯ КРОВАТЬ
 Рассказ

124 Мэри Хилинс Кларк
ПОКА КРАСАВИЦА
СПИТ...
 Детектив

220 Леонид Шаров
КОНТРОЛЬНАЯ
ДЛЯ МАНЬЯКА
 Криминальная повесть

4 Игорь Гамаюнов
ОХРАНА ВСТАЕТ
РАНО

34 Андрей Соколов
"ТЫ МНЕ
ИНТЕРЕСЕН!"

46 Светлана
Бестужева-Лада
ЖЕРТВА ИЩЕТ
ДОНОРА

102 Борис Сопельняк
ЗАГОВОР
ПОЛОТЕРОВ

112 Василий Песков
ГЛУХАРИНАЯ
ШКОЛА

212 КОГДА ГОДА —
БОГАТСТВО

беседа с генеральным директором
 НПФ "ЛУКОЙЛ-Гарант"
Михаилом Бережным

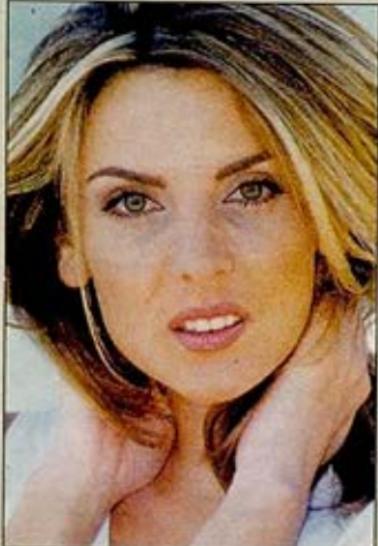
265 Валерий Митрохин
"КРУГОВАЯ
ОБОРОНА"
ДОКТОРА ЯЩЕНКО

282 Андрей Борзенко
ОБУСТРАИВАЕМ
ДОМАШНИЙ ОФИС

апрель'99

4

В НОМЕРЕ:

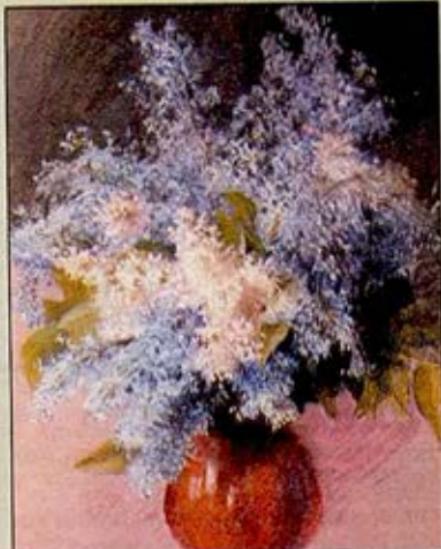

стр. 268

На 1-ой обложке:
 антер Дмитрий Левцов
 с женой Ольгой Дробзовской.
 Фото Виктора Горячева
 [читайте стр. 76]

стр. 112

16 *Алла Софокина***"...ТОМИМ Я
ГРУСТИЮ ТЯЖЕЛОЙ"**58 *Любовь Русева***КРЕСТ АМВРОСИЯ**76 *Тамара Сергеева***СЧАСТЛИВЧИК
ПО ПРОЗВИЩУ
"ЗВЕРЬ"**82 *Сергей Глаголь***ЛЕВИТАН**268 *Рамазан Рамазанов***ДЕВУШКА
ИЗ СТРАНЫ
ДОЖДЕЙ**287 *Юлия Герра***НИКАС САФРОНОВ**

стр. 82

Константин

Бальмонт

**"КАК ЖАДНО
Я ЛЮБЛЮ
ТВОИ УСТА..."**

Андрей Ильин

**"КИДНЕППИНГ"
ПО-РУССКИ**

У заместителя управляющего крупного банка пропала десятилетняя дочь. Похитители потребовали огромный выкуп — миллион долларов. Убитые горем родители обратились в частном порядке за помощью к знакомому милицейскому генералу, и тот привлек к расследованию двух обычных следователей, которые всеми дозволенными и недозволенными методами сумели раскрутить это необычное дело. Ребенок или миллион долларов — что окажется важнее?

*Людмила Зыкина***"ВЕРЮ В
КРАСОТУ ЖИЗНИ"**

Накануне своего 70-летнего юбилея великая певица откровенно говорит с читателями "Смены" о пережитом, о друзьях и недругах, о слухах и сплетнях вокруг своего имени, о том, что больше всего ценит и бережет в жизни.

май'99

АНОНС:

**В России
сегодня
более
1 миллиона
частных
охранников —
много это
или мало?**

О б этих, умеющих хорошо стрелять, людях сейчас идут споры.

Одни говорят: под вывеской частных охранных служб гнездятся управленические структуры преступного мира; именно там затаились дерзкие налетчики и хладнокровные ниллеры.

Другие утверждают: эти службы как раз и есть наиболее жизнестойкая правоохранительная сила, защищающая молодое российское предпринимательство от разгула рэкета; это один из хорошо работающих инструментов рыночной экономики. (Нетто говоря, в минувшем году негосударственная система охраны насчитывала более 1 миллиона человек.)

В разгар споров, оказавшись в Воронеже, я познакомился с од-

ОХРАНА ВС

Игорь ГАМАЮНОВ

ним таким частным охранным предприятием (ЧОП) под звучным названием "Бумеранг". Ему 3 года. Известность в Воронеже "Бумеранга", во-первых, деловая — там работают, по мнению сотрудников областного УВД, настоящие профессионалы. Во-вторых, скандальная: их кто-то ТРИНДЫ пытался взорвать.

Не удалось.

Все живы, бодры, улыбчивы, о чем свидетельствую. Правда, прежде чем со мной разговориться, они тщательно проверили, тот ли я, за кого себя выдаю. Узнал об этом случайно, перед самым отъездом из Воронежа. Ну, что ж, такая у них работа — выяснить, кто перед тобой, прежде чем распахивать душу.

А я-то гадал, почему первые записи на диктофон какие-то кучевые. О чём бумеранговцы не заговорят, тут же себя и обрывают. Не беседа — сплошные тезисы. И только на третий день пошли подробности. А гендиректор "Бумеранга" подполковник милиции Александр Гончаров даже надинтовал мне стихи собственного сочинения (интонации напористые, в глазах затаенный блеск). Словом, как говорится во всенародно любимом фильме "Белое солнце пустыни", таможня дала "добро".

"Абдулла, я здесь!"

Их предупредили: готовится покушение; у их друзей в РУОПе по агентурной цепочке прошла та-

ТАЕТ РАНО

ная информация. Но кто именно готовит? Когда? Где? Неясно. Объектов охраны у бумеранговцев несколько десятков: ярмарки, оптовые базы, авторынок, офисы предпринимателей. Везде так или иначе перешли дорогу "шипящим". То есть тем, кто являлся на объекты вразвалку, в адидасовых костюмах, говорил небрежно, через губу, интересуясь, есть

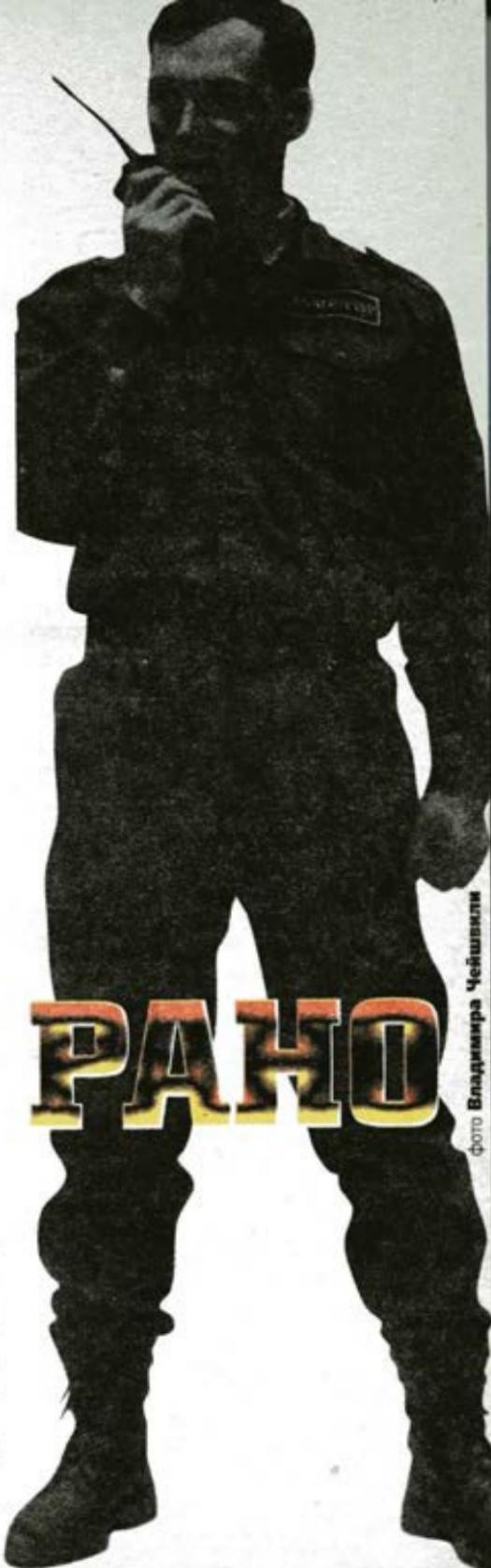

Фото Владимира Чайкини

ли здесь "крыш-ша", а если есть, то им, видите ли, надо с ней "забить стрелку". Узнав же, что "крыш-ши" нет, но есть охраняющий их "Бумеранг", тихо матерясь, отваливали, так как знали: эту охранную структуру организовали выходцы из РУОПа. Связываться с ними — себе дороже: руководит ими матерый оперативник Александр Гончаров, 20 лет проработавший в угроэисне, а вооружены они не только "макаровыми", а еще и "ремингтонами" — один выстрел из такого ружья разносит вдребезги носовую часть автомобиля.

Знала бандитская разведка и о том, что с "Бумерангом" по договору работают два частных детектива, тоже подполковники милиции, выходцы из РУОПа — Виктор Кусов и Юрий Третьяков. Эти двое особенно раздражали: их знакомства оказались столь обширны, что позволяли добывать информацию не только в предпринимательских кругах, но даже среди "шипящих".

Как именно? Если бы знать. Внешне вроде ничего особенного: мелькают то там, то тут, рассказывают анекдоты, пиво пьют, обычные, в общем-то, мужики, даже и не поймешь, что когда-то в милиции работали.

В результате особо настырные из "шипящих", пытавшиеся вопреки резону снять оброн с тех предпринимателей, у кого заключены договоры с Кусовым и Третьяковым, попадали в неприятную ситуацию: их визиты оказывались снятыми на видео, вымогательские разговоры зафиксированы диктофонной записью, а полученные деньги помечены светящимся порошком. Со всем этим оснащением неудачливые рэкетиры отправлялись пря-

мином на полное гособеспечение, то бишь в следственную тюрьму.

Конечно, обиднее всего им было упустить из-под своего контроля автомобильный рынок, этот Клондайк для рэкетиров. Но бумеранговцы разработали целую систему немедленного оповещения: продавцы авторынка по цепочке передавали охране условный сигнал, входы и выходы рынка перекрывались, вымогателей брали тут же, без стрельбы.

Больше всего бесило новарство бумеранговцев, дышавших в затылок в сладчайший момент, когда, казалось бы, добыча уже в руках — пачки денег рассованы по карманам, а над ухом — не-громкий оклик: "Ваши документы". Тан боец Сухов, помнится, сзади окликает зарвавшегося бандита, чтобы не стрелять ему в спину: "Абдулла, я здесь!.."

Шел третий месяц с того дня, когда бумеранговцев предупредили о покушении. Ложная информация? Или — долго готовятся? А может — пытались запугать?.. Александр Гончаров и Виктор Кусов приехали на авторынок в одну из суббот. Проверили посты, зашли в администрацию. Обычный денежный визит. Все спокойно, никаких ЧП. Распрощались, пошли к автомобилю. На часах — без сноятьших минут пять вечера,デンабрьского, а потому — сумрачного.

Им, конечно, повезло, что к их автомобилю подъехал "Нигуль" и остановился с включенными подфарниками. В этом-то слабеньком свете Александр Гончаров и увидел на асфальте, под своим автомобилем, какой-то предмет. Присел взглянуть. Обыкновенный кирпич. Но когда они ставили машину, его вроде не было. А что за нгут тянет-

ся от него к днищу автомобиля? Пригнулся... Понял — вот она где, смерть, их стережет: к днищу прикреплен анклаватный свертон.

Бандитский расчет был прост: в сумерках вряд ли кто увидит кирпич под автомобилем. Тронутся. Жгут выдернет чену, взрывное устройство сработает, и автомобиль превратится в груду горящего металла... Взрывники, снимавшие, а потом уничтожавшие бомбу, сказали: сила взрыва была бы эквивалентна 400 граммам тротила. Мало не показалось бы.

«...Если я в живых останусь, — это стихи Александра Гончарова, — есть везение пона, /если смерти не понравилось, /доживу до сорона.»

Но, видно, и она, смерть, то есть, ему не слишком нравится, если разглядел он ее под днищем автомобиля. Мечта же у подпольновника милиции такая: "...Брошу грубую работу, / для стихов освобожнусь, / чем положено поэту, / тем, пожалуй, и займусь..."

За сорок уже перевалило, но, видно, не судьба ему заниматься одними стихами. Время тревожное. Чтоб бандиты не забывались, нужно постоянно окликать их: "Абдулла, я здесь!"

Дело о 300 миллионах

Звонок из фирмы "Варда" озадачил. "На рэнт не похоже", — объяснил Гончарову по телефону директор... Пришел адвокат (в сопровождении охраняющего его милиционера), показал доверенность. Все печати на месте, документы в порядке, но сумма ошарашила: 300 миллионов (речь идет о неденоминированных рублях)... "Не выдали?" — "Нет, ко-

нечно. Наличными хотят, а у нас сейчас нет. Сказали, что придут завтра". — "Не торопитесь отдавать. Здесь что-то не то".

По распоряжению Гончарова на фирму тут же выехала группа быстрого реагирования. Детективы Нусов и Третьяков — с ними. Потом в кабинете Гончарова исследовали ситуацию: предприниматель Ибрагимов (назовем его так) сдал торговой фирме "Варда" ходовой товар на реализацию. Товар разошелся. Но за деньгами он присыпал адвоката с охранником. Почему? Болен? Где лечится? Квартира, которую снимает в Воронеже, заперта наглухо. Соседи не знают, куда уехал. Адвокат в разговоре по телефону уклончив... Что делать?

Решили: ждать. Охрану фирмы усилили, условившись с директором: когда приедут за деньгами, он должен под разными предлогами затянуть выдачу. Охрана же не выпустит пришедших до приезда группы захвата из РУОПа, где Гончаров уже побывал, рассказав о странной ситуации.

Но на следующий день ходатай в "Варде" не появились. Не явились они и на второй день. Гончаров не то чтобы нервничал, но трубку звонившего телефона срывал быстрее обычного. Принидывал: что могло стрястись с Ибрагимовым?

По договору с фирмами они, бумеранговцы, не только охраняют. Детективы Нусов и Третьяков проводят спецроверки тех коммерсантов, которые заключают с их фирмами крупные сделки. Приверяли и Ибрагимова, но прямых связей с преступным миром не обнаружили. Правда, товар он поставлял, можно сказать, страте-

гический — дешевую водку, расходившуюся очень быстро. На такой мед особые мухи слетаются. Судя по всему, на этот раз слетелись весьма ловкие — за деньгами послали не человека с улицы, а адвоката, вооруженного бесспорными документами. Но что-то он медлил со вторым визитом. Напугал телефонный звонок?

Шел третий день ожидания. Офис "Бумеранга", расположенный по улице Донбасской, в одном из помещений ярмарки, жил обычной жизнью. В оружейной комнате уезжавшим на посты охранникам выдавали оружие с боеприпасами. В дендрарии пописывала рация, и время от времени мигал стенд сигнализации. В кабинете Александра Гончарова подписывали деловые бумаги, пили чай, разговаривали по телефону. Александр Михайлович заказывал швейникам теплые куртки на зиму — для своих охранников. Звонил в банк, интересуясь, какие платежи поступили на счет "Бумеранга". Тревожил звонками неноторых должников.

Один из них на днях привез в офис несколько ящиков с консервами — куриным фаршем. Что-то разобрали сотрудники в счет зарплаты, а остальное куда девать? Ситуация редкая. Обычно охраняемые ими фирмы весьма жизнеспособны — за три года существования "Бумеранга" ни одна не закрылась. Гончаров этим гордится. Потому что знает: дело не только в расторопности и коммерческой сметке опекаемых "Бумерангом" предпринимателей. Детективы "Бумеранга" помогают им изучить интересующий рынок, вовремя обнаружить ненадежность деловых партнеров, выявить недо-

брсовестных конкурентов, а то и просто нуликов, действующих под прикрытием подставной или, как их еще называют, нидальческой фирмы.

Одну такую фирму бумеранговцы обнаружили недавно. Та вела переговоры с их подопечными — напористо, делая выгодные предложения. Стали проверять. Узнали, на чью фамилию она зарегистрирована, установили адрес хозяина. И — будто нечаянно позвонили в дверь его квартиры. Открыла пожилая женщина, своим видом отнюдь не похожая ни на жену, ни на мамашу, ни даже на домохозяйку преуспевающего бизнесмена. В тесной комнатке, за столом, покрытым стершейся на сгибах скатертью, женщина покаловала: у сына паспорт пропал, а получить новый — нанительно, никак руки не дойдут. Пришлось детективам этим делом заняться подробнее. Выяснили: ловчак, украв паспорт, на чужое имя не только зарегистрировал фирму, но и набрал кредитов на серьезную сумму, с которой, судя по всему, вот-вот намеревался скрыться. Мошенника немедленно задержали.

Эпизод, не редкий по нынешним временам. Но история с фирмой "Варда" — из другого разряда, ее продолжение случилось на третий день, удивив даже видавших виды бумеранговцев. В очередной раз сорвав трубку звонившего телефона, Гончаров услышал: "Пришли... Вместе с Ибрагимовым... Он у них в заложниках!"

Состав пришедших, задержанных в офисе фирмы "Варда", был весьма странным: два навязца, несколько милицейских работников и сам Ибрагимов, который ус-

пел шепнуть, когда входил, стоявшему у дверей охраннику: "Я взят в заложники". Взят милицией?

Подробности выяснились в региональном управлении по борьбе с организованной преступностью: две недели назад земляки-кавказцы выманили Ибрагимова из квартиры, сказав, что на улице, в автомобиле, ждет родственница. Увезли из Воронежа за 150 километров, в небольшой городок, где в неком-то доме приковали наручниками к батарее отопления, требуя те самые 300 миллионов. Через неделю он сдался: написал доверенность. Ее заверили у местного нотариуса, для чего Ибрагимова специально возили к нему. Затем подключили к получению денег его адвоката, пообещав ему за услугу "долю". Но на неся визит в "Варду", адвокат понял: операция не пройдет, и предложил привезти самого Ибрагимова. Его привезли. А для того чтобы молчал, земляки-кавказцы попросили знакомых милиционеров (за солидное вознаграждение, конечно) завести на него... уголовное дело.

Оказывается, сделать это можно минут за пятнадцать. Представьте: привозят Ибрагимова в Воронеж, говорят: "Зайдем, дорогой, перенесим". Заходят в кафе. Не успевают выпить чай, как туда врывается милиция — с проверкой документов. В руках у одного из сотрудников почему-то — видеонамера. Ее включают, когда Ибрагимов показывает документы. Затем сотрудник милиции демонстративно шарит в карманах его пиджана и, как фонсунин, извлекает оттуда несколько боевых патронов к пистолету Макарова.

Сам пистолет, видимо, подбросить не решились, но на патроны тут же оформили протокол, где и обозначили статью УН о незаконном хранении оружия и боеприпасов. И уже после этого Ибрагимова повезли в "Варду" за его 300-ми миллионами, дав понять: будет покладистым, дело о боеприпасах прикроют. Но Ибрагимов покладистым лишь притворился. И у входа в фирму, увидев человека в форменной куртке с эмблемой "Бумеранг" на рукаве, обронил, проходя: "Скажи своим — я в заложниках".

Его освободили, занявшись липовое дело о боеприпасах. На задержанных с Ибрагимовым возбудили уголовное дело. К моменту моего приезда в Воронеж оно было в стадии расследования.

В те дни у Гончарова, в паузе между телефонными звонками, возникли такие строчки: "Бездоронье, крутые подъемы./ Все отчетливей звуки весны./ Портупея, петлицы, погоны. / Снятся только тревожные сны". Мне нравится в его стихах одна особенность: сколько бы тревоги в них не было, "звуки весны" все равно слышны.

Охота на детектива

О том, что на него объявлена охота, детектив Виктор Нусов узнал поздним апрельским вечером. Домой его вез приятель на своем автомобиле. По дороге Нусов вспомнил, что кроме поручений директора ЧОПа "Бумеранг" Александра Гончарова и просьб нескольких своих клиентов у него на сегодня было еще одно, может быть, наиважнейшее, задание жены: зайти в магазин. Виктор накупил продуктов на всю семью (у него дочь 16 лет, два сына —

13 и 9 лет, собана Берта породы боксер и совершенно рыжий кот). Упаковал все в объемный полиэтиленовый пакет, насыпав сверху сладких сырков, вышел и, сильно пригнувшись (рост 1 метр 82 сантиметра, вес 93 кг), погрузил себя в автомобиль.

Подъехали к дому. Виктор, прощавшись с приятелем, двинулся, шурша пакетом, к подъезду. И в тот момент, когда автомобиль, разворачиваясь, осветил его фарами, оглушительно грохнуло. Взрывная волна опрокинула Нусова на асфальт, но он тут же вскочил, соображая: нинули гранату. Откуда? Из-за гаражей? Больше неотнуда. И Нусов ринулся туда.

Бежал, не выпуская панета, с одной мыслью: "Поймаю — убью на месте!" За гарантами уже никого не было — оттуда легко улизнуть, но Виктор вместе с подбежавшим приятелем обыскивал все вокруг... Пока не почувствовал на руках кровь. Оцарапался, что ли, когда упал на асфальт?

Пошли обратно. Рассмотрели у подъезда разнесенную в щепки снамью — под нее занатилась граната. "Вот что тебя спасло, — сказали приятель и, разглядев его в свете фар, охнули. — Ты же весь в крови!" Осколки гранаты (это была, как потом выяснилось, Ф-1) чиркнули его бон и руку.

Домой заходить не стал — приятель повез к врачам. Понаехали, набрали по мобильному милицию. Ему делали перевязку, когда оттуда примчались. Засыпали вопросами: как случилось? кому, по его предположению, он перешел дорогу? Тогда Нусов только отмахнулся: таких десятка два наберется. Потом задумался: но кто-то же один его заказал.

Стал вспоминать. Просеивал эпизод за эпизодом. Конечно, это чья-то месть. За что? Вспомнил: к его клиенту П. недавно заходил "адидасовец", весь из себя квадратный, но венливый — интересовался, не сможет ли П. оказывать посильную помощь его друзьям, находящимся в заключении. Такая обтекаемая форма приглашения в воровской общак. П. ответил, как было условлено: "У фирмы есть человек, от решения которого зависят наши финансовые дела. Приходите завтра в 17.00, он вас примет".

"Адидасовец" пришел. Увидев Нусова, наморщил лоб, мучительно припоминая, где с ним встречался, осторожно нащупывая в кулак и попятился. Нусова уголовники хорошо знали еще по тем временам, когда он вместе с Гончаровым работал в так называемом "бандитском" отделе.

Виктор принесли, могли ли уголовники попытаться убрать его?.. Вряд ли. Понимают, это не изменило бы общую ситуацию. Да и оперативно-розыскные механизмы у коллег Нусова, работающих в РУОПе, действуют неплохо, их агентурная сеть непременно выловила бы в уголовном мире информацию о готовящемся против него теракте. А его об этом никто не предупредил.

Домой в тот вечер Нусов приехал часа на полтора позже. Но — с уцелевшими в сумнах продунтами. "Тут взрыв какой-то был," — сообщили ему домашние. "Хорошо, что меня в этот момент не было", — откликнулся Виктор, доставая из пакета помятые сырки, но жена уже засцепилась взглядом за исполосованную осколками куртку. Пришлось рассказать, правда,

снупо — подробности всегда че-
ресчур волнуют женское вообра-
жение.

А потом еще несколько дней Виктор ревизовал свою деятельность. Самой серьезной его работой последнего времени, по масштабам и по результатам, была операция изобличения мощной группировки "теневиков". В нее входило около 40 коммерческих предприятий и оптовых баз, скрывавших от налоговых органов примерно четыре пятых объема своих операций. У них был даже свой подпольный банк, инвестировавший средства в развитие этих предприятий. Никакой на нем вывески. Документация периодически уничтожается. Режим секретности — как на оборонном предприятии. Благодаря таким "теневым" сообществам ширится в России море "черного нала", из-за которого госбюджет страны с каждым годом становится все тоще, врачи и учителя не получают зарплату, а российская наука, посаненная на голодный паен, перестает быть наукой.

Обнаружил Кусов существование этого спрута случайно: одного из его друзей, предпринимателя, этот спрут опутал своими щупальцами, втягивая в систему своей жизнедеятельности — нужно было выручать. Стал вникать в подробности и — ахнул. Не ожидал такого размаха. Пришлось обратиться к своим коллегам из РУОПа и налоговой полиции. Вместе с ними документировал обнаруженное — это были диктофонные записи разговоров, видеосъемка из автомобиля, фотосъемка.

И все-таки полного представления о действительных масшта-

бах этого "теневого" концерна ни у кого из оперативников не было до тех пор, пока однажды собранные в течение нескольких часов не заняли все офисы, базы, а заодно и квартиры их хозяев. "Не бедные граждане," — отмечали следователи, опечатывая роскошные апартаменты "теневиков". К двум из таких квартир во избежание пропажи ценностей была поставлена охрана. Ее на следующий же день стали осторожно донимать квадратные личности, убеждая пустить их внутрь, так как там, в ванне, кронодильчик живет, и сердобольный хозяин, задержанный правоохранительными органами, их будто бы умолял покормить зубастого. Квадратных шуганули, но на кронодильчика, действительно обитавшего в ванне, решили еще раз взглянуть. И при более подробном осмотре места его обитания обнаружили под галькой, устилавшей дно ванны, слой золотых монет. Когда их выгребли, оказалось — полведра. Ну какой же это "черный нал", говорили, смеясь, воронежские сыщики. Он у нас золотой!

Могли ли "теневики" простить частному детективу Виктору Кусову, который начал это расследование, свое фиаско?

Прямых доказательств причастности тех "теневиков" к теракту возле подъезда тогда у Кусова не было. Он продолжал сбор материала, чувствуя: разгадка близка. Но чувствовали это и те, кого его разоблачения грозили тюрьмой. Им нужно было остановить Кусова.

Шел пятый месяц после теракта. Сентябрьским утром Кусов зашел старшего в школу, припарко-

вал на стоянке автомобиль. Ему нужно было заглянуть на рынок, найти нужного человека. Идти недалеко. Шел по Донбасской, вдоль длинного забора, когда сзади раздался грохот. Снова волна горячего воздуха хлестнула его, но на ногах устоял. На этот раз гранату бросили из-за забора. Бросавшая рука была, видимо, недостаточно опытной — граната разорвалась, не долетев до Нусова, помешали ветви дерева. Но осколки не миновали Винтора, хотя ихожение он почувствовал не сразу.

И на этот раз схватить киллера не удалось — он ушел, скорее всего, дворами, растворившись в рыночной толпе.

После этого все, с кем Винтор увиделся, когда подзлечил раны, говорили ему: "В рубашке родился". Он, улыбаясь, неизменно отвечал: "И, видно, не в одной..." Сколько еще "счастливых рубашек" ему понадобится, чтобы снова избежать прицельного броска или выстрела?..

"Что пристала, что ходишь за мной? — это из стихотворения Александра Гончарова, которое он посвятил Нусову. — То отступишь, то вновь за спиной./ Сгинь, старуха!.. / — "Уж больно хорош./ Ум, смекалка, к работе пригож..."/ — "Не преследуй, отстань, отпусти!/ Душу спас, дай и сердце спасти./ Что, ностальгия, ходишь за мной? Кто послал тебя с этой ноской?"

Грабеж в камуфляже

Приходилось слышать: "Охраны службы?.. Да тот же рэкет, только узаноненный!"

В офисе "Бумеранга" разговор с Гончаровым исподволь подвожу

к этой теме. Александр Михайлович улыбается: "Есть между криминальными "крышами" и охранными службами маленькая разница".

Накая?

Рассказывает. Пришел как-то в "Бумеранг" предприниматель Н. Советуется. Когда-то он по неосторожности, начиная бизнес, завязал отношения со спортивными ребятами. Те предложили ему "крышу", познакомили со своим "авторитетом". Брали за охрану вначале по-божески, потом разошлись — подняли ставку. Хотя никаких постоянных денежств — заглянут раза два в сутки и нет их. А тут как-то ночью на склад ворвались люди в масках и камуфляже, опустошили помещение, покидав товар в грузовые машины с замазанными грязью номерами, и отбыли в неизвестном направлении. Н. бросился к "авторитету": "Помоги!" — "Не боись, пропажу найдем". И нашел. На следующий же день. Сказал, что "один нореш" навел на след, осталось отбить товар, "тех пацанов" в масках он крепко накажет — заставит привезти обратно и положить на место. Но выдвинул условие: "Мы тебя этим спасаем, а потому оплата 50 на 50". То есть полцены за возвращенный товар. Предприниматель в панике — так или иначе на грани разорения. Сказал: поеду искать деньги. А сам — в "Бумеранг".

Здесь его оснастили звукозаписывающей аппаратурой. Посоветовали еще раз подробно обговорить с "авторитетом" условия. А затем обратились в РУОП. Операция захвата была молниеносной: когда "авторитет" подогнал к

складу все те же грузовики с залежанными грязью номерами, и те же будто бы раскаявшиеся "пачаны" в масках и камуфляже стали таскать товар обратно, их всех немедленно повязали, поснимав шерстяные маски. И предприниматель Н. увидел знакомые лица спортсменов из окружения "авторитета"... Он таким образом хотел на "своем" бизнесмене подзаработать.

— Дело в том, — уточняет Гончаров, — что частные охранные службы в отличие от криминальных "крыш" действуют в правовом поле. На условиях контракта.

— А разве не могли такой же спектакль с ограблением разыграть сотрудники частного охранного предприятия? Ну, скажем, для того чтобы предприниматель их больше ценил.

— Тогда это уже бандитская "крыша", а не частное охранное предприятие. Но такого рода перерождение случается и с сотрудниками милиции, что совсем не значит, будто вся милиция стала бандитской.

— Резонно. Однако почему-то считается, что частные охранные службы комплектуются из достаточно случайных людей, в том числе и с уголовным прошлым. То есть их перерождение почти предопределено.

— Обывательское представление, основанное на слухах. На самом же деле, прежде чем стать нашим сотрудником, человек не только заполняет анкету, приносит необходимые справки от нарколога и психиатра, а еще дает письменное согласие на сбор сведений о нем. Детективы Юрий Третьяков и Виктор Нусов (с ними у меня контракт) этот сбор прово-

дят. Обходят соседей, интересуясь его образом жизни, беседуют с сослуживцами на прошлой работе. В информационном центре УВД уточняют, не скрыл ли судимость. Если это бывший работник милиции, то — почему уволился. По компрометирующем обстоятельствам? Тогда он нам не подходит. Такая проверка дает возможность отбора тех, кто действительно годится для нашей работы.

— После этого сразу — в штат?

— Отнюдь не сразу. В охранную школу на 1,5 — 2 месяца. Обучение там платное — 750 рублей. Затем сдача экзамена и приобретение лицензии на охранную деятельность — это еще 2 тысячи 900 рублей. У многих из тех, кто к нам идет, таких денег нет — даем ссуду. Лицензии выдает Управление внутренних дел области, лицензионно-разрешительный отдел.

— Кто к вам идет?

— Сотрудники милиции, уходящие после 20 лет службы на пенсию. Молодые люди, отслужившие в армии. Между прочим и тех, кто могла бы затянуть бандитская круговерть, не предложили им работу. Они зарабатывают для себя и своих семей, да еще на налоги государству. У меня 90 работников, годовой фонд зарплаты — около 600 тысяч рублей, а налогов платим — 887 тысяч! Чувствуете разницу? Замечу, налоги просто удручающие... Конечно, это другая тема...

Есть ли у них конкуренты? Пожалуй, серьезных нет. Рынок охранных услуг отнюдь не насыщен, к тому же постоянно возникают новые коммерческие структуры —

им криминальные "крыши" уже не нужны. Почему? Экономически неэффективно.

Да, конечно, рэкетирская охрана не платит государству этих громадных налогов и поначалу вроде дешевле стоит предпринимателю, но так как она сама себе закон, то в любой момент по капризу своего "пахана" может разорить бизнесмена. Теперь это понимают все, хотя еще не все освободились от опеки спортивных "мальчиков".

Эффективность же своей работы бумеранговцы определяют предельно просто: за три года их существования на рынке охранных услуг никто из их подопечных не обанкротился. Хотя процесс этот для предпринимателей дело привычное — примерно 50 процентов воронежских фирм ежегодно разоряются. "Бумеранг" укрепляет жизнеспособность охраняемых им структур. Многие из тех, кто с его помощью начал свой бизнес, расширились — от одной фирмы отпочковались несколько других, которым, кстати говоря, тоже нужна охрана. Частная охранная деятельность — это эффективнейший инструмент рыночной экономики.

Но есть еще при милиции и вневедомственная охрана. Разве она не конкурент частным охранным фирмам? Нет, уверяет Гончаров. Хотя технически эта служба оснащена порой лучше — более совершенна система сигнализации, современное вооружение сотрудников. Но спектр услуг у частных охранных фирм богаче, формы сотрудничества гибче.

"Вневедомственники" только охраняют, "частники" же, кроме

того, изучают рынок, выявляют ненадежных, а то и жуликоватых партнеров, предупреждают контракты с лжефирмами, способными одной-двумя коммерческими операциями разорить предпринимателя. А также организуют охрану товара при перевозке из одного региона в другой, потому что грабежи на дорогах стали теперь явлением обыденным. И, конечно же, на горюю пресекают попытки рэкета, помогая милиции выявлять преступные формирования. (Об этой стороне работы "Бумеранга" мне также говорил в Воронежском областном управлении внутренних дел полковник милиции Сергей Андреевич Пашнев, заместитель начальника общественной безопасности УВД.)

Спрашиваю Гончарова, как он относится к идеи слияния двух служб — вневедомственной и частной. (Некоторые считают авторы идеи — для того, чтобы жестче контролировать "частников", все еще остающихся у некоторых чиновников из МВД под подозрением — не оттуда ли тянутся корни криминализма?)

— Это было бы типичное антирыночное решение. Ликвидировать один из эффективнейших инструментов рыночной экономики в принципе можно, но тогда понадобится следующий шаг — весь частный бизнес сделать государственным. То есть вернуться к централизованной, командной экономике.

— Ну, это уже вряд ли удастся.

— Но попытки возможны. Приведут они, на мой взгляд, лишь к усилению криминализации экономики, к новому расцвету рэкетир-

сного бизнеса, как это было в начале 90-х годов до создания частных охранных служб.

— Неужели внедомственная охрана, даже если ее расширить за счет "частников", не в состоянии защитить предпринимателей?

— Ну представьте: мой "Бумеранг" становится подразделением внедомственной охраны. Мы тут же утрачиваем гибкость, так как все решения будет принимать тяжеловесно-бюрократическая управлеческая структура. Мне непременно навязнут 5-6 нерентабельных объектов, которые мы охраняли бы, не получая никакой прибыли. И я очень скоро стал бы банкротом, требуя от госсистемы, частью которой я бы являлся, дотаций. Уровень охранной деятельности в целом резко снизится, предпринимательские структуры неизбежно начнут исключать тех, кто даст им полный спектр современных охранных услуг, то есть "частников". Отсутствие легальных "частников" породит нелегальный теневой рынок таких услуг, то есть разновидность рэкетирского бизнеса. Круг замкнется.

— И все-таки теневой рынок охранных услуг продолжает существовать и сейчас.

— Да, но он сокращается. Мы его вытесняем. Этот процесс пойдет быстрее, если ослабнет налоговая петля. Если же пойти по пути огосударствления частных охранных фирм, то кроме нелепого хождения по кругу мы получим еще и рост криминальных проявлений: ведь оттон из огосударст-

вленной структуры молодых людей, жаждущих нормального заработка, неизбежен. Куда они, владеющие искусством стрельбы и не имеющие другой профессии, денутся? Их приберет к рукам криминалитет.

— Будем надеяться на здравый смысл тех, в чьей власти принять то или иное решение о частных охранных службах.

— На это мы и рассчитываем...

Нас прервал телефонный звонок. Гончаров снял трубку: "Да... Конечно... Группа быстрого реагирования? Уже ушла... Так... Дингтуйте..."

Он что-то быстро записывал в блокнот, а мне подумалось: вот ведь какая странность — все они, Гончаров, Нусов, Третьяков, отставники, по 20 лет отпахавшие на изматывающей милицейской ниве, нет, чтобы найти "на гражданке" работу поспокойнее, снова ввергли себя в такую же оканянную жизнь. Нервотрепную и рисковую.

Наверное, другая жизнь не для них, они созданы только для этой. В подборке стихов Александра Гончарова, опубликованной в городской газете, я нашел строчки, написанные им в те дни, когда он уходил из милиции:

Тяжело и надменно
Навалилась жара.
Это полдень. Все верно.
"На гражданку" пора.
Не гадайте напрасно,
Почему ухону.
Неужели не ясно?
Я России служу.

"...Томим я гръс"

В 1826 году в Зимнем Дворце по проекту зодчего Карла Росси была построена галерея, прозванная "военной", где разместили 332 портрета генералов-участников Отечественной войны 1812-1814 годов. В течение десяти лет известный английский художник Джордж Доу, приглашенный в Россию, писал портреты. Ему помогали русские живописцы А.В. Поляков и В.А. Голике. Несколько парадных портретов — Александра I, его союзника прусского короля Фридриха-Вильгельма III и австрийского императора, также союзника Александра, были выполнены немецкими художниками Францем Крюгером и Питером Крафтом.

Галерея ценна как замечательный военно-исторический и художественный памятник воинской славы России. В центре ее — исполненный Дж. Доу большой портрет главнокомандующего русскими войсками фельдмаршала М.И. Кутузова, рядом картины, запечатлевшие П.И. Багратиона, Д.В. Давыдова, А.Н. Сеславина, А.П. Ермолова... По другую сторону висит большой портрет прославленного полководца М.Б. Барклая де Толли...

А.С. Пушкин, много раз бывавший в галерее и восторгавшийся ею, написал следующие строки:

У русского царя в чертогах есть палата:
Она не золотом, не бархатом богата;
Не в ней алмаз венца хранится за стеклом,
Но сверху донизу, во всю длину, кругом,
Свою кистию свободной и широкой
Ее разрисовал художник быстроокой.

ТИЮ ТЯЖЕЛОЙ ^{//}

Тут нет ни сельских нимф, ни девственных мадонн,
Ни фавнов с чашами, ни полногрудых жен,
Ни плясок, ни охот, — а все плащи, да шпаги,
Да лица, полные воинственной отваги.
Толпою тесною художник поместил
Сюда начальников народных наших сил,
Покрытых славою чудесного похода
И вечной славою двенадцатого года.
Нередко медленно меж ними я брожу
И на знакомые их образы гляжу,
И, мнится, слышу их воинственные клики.
Из них уж многих нет; другие, коих лики
Еще так молоды на ярком полотне,
Уже состарились и никнут в тишине
Главою лавровой...
Но в сей толпе суровой
Один меня влечет всех больше. С думой новой
Всегда остановлюсь пред ним — и не свожу
С него моих очей. Чем долее гляжу,
Тем более томим я грустию тяжелой.
Он писан во весь рост. Чело, как череп голый,
Высоко лоснится, и, мнится, залегла
Там грусть великая. Кругом — густая мгла;
За ним — военный стан. Спокойный и угрюмый,
Он, кажется, глядит с презрительною думой.

Свою ли мысль художник обнажил,
Когда он таковым его изобразил,
Или невольное то было вдохновенье, —
Но Дог дал ему такое выраженье.

Возникает вопрос — почему Пушкин, написавший эти строки, обратил особое внимание именно на портрет Барклая де Толли? Что такое особое увидел гениальный поэт в запечатленном художником человеке?

Среди героев Отечественной войны 1812 года у Пушкина было немало друзей и знакомых. Некоторых он чтил, как родных, к примеру, семейство генерала Н.И. Раевского. Войне 1812 года Пушкин посвятил всего два полноценных стихотворения — “Бородинская годовщина” и “Полководец”, героем которого стал именно Барклай де Толли. Почему?

Пушкин был еще ребенком, когда началась Отечественная война 1812 года.

В ночь с 22 на 23 июня войска Наполеона вступили в Россию. Началась война, какой еще ни разу не вел Наполеон: с покинутыми селениями, пустыми городами, без жителей, фуражом, с мнимыми победами. А Наполеон жаждал войны обыкновенной: открытых и громких битв с врагом, затем генерального сражения, занятия столицы и быстрого мира, им диктуемого. Ведь так было всегда, во всех войнах, которые он вел до сих пор.

Пушкин и другие лицеисты могли видеть, как из Царского Села выступил в поход лейб-гвардии гусарский полк, а затем через Царское проходили дружины Петербургского ополчения.

Враг шел стремительно, направляясь не то к Петербургу, не то к Москве. Смоленск был оставлен. Говорили, что сам главнокомандующий военный министр Барклай де Толли предал его огню и что город представляет собою груду развалин. Пожар продолжался более суток, и сами французы уподобляли его ужасный вид извержению Везувия. Жители бежали в леса... Вязьма горела, подожженная с нескольких сторон. Та же участь грозила в недалеком будущем Москве. Барклай, отступавший перед врагом и не принимавший боя, был непонятен и страшен...

О, вождь несчастный! Суров был жребий твой:
Все в жертву ты принес земле тебе чужой.
Непроницаемый для взгляда черни дикой,
В молчанье шел один ты с мыслию великой,
И, в имени твоем звук чуждый не взлюбя,
Своими криками преследуя тебя,
Народ, таинственно спасаемый тобою,
Ругался над твоей священной сединою.
И тот, чей острый ум тебя и постигал,
В угоду им тебя лукаво порицал...

Михаил Богданович Барклай де Толли с семи лет был записан капралом в Новотроицкий кирасирский полк, в 1778 году произведен в корнеты. Молодой офицер отличился при штурме Очакова, при раз-

громе турок под Каушанами. Полковник, затем генерал-майор, дважды награжден орденом св. Георгия 4-й и 3-й степени, в 1810 году он занял пост военного министра. С началом Отечественной войны 1812 года был назначен главнокомандующим 1-й Западной армией. Бесстрашное его не знало пределов. В обращении с равными он всегда был вежлив и обходителен, но ни с кем близко не дружил; с подчиненными, от высших до низших чинов, был кроток и ласков, ни в коем случае не употреблял оскорбительных и бранных выражений и всегда настоятельно требовал, чтобы до солдата доходило все ему следуемое. Вел жизнь весьма строгую и умеренную. Не позволял излишеств, не любил карточной игры. Солдаты уважали его за необыкновенную храбрость, заботу об их нуждах, но при всех достоинствах, а, может, именно вследствие их, он не мог быть популярным начальником. Происхождение его и фамилия, чуждая для русского уха, тому способствовали...

Стараясь сохранить армию, Барклай отступал перед превосходящими силами Наполеона, заманивая армию неприятеля в глубь страны и не давая генерального сражения. Отступление это, однако, вызвало недовольство в войсках, желавших драться с неприятелем, и восстановило против генерала общественное мнение, вследствие чего он был заменен Кутузовым и поступил под его командование...

Кутузов прекрасно сознавал, что его назначение связано с ожидаемым переходом к решительным действиям. Этого требовал от него Александр I, этого ждала армия, уставшая отступать. Этого ждал народ... Надо сказать, что Барклай намеревался дать генеральное сражение у деревни Царево Займище, что в 180 верстах от Москвы. Мысль отдать столицу неприятелю без генерального сражения ужасала каждого русского, и потому главнокомандующий решил остановиться на первой крепкой позиции и здесь дать сражение неприятелю. Однако выбранное Барклаем Царево Займище Кутузов не одобрил и драться решили у деревни Бородино, что почти на сто верст ближе к Москве. Оскорбленный Барклай писал царю, "что Кутузов потому отказался драться у Царева Займища, что ежели враг будет разбит, то сия слава ему не припишется, а тому, кто позицию выбрал..." Кутузов же считал, что в стратегическом отношении Бородинское поле вполне соответствует, и высказал мысль, что битва при Бородино есть "очистительная дань Москве", которую, он это давно понял, все равно придется отдать.

Барклай сдал командование внешне спокойно. Однако его самолюбие было, конечно же, уязвлено. Впоследствии, рассказывая о передаче Кутузову всех прерогатив, которых он лишился в связи с приездом в армию нового главнокомандующего, Барклай писал царю: "Избегая решительного сражения, я увлекал неприятеля за собой и удалял его от его источников, приближаясь к своим; я ослабил его в частных делах, в которых я всегда имел перевес. Когда я почти до конца довел этот план и был готов дать решительное сражение, князь Кутузов принял командование армией".

Для Барклая обиднее всего было то, что Кутузов, приняв от него командование, принял, вместе с тем, и его доктрину ведения войны.

Армия продолжала отступление, проводя тем самым единственно правильную в то время тактику, начатую Барклаем.

И долг, укреплен могучим убежденьем,
Ты был неколебим пред общим заблужденьем;
И на полупути был должен наконец
Безмолвно уступить и лавровый венец,
И власть, и замысел, обдуманный глубоко, —
И в полковых рядах скрыться одноко,
Там, устарелый вождь, как ратник молодой,
Свинца веселый свист заслышавший впервые,
Бросался ты в огонь, ища желанной смерти, —
Вотще!

Подробно пишет о тех событиях Юрий Тынянов: "В Лицее Кюхельбекер получил от матери письмо, в котором говорилось: "Барклай, отставленный, преданный непониманием и завистью, безропотно подчинился новому главнокомандующему, поступив под его начальство и этим принеся величайшие жертвы самолюбия, чем и явил пример мужа, любящего свое Отечество, а в Бородине бросался, подобно простому солдату, в самые опасные места, под пули и ядра, ища смерти, — но не нашел ее. Он все сделал под Бородино для спасения людей, коими командовал, как ранее спасал их во время своего главнокомандования. Дальнейшее покажет, прав ли он был, отступая без боев, но душа его невинна..." Кюхля прочитал письмо Пущину, Вальховскому и Пушкину. Вальховский — "Суворочка", более всех почитавший Суворова и ратовавший за немедленные, решительные действия, вдруг круто переменил суждение о Барклее... Пущин был совершенно согласен на оправдание полководца. Пушкин молчал; вдруг он закусил губу, вспыхнул, что-то проворчал и в замешательстве убежал. Так он поступал всегда, когда был тронут".

О люди! Жалкий род, достойный слез и смеха!

Жрецы минутного, поклонники успеха!
Как часто мимо вас проходит человек,
Над кем ругается слепой и буйный век,
Но чей высокий лик в грядущем поколенье
Поэта приведет в восторг и в умиление!

Справедливость в какой-то мере была восстановлена, когда Баркля де Толли пришлось после смерти Кутузова в 1813 году снова возглавить русскую армию и при взятии Парижа получить фельдмаршальский жезл. Помимо княжеского достоинства ему еще было пожаловано графское, ордена св. Георгия 2-й и 1-й степеней украшали его мундир.

В 1818 году М.Б. Барклай де Толли скончался и похоронен в Лифляндии. В Петербурге, на площади перед Казанским собором, воздвигнут ему памятник, рядом с Кутузовым... Но лучшим памятником Михаилу Богдановичу Баркля де Толли, конечно, является стихотворение Александра Сергеевича Пушкина "Полководец".

Муки совести, или Байская

Это было, как теперь кажется, в далекие-предалекие времена, когда наша страна была единой. Я был в командировке в одном маленьком казахстанском городке. Я получил номер в местной гостинице. Туда же поместили одного молодого журналиста из Москвы.

Иллюстрация Льва Рабиновича

Фазиль ИСКАНДЕР

кровать

Вечером мы встретились. Это был стройный парень с приятным русским лицом, но столь пижонски одетый, что здесь, в азиатской глубинке, мог быть принят за иностранца.

Узнав, что я писатель (в те времена все журналисты мечта-

ли стать писателями), он сказал, что у него есть повесть, и он хотел бы показать мне ее на отзыв.

— Хорошо, — вздохнул я несколько облегченно, узнав, что повесть он, слава Богу, не возит с собой. Была смутная надежда, что в Москве мы, может быть, не пересечемся. К этому времени своей жизни я приустал от рукописей начинающих писателей. Они сперва почти на коленях умоляют прочесть их опусы. Но потом, когда дело доходит до серьезных замечаний, начинают яростно отстаивать свою правоту. Какого же черта, если ты так уверен в своей правоте, ты так жадно стремился показать свою рукопись на отзыв?

Когда мы уже собирались ложиться спать, я вдруг заметил, что мой спутник сильно заволновался. Дело в том, что в нашем номере стояла обыкновенная железная кровать и совершенно необыкновенная, деревянная кровать, которую правильней было бы назвать байским ложем. Кровать как бы символизировала необъятность степных просторов, необъятность власти возлагающего на ней, а также обладала возможностью, если придется, разместить на ней небольшой гарем походного типа.

Мой спутник бросал взгляды то на одну кровать, то на другую. Я понял, что неравноденность кроватей сейчас привела его в неожиданное волнение.

Это меня неприятно удивило. Я был лет на пятнадцать старше его, и мне казалось естественным, что в лучшую кровать должен лечь я. Но он так не думал.

— Как же мы будем делить кровати? — спросил он у меня.

— Мне совершенно все равно, — ответил я ему, — хотите — ложитесь на байскую кровать.

— Но как же так, — возразил он, — это будет несправедливо. Давайте кинем монету и решим, кому достанется деревянная кровать.

— Не надо никакой монеты, — ответил я ему, уже начиная раздеваться, — мне вполне удобно спать и на этой кровати.

— Постойте! Постойте! — взмолнико перебил он меня. — Вы как-то ставите меня в уничижительное положение. Давайте кинем монету! Кто угадает “орла” или “решку”, тот и будет спать на деревянной кровати. Почему вы не хотите разыграть по справедливости эту кровать?

— Мне все равно, — сказал я, продолжая раздеваться, — поэтому я не хочу разыгрывать эту байскую кровать.

— Вы что, борец против номенклатурных привилегий? — осторожно спросил он у меня без тени юмора.

— Никакой я не борец, — сказал я, уже ныряя под одеяло, — раздевайтесь и гасите свет.

— Странный вы человек, — заметил он и стал очень аккуратно раздеваться, разглаживая складки брюк и рубашки, — почему вы не захотели по справедливости разыграть эту деревянную кровать?

Теперь я заметил, что нижнее белье, трусы и майка, были у него европейские, фирменные. Пижонство его отнюдь не было поверхностным.

— Не хочу, и все, — сказал я, давая знать, что этот спор мне надоел.

Он промолчал, но, перед тем как гасить свет, бросил внимательный взгляд в сторону байской кровати, чтобы, вероятно, в темноте на заблудиться. Но заблудиться было невозможно, кровать эта занимала полномера. Наконец он погасил свет и улегся. Вдруг он тяжело вздохнул.

— Я как-то чувствую, что вы меня унизили, хотя, может быть, и невольно, — сказал он.

— Ничего я вас не унизил, — ответил я, — спите спокойно.

— Но почему же вы не захотели разыграть кровать? — недоуменно спросил он. — Было бы все по справедливости. Кому повезло, тот и лег в нее.

— Я этому не придаю никакого значения, — сказал я.

Кроватям я в самом деле не придавал значения, но то, что он не понял — надо было старшему уступить деревянную кровать, было неприятно.

— Вот именно в том, что вы якобы не придаете этому никакого значения, есть что-то оскорбительное для меня. Получается, что я стремлюсь к роскоши, а вы своим аскетизмом презираете меня. Честно признайтесь, презираете?

Он замер.

— Ничего я вас не презираю, — ответил я бесчестно, потому что именно в этот миг почувствовал легкий позыв презрения, — спите спокойно.

Некоторое время он молчал, но потом снова заговорил.

— Как раз теперь-то я не могу спать спокойно, — сказал он, — я чувствую себя униженным. Но почему, почему вам не захотелось разыграть деревянную кровать? Это даже интересно. Может, вы противник азартных игр? Но это ведь не азартная игра. Мы бы всего один раз подкинули монету.

— Никакой я не противник азартных игр, — сказал я и почему-то добавил: — Хотя это меня давно не занимает. Вот в школе, играя на деньги, я тысячу раз подкидывал монету. Даже знал некоторые закономерности ее падения.

Это было правдой, но говорить об этом было глупо. Иногда хочется похвастаться тем, что ты хуже, чем кажешься.

— Какие? — оживился он.

— Если монета, — стал разъяснять я, — скажем, “орлом” вверх подкидывается и достаточно много кружится, то есть подкидывается достаточно высоко, она, как правило, падает на “орла”.

— Не может быть! — воскликнул он восторженно.

Боже, подумал я, почему я ему об этом говорю, тем более уже где-то писал об этом. Глупо! Глупо!

— Не может быть! — азартно повторил он.
Но меня уже заносило.

— Так подсказывает мой детский опыт, — почему-то уточнил я ради никому не нужной объективности, — но это при условии, что земля достаточно ровная и сырья. То есть монета не отскакивает. Более того, чем мельче монета, тем точней она ложится. Точнее всего ложится копейка.

— Но почему?! — воскликнул он, как дикарь, узнавший, что Земля кружится.

— Чем меньше по размеру монета, — продолжал я делиться своим опытом, — тем больше кругов она успевает сделать, тем больше шансов, что она ляжет на землю так, как лежала на большом пальце.

— При чем тут большой палец? — спросил он.

— В наше время, — сказал я тоном старожила, — монету подкидывали, положив ее на большой палец, упертый в указательный. А потом с силой большой палец сдергивали с указательного, и монета, кружась, летела вверх.

— А-а, понял! — сказал он. — Можно, я сейчас включу свет и попробую?

— Нельзя, — твердо ответил я на правах знатока, — здесь деревянный пол. Монета будет отскакивать.

— Завтра попробую на земле, — сказал он благостно, — но ведь еще лежит снег.

— Еще лучше, — обнадежил я его, — в снегу монета совсем не отскакивает.

Он замолчал. Освободившись от всех своих знаний по части азартных игр, я стал засыпать. Но он опять заговорил.

— Я понял, в чем дело, — сказал он, — у вас иерархическое кавказское сознание. А у меня европейское. Для вас очевидно: раз вы старше меня, я должен был уступить вам деревянную кровать. А у меня, как у человека европейского сознания, главное — равенство шансов. Вот где столкнулись Восток и Запад!

— Никто ни с чем не столкнулся, — ответил я, сдерживая раздражение, — то преимущество возрасту, которое исповедует Восток, есть признание преимущества опыта, уважение к нему. Равенство шансов справедливо при равенстве изначальных условий. Какое равенство шансов между бедняком и богачом, если они оба хотят стать членами парламента? Но у меня никаких претензий к вашему байскому ложу, так что спите спокойно.

— Даже в том, что вы эту деревянную кровать называете байским ложем, есть какое-то унижение для меня. Но вы меня достали! Я готов перейти на вашу кровать. Давайте меняться. Я лягу на кровать байчонка!

— Это вы меня достали! — ответил я. — Не хочу я вашу кровать! Спите спокойно.

— Пожалуйста, перейдите! Признаю свою ошибку! Вот тогда я спокойно усну.

Переходить на его кровать было и глупо и неохота.

— Знаете, — сказал я, — извините меня, но я не могу лечь в кровать, где кто-то уже лежал.

— Что ж, вы считаете, что я болен какой-то заразной болезнью, что ли? — спросил он. — Вы меня опять унижаете!

Вот зануда, подумал я.

— Что вы! — воскликнул я при этом. — Просто я так привык. Спите спокойно.

— Пожалуйста, переходите, — взмолился он, — каждый возьмет свое одеяло, подушку и простыню. Раз вы такой брезгливый.

— Да не в этом дело, — сказал я ему, стараясь быть миролюбивым, — успокойтесь. У меня нет ни малейшей претензии на вашу кровать.

Он помолчал, и я слышал, как он некоторое время ворочался в своей постели. Кровать несколько раз скрипнула.

— Не такая уж эта кровать удобная, — проворчал он, — скрипит, да и пружины торчат.

— Уж не потому ли вы так стремитесь сменить ее? — съехидничал я, чувствуя, что он основательно перебил мне сон.

— Да что вы! — воскликнул он и даже привстал на постели. — Просто я понял свою ошибку. Вы намного старше меня, и я, конечно, должен был уступить вам эту кровать. До чего же я невезучий человек!

— Не придавайте пустякам значения, — сказал я, чувствуя, что слова мои падают в пустоту.

Он вздохнул и надолго замолчал. В голове у меня стало все затуманиваться. Днем я был в знаменитом целинном совхозе. Директор совхоза почему-то решил показать мне своих лошадей. Возможно, он каким-то образом заранее предупредил объездчиков, а может быть, лошади вообще в середине дня перемещались в нашу сторону по голой, предвесенней, заснеженной целине.

С востока, когда мы вышли в открытое поле, горизонт чернел от движущихся в нашу сторону лошадей. И это было странное, тревожное зрелище. Тогда как раз у нас были сильно испорчены отношения с Китаем.

Казалось, тысячи и тысячи всадников мчатся на Россию. Пантомонголизм! Жутко! Мне подумалось, что эта чудовищная лавина подомнет нас, проскачет по нашим телам, но директор совхоза и два бригадира, сопровождавшие его, были совершенно спокойны. И я старался не выдавать своего волнения. Кстати, директор предупредил, что лошади дикие. Приятное предупреждение!

Наконец, они нахлынули на нас! Тысячи плещущих грив, тысячи чмокающих по весеннему снегу копыт! Но лошади,

мягко огибая нас, проскакивали мимо. Показались два объездчика. Они были верхом, и каждый воинственно вздымал в руке длинную палку, на конце которой была прикреплена большая кожаная петля.

— Зонненберг! — крикнул директор одному из них. — Поймай вот эту рыжую!

Тот, которого, странно для меня, называли Зонненбергом, догнал рыжую лошадь, лихо накинул ей на голову петлю аркана и остановился. Мы подошли к лошади. Это была все еще пышущая, малорослая лошадка, и я не понял, почему она приглянулась директору. Меня больше занимал человек с фамилией Зонненберг. Я вспомнил Бабеля: еврей на лошади — это уже не еврей.

В самом деле Зонненберг и его товарищ оказались ссылыми немцами. Неприятно напоминало об этом то, что директор обращался к ним только по фамилиям. Оказывается, в совхозе жили ссыльные немцы. Оба молодых объездчика были немцами, и оба говорили по-русски с казахским акцентом. Они здесь выросли.

Шум чмокающих копыт и ржанье сотен лошадей сейчас в полусне звучали в моей голове. Вдруг заарканенная лошадь повернула к нам голову и человеческим голосом, при этом с казахским акцентом, завопила:

— Клопы!!!

Я в ужасе привскочил с постели.

— Клопы! — орал мой напарник по комнате. — Только что меня укусил клоп! Конечно же, клопы в первую очередь заводятся в деревянных кроватях! О, я дурак! О, восточная хитрость! Признайтесь честно, вы знали об этом, когда не захотели ложиться в деревянную кровать!

— Ничего я не знал! — заорал я в ответ. — Что вы разводились! Разбудите гостиницу!

— Плевал я на гостиницу, — вопил он, — я завтра устрою им головомойку!

Он выпрыгнул из кровати и зажег свет. После этого он решительно подошел к ней, отшвырнул одеяло и стал тщательно исследовать простыню. Но на ней клопов не оказалось. Он взялся за одеяло и подушки. Долго рассматривал их, переворачивая в руках. Но и на них клопов не оказалось.

— Я же не сошел с ума! — теперь бормотал он. — Я точно помню, что меня укусил клоп!

Не успокоившись на этом, он достал из сумки фонарик, зажег его и тщательно исследовал прозор между матрацем и деревянной оградой кровати. Но и там, видимо, не было ни клопов, ни клопиных гнезд. После этого он не поленился пошарить светом фонарика под кроватью. Наконец слегка успокоился. Привел в порядок кровать, положил фонарик в сумку и погасил свет. Лег. Он молча и неподвижно лежал, как бы подавленный наличием укуса и отсутствием клопов.

— Ах, вот в чем дело! — вдруг воскликнул он. — У меня на боку был прыщик! Я, неловко перевернувшись, содрал его, и мне со сна показалось, что меня укусил клоп! Теперь, слава Богу, все ясно. У вас случайно нет йода?

— Конечно, нет! — сказал я.

— До чего же я невезучий человек, — вздохнул он, — я надеялся, что вы прочтете мою повесть, на которую я возлагаю большие надежды в своей одинокой жизни. Но теперь, после истории с кроватью и тем более клопов, вы, вероятно, не захотите читать мою повесть.

Тут я понял, что все наоборот. Теперь, если я под тем или иным предлогом попытаюсь уклониться от чтения, он будет уверен, что все дело в кровати.

— Почему же, — сказал я с фальшивым энтузиазмом, — я прочту ее в Москве!

— Может быть, и прочтете, — ответил он задумчиво, — но настроенность против меня из-за этой кровати испортит ваше впечатление от повести.

— Ничего не испортит, — ответил я, — талант всегда убедительней автора.

— А автор неубедителен из-за этой кровати? — настороженно спросил он.

— Нет, — сказал я, — талант убедительней любого автора.

— До чего же я невезучий человек, — повторил он, — я так рассчитывал на свою повесть в своей одинокой жизни.

— А почему у вас такая одинокая жизнь? — спросил я, скорее всего, для того, чтобы отдалить его от мыслей о кровати.

Он помолчал несколько секунд и сказал:

— От меня ушли жена и любовница.

Это прозвучало так: меня полностью разоружили. По его интонации как-то получалось, что они ушли из одной точки.

— Кто ушел раньше, жена или любовница? — поинтересовался я.

— Сперва ушла жена, — ответил он, вздохнув, — а за ней почти немедленно последовала любовница.

— Эти события как-то связаны? — спросил я.

— Конечно! — воскликнул он с жаром. — Моя жена и моя любовница были подругами со школьных времен. Я сначала был увлечен той, которая потом стала моей любовницей. Она была девушкой с тихим, кротким характером. А потом она познакомила меня со своей подругой. Красавицей! У нее был потрясающий сексперьер. Я влюбился в нее и женился на ней. Она оказалась человеком с невероятно сильным и вздорным характером. И тогда я по закону контраста сошелся с ее подругой, на которой раньше хотел жениться. К этому времени я смертельно устал от жены и хотел, оставив ее, жениться на своей любовнице.

— А жену сделать любовницей? — спросил я, потому что все это показалось мне смешным.

— Что за чушь! — возмутился он. — У вас мания логизации! Просто я хотел развестись с женой. Я устал от ее вздорного и властного характера. Но я знал, что у меня не хватит духу сказать, что я ее бросаю.

Дело в том, что я пьющий человек. Нет, я не алкоголик, но свои двести пятьдесят граммов я каждый день пил. И я решил про себя: потихоньку буду пить все меньше и меньше, а потом совсем брошу.

И уже на основании этого достижения, поверив в себя, скажу жене, что я с ней расстаюсь. Иначе она меня подавляла. Это невероятная история! Слушайте, у меня в кейсе пол-литра коньяка. Давайте встанем и разопьем его. Я вам все расскажу, — и вы забудете про эту кровать.

— Нет, нет, — ответил я, — ради Бога, не надо. Завтра выпьем. Но, судя по тому, что вы все еще пьете, первый этап у вас сорвался.

— До завтра еще надо дожить, — буркнул он мрачно. — Да, первый этап у меня сорвался по вине жены. Это потрясающая история. Я в общих чертах вам ее расскажу, раз вы не хотите выслушать ее со всеми подробностями за бутылкой коньяка. Неужели вы не хотите со мной выпить из-за этой несчастной кровати? Будь она проклята!

— Да что вы! — воскликнул я. — Я о ней давно забыл!

— Так я и поверил, — заметил он скептически, — но что делать! Слушайте дальше.

И вот я стал все меньше и меньше пить. Я уже больше не покупал водки, а допивал оставшуюся в доме. Я чувствовал, что побеждаю свою страсть к алкоголю, и во мне росла радостная уверенность в своих силах. С каждым днем я пил все меньше. Примерно на десять граммов. Правда, изредка для передышки я возвращался к своей норме, а потом продолжал уменьшать дозу.

Я уже выпил все свои запасы водки. У меня она всегда была в запасе. Потом стал допивать из случайных бутылок, которые оставались после гостей. Жене я, конечно, ничего не говорил. Я хотел поставить ее перед неожиданным фактом и сразить ее этим. Она была уверена, что я никогда не смогу бросить пить.

И вдруг однажды замечаю, что в одной из бутылок, которую я опорожнил накануне, почему-то осталось граммов сто водки. Что за черт! Я точно помнил, что именно эту бутылку опорожнил накануне. Я снова ее опорожнил, но вдруг заподозрил жену, что она тайком подливает водку. Да и в старых графинах и бутылках, я теперь вспомнил, как-то подозрительно много оставалось водки. Через несколько дней я уже твердо знал, что она тайком подливает мне водку в бутылки. Видно, она окончательно потеряла осторожность и через два дня снова налила водку в ту же бутылку, на которой я ее заподозрил.

Оказывается, жена догадалась, что если я брошу пить, то я и ее брошу! Как она догадалась? Уму непостижимо. Правда, я ей однажды во время ссоры сказал: "Вот брошу пить, тогда и поговорим!" Это я сказал незадолго до того, как начал бороться с водкой. Но решение я уже тогда принял. И, видно, она это почувствовала в моем голосе. Это была женщина с потусторонней силой...

Значит, я уверился, что она мне подливает водку. Но я еще не созрел для того, чтобы совсем бросить пить и разойтись с ней. Что делать? И тогда я решил ее перехитрить: буду делать вид, что пью по-прежнему, а сам буду выливать часть водки и упорно уменьшать дозу. Нелегко пьющему человеку выливать водку! Однако я своей рукой ее выливаю! Уже достижение!

Но, чтобы она ничего не заподозрила, каждый день, когда она приходила с работы, делаю вид, что я слегка под кайфом. Жена поглядывает на меня с тонкой усмешкой, мол, совсем обалдел, даже не соображает, откуда берется водка. И вот мы живем рядом, как два хищника, пытаясь перехитрить друг друга. И вдруг, когда по моим расчетам мне оставалось пить всего неделю, она бросает меня и уходит к этому дельцу!

— К какому дельцу?

— Ну, к своему любовнику!

— Так, значит, и у нее был любовник?

— Конечно! — воскликнул он. — Именно из-за этого негодяя я и сошелся с ее бывшей школьной подругой. Но вы послушайте, что она сказала, уходя от меня! Она сказала: "Я окончательно убедилась, что ты неисправимый пьяница и поэтому ухожу от тебя!" Уму непостижимо! А мне оставалось всего неделю, чтобы окончательно бросить пить! Я уже пил по пятьдесят граммов в день! Пятьдесят граммов!

— Вот вам и равенство шансов, — сказал я, — вы имели любовницу, и она имела любовника. Что ж тут обижаться?

— Какое там равенство шансов! — воскликнул он. — Мало того, что она ушла сама. Вскоре после этого и любовница покинула меня. А я ведь собирался на ней жениться!

— А почему она ушла?

— Думаю, что из гордости, хотя она была кроткая женщина. Но она не забывала, что ее подруга отбила меня у нее. И она, зная, что я собираюсь на ней жениться, думала, что она этим ей отомстит. Но какая месть, когда жена сама ушла от меня.

— Все к лучшему, — сказал я, уже жалея его и пытаясь успокоить, — и хорошо, что вы не женились на своей любовнице. Она явно ненадежный человек.

— Да! Да! Да! — радостно согласился он. — В самом деле все к лучшему! Я еще молодой! И у меня будет настоящая жена!

— Конечно, — сказал я, — но я одного не пойму. Почему ваша жена раньше не ушла к любовнику, а ушла только тогда, когда догадалась, что вы ее собираетесь бросить?

— Это кажется нелогичным, — ответил он, — но вы не знали мою жену. Ей, красавице, было так удобней. Быть замужем за известным журналистом и иметь любовника-дельца с большими деньгами. Но когда она догадалась, что, несмотря на все ее ухищрения с водкой, я ее могу бросить, она ушла к нему. Ей никак не хотелось признать себя побежденной. И вот теперь я в полном одиночестве.

Он помолчал, а потом вдруг добавил:

— Мне так неудобно перед вами, что я занял деревянную кровать. Она очень широкая, но давят пружины. Неуютно. Так что — не огорчайтесь!

— Нет, нет, — поспешил я его успокоить, — да и как вы можете говорить о таких пустяках после того, что вы мне рассказали. Вы, наверное, все-таки страдали, когда жена от вас ушла?

— Что вы, — ответил он, — совсем наоборот, я страдал пять лет, пока она была рядом, хотя по-своему любил ее: невероятный сектарь! Но что может быть страшнее властной истерички! Более того, после ухода она еще месяца два мне звонила, чтобы увериться, достаточно ли она меня раздавила. И я всегда говорил с ней меланхолическим голосом, делая вид, что я еле жив от горя. Кстати, она мне сообщила, что ее подруга, бывшая моя любовница, часто бывает у нее в гостях.

Если б моя бывшая жена знала, как я радуюсь тому, что избавился от нее, она бы бросила своего дельца и вернулась ко мне. Характер! Хоть тут я ее полностью переиграл. Но, видно, слишком. Она как-то пожалела меня и сказала про свою подругу:

“Хочешь, я уговорю ее вернуться к тебе?”

“С чего это?” — спросил я у нее.

“Очень уж ты одинок, — сказала она и после паузы добавила: — Эта тихоня, кажется, подбирается к моему мужу, если уже не подобралась”.

“Ради Бога, не надо, — сказал я ей, — оставь меня со своим горем”.

Видимо, мой ответ ей понравился.

“Уважаю тебя за мужество”, — сказала она и положила трубку.

Вот такая история со мной приключилась... Ну, ладно... Спокойной ночи!

— Спокойной ночи! — ответил я.

Минут через пять по его дыханию я с завистью почувствовал, что он уснул.

А я долго не спал, думая об этом человеке. Удивительное дело, он столько извинялся из-за этой несчастной кровати, а позади у него была такая нелепая и все-таки грустная история. Комическая мелочность с этой кроватью и комический трагизм семейной жизни. А ведь сколько воли он проявил в борьбе с алкоголем! Это же надо понять!

Когда встречаешься с такими странностями в более молодых людях, всегда хочется думать, что это свойство нового поколения. Конечно, поколение тут ни при чем. Просто такой человек.

Я проснулся поздно утром. Его уже не было. На столе стояла ровно наполовину выпитая бутылка коньяка: равенство шансов. Под ней лежала записка следующего содержания: "Выпейте за нашу будущую дружбу. От проклятых пружин этой кровати я почти всю ночь не спал. Месть проявления за мою бес tactность".

Записка, прижатая к столу бутылкой с коньяком, всегда звучит убедительно. Хотя по части его сна у меня оставались большие сомнения. Впрочем, коньяк оказался отличным.

Однако никакой дружбы у нас не получилось и не могло получиться. Здесь я его больше не видел, а в Москве он мне не позвонил. Не исключено, что повесть о своей жизни он мне и так изложил вкратце и уже решил не показывать ее. А может, байская кровать ему помешала. Кто его знает. ■

В
школь-
ном
образо-
вании
появи-
лась
новин-
ка —
психолог

Ты
Интересен!

Андрей Соколов

Давно, когда я еще был студентом факультета психологии МГУ, под руку попалась книжка французского автора, имени которого я по юной легкомысленности не удосужился запомнить. Роман был построен в стиле дневниковых записей молодого психолога, работающего в колледже. Размышления главного героя о педагогике, его переживания за то, как складывались судьбы учеников и как ему удается (или не удается) сделать так, чтобы эти судьбы складывались благополучно, — все это было страшно интересно. Настоящая живая

работа для настоящего мужчины, одно из предназначений которого, — я уже тогда был в том убежден, — растиль детей, уберегая их от невзгод и несчастий, помогая им стать сильными и счастливыми. Я завидовал главному герою: мне такая замечательная работа в будущем не светила. В те времена — начало 70-х — в наших тогда еще советских школах и слыхом не слыхивали о школьных психологах. Да и вообще, наука психология, которой нас обучали на факультете, более представлялась как теоретическая, о практическом ее значении говорилось мало. И будущее факультетских выпускников было весьма туманно: казалось, и сами наши преподаватели толком не представляли себе, что за должность и на каком таком производстве или в учреждении может занимать человек с дипломом факультета психологии. Тем более — что ему делать в школах? Но прошло время...

Государство начало массовую подготовку педагогов-психологов, в одном лице сочетающих две необходимых квалификации. В школах Москвы их сейчас больше 2 тысяч, а в России — больше 20 тысяч. Выйдя в свой час из темного леса кабинетных теорий, практическая психология становится массовой профессией. У нас уже есть профессиональные объединения, свои газеты и журналы. И все больше новых книг. А конкурсы на психологические факультеты рекордные.

Но, как говорится, и на том спасибо. Зато моя теперешняя работа, о которой я не мог мечтать в студенческие годы, приносит мне огромное удовлетворение

— и в человеческом, и в профессиональном плане. Собственно, о ней, моей работе, я, вспомнив добрым словом автора того французского романа о школьном психологе, и попытаюсь рассказать.

Никогда не говори "ты мне не интересен"

Он входит в класс с изменившимся лицом и говорит:

— Я знаю все! — Под мышкой у него внушительная стопка специальных книг по сексологии и какие-то журналы в блестящих обложках. Он решителен и грозен. Он шмыгает носом.

Я с трудом узнаю его. За лето он вырос на десять сантиметров. Руки высываются из рукавов школьной куртки чуть не по локоть.

— Хорошо, — говорю я. Я никогда не говорю "плохо". Или — "не мели чепухи", или — "ты мне не интересен". И именно поэтому они приходят ко мне.

Он раскладывает свою подмышечную библиотеку на столе. Блестящие журналы, конечно, эротические. Говорит с задумчивой грустью:

— Я не знаю только, что такое задний свод... Вот зашел спросить...

Я спокойно объясню ему, что это такое. И покажу на картинке в одной из принесенных энциклопедий. В теле человека нет "неприличных" частей. На любой вопрос, заданный мне на эту тему, любой спрашивающий получит правдивый ответ. Но содержание ответа будет существенным образом зависеть от возраста и уровня развития спрашивающего. Ес-

ли бы об этом меня спросил первоклассник, я бы ответил, что так на языке специалистов называется часть тела, расположенная в глубине живота. И все. Без ненужных ему подробностей. И, конечно, я обязательно спросил бы, почему он спрашивает. И сейчас, конечно, тоже спрошу:

— А почему ты этим заинтересовался?

— Да я прочел, что это эрогенная зона... А я, ну как сказать, короче... стесняюсь знакомиться с девочками, которые мне нравятся. А если познакомлюсь, то не знаю, о чем говорить, ну и как вообще... Ну и вот решил изучить...

Он, значит, считал, что преодолеть застенчивость будет легче, если знать, на какие места на теле женщины нужно нажимать, как на кнопки, чтобы успешно привести ее в состояние, согласное с его собственной подростковой гиперсексуальностью. Прекрасный план! Но я не смеюсь над ним. Этот мальчик молод и неопытен. Но он пришел ко мне как к старшему другу. И я могу ему помочь. Я говорю:

— Но ты же не будешь начинать знакомство с девочкой с заднего свода?

Он обдумывает этот вопрос.

— Да, — дозревает, наконец, — наверное, начинать нужно с чего-то другого...

— А что ты чувствуешь, когда смотришь на девочку, которая тебе нравится? — спрашиваю я.

И с этого момента между нами начинается более содержательный и полезный для него разговор. Собственно, разговор и начинается с этого момента. А совместные анатомические изыскания были лишь способом установле-

ния контакта. Но без контакта, без доверительности нет хорошего разговора.

Свой дневник, рабочую тетрадь я заполняю в основном во время перемен, между уроками, и поэтому в шутку называю ее "книгой перемен". Но есть в этом названии и нешуточный смысл. За время обучения в школе, с 6 до 16 лет, с нулевого по десятый класс, растущий человек меняется очень сильно, до неузнаваемости. Меняется с неожиданностью пластилинового мультфильма и общества, внутри которого, собственно, и происходит это волшебство становления человеческой личности. Такие перемены бывают порой драматическими для развивающейся психики. И если малышу или подростку вдруг станет непосильно трудно на этом пути, рука помощи должна быть протянута. За это отвечаю я, школьный психолог.

Зачем школе психолог?

Учитель лучше психолога знает предмет школьной программы. Психолог лучше учителя знает юных субъектов, этот предмет осваивающих. Или можно сказать так: учитель знает, чему учить, а психолог знает, кого. Если учитель с психологом договорятся, они смогут наилучшим образом решить вопрос, на который пригласить научиться чему положено.

Договориться же психологу с учителем не всегда просто. Учителя ревнуют "своих детей" к странствующим по классам психологам. Практическая психология, приехав в школу, начала обживаться на территории, прочно занятой

н тому времени традиционной советской педагогикой, олицетворяющей "строгими, но справедливыми" учительницами с каменными прическами. В те времена первоклассники сомневались: а посещает ли когда-нибудь учительница туалет? И вообще, свойственны ли ей накие-нибудь функции живого организма или она является только превосходной государственной машиной для проведения уронов.

Психолог более свободен в выборе и установлении дистанции между собой и учениками, чем это принято в классической педагогике. Учитель всегда мудрый (чаще — мудрая), полубожественный, далекий. Это судья. Это небожитель. А психолог в зависимости от педагогической ситуации может превращаться то в "своего парня", то в загадочного представителя высших взрослых сил, то в коррентного посредника между учеником и учителем. Свое отчество и ученые титулы он может снимать и надевать, как шляпу. У учителя же шляпа часто оказывается приклеенной.

Первые практические психологи появились в школах России лет десять назад. История завоевания ими этой территории чем-то напоминает историю распространения картошки на российских полях. Вначале были они "посажены" в советских еще школах насилию — против воли большинства педагогических коллективов. То есть школам вручили некую-то непонятную, затейливую должность-игрушку. А вот как применять, было не очень понятно. И как с картошкой поначалу были недоразумения — серьезные отравления, когда по незнанию замор-

ской нухни русские люди вместо питательных клубней съедали цветы и стебли, — так и полезность психолога в школе учительское сообщество "распробовало" не сразу.

Часть "первопсихологов", столкнувшись с межпрофессиональными барьерами и системой клановой педагогической обороны от "чужаков", деградировала в пионервожатые и даже в распорядители ходынон у школьных гардеробов в часы пик. Более живущие обернулись учителями младших классов. Вот эти-то и прижились! Психологическое образование требовало выхода: развернули внеклассную работу, наладили хорошие контакты с родителями, организовали систему психологических консультаций для детей, родителей и педагогов. Стали ощутимо помогать учителям-предметникам и школьной администрации в решении сложных ситуаций. И постепенно умные директора школ начали понимать, что свой школьный психолог — это не экзотический и абсолютно бесполезный "сувенир", навязанный минобразованием начальством, а очень нужный педагогическому коллективу специалист. И тогда школьные психологи были востребованы.

Считается, что наша работа в школе стоит на четырех нитах: диагностика, коррекция, профилактика, консультирование. Разделение во многом условное. Это все равно, что сказать, — человек состоит из головы, туловища и конечностей. А теперь на основе этого безошибочного знания попробуем подступиться к анализу романа "Война и мир", в котором действуют более пятисот персонажей. Ну, невозможно заниматься

чем-то одним! Отдельным. Консультирование невозможно без диагностики. Корренция часто является средством профилактики. Любой метод коррекции дает материал, обладающий диагностической ценностью. И так далее. Ниты оказываются объединенными в систему наподобие головастиков китайской монады. Психолог работает с учениками, родителями, учителями. Систематически и системно. И в этих же четырех направлениях он работает над собой. Он должен уметь четко формулировать цели своей работы. Потому что для тех, кто никуда не плывет, не бывает попутного ветра.

В нашей работе противопоставлен фатализм. Я не верю, что настолько бы то ни было ситуацию, главные действующие лица в которой — дети, нельзя изменить к лучшему. Часто для этого всего и требуется-то — просто знать азы возрастной психологии.

Ну, например, то, что бывают ребята с хорошим потенциалом интеллектуального и личностного развития, но с пониженным запасом прочности внимания, умения на чем-то сосредоточиться. Для таких уроков должен длиться 25 минут. А потом им надо отдохнуть, — побегать, поиграть, "поничегонеделать". И тогда они бы прекрасно усваивали соответствующую их возрасту школьную программу. Но урок длится 45 минут. Ресурс внимания кончается гораздо раньше, ученик начинает вертеться, мешает учителю вести урок, мешает другим ученикам слушать. И учитель "принимает меры". Кричит на него, выгоняет за дверь, добивается перевода в класс для отстающих (а там наш

непоседа все равно мешает, его и оттуда выгоняют, чтобы не мешал. Программа там ниже его способностей, и ему вдобавок еще и скучно). Нарастают комплексы, конфликты, и в конце концов ученика переводят во вспомогательную школу. А там ему еще хуже. Он начинает хулиганить всерьез. Связывается с дурной компанией, и — пошло-поехало...

Так ломаются судьбы. А если бы урок длился 25 минут, все шло бы нормально и свое время выровнялось бы до полной нормы. Я адвокат таких ребятишек. Я помогаю учителю распознать, "что есть что" в первом "Б". И решать проблемы не уродующими душу и судьбу способами. Например, дать непоседе задание открыть окно в середине урока или индивидуальное задание, не требующее чрезмерной для него концентрации внимания, а, может, и для всего класса сделать среднюю часть урона игровой, что, кстати, при достаточной квалификации учителя совсем не означает — бесполезной для программы.

Открытая дверь

Я иду по коридору этажа, на котором занимаются младшие классы. Во время урона все двери из класса в коридор открыты. Зачем это делается? У нас так заявлено, что ученик может, если ему надо, молча и тихонечко покинуть на время класс, не спрашивая разрешения учителя. Мы доверяем своим детям, дети доверяют нам. Открытая дверь класса означает твою свободу. Это не тебя заперли и учат против твоей воли, а ты сам пришел и учишься. Открытая дверь означает, что твою личную свободу выбора здесь уважают.

ют. Ничто лучше такого взрослого уважения не воспитывает в ребенке чувство собственного достоинства. Ни массовых покиданий классной комнаты, ни побегов домой в нашей школе при такой системе не было и нет.

В одной из книг для молодых родителей написано примерно следующее. Если ваш ребенок вас ни разу не ослушался, если он всегда в одинаковом спокойном ровном настроении, никогда не выдумывает небылиц и не позволяет себе озорства, если он безропотно выполняет все ваши требования и поручения, немедленно обратитесь к врачу. Он серьезно болен.

Еще в университете я впервые услышал и полюбил знаменитую психологическую теорему: личность начинается со слова "нет". Человек, всегда согласный, подобен даже не пластилину, а пустоте. Сегодня он согласен с вами, завтра с ними, а послезавтра с кем ни попадя. Он не оказывает сопротивления ситуации. Его нет. И о том, какой он, мы не можем ничего сказать. И воспитать его мы тоже не можем. Разве можно воспитать пустоту? Поэтому я не боюсь ни напризных малышей, ни упрямых подростков — здесь есть, с чем работать. Обратить дурно направленную энергию сопротивления в нужную для гармоничного развития сторону. В таких случаях, по крайней мере, налицо инструмент, подлежащий настройке. Психолог и есть в известном смысле настройщик.

На прошлой неделе к школе подъехал один пapa на "линкольне" и вызвал к себе директора. То есть, попытался вызвать. Дирен-

тор не вышел, ссылаясь на необходимость находиться в кабинете в ожидании важного звонка из министерства, и в свою очередь пригласил папу в свой директорский кабинет. Но пapa твердо знал свое место в этой жизни. Он артистично стоял бок о бок со своим тускло сияющим грандиозным автомобилем с бумерангом спутниковой антенны на толстом рубленом заду и в свободно опущенной руке, как в новобийских фильмах дернат револьверы, держал ручник (так у пapa теперь называются не пулеметы, а телефоны). Началась перемена, и дети собирались вокруг, как в цирке. Не дождавшись, чтобы все пошло по его плану, пapa, не показав обиды, унесся вдаль. Дети разошлись. На следующий день без объявления войны прекратились поставки красного ниртика (мы строим новый спортзал, школьный театр и психологическое кафе для старшеклассников). Что делать с такими папами? Слава Богу, у нас с директором "разграничение профессиональных полномочий": этот тяжелый случай — в его административно-педагогической компетенции.

"Страшный зверь пубертат"

Как это только не называют — переходный возраст, трудный возраст, подростковый, кризисный, проблемный... У детских психологов свое определение явлению, когда вчерашия дочка-лапочка и простодушный, ласковый мальчишок-отличник превращаются в несносных домашних иннвизиторов, в террористов, удручающих пап и мам в заложниках их родительской любви, а учителей — их

педагогического долга: *пубертатный* период развития. Собственно, таких периодов несколько, и тот, что приходится на 12-16 лет, вовсе не первый. Но и для самого взрослеющего подростка, и для его взрослого окружения — наиболее тяжелый, психологически дискомфортный.

Очень трудно установить доверительный контакт с юношеским самоутверждающимся подростком. Есть закон природы, по которому в переходном возрасте для юного человека важнее общество и мнение сверстников, чем мнение младших, которых он далёко обогнал. Или — старших, с которыми он вступает в конкуренцию, в последний, как ему кажется, и решительный бой за свободу и право на самостоятельность и самоопределение. Даже в сообществах животных, например, у ластоногих и копытных, животные условно подросткового возраста держатся отдельным стадом.

Наладить контакт с занесшим удилом социализации подростком трудно. Но можно — это легче — не потерять контакт с доверчивым и любящим вас малышом. То есть сохранить уже имеющийся, налаженный предварительно контакт к тому времени, когда в нем начинают бродить дрожи пубертата. Умные школьные психологи пользуются этой уловкой и много работают в младших классах, — часто приходят, знакомятся, играют, дружат. Измученные буйными восьминнадцатниками педагоги говорят мне: «Что ты торчишь в первом-третьем, там и проблем-то нет! Ты приди к нам, попробуй на наших узлах найти!». Я прихожу и нахожу. Фонусто тут не слишком уж сложный. Просто

(«просто» — в жирных навычках) я дружил, играл с этими «балбесами», когда им было 7, и 10 лет, и эту дружбу и взаимное доверие не потерял.

Фашист из 9-го «А»

Стоя перед зеркалом, он вынидывает вперед правую руку, открытой ладонью выше головы — и приветствует идущих на смерть. Идущие на смерть приветствуют его. Еще он знает стихотворение: «Фас! — Погружайте клыки, — мир для вас». На Площади Революции у бывшего музея Ленина он купил за восемь рублей кассету с маршами СС и они ему нравятся. Ему 16 лет. Его зовут Юра Петров. Он считает себя фашистом. Его дед горел в танке под Прохоровой.

О том, что Юра — фашист, я узнал от него самого. Это редкий случай, обычно принадлежность к фанатам, фашистам и другим экстремистским группировкам узнается стороной, после каких-нибудь скандалов, ЧП и звонков заявленных из райотдела милиции. Пожалуй, только «качи» в школе держатся открыто и даже демонстративно, но ведь культивизм, пока он не связался с какой-нибудь уголовной или политической идеологией, это еще не экстремизм, это еще «здоровый образ жизни», это еще «чем бы дитя ни тешилось». Это еще цветочки.

Ягодки же фанатизма дают свой сок поодаль от школы. Так удобнее. Потому что очень трудно воевать с противником, который знает, где ты живешь. А так, отъехал пять остановок на метро, надел вынутые из нармана, накинул шарф и шапку, встретил в уловленном месте человек 300 се-

бе подобных, и поди-на, сделай тебе теперь замечание. Это кайф силы! А домой и в школу возвращаемся в обратном порядке: расставляемся с братьями по разуму, сни-маем и прячем по нарманам атри-бутику избранности, перед дверью приглашиваем волосы рукой, и вот уже мы делаем урони и помогаем маме чистить картошку...

И, конечно, "дискуссия" с Юрий Петровым на "фашистскую" тему ни у родителей, ни у педагогов не случилась бы раньше, чем он влез бы в какую-нибудь историю на грани уголовщины. А у ме-ня этот контакт получился, потому что Юра пришел в театральную студию. Конечно, не из любви к искусству — искусство ему по при-надлежности к "избранным" полу-жено было презирать, — а из люб-ви к девочке Тане. Там мы с ним и разговорились. А о мутных сво-их верованиях он мне первый раз рассказал, как сейчас помню, в День Черепахи.

Урок у школьного бассейна

А с черепахой дело было так. У нас пропал первоклассник. Прямо в школе. На первом уроке был, на втором — нет. Учительница забеспокоилась, — времена сейчас, сами знаете... Мальчик был одним из лучших в классе — умный, любознательный, способ-ный. И на уроке у него все шло отлично. И на перемену он вы-шел в спокойном настроении. И вот пропал. В общем, после второго урока, когда он так и не объявился, позвонили, на всякий случай, домой. Ясное дело, перепугали бабушку, сами оночна-тельно встревожились и пошли иснать.

В углу школьного двора у нас открытый бассейн. Мальчик сидел на краю, свесив ноги в воду, в абсолютно мокрой одежде и плакал так горько, что наш забытый богом бассейн, больше похожий на пруд, казалось, был наполнен не водой, а его слезами.

В этот день он принес в школу черепаху и после первого урока вынес ее во двор. "Чтобы она по-щипала свежей травки", — как он сказал, уже переодетый в сухую одежду и завернутый в одеяло, но все еще содрогающийся от пере-житого. А сам помчался в класс, на одну секунду, чтобы взять забытое яблоко, которое мама дала "мне и черепахе, если она будет есть". А когда он снова выбежал во двор, черепахи в траве уже не было. Знакомый пятиклассник сказал ему, что через школьный двор, одинаково одетые, шли не-знакомые "большие ребята". Они увидели черепаху. И один сказал, интересно, крепкий у них пан-цирь? А другой сказал, что орлы, короче, поднимают черепах в ног-тях высоко в воздух и бросают на камни, чтобы разбить панцирь и добрататься до мяса. И они взяли черепаху и понесли ее на асфальт. Они подбрасывали ее выше дерева и она падала на асфальт. Мно-го раз. А потом они бросили ее в пруд и ушли.

Вечером "черепахового" дня у нас было занятие театральной студии. Тогда и вышел у нас с Юрий Петровым и с другими ребя-тами первый разговор о фашизме. Потом отдельно с Юрий мы го-ворили об этом еще много раз. Я давал ему почитать кое-какие кни-ги. Например, "Освенцим глазами СС" и биографию Гитлера, напи-

санную непредвзятым и добросовестным исследователем Иоахимом Фестом. Я не говорил Юре, как "должен" относиться к фашизму любой нормальный, не ущербный интеллектуально и нравственно человек. Тем более — в России. Нет. Мы говорили о вещах простых и обыденных. Обсуждали фанты и школьной жизни, и жизни "вообще".

Через некоторое время он перестал ходить "на собрания". Юра был совсем не глупый парень, способный не только усваивать, но и сопоставлять и анализировать информацию. В каких-то своих, присущих его возрасту, словах и понятиях он осознал для себя то, что я знаю давно. Изверство — какого бы то ни было толка — не имеет более основательной причины, чем недостаток интеллента, то есть — глупость.

Фашизм — синоним изверства. Изверство — симптом глупости. Поэтому хорошая система школьного образования в стране — это очень сильная профилактическая мера против возникновения и распространения всякого рода изверских движений. Учить надо лучше — они и не изверятся.

Сакральное "там лучше, где нас нет" — соблазнительное убеждение. И правда, у нас здесь многое не так хорошо, как хотелось бы. И зима холодная, и зарплата аритмичная, а теперь вот еще перестали подвозить красный кирпич. И все-таки я соблазняюсь другой формулой: "Там лучше, где мы есть". Хотя бы на такую единицу измерения как "мы".

Сегодня вечером у нас репетиция. Мы со старшениками в школьном клубе общения ставим спектакль. Что-то вроде свободных фантазий на тему "Горе от ума" с элементами психодрамы. Это страшно интересно. Потому что рождающийся по ходу "репетиций" текст позволяет красиво работать почти со всеми важными для ребят проблемами: "Я люблю, а меня не любят... Какой смысл в учении? Все хорошие места схвачены родственниками потомков Фамусова... Никто не хватает за руку ничтожество в образе героя... Бороться или бежать?" — и еще миллион других.

...За окном шум могучего мотора. Ого! — поставки красного кирпича возобновились — моло-дец директор. Значит, наша премьера будет уже в новом зале. ■

Константин Бальмонт (1867-1942) — талантливый поэт-лирик, занимавший не последнее место в русской поэзии начала XX века. К сожалению, современному читателю его неординарные стихи мало известны. А ведь, по словам Брюсова, Бальмонт “в течение целого десятилетия нераздельно царил над русской поэзией” (имеются в виду 1895-1904 гг.). В 1918 году в Москве были устроены своеобразные выборы “Короля поэтов”, и Бальмонт, по единодушному решению, оказался на 3-м месте (после Игоря Северянина и Владимира Маяковского).

В 1890 г. поэт женился на Екатерине Андреевой, сразу же уехал с ней за границу и почти все оставшиеся годы провел в Европе, изредка возвращаясь в Россию, куда его тянуло постоянно. А с 1921 года он официально утвердился в статусе белого эмигранта, однако “не пришелся ко двору” в эмигрантских кругах.

Бальмонт оказался в положении человека глубоко обиженного, отторгнутого от всего близкого и дорогого, к тому же без всяких средств к существованию. В жизнь вошла настоящая нищета и полное забвение, в связи с чем у него начали проявляться признаки душевной болезни.

Константин Дмитриевич Бальмонт мечтал умереть на родине и просил похоронить его в Москве на Новодевичьем кладбище. Но судьба распорядилась по-своему.

Проводить поэта в последний путь пришло всего несколько человек. На парижском кладбище стоит скромное надгробие, на котором высечено: “Constantin Balmont, poète russe”.

Стихи, которые “Смена” предлагает вашему вниманию, публикуются впервые.

“Как
жадно
я люблю
твои
уста...”

Константин БАЛЬМОНТ

* * *

Манящий взор, крутой изгиб бедра.
Волна волос. Раскинутые руки.
Я снова твой, как был твоим вчера.
Исполнен я ненасытимой муки.
Пусть нам несет полночная пора
Тоску любви, а не тоску разлуки.
Пусть слышатся немолчно до утра
Гортанные ликующие звуки.
Одной рукой обнявши грудь твою,
Другой тебе я шею обовью.
И с плачем, задыхаясь от счастья,
Ко мне прильнешь ты, как к земле листок,
И задрожишь от головы до ног
В вакхическом бесстыдстве сладостраствия...

ДВА ВЕНКА

То два венка, то два цветка, округлые венцы —
Две груди юные ее, их нежные концы.

На каждой груди молодой тот кончик — цвет цветка,
Те два венка, те два цветка достойны жить века.

И так как бег столетий нам Искусством только дан,
И так как блеск столетий дан тому, кто чувством пьян,

Тебя я замыкаю в стих, певучая моя,
Двух зорь касаясь молодых, их расцвею я.

И каждый кончик лепестка, мой поцелуй приняв,
Нежнее в цвете заревом, как цвет расцветших трав.

И безупречный алебастр девических грудей,
То две лампады светят мне на празднестве страстей.

Как кость слоновая — живот и торжество стиха,
Уводит грезу нежный грот, укрытый дымкой мха.

* * *

Как жадно я люблю твои уста,
Не те, что видит всякий, но другие.
Где смысл не тот и красота не та,
Для губ моих желанно дорогие.
В них сладость неожиданных отрад.
В них больше тайн и больше неги властной,
В них свежий, пьяный, прянный аромат,
Как в брызгах волн, как в песне волн протяжной.

*Дремотная в них вечно тает мгла.
Как в келье, в них и тесно и уютно.
И красота их ласково-тепла,
И сила их растет ежеминутно.
Их поцелуй не проходящ как сон,
И гасну я, так жадно их целуя...
Еще! Еще! Я все не побежден...
А! Что за боль! А! Как тебя люблю я!*

ПЕРВОЦВЕТ

*В твоем саду был сказочный цветок,
Такой воздушный, тонкий, шелковистый,
К его коронке, трепетной и мглистой,
Не прикасался мотылек.*

*Мы были вместе в нежной части сада.
Мы были тесно, тесно сплетены,
Нам было странно, душно от весны,
Но наше сердце было радо.*

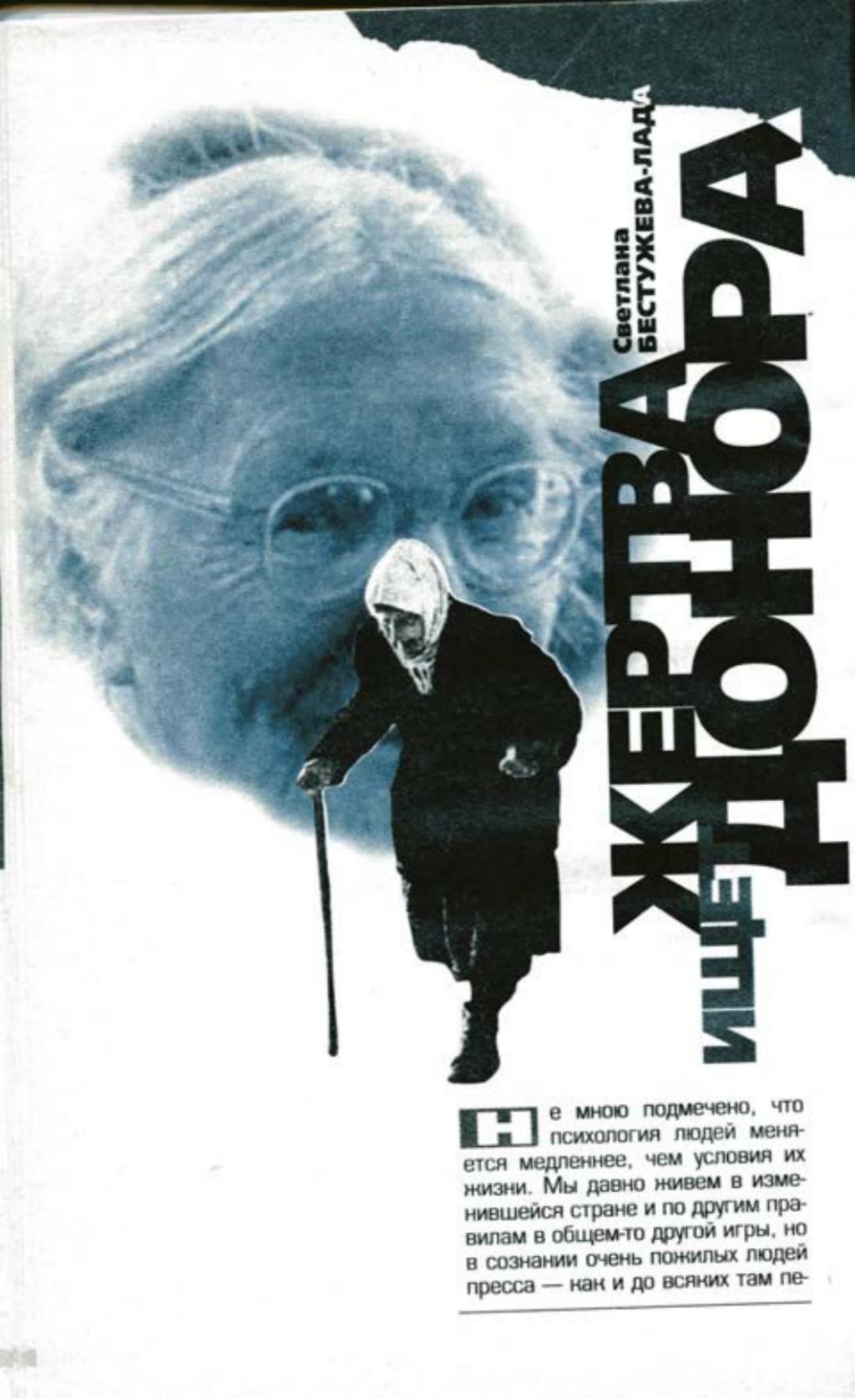
*Мне приглянулся сказочный цветок,
И прикоснулся я к нему невольно.
И ты шепнула: "Милый! Больно, больно!
Смотри, уж сломан стебелек".*

*Твой страх исчез. И ярким блеском взгляда,
И связью рук мы были сплетены.
Нам было душно, сладко от весны
От первосозданного сада.*

* * *

*Волнообразно двигая спиной, —
На теле нежном, точно в колыбели
Она меня качала и со мной
Уже была совсем-совсем у цели.
Но вдруг помедлив, с трепетом в груди,
Обняв меня за шею и за плечи,
Она шепнула страстно "подожди",
И тайные меж нас возникли речи.
Недвижность ласк — продление мечты...
Там в глубине — чуть слышное дрожанье.
"Постой... Еще... О как прекрасен ты..."
"Моя... Моя! Как дружно состязанье!"
И вдруг в блаженной боли застонаав,
Ты исказила счастьем наши лица,
Затрепетав, как в море стебли трав,
Затрепетав, как раненая птица.*

Публикация Александра ТЮРИНА.

Светлана
БЕСТУЖЕВА-ЛАДА

ЖЕНЩИНА И МИР

Не мною подмечено, что психология людей меняется медленнее, чем условия их жизни. Мы давно живем в изменившейся стране и по другим правилам в общем-то другой игры, но в сознании очень пожилых людей пресса — как и до всяких там пе-

Деспотизм в семейных отношениях доводит человека до самоубийства

рестроек и реформ — остается прежним защитником справедливости и последним прибежищем для отчаявшихся онью справедливость обрести. Поэтому я даже не очень удивилась, когда мне позвонила председательша нашего районного Совета ветеранов и попросила заняться одним, как она выразилась, "деликатным делом". Одна из ее по-допечных остро нуждалась в помощи, которую ей, похоже, никто не мог оказать, потому что... Впрочем, обо всем по порядку.

Вера Ивановна Румянцева, 1914 года рождения, "учительница с сорокаletним стажем работы и мать-героиня" [так, во всяком случае, было написано в ее письме-жалобе] просила помочь ей "сохранить жизнь и остатки имущества от посягательств родственников", которые совершили затравили беспомощную и безответную старушку. К тому же Веру Ивановне последние годы просто фатально не везло. Четыре года назад скончался ее муж — когда-то персональный пенсионер и член партии с 1928 года, а потом, естественно, просто пенсионер, но вполне активный и дееспособный. Одна жить вдове не могла, так как последние десять лет из дома практически не выходила из-за целого букета хронических заболеваний и абсолютной беспомощности. Решила объединиться с кем-нибудь из родных, благо процедура съезда на одну нилплощадь невероятно облегчи-

лась и прописать к себе в двухкомнатную квартиру Вера Ивановна могла кого угодно. Но...

Первой она прописала к себе племянницу Валентину, одиночную сорокалетнюю женщину, которая продала свою комнату в коммуналке и переехала к тете. Но через год с небольшим Валентина скончалась от инфаркта, оставив Веру Ивановну опять одну и по-прежнему беспомощную. Пожалела старушку сестра ее покойного мужа, Лидия Сергеевна, тоже очень пожилая, но еще вполне бодрая женщина, которая продала свою однокомнатную квартиру и прописалась к невестке. Вырученных от продажи квартиры денег двум женщинам хватило бы, как говорится, по гроб жизни. Но...

Но человек предполагает, а Бог располагает. Не прошло и года, как Лидия Сергеевна скончалась от инсульта. Вера Ивановна похоронила золовку и предприняла третью попытку обеспечить за собой надлежащий уход: прописала к себе единственную внучку и сделала ее своей единственной наследницей. После этого жизнь Веры Ивановны превратилась в сплошной кошмар, потому что внучка Елена и ее муж Игорь откровенно стремились поскорее стать полноправными хозяевами всей квартиры и в средствах для достижения этой цели не стеснялись. Жалобы-вопли Веры Ивановны во все инстанции оставались без внимания и ответа. В общем, историяальная, чтобы не сказать — банальная.

Совет ветеранов, который опекает всех пожилых и старых людей района, ничем помочь то-

же не смог. И схватился за последнюю соломинку: публикацию в газете. Или в журнале. Так я и оказалась замешанной в очередной семейный конфликт, хотя честно предупредила, что вряд ли смогу что-то сделать: не те времена. Но встретиться с заслуженной учительницей и материю-героиней согласилась, поскольку отлично знаю, насколько беспомощны и бесправны наши старики, брошенные государством, и как важно для них получить хоть какую-то, пусть даже только моральную, поддержку.

Встреча наша состоялась, но не дома у Веры Ивановны, а в больнице, куда она легла на обследование. В четырехместной палате обычной районной больницы я увидела сухонькую, акнуратную старушку, с тугим пучком седых волос на макушке и пронзительными черными глазами, которые буквально прожигали собеседника насквозь. Голос же совершенно глазам не соответствовал: тихий, жалобный, монотонный — не голос, а сплошной задавленный стон.

— Не столько лечиться сюда легла, сколько отдохнуть, — доверительно сказала мне Вера Ивановна после первых вступительных фраз. — Дома-то с утра до ночи шум, гам, скандалы, пьянки-гулянки... Молодежь... Нет, не могу я с ними жить. От такого "хода", который они мне организовали, за неделю на тот свет отправишься, даже если здоровая. А я и без них одной ногой на том свете уже стою...

— А как со здоровьем у вас сейчас?

— Да какое у меня здоровье! Астма замучила, давление прыга-

ет, сердце не работает, аппетита нет, бессонница страшная. Лежу вот ночами и думаю, думаю... Ведь от меня, кроме добра, никто ничего не видел. А что взамен? Слезы мои горькие да несправедливость человеческая. Ну, да Бог им судья... Как мужика моего не стало...

Вера Ивановна всхлипнула и акнуратно промоннула глаза чистеньkim платочком. Я молча ждала продолжения.

— Хотя и с ним тоже намаялась. О поноянниках, конечно, плохо не говорят, но я правду скажу. Кем он был, пока меня не встретил? Простой деревенский парень. Я к нему в село учительствовать приехала — уважаемым человеком была. Познакомилась с ним, грамоте его выучила, в вечернюю школу определила, в люди вывела. Начальником стал... Другой бы, на его месте, в ножки мне поклонился да пылинки с меня сдувал, а он только и норовил из дома сбежать, и все деньги, которые зарабатывал, родственникам отдавал: они-де бедствуют. А мне денег давал в обрез, только-только с голода не помереть, да в обносках не ходить. Я по его милости просто домработницей оказалась...

— Как — домработницей? — изумилась я. — Вы же писали, что учительница с сорокалетним станем...

— Конечно, со станем: на пенсию выходила, так ровно сорок лет насчитали, как я учительницей стала. А работала или нет, это неважно. На мне дом был, сын, да и моталась я за мужем по всей стране, пока он наконец в Москве не обосновался. Тут я, конечно, снова работать пошла в

научно-исследовательский институт... С людьми работала, уважение имела. А супруг мой на старости лет отчудил: взял да и уехал в Сибирь на какую-то стройку. Партийный долг выполнял. Сын у нас уже вырос, женился, вот-вот должны были внуки пойти, а он, дед-то, — в добровольцы. Перед людьми стыдно...

— Сын? А другие дети? — вспомнила я о "матери-героине" в жалобе.

— Накие дети? — поразилась Вера Ивановна. — Один сын у меня, слава Богу, к чему нищету плодить... А-а, понимаю, о чем вы. А что, разве не герояня? Подняла, дала образование, в люди вывела. Ночей недосыпала, куска недоедала, здоровья лишилась — все для сыночка. До женитьбы не знал, как ботинки чистят или рубашку стирают: на всем готовом жил, даже еду разогреть не умел, ждал, пока мать сделает. Конечно, герояня. А что с женой его не больно ладно живем, так дело житейское. Известно, ночная нукашка дневную всегда перекунует. Да и муж мой покойный избаловал невестку нашу, во всем ей потакал, лишь бы мне наперенор. Понятно — молодая женщина...

— Так муж вернулся к вам? Из Сибири-то?

— А куда он денется? Два года побегал и вернулся, как миленкий. Не ждать же ему, чтобы я его домой через партном возвращала? Тогда-то с этим строго было, блюли себя люди, семью берегли, не то, что теперь. Да и невелико сокровище было: пока не заставишь белье постирать, так и будет в грязном валяться, не прикроинешь — ведра мусорного не вынесет, окна не помоет, полы не

протрет. С ним не жила — мучалась, умер он — опять мучаюсь одна-одинешенька. Слава Богу, свет не без добрых людей: и продукты мне приносили, и лекарства, и по хозяйству помогали. Не бесплатно, конечно...

— Но ведь, кажется, — окончательно запуталась я, — вы после смерти мужа не одна жили, а с родственницами...

— Они тоже хороши были! — перебила Вера Ивановна. — Хоть племянницу взять покойную, Валентину-то. Уж такая была уважительная, внимательная, тихая, пока не съехались. Еще бы: кругом нам обязана, номнату-то в Москву ей муж мой отхлопотал, а то так и сидела бы в деревне дура дурой. Другая бы от благодарности себя не помнила, а эта показала себя во всей красе. Неряха, лентяйка, грубиянка. Не посидит со мной, не поговорит, стакана воды часами не допросишься. Все кое-как, через колено, а чуть что — ляжет, глаза занатит и губы кусает: помираю, дескать. Ишемическую болезнь себе придумала — в сорок лет. Нурам на смех! На работу ходила, так здоровая была, а как разогнали их шарашину контору, осталась она безработной, так тут же в инвалиды подалась...

— Но умерла-то она от инфаркта?

— От злости она умерла! Как и муж мой покойный, между прочим: придирился ко мне, придирился, да еще к рюмке повадился принладывать — сердце-то и не выдержало. Правду о себе слушать никто не любит, а я врать не обучена, всегда в глаза все как есть говорю. Вот и Валентина: как начнет придуриваться, я ей тут же: возьми себя в руки, не

распускайся. Это, говорю, у тебя от безделья да от нервов, как у всех старых дев. Мужина, говорю, тебе надо вместо неотложки, да кто на тебя польстится? Не беспись, говорю, посмотри на меня: почти нааждую ночь приступ, а врачей не беспокою. Да разве ей втолнешь? Кан-то сделала ей замечание, что полы опять второй день не мыты, а она меня к такой матери... Кричала, кричала, потом — раз, и повалилась. Я думала, полежит — встанет. А ее злость, виши ты, задушила — померла. Не дождалась ни квартиры моей, ни денежек...

— А с сестрой вашего мужа что случилось? Она-то от чего... скоропостижно?

— А от глупости, — безмятежно пояснила Вера Ивановна. — Не слушала моих советов, вот и надорвалась. На десять лет меня моложе, а ко мне — без всяского уважения. Пона не принищешь — ничего не добьешься. Вот хоть ремонт в квартире нужно было сделать. Я в грязи жить ни почем не буду, не из таких. Настояла, сделали ремонт, Совет ветеранов помог, там таким, как я, заслуженным, помогают, не то что родственники... После ремонта она кое-как все убрала, но ко мне с претензиями: ей-де не по силам и за мной ухаживать, и мусор после рабочих убирать. А какой такой за мной особый уход нужен? На рынке продунты купить, обед сварить, уборку обычную сделать, постирать — и свободна. Ну, может, еще чаю мне заварить, ленарство подать, в аптеку сбегать. Ну, ночью иной раз встать, если мне плохо. Без ногий справится, а ей, видишь ли, — не по силам. Устала, так отдохни, а не мотайся по

кладбищам, покойникам уже все одно. Не послушалась, ну и надорвалась по собственной глупости. Я ведь ей кан-то даже не выдернула, сказала: "Лидия, как тебе не стыдно на могилках-то плакать да по церквям шляться, когда я у тебя одна голодная в грязи валяюсь? Отблагодарила, говорю, ты меня за мое добро к тебе. У меня пила-ела, за моей спиной горя не знала, а такая же мерзавка неблагодарная оказалась, как и братец твой. Оба вы моей смерти ждали, наследства, а я все жива". Она руками в кресло впилась, аж пальцы побелели, рот открывает, а сказат-то нечего. Потом — раз, и повалилась. К вечеру умерла...

Я не очень пугливый человек, но мне мало-момалу становилось жутко. И не столько от рассказов Веры Ивановны, сколько от чего-то еще, не вполне мне понятного. К тому же в палате мы с ней оказались вдвоем: все соседки незаметно вышли. Это тоже было странно, но не это пугало и мешало поверить до конца несчастной старушке и броситься ей на помощь, а что-то еще. Но что? Определить я пока не могла: так, смутные ощущения на уровне подсознания.

Историю совместной жизни с внучкой и ее мужем я уже слушала, как в тумане. Впрочем, в жалобах все было изложено так подробно, что устный рассказ ничего принципиально нового не добавил. Тоже "мерзавка", тоже "симулянтка", тоже "охотница за наследством", запихнувшая бабушку в больницу, чтобы под ногами не путалась и развратничать не мешала. Но когда рассказ уже занячивался, в палату робко во-

шла молодая женщина с большим, туго набитым пакетом в руках. Я даже не сразу поняла, кто это. Оказалось, "мерзавка"-внучка. Впрочем, Вера Ивановна ее появлению нисколько не удивилась.

— Явилась? — холодно поинтересовалась она. — Упекла бабку в больницу, теперь юлишь? Что ты опять притащила, чтобы меня отравить? Поставь вот тут. Мне ничего не надо, меня соседки угощают, слава Богу, есть добрые люди на земле, которые от меня наследства не ждут. Часы мои принесла? Или опять забыла, как вчера?

— Так комната твоя же заперта, — почти беззвучно шепнула пунцовавшая от смущения Елена.

— А разве твой муженек дверь еще не взломал? — последовал вопрос. — Или вы решили культурно ключи подобрать, да за попойками времени не было?

— Бабушка, как ты можешь?! — взвилась Елена, уже совершенно красная от стыда.

На какое-то время про меня просто забыли обе: и бабушка, и внучка. И чем больше нервничала вторая, тем безмятежнее и блаженнее становилось лицо первой. Но тут она случайно взглянула в мою сторону... и все мгновенно закончилось.

— Уходи! — скомандовала она внучке. — Мне некогда. Видишь, человек специально пришел со мной поговорить, о моем горе узнать. Журналистка. Подожди, напишет она про все ваши художества, "прославишиесь" со своим алкоголиком на всю страну. Убрайся, я сказала!

А мне снова стало, мягко говоря, не по себе. Накануне непра-

вильная складывалась картинка, даже, я бы сказала, страшноватая.

— Вера Ивановна, — спросила я, когда Елена ушла, — так чем я могу вам помочь? Поговорить с Еленой? Или лучше с вашим сыном, он, мне кажется, как-то уж очень в стороне от вас держится?

— С сыном — не надо. У него нервы плохие, после смерти отца со мной полгода вообще не разговаривал, звоню — трубку швыряет. Я всех его друзей и знакомых на ноги подняла, вразумили его, иногда навещает. Но съезжаться с ним я не хочу, у него жены характер — не приведи Господь. А с Ленкой... Припугнуть бы ее, что за истязание старухи можно и под суд. Или выписать обратно к родителям и завещание переделать... Ладно, я подумаю, может, она вас испугается — раснастится. А вы напишите, какое у нас к старикам отношение. Как нас травят и унижают... Яблочно хотите? Сочное...

И она протянула руку к панетте, оставленному Еленой.

Не люблю мистики. Мои внезапные ощущения были ничем не обоснованы, тем более, что, когда я вышла из палаты, от них и следа не осталось. Мне захотелось еще поговорить с лечащим врачом Веры Ивановны, потому что я так и не поняла, чем все-таки она больна, а постоянно повторяющееся в ее рассказах слово "приступ" могло означать что угодно. Значит, к врачу. И тут я увидела в коридоре одну из соседок Веры Ивановны по палате, подошла к ней, извинилась, что побеспокоила, дескать, зачем нужно было из палаты уходить, терпеть неудобства, не помешали бы...

Женщина посмотрела на меня с откровенной неприязнью:

— Не помешали бы... У нас от этих историй уже голова пухнет, вторую неделю одно и то же. К ней каждый божий день кто-то приходит, полные сумки таскают, а она только фыркает: то ей не так, это не здак! Попробовала бы, как мы: любому добром слову рады, а поди, дондись его, да и не навещает нас никто, как ее. Она по ночам не спит, то жует, то читает, днем хранит — стены трясутся, или, если не спит, нас поучает... Мы уже на выписку шли, а с ее приходом хоть на кладбище своими ногами отправляйся, до того худо стало. Мать-героиня! Ладно, вам виднее, с кем миловаться.

Лечащий врач Веры Ивановны был немногословен:

— Обследуем. Возраст, сами понимаете. Но пока ничего страшного неходим, состояние лучше, чем у многих, а сердце вообще, как у молоденькой. Раньше люди крепче были...

Пожилая медсестра, которая присутствовала при этом разговоре, вдруг резко поднялась и вышла из ординаторской. А когда я собралась уходить, остановила меня в коридоре:

— Знаете, не мое это дело, но не связывались бы вы с этой... учительницей. Я на своем веку столько больных перевидела, что диагноз поставлю без всяких анализов. Глаз у нее дурной, вот что я сказала. Как привезли — ни одна ночь без ЧП не обходится. У одной ее соседки давление сначала, другая от боли криком кричит, с третьей еще что-нибудь. А ей это, видать, слаше меда: щурится, как кошка на мышь, только что

слюни от удовольствия не пускает. Боюсь я ее. Как взглянет — у меня руки начинают трястись. Она и вас сглазит, если не потрафите. Про меня ей не говорите. И сюда не ходите. Нечисто тут.

И вот это слово "нечисто" стало первым звеном в цепочке, которая потянулась в моем, прямо снарядом, дилетантском расследовании. Конечно, мало ли что может сказывать пожилая и, судя по всему, суеверная женщина (а именно такой и была медсестра), особенно сейчас, когда тема "поговоронных сил" стала чуть ли не самой актуальной и животрепещущей. И все же... Перебирая свои впечатления от встречи, я, наконец, поняла, что меня насторожило.

Выражение лица! Когда Вера Ивановна рассказывала о последних минутах жизни своих родственниц, на ее лице не было и следа естественных в таких случаях эмоций: страха, сочувствия, на худой конец, злости на "неблагодарных мерзавон". Нет, ее лицо становилось одухотворенно-блаженным...

Встреча с внучкой Еленой и ее мужем ситуации не прояснила, скорее, наоборот, запутала. Супруги не только не претендовали на "жилплощадь и имущество" бабушки, но, похоже, готовы были свое последнее отдать, лишь бы обрести покой. Большая двухкомнатная квартира производила странное впечатление: на одной из дверей висел здоровый, чуть ли не амбарный замок, нухня была какой-то безлико-стерильной, будто бы обитатели квартиры жили в ежеминутной готовности к визиту сурового проверяющего. Да и Игорь, муж Елены, никак не

производил впечатления алкоголика и дебошира. Нормальный молодой парень, даже ненуяющийся от души жалевший свою жену и старающийся не говорить ничего плохого про ее бабушку. Хотя и хорошего он мало что мог сказать, судя по всему.

— Она как-то так умеет все повернуть, — попытался объяснить ситуацию Игорь, — что вроде бы ни в чем и не виноват, а получаешь чуть ли не преступником. Прихонку как-то домой, Лены нет, а Вера Ивановна с кем-то по телефону разговаривает. И я слышу, как она произносит: "Ну, давайте заканчивать. Пришел мой квартирант, как всегда пьяный, сейчас будет безобразничать".

— Она и со мной так же, — подхватила Елена. — Продукты я покупаю, она мне дает список и деньги. Все только для нее. Потом проверяет, сдачу двадцать раз пересчитывает и все равно обязательно снажет: "А ведь ты, Ленка, опять меня обижули. Мясо, небось, купила второго сорта, а выдаешь за первый. И лимоны, небось, не в магазине, а возле метро с рук покупала". И ничего не докажешь, она просто не слушает. А потом всем по телефону жалуется, что мы ее обворовываем. Садится есть — обязательно заставляет меня каждое блюдо пробовать: а вдруг я ей отраву подсыпала. Я ее боюсь... Господи, уехать бы отсюда куда угодно! Лучше в коммуналке или в бараке жить, чем с моей бабушкой!

Елена судорожно вздохнула и занусила губу, стараясь не заплакать. Игорь обнял жену за плечи и посмотрел на меня так, что я поняла: ничего нового я больше не услышу. Хотя, в принципе, бы-

ло ясно: молодые готовы бежать из этой квартиры, куда глаза глядят, лишь бы избавиться от вечного напряжения и склон.

Но, с другой стороны, все это, опять же, только слова. По личному опыту знаю, что в семейных раздорах слова говорятся разные и далеко не всегда они соответствуют истинному положению дел. Ладно, допустим, что Елена — просто ловкая и талантливая номедиантка, которая пыталась заморочить мне голову лицемерной готовностью "все отдать", а на самом деле спит и видит, как бы отправить бабушку на тот свет, да заполучить наследство. Допустим. Но ведь и о родственницах-покойницах Вера Ивановна не сказала ни единого доброго слова, хотя унаследовала от них достаточно крупные суммы денег, которых ей с лихвой хватило бы на совершенно безбедную старость. При нынешней-то безработице найти приходящую помощницу — не проблема, а с проживанием тем паче. Но нет, Вера Ивановна не может обойтись без родственников, хотя хорошими и отзывчивыми неизменно оказывались не они, а какие-то мифические "добрые люди" со стороны. Да и не слишком ли много "мерзавцев" ополчилось на одиночку, беззащитную женщину? Бывает, конечно, и это. Но странный, казалось бы, шепот медсестры никак не звучался. И еще это блаженно-умиротворенное лицо...

Одна из очень ванных для меня встреч — с сыном Веры Ивановны — долго откладывалась по не зависящим от меня обстоятельствам. Когда же она состоялась, я увидела усталого, замученного и явно больного человека,

который откровенно не хотел ни о чем со мной говорить и явно тяготился моим визитом. Похоже было, что он боялся этого разговора. И в основном вспоминал покойного отца, вспоминал с неподдельным теплом и любовью — "бессребренин", "подвижник", "опора семьи". Ногда же я брякнула, что из рассказов Веры Ивановны у меня сложилось несильно иное мнение о ее покойном муже, Вадим Анатольевич произнес:

— Она — моя мать и я не намерен ни с кем обсуждать ее поступки или слова. Я обязан о ней заботиться и, пока я жив, она ни в чем не будет нуждаться. В первую очередь, в уходе...

— Обязаны? — необдуманно переспросила я. — Разве вы ее не любите?

Вадим Анатольевич дернулся, как от удара, и выпалил:

— Я ее ненавижу! Никогда не прощу. Она убила моего отца. И не только его... Уходите, прошу вас. Уходите! И не лезьте в мою жизнь!

"Ничего себе заявочки!" — промельнуло у меня в голове, когда я оказалась на улице. — Бабулька-убийца. Что же она — травила своих родственников, что ли?" Тут кто-то тронул меня за плечо, я обернулась: передо мной стояла пожилая женщина, кого-то очень напомнившая. Потом я поняла: Лена. Это была ее мать, жена Вадима Анатольевича.

— Он вам сказал, да? — спокойно спросила она. — Я так и знала, поэтому вас жду. Чувствовала, что доброму это не кончится. Напрасно вы заставили Вадима воротить прошлое. Лучше бы со мной поговорили. У него больные нервы, я с ним познакомилась,

когда он уже был нездоров. А после смерти отца вообще с трудом в себя пришел. Да еще и нервотрепка эта постоянная. За Леночку сердце болит, она девочка добрая, а помочь ей мы не можем... Ладно, давайте посидим во дворе, я вам все расскажу. Я не прошу вас верить мне на слово, только выслушайте... Эта фраза страшная у него просто вырвалась. Он сам знает, что никого его мать не убивала. Физически. Формально она не преступница. А фантически... Я ведь у Вадима вторая жена. Об этом даже дочь не знает. А первую его жену через год после свадьбы из петли вынули, да было поздно. Вместе с неродившимся ребенком. Жили они тогда вместе с его матерью, отец в какой-то долгой командировке был. Об этом она никому не рассказывает, что вы! Уж что там произошло, не знаю, могу только догадываться, что свекровь невестку довела. Это она умеет, всегда умела. Девчонка — сирота, без образования, без "приданого" — мезальянс! Вадим на практике был, а вернулся — прямо на похороны. После этого и заболел... Наконец удалось все замять, свекор, царствие ему небесное, примчался, постарел, слышала, сразу лет на десять. Вадим об этом мало говорит, больно ему до сих пор... Да и не смог бы он тогда подумать, что его мать... Ну, вы понимаете. Он ведь юноша воспитан был: материнское слово — закон, мать всегда права. Ее бы воля — она бы до седых волос его на помочах водила. А он женился — да не на той. А потом, после, уже лет через восемь, со мной познакомился. Ну, я-то тоже не из дворян, родители — врачи,

жили от получни до получни, как все. Как она сопротивлялась, какие истерики устраивала, какие скандалы закатывала! То сердечный приступ, то нервный припадок, то руки ноги отнимаются. А врачей вызывать не разрешает, кричит, что умереть хочет, раз ее с сыном разлучают. Ох, как вспомню... Но мы все-таки поженились, комнату у чужих людей сняли, хотя меня она прокляла, сказала, что мои дети меня тоже предадут, когда вырастут. А я в ту пору еще даже беременна не была. Боялась я ее, конечно, да и кто бы на моем месте не испугался. Наверняка она бы нас развела, если бы не свекор. Как он с ней спрашивалася, не знаю, только она в конце концов смирилась, признала меня. Думаю, что он, свекор, все на себя брал, нас от нее загораживал, себя не жалел. А умер — она как с цепи сорвалась. Даже на поминках речь заняла: как ей трудно было с таким человеком жить, сколько она для него сделала, а он ее не ценил. Все сидели — глаз от стыда поднять не могли. Вадим-то сразу понял, что и как отца до инфаркта довел. Для него это все равно как если бы она его кухонным ножом зарезала или топором тюкнула. Убила. Да и жену свою первую наверняка вспомнил... А потом одна родственница умерла, другая... Он все молчит, только я вижу — перенимает: мать все-таки... Ну, ничего, я его вылечу, ей не отdam. И Леночку спасу. Пропади пропадом и квартира эта, и наследство, ничего не нужно, поживем вместе, в тесноте, да не в обиде. Как я отговаривала дочку к бабушке переехать! Да, как на грех, попала в больницу, а она за это время мо-

лодых и оплела. Она ведь хитрая, язык подведен — дай Бог наядому, психолог отменный. Такого говорит — сама себе верить перестанешь. Боюсь я ее, но муки и дочку ей не отdam. Она всех в свою паутину тянет, кровь сосет и живет этим. Вампир. А главное — она ведь удовольствие получает от чужих страданий, она ими наслаждается. Сама видела: доведет кого-нибудь до истерики, и... Ну, словом, у нее такое лицо, как у женщины, которая... Ну, вы понимаете, от чего женщина может наслаждение получить. Точь-в-точь. И всегда такой была, не вчера это началось...

Дальнейшее мое "расследование" раскручивалось уже стремительно и без всякой мистики и чертовщины. Чем больше рассказов соседей, знакомых, бывших сослуживцев и официальных лиц я выслушивала, тем яснее становился для меня характер Веры Ивановны, причины ее бесконечных конфликтов с родственниками (и не только с ними, как оказалось). Ясной становилась и та система, которая привела, как минимум, к четырем смертям. Как минимум, потому что неизвестно, скольким еще людям укоротила жизнь кроткая "жертва мерзавцев и мерзаков".

И время, когда все это началось, можно было определить почти точно: когда Вера Ивановна стала "просто" домохозяйкой. По ее собственным словам, она привыкла всегда быть первой: единственным грамотным, "городским" человеком на селе, наставницей молодого мужа, непререкаемым авторитетом для сына. Для нее было невыносимо считаться

только женой, только матерью. Началось все со стремления самоутвердиться, самовыразиться в качестве сильной, неординарной личности. Гибель первой невестки можно было считать лишь "генеральной репетицией" — тогда у Веры Ивановны, женщины в расцвете лет и сил, было много других способов самовыражения.

А от недолгой работы инструктором парткома в НИИ (учительницей Вера Ивановна работала лишь два года до замужества) стало еще хуже. Понравилось чувство "законной" власти над людьми, чувство собственной значимости. Сейчас это трудно понять, но в прежние времена даже такая мелкая в общем-то сошна, как инструктор, могла оказать огромное влияние на судьбу человека. Не оформить вовремя нужный документ, например. Или, наоборот, оформить так, как нужно, но не за "красивые глаза". А когда и муж, и она вышли на пенсию, возникло еще одно чувство глубочайшей несправедливости: муж — боярин, "быдло", вытянутый ю из сельской грязи, стал персональным пенсионером, а она — нижем. Нужно было найти верный способ считаться с собой. И Вера Ивановна его нашла.

Система была проста. Сначала Вера Ивановна достаточно близко сходилась с какой-то женщиной (нелатально — одиночкой, доброй, не слишком здоровой), делала ее своей наперсницей, жаловалась на черствость и жестокость окружающих, щедро платила за мелкие услуги, делала дорогие подарки. А когда достаточно прочно привязывала ее к себе, начинала требовать "отдачи". Ни услуги, ни деньги здесь уже не годились.

Расплатиться можно было только эмоциями, нервами, здоровьем, жизнью, наконец. А если "должница" пыталась сопротивляться, пускалась в ход испытанные системы жалоб во все инстанции. И не анонимок, а честь честью подписанных, грамотно составленных писем, проверка которых втягивала в сферу воздействия Веры Ивановны все новых и новых людей. И еще одна маленькая деталь: о каждой своей наперснице Вера Ивановна с самого начала говорила всем окружающим только плохо. Начинала жаловаться на нее с первых же дней. Сначала устно. Потом — письменно. И когда та спохватывалась, общественное мнение уже было настроено против. "Донору" оставалось только глотать слезы (и ленарства), а "жертве" — искать себе нового "донора".

Примерно так я изложила ситуацию (не вдаваясь, конечно, в детали) той женщине из Совета ветеранов, которая попросила меня помочь Вере Ивановне. Женщина долго молчала, вздыхала, без нужды перекладывала бумажки на столе, а потом сказала:

— Я была у Веры Ивановны в больнице после вас. Она меня предупредила, что и внучка, и孙女, жена ее сына, обязательно постараются вас купить, чтобы вы не писали правду. Как же вам не стыдно?

Я не собиралась писать об этом — до разговора с общественницей. Но после него поняла, хотя и весьма приблизительно, состояние тех людей, с которыми Вера Ивановна достаточно тесно общалась. К тому же повторный визит в больницу, уже не к Вере Ивановне, а только к ее врачу,

подтвердил мои догадки: старушка обладала отменным, просто-таки железным здоровьем. Все ее припадки и приступы оказались проявлениями обыкновенного невроза, точнее — истерии. Тут она, похоже, просчиталась, но, с другой стороны, практически никогда не обращаясь к врачам, она могла не догадываться о том, что к восьмидесяти с лишним годами сохранила на диво здоровый организм. Но ведь всего не предусмотришь. Разумеется, на врачей, обследовавших ее, была немедленно накатана огромная "тегела" в вышестоящие инстанции. Обвинение в сговоре с родственниками и продажности были самыми невинными в перечне их проступков. А та самая пожилая медсестра, которая так боялась Веры Ивановны, оказалась "изготовительницей и сбытчицей наркотических веществ, призывающей белым халатом". В Веру Ивановну, помимо всего прочего, явно погиб неизвестный талант детективного писателя.

* * *

Сказки о вампирах, наверное, ложь, да в них намек. Не обязательно ночью бегать по чердакам, подвалам и кладбищам и пить — в прямом смысле этого слова — из людей кровь. Можно это делать, не вставая с любимого дивана, в переносном смысле слова. А когда мучения близких дают ощущение физического наслаждения, это уже явление отнюдь не

мистическое, а имеющее вполне конкретное название с точки зрения психиатрии. Называется это "вербальный садизм", то есть садизм словесный. Мы почему-то привыкли думать, что садист — это человек с плеткой, цепью и прочими атрибутами физических пыток, и забываем о том, что кричат люди не только от боли, а пытать словом можно ничуть не хуже, чем иголками. И наслаждение получать от этого ничуть не меньшее.

Глупо, конечно, призывать людей не быть чрезмерно добрыми, особенно сейчас, когда доброта и без того в дефиците. И Боже сохрани делать из этой истории вывод о том, что все старинки-де "заедают жизнь" молодым. Возраст в данном случае значения не имеет, коль скоро речь идет о душевной аномалии. А при нынешней жестокости нравов и распространенности всевозможных психических сдвигов и отклонений нужно более или менее ориентироваться в этой сфере. Исключительно для самозащиты.

Насколько мне известно, Вера Ивановна выписалась из больницы. Внучка с мужем от нее уехали, и теперь она ищет ниличную, которой готова предоставить кров "за помощь и уход". Ищет одинокую и с хорошим характером, которая впоследствии станет законной наследницей "жилплощади и имущества".

Есть желающие?

KДЕСТ AMБРДОСИЯ

Любовь РУСЕВА

рисунок Геннадия Новожилова

— В

ладыка, — обратился к Амвросию архимандриту Донского монастыря Варлаам, — прибыл офицер от Петра Дмитриевича Еропкина.

— Слава Богу, наконец-то! — воскликнул племянник архиепископа Николай Бантыш-Каменский.

К священнослужителям быстрой походкой подошел капитан конной гвардии Волоцкий. Вид его был очень встревоженным.

— Ваше преосвященство, — обратился капитан к Амвросию, — по дороге я обогнал пьяную толпу бунтовщиков. Они вскоре будут здесь. Времени нет, надо выезжать.

— Вы привезли от Петра Дмитриевича пропуск на выезд из Москвы? — спросил Волоцкого архиепископ.

— Нет, владыка, генерал приказал мне вывезти вас из Москвы и доставить в Воскресенский монастырь. Вы готовы?

Амвросий молчал: он, как и все стоявшие во дворе, прислушался. До монастыря донесся гул приближающейся толпы.

— Сейчас подадут коляску, — ответил Амвросий.

— Умоляю вас, владыка, не медлите и быстрее выезжайте. Я оставил своего коня в саду князя Трубецкого, жду вас там, — сказал Волоцкий и торопливо ушел.

— Поздно, — тихо произнес вслед офицеру Амвросий.

— Дядя, — потянув за рукав серого кафтаны Амвросия, произнес Николай, — коляска ждет, пошли.

Амвросий стоял, опустив голову. Гул толпы стал гораздо сильнее — бунтовщики уже подходили к монастырю.

— Дядя, ну что же ты стоишь?

— Николай, — Амвросий поднял глаза на племянника и прекрестил его, — храни тебя господь, голубчик, и... — голос его прервался.

Николай, широко раскрыв глаза, смотрел на архиепископа.

— На вот, возьми, сие спасет тебе жизнь.

Амвросий достал из кармана серого кафтаны золотые часы и два империала, которые протянул Бантыш-Каменскому.

В этот момент ворота монастыря дрогнули под мощными ударами. Всех, кто был в монастыре, охватил ужас и отчаяние. Обезумевшие от страха люди носились по двору в поисках спасения. Бушующая стихия ворвалась в Донской монастырь.

— Архиерей здесь! Вон коляска его племянника! — воскликнул подъячий канцелярии московского архиепископа.

— Не успел удратить! — радостно воскликнуло несколько голосов.

— А вот и люди его племянника! — вновь подал голос подъячий-предатель.

Мятежники схватили кучера и лакея Николая Бантыш-Каменского.

— Где архиерей?
— Куда дедся вероотступник?
— Где родич его?

Прислуга не выдала ни Амвросия, ни Николая и была забита насмерть.

Во время этой жестокой расправы Амвросий исповедался у служившего обедню священника и приобщился святых тайн, после чего опустился на колени перед алтарем и стал горячо молиться:

— Господи! — вешал он, воздев руки к жертвеннику. — Остави им, бо не ведают, что творят! Не введи их в напасть, но отврати стремление их! И как смертию Ионы укротилось волнение моря, так смертию мою да укротится ныне волнение сего свирепеющего народа!

— Владыка, надо хорониться, пойдем на хоры, — обратился к Амвросию Епифаний.

— Все в Божьих руках. Я приготовился к своему роковому жребию, — ответил старик.

— Не вводи чернь в искушение — уйди от греха подальше, — настаивал Варлаам.

Епифаний и Варлаам подхватили под руки Амвросия, помогли ему подняться и увлекли на хоры, находящиеся в алтаре, позади иконостаса. Амвросий спрятался на четвертом ярусе...

— Преосвященный, благословите мое решение посвятить себя служению Церкви.

Перед Феофаном Прокоповичем сидел высокий красивый молодой человек. Его умные, проницательные, глубоко посаженные глаза излучали какое-то особое тепло, а высокий покатый лоб свидетельствовал о необычайном уме. Юноша очень понравился сподвижнику Петра Великого. Даже его, Феофана Прокоповича, поразили глубокие и многосторонние познания сидевшего перед ним.

— Что ждет тебя в церковной карьере? — мысленно рассуждал Прокопович. — Указом императрицы строго запрещено пострижение в монахи образованным молодым людям. Но это не беда — Анну Иоанновну уговорю и покуда я жив, дам простор твоему рвению. А потом?.. Какова же судьба ученого среди невежд?

Феофан употребил все свое красноречие, чтобы отговорить Андрея Зертис-Каменского от его намерения постричься, но тот упорствовал.

— Тебя, сын мой, как молодого человека, с пользой окончившего учение, ожидает знаменитое поприще в гражданской службе.

— Святой отец, я желаю посвятить свои знания и радение святой церкви.

— Сын мой, ты не ведаешь, какие тяжкие обязанности ожидают человека, отрекшегося от мира.

— Сие не страшит, а манит меня, святой отец.

Феофан Прокопович встал и старческой походкой ушел в свою библиотеку, откуда вернулся с книгой, содержащей похвалу супружеству. Старец протянул книгу юноше в надежде, что ее содержание заставит Андрея изменить решение.

— Прочти сию книгу с великим вниманием, и если она не заставит тебя переменить мысли, то приходи ко мне через три дня, я соглашусь тогда исполнить твое желание.

В назначенный срок Андрей явился и подтвердил свое намерение, но Прокопович, несмотря на обещание, не спешил с его выполнением. Казалось, что проницательный старец предвидел мученический конец юноши, поэтому долго не соглашался дать свое разрешение на пострижение. Но ни книга, ни доводы Феофана не убедили Зертис-Каменского, он твердо решил посвятить себя духовному поприщу.

— Ну что ж, быть по сему, — согласился, наконец, Прокопович и определил Зертис-Каменского учителем в только что открывшуюся Семинарию при Александро-Невском монастыре.

Это было в 1735 году, и только через четыре года Андрей Степанович был пострижен в монахи и наречен Амвросием. В 1742 году он был пожалован префектом Семинарии...

Пройдет много лет и в свою последнюю минуту Амвросий вспомнит отца, избежавшего лютой смерти, которая стала его жребием.

Степан Константинович Зертис был родом из Валахии. Он служил при гетмане Мазепе начальником канцелярии и был переводчиком с молдавского, греческого и турецкого языков. Мазепа ценил Зертиса, но не доверял ему из-за его честности и верности престолу. Узнав о предательстве гетмана и отъезде его к шведскому королю Карлу XII, Зертис стал убеждать сердюков, чтобы они отстали от предателя и покорились Петру Великому. Адъютант Мазепы Чечел немедленно арестовал Степана Константиновича и приковал к пушке, намереваясь таким образом казнить. Но Зертис занимал важную должность и Чечел не рискнул лишить его жизни без ведома Мазепы. К счастью для Зертиса, отправленный полковником гонец был перехвачен русскими, и вскоре затем был взят Батуриным. Петр I наградил Степана Константиновича за верность поместьем в Неженском полку. Именно в Нежине 17 октября 1708 года родился Андрей — будущий архиепископ Амвросий...

...Часть бунтовщиков бросилась в баню, в которой, кроме Николая, находилось двое монастырских слуг. Юношу стали избивать.

— Помилосердствуйте, братья, не убивайте меня! — просил он.

— Ишь, щенок, вопит-то как!

— Небось с дядей заодно был, когда Богородицу грабить на-думали!

— Не думали мы грабить ее. Разве ж мы против заступницы нашей? Вот, возьмите, Христа ради, от меня пожертвование на свечу и оклад.

Николай вытащил дрожащими руками золотые часы и табакерку, которые тут же исчезли в толпе.

— Только отпустите меня и не чините зла, — умолял юноша палачей.

— Это что же — часами решил откупиться? — крикнул один из бунтовщиков, и удары вновь посыпались на Николая. — Вдвоем больше давай!

Николай судорожно достал золотые монеты, которые вместе с часами отдал ему Амвросий.

— Вот, — сказал он, протягивая их дрожащей рукой.

Монеты точно так же моментально испарились.

— Мало, еще давай! — крикнул какой-то купец, которому ничего не досталось.

— Нет у меня больше ничего, — жалобно произнес Николай и перекрестился. — Все в Чудовом монастыре осталось.

Слезы крупными горошинами катились по щекам юноши. Его затравленный вид вызвал у некоторых сочувствие. В их числе был и подьячий-предатель.

— Оставьте мальца — Николай добрый малый, зла никогда никому не делал, — произнес он.

— Я тоже его знаю, — поддержал подьячего не знакомый Николаю мужик, — он честный человек...

— Алексей, — обратилась императрица Елизавета Петровна к Разумовскому, — Воскресенский монастырь пришел в плачевное состояние. Как ты думаешь, кому могу я доверить его восстановление?

— Государыня, думается мне, что под силу сие только Амвросию. Он блестящий знаток церковной архитектуры и опытный строитель. Кроме сего, его знание многих языков и авторитет в Европе помогут найти достойных иностранных зодчих.

— Ты прав, я назначу его архимандритом Воскресенского монастыря с титулом Члена Святейшего Синода.

В 1748 году Амвросий приступил к реставрации Воскресенского монастыря, известного нам как Новый Иерусалим. Через пять лет энергичного архимандрита посвящают в епископы, еще через восемь — в архиепископы. 17 лет жизни ушло на восстановление исторического памятника. Новый Иерусалим был приведен в такое блестящее состояние, что им восторгались даже иностранцы. Амвросий сам обучал рабочих и монастырских служителей технике иконописи и художественной росписи. Он

потратил на украшение храма все свои сбережения (щедрые подарки и награды императриц).

Особый интерес вызывал сооруженный им деревянный шатер вместо бывшего каменного, который рухнул в 1736 году. Этот шатер над Гробом Господним освещался 75 окнами, увенчан был тремя хорами и 60 живописными картинами из Священной Истории. Под деревянным шатром (над самим гробом) Амвросий соорудил другой, позолоченный.

В украшении обители активно помогал ему родной брат — Никон, который после окончания работ и был назначен архимандритом монастыря...

Магическое действие золота и серебра сохранило Николаю жизнь, его перестали бить и вывели во двор. Но здесь другая группа бунтовщиков остервенело накинулась на юношу, и он был бы убит, если бы не заступничество ведших его. Тем не менее свора пьяных узнала от него, что хотела. Отчаяние Николая во время нового избиения было настолько велико, что он выдал местонахождение дяди.

— Преосвященный в соборной церкви...

— Ваше преосвященство, я назначаю вас Московским архиепископом и поручаю вам восстановление трех главнейших храмов Кремля: Успенского, Архангельского и Благовещенского, — заявила Амвросию в 1768 году Екатерина II.

— Слушаюсь и повинуюсь, Ваше императорское величество.

— Что с вами, владыка? Вы не рады своему повышению? — удивилась Екатерина невеселому виду архиепископа. — Или не уверены, что сможете оправдать мои надежды?

— Государыня, работы сей я не боюсь, восстановление и постройка храмов — отрада моей жизни. Тем не менее неохотно принимаю сие назначение, так как хорошо знаю Московскую Епархию. В консистории творится беспредел и беззаконие, нужны крутые меры. Тамошние священники озлобятся на меня и будут чинить всевозможные препятствия, а вас будут допекать доносами. Выдюжу ль? Я уже не молод.

— Я верю в вас, владыка. И восстановленные русские святыни, как и Новый Иерусалим, будут служить памятником вашей деятельности и личности...

— Да, не оправдал я твоих надежд, государыня, — горестно прошептал Амвросий, сидя на хорах. — Ничего-то я не успел, только Благовещенскому собору придали первозданный вид да построили церковь Святых Кира и Иоанна.

Благодаря энергичной деятельности архиепископа всего за два года Благовещенскому собору вернули его прежнюю красоту и величественность.

— Жаль, — продолжал сетовать старец, — не успел осталые восстановить, а все это проклятая чума. Не будь ее — Успенский своим благолепием поражал бы уже людей. Не будь ее — не смогли бы безместные попы настроить чернь против меня...

...Не по нраву пришелся белому духовенству новый глава епархии. Покойный митрополит Тимофея был добродушным и безвольным человеком, при нем консистория обладала сильной властью, где процветало взяточничество, законы нарушались сплошь и рядом. Преемник Тимофея — Амвросий был противоположного характера: решительный и энергичный, хорошо знающий бесчинства консистории. Он рьяно взялся за наведение порядка. За нарушения законов и порядка в консистории Амвросий вычитал из жалования, особо злостных нарушителей заковывал в цепи. Кто не желал подчиниться — того увольнял.

Трудно архиерею было бороться с беспорядками, так как их источник крылся в бедности белого духовенства. Обязательная женитьба в ранней молодости, большая семья, которую прокормить было крайне трудно, вынуждали к поиску заработка и алчности.

Прежде всего Амвросий запретил вступать в брак молодым людям, не кончившим богословского курса и не выдержавшим у него экзамена. Запретил он также духовенству меняться домами и приходами. Для облегчения участия белого духовенства Амвросий исходатайствовал у Синода возобновления действия указа Петра Великого — иметь казенное жилище. Тем самым попам не нужно было тратить деньги на покупку собственных домов.

Повел Амвросий беспощадную борьбу с порочащими духовное звание безместными попами, с которыми власти безуспешно боролись начиная с XVI века.

В середине XVI века у кремлевской стены был прорыт глубокий и широкий ров, который отделял Кремль от Китай-города. Через ров построили к Спасским воротам большой каменный мост, который по сторонам был усеян торговыми лавками. В них главным образом продавались книги, тетради, лубочные картинки, фряжские листы (иноzemные гравированные эстампы) и другие товары "грамотности". Первоначально эта литература была исключительно духовного содержания. Основными производителями этой литературы являлись низший разряд церковников, отставные священники, дьяконы, пономари, монахи, которые во множестве толпились на площади у Спасского Моста.

Здесь же находился знаменитый в истории московского духовенства Спасский, или собственно Поповский Крестец (так называли в старину городские перекрестки).

С XVI века на Спасском Крестце стали собираться безместные попы, которые нанимались для отправления церковных служб в домовых и приходских церквях. От этого Крестца попы-наймиты и стали называться крестцовыми попами, которые, по словам патриарха Иова, "торговали божественной литургией".

На Спасский Крестец приезжали из разных городов архимандриты, игумены, протопопы, иноки, священники и дьяконы. Кто приезжал по делам, кого присылали, кого привозили на суд за грабеж и разбой. Многие оставались жить в столице и пополняли ряды крестцов.

Бесчинства, творимые безместными попами, вызывали беспокойство властей. Несмотря на указы патриарха и достаточно большое внимание духовных властей к крестзовым попам, с течением времени их поведение нисколько не изменилось. В 1722 году Святейший Синод запретил крестзовым попам и дьяконам быть у служения.

Приказать было легко, но привести в исполнение — сложно: в Москве, кроме приходских храмов, действовало множество домовых церквей, поэтому в священнослужителях, посвященных для церковной службы, была большая потребность, что в свою очередь поддерживало "торговлю божественной литургией".

Никакие запреты не помогали, и бродячие попы по-прежнему продолжали служить. В связи с этим Петр Великий издал в 1724 году указ: "кто своевольно волочащихся или за преступление изгнанных попов будет принимать или таких к себе в духовники принимать и с таких брать штраф за всякую месяц по 5 руб., а за исповедь 10 руб.".

Во время коронации Елизаветы Петровны обер-прокурор Синода князь Шаховской обратил внимание на попов у Спасских ворот, которые собирали поминанья и "чинили необычайный крик, и от того их неблагочиния чину священному имеется не малое зазрение". Князь Шаховской приказал вылавливать этих попов, наказывать их плетьми и ссылать в монастыри. Местным московским попам запрещено было по утрам до литургии собираться у Спасского Крестца — они из-за бедности так же продавали свои услуги.

Так продолжалось до 1770 года, когда архиепископ Амвросий своими строгими распоряжениями не прекратил это. Его возмущал торг между безместными попами, которые "при убавке друг пред другом цены, вместо надлежащего священнику благоговения, произносят с великою враждою сквернсловную брань, иногда же делают и драку. А после служения, не имея собственного дома и пристанища, остальное время или по казенным питейным домам и харчевням провождают, или же, напившись допьяна, по улицам безобразно скитаются".

Запретив строго-настрого собираться на Спасском Крестце, Амвросий тем самым лишил безместных попов, которых к тому времени насчитывалось 257, больших доходов. Особенно усилил он борьбу с ними в связи с начавшейся эпидемией чумы.

Алчность нашла новые пути дохода. На Варварских воротах в Китай-городе издревле стоял большой образ Боголюбской Богоматери. 9 сентября священник церкви Всех Святых, что на Кулишках, Федор Сергеев стал распространять слух, будто фабричному Ивану Савельеву явилась во сне Богоматерь, вешавшая:

— Тридцать лет прошло, как у моего образа на Варварских воротах не только никто и никогда не пел молебна, но не поставил даже перед образом свечу. За сие хотел Христос послать на город Москву каменный дождь, но я упросила, чтоб вместо оного быть только трехмесячному морю.

Этой нелепости поверила не только чернь. Началось настоящее паломничество.

— Порадите, православные, Богоматери на всемирную свечу! — просил Иван Савельев, сидя у Варварских ворот.

Как вороны слетелись жадные попы и стали денно и нощно служить, собирая большие деньги, так как всякий для своего спасения не жалел ничего и отдавал последнее. Отчаяние влекло людей к образу Божией матери как к последней надежде на спасение.

Подобные скопища народа привели к молниеносному распространению эпидемии. Это был пир чумы.

— Вот он, вот он! — закричал двенадцатилетний мальчик, заметив край серого кафтана архиепископа.

— Он здесь! — подтвердили знающие Амвросия.

— Погоди! — крикнул Дмитриев. — Щас я его...

Купец схватил за бороду Амвросия и потянул за собой. Подталкивая старика и награждая тумаками, бунтовщики спустили его вниз.

— Православные, дозвольте приложиться к образу Пресвятой Богородицы Донской, — попросил Амвросий своих палачей.

— Еще чего! — крикнул рыжий детина.

— Пусть его, надо дозволить, — заступись попович.

Купец, держа Амвросия уже за ворот, подтащил его к иконе. Архиерей произнес краткую молитву, перекрестился и приложился к образу.

— Хватит, неча тянуть! — нетерпеливо крикнуло несколько человек.

Дмитриев вновь схватил свою жертву за волосы и выволок на паперть. Подскочил Василий Андреев и наотмашь ударил старика кулаком в висок. Амвросий свалился.

— Не бей здесь, погоди, — закричали на него.

Так же за волосы купец выволок старика за ограду Донского монастыря...

— Петр Дмитриевич, — обратился Амвросий к генералу, — я к вам за помощью.

— Чем могу помочь вам, владыка? — устало спросил Еропкин.

— Хочу с Варварских ворот снять икону и перенести ее в церковь святых Кира и Иоанна. Прошу вас для сего выделить мне военную команду.

— Ваше преосвященство, — задумчиво произнес Еропкин, — чернь волнуется, как бы сия акция не вызвала бунта.

— Я понимаю ваши опасения, генерал, но молельщиков день ото дня умножается. Защиты у Богородицы ищут как здоровые, так и хворые, и все прикладываются к иконе. Мы никогда не сможем одолеть моровую, коли не будем пресекать многолюдные сбiorища.

— Ох, владыка, я отчаялся с ней бороться. Невежество черни, купцов и другого люда многократно сильнее нас.

— Нельзя нам руки опускать, Петр Дмитриевич, — мягко сказал митрополит, — иначе моровая поглотит не токмо всю первопрестольную, но и всю империю Российской. Бог воздаст вам за ваши труды.

— Ведаю я сие, владыка, ведаю, — вздохнул Еропкин, — да сами видите, что все наши труды напрасны. Как же мне разгонять все сбiorища, коли у меня людей не хватает, чтобы хороничать чумных да свозить больных в карантины. Пришлю я вам военную команду, соберу всех, кто у меня под рукой, но вряд ли более пяти сыщу. Как же с такой силой тыщи разгонять?

Настала тяжелая пауза.

— Владыка, — прервал молчание Еропкин, — не трогайте пока иконы, запечатайте только сундуки с деньгами да поместите их в безопасное место, дабы соблазна не было для желающих поживиться собранными деньгами.

— Хорошо, Петр Дмитриевич, я так и поступлю, — сказал, вставая, Амвросий.

Генерал проводил архиепископа.

— После обедни команда будет у вас.

— Благодарю вас, генерал. Дай Бог вам поболе сил и веры в свою правоту.

Амвросий благословил и осенил крестным знамением Еропкина. Простившись с генералом, архиепископ отправился в Чудов монастырь. По дороге он размышлял о пределах человеческих возможностей. Был этот предел и у отважного, честного и энергичного генерала Еропкина. Полгода напряженнейшего труда, который из-за глубокого невежества людей сводился почти к нулю, подорвали душевые и физические силы этого человека.

— Да, не ко времени руки у тебя опустились, — вслух проговорил Амвросий и тяжело вздохнул.

Прибыв в свою резиденцию, архиерей вызвал к себе канцеляриста Степанова.

— Петр, что у Варварских ворот сегодня?

— Народу, владыка, несметное множество. С утра до десяти попов служат молебны.

— Сыскали священника церкви Всех Святых, что на Кулишках?

— Сыскали, владыка, — ответил Степанов. — Насилу привели, не хотел сам идти. Говорит, что консистория ему не указ, что он волю Господа и Богородицы исполняет.

— Богохульничать вздумал! — сверкнул глазами Амвросий. — Приведи его ко мне.

Петр поклонился и вышел. Митрополит, лишенный всякого суеверия и лицемерия, ненавидел тех, кто в своих корыстных целях пользовался невежеством людей. В ожидании попа он ходил по келье, рассуждая об алчности людей, о гордыне, которые были гораздо пагубнее в такое тяжелое время.

— Нет сим зловредным прощения ни на земле, ни на небесах! — воскликнул Амвросий.

— Владыка, я привел отца Федора, — сказал вошедший Степанов.

— Пусть войдет, а ты покуда ступай к себе, — приказал архиерей.

Канцелярист поклонился и молча вышел. Вошел среднего роста худощавый священник, глаза его бегали. Спесь, переполненная попа, слетела, и он больше всего сейчас хотел бы оказаться где-нибудь подальше от этого места, подальше от этих проницательных глаз, которые просто сжигали его.

— Как посмел ты нарушить мой приказ и приказ Ея императорского величества! — гневно сверкая глазами, крикнул Амвросий. — Я приказывал прекратить крестные ходы, не собирать народ во избежание беды! А ты вздумал вещать о чуде! Собирать люд, тем самым обрекая их на лютую смерть! Отвечай!

Сергеев молчал.

— Где же твое красноречие, которым ты созывал народ со всей столицы?! Как мог ты пойти на сей великий грех?! Отвечай, клятвопреступник! — бушевал Амвросий.

— Я не клятвопреступник, Ваше преосвященство, — тихо проговорил священник.

— А кто же ты?!

— Верный служитель Господа!

— Молчи, богохульник! Не смей всуе имя господа произносить. Так тебя Господь учил пачься о своем стаде? Когда это любовь обрекала на лютую смерть тыщи людей?!

Сергеев молчал, страх перед предстоящим наказанием сковал его.

— Петр! — крикнул Амвросий.

Вошел канцелярист.

— Отведи сего отступника в пустую келью консистории, да запри покуда...

— Надо его, собаку, тут же убить, — говорили одни.

— Нет, надобно в народ вести, — возражали другие.

Дойдя до будки, которая стояла рядом с монастырем, Дмитриев бросил наземь свою жертву.

Собравшийся за пределами монастыря народ по-разному воспринял появление архиерея: одни возликовали, что наконец-то он найден и возмездие свершится — их было подавляющее большинство. У других он вызывал жалость, но показать это они боялись.

У будки в это время на карауле стояли крестьяне Трофим Прохоров, Иван Никитин и Козьма Михайлов. Увидав это страшное шествие, они стали бить в трещотки в надежде, что народ испугается и разойдется. Но агрессивно настроенная чернь накинулась на них с дублем. Трещотки были выбиты, одному из караульных дубиной переломили руку, остальные отбежали от будки и издали смотрели на происходящее...

— Петр, — обратился Амвросий к вошедшему канцеляристу Степанову, — возьми консисторскую печать, отправляйся к Варварским воротам и запечатай собранные деньги. Денег тех не смей сам брать и никому не отдавай. — Амвросий подошел к окошку и, печально глядя в него, грустно продолжил: — Сам идти я опасаюсь, чернь злобится на меня, как бы бунта не случилось. Иди, брат, на этот случай прибыла военная команда от Еропкина.

Архиерей и Петр Степанов отправились к эконому Амвросия, где дожидались унтер-офицер, шесть солдат и Федор Сергеев.

— Ступайте за Петром к Варварским воротам, — приказал Амвросий, — ты иди с ними, — обернулся он к Федору, — и по запечатании Петром тех денег будешь иметь их в своем смотрении. Для караула оставил двух солдат.

Петр с Федором, двумя подъячими, в сопровождении военной команды, отправились к Варварским воротам, где неожиданно для них оказалось необычно много народа. Их ждали.

Петр подошел к двум сундукам, при которых стоял караул московского батальона. Ему навстречу вышел капрал Лукин.

— Я прибыл от преосвященного запечатать сборные деньги, — пояснил капралу канцелярист.

— Ишь, прыткий какой!

— Что в сих сундуках? — спросил Лукина Петр, не обращая внимания на реплику.

— В сих сундуках собранные от народа деньги, привесы к образу и свечи, — ответил один из караульщиков.

— Запечатаны ль они кем?

— Тот, что с деньгами, опечатан казенною печатью плац-майором Верещагиным, а мы приставлены по его приказу стеречь деньги.

Степанов подошел к сундукам и вместе с караульными осмотрел печать.

— Ты не смеешь без приказа плац-майора печать свою ставить и солдата сменить, — решительно заявил Лукин, — я доложу майору о твоей затее.

Не обращая внимания на слова капрала, канцелярист сорвал печать майора.

— Печать повредил, — крикнули в один голос капрал и двое солдат, что охраняли сундук.

— Преосвященный прислал деньги взять да образ расколоты! — раздался истошный крик в толпе.

Лукин схватил Степанова за ворот.

— Делайте то, зачем вы пришли! — крикнул Петр солдатам. Это была спичка, брошенная в пороховую бочку.

— Грабеж! Бей их до смерти! — раздались крики.

— Душегубцы!

— Богородицу грабить?!

— Бей их!

Толпа кинулась на канцеляриста, солдаты, сопровождавшие его, вступились за него в чем не повинного Петра.

— Бьют защитников иконы! — завопил кто-то.

Это восклицание наэлектризовало и воспламенило всю толпу, и тут же на маленький отряд набросилось огромное количество людей. В подъячих и солдат полетели камни, посыпались удары дубин.

Завязалась жестокая драка. Поднялся страшный вой и крик. Через несколько минут ударил набатный колокол, за ним — колокола на церкви Всех Святых, а через несколько минут им дружно ответили все звонницы первопрестольной.

Бесчисленное множество народа бежало со всех концов Москвы, кто держал в руках топоры, кто колья, кто камни, кто с кистенями, кто с рогатками, кто с косами — у каждого было что-то в руках. Даже дети были вооружены.

Побоище длилось около получаса. За это время к Кремлю собралось более десяти тысяч человек.

— К архиерею!

— Убить его!

— Смерть колдуну!

Мятежники, придавая своим действиям подобие справедливого возмездия, а не разбойниччьего убийства, учинили допрос.

— Ты ли послал грабить Богородицу?

— Я не виновен в сем грехе, — спокойно ответил Амвросий. — Богородицу ни я, ни кто другой не собирался грабить.

— Зачем хотел снять Богородицу с Варварских ворот?

— Я послал служителей опечатать сундуки с деньгами, дабы они разбойниками какими или своекорыстными людьми не были разграблены, а пошли на богоугодные дела да на Воспитательный Дом.

— Для чего велел запечатать бани?

— Не я один, а само правительство, принимая таковые неприятные для вас меры, действовало для собственной вашей безопасности.

— Ты ли запретил хоронить покойников у церквей?

— Я запретил хоронить покойников у церквей...

Вой толпы заглушил остальные слова старца.

— Да тише вы! — крикнул кто-то в толпе, — дайте сказать владыке!

Гул сменился угрожающим молчанием.

— Я волею Господа помазан ради охранения своей паствы, направления на путь истинный, особливо в лихую годину, — продолжал спокойно архиерей. — В первопрестольной свирепствует моровая, и я, дабы спасти живот оставшимся мирянам, запрет сей учил. Кто не ведает, что заразный больной при целовании уносит с собой всякого, кто к нему приблизится? Хороня в городе чумных, мы оставляем в нем заразу.

Спокойствие старца, уверенность в своей правоте несколько изменили настроение толпы, атмосфера разряжалась.

— Ты ли присудил забирать нас в карантины? — не унимались самые злобные.

— Да, я тоже к этому причастен, — ответил Амвросий. — А как иначе остановить мор? Зараза переходит от больных к здоровым, а коли все вместе, то и здоровые тут же сами этой хворью заболевают. Сверх того, разве вы не видели, что чумной в беспамятстве находится, что коли нет никого рядом, то и помочь ему некому. Ведаете ли вы, как хворь сию победить можно? А в карантинах лекари, кои, не убоявшись лютой смерти, лечат больных.

Настроение толпы явно менялось в пользу Амвросия. Многих бунтовщиков охватило раскаяние, и они несколько присмирели. Вопросы продолжали сыпаться, но уже по инерции.

— И кто с тобою в этой думе заодно?

— Все истинные православные, кои, презрев свою собственную смерть, не щадя живота своего, боятся за спасение вас, дети мои. Господом Богом прошу вас повиноваться предержащей власти, не мешайте ей бороться с моровой. Сносите с терпением предстоящие беды в упновании на милосердие Божие...

Василия Андреева распирало желание размять мышцы и до пьяного его сознания смысл слов Амвросия не доходил. Допрос только разъярил холопа, так как оттягивал момент расправы. Сообразив, что ее может и не быть, Андреев рассвирепел.

пел и, энергично работая локтями, стал пробираться сквозь толпу.

— Чего глядите вы? — рявкнул Василий. — Разве не знаете, что он колдун и вас морочит?

Подскочив к Амвросию, Андреев ударили его колом. Этот удар сыграл роль электрического заряда. Раскаяние, охватившее людей минуту назад, моментально улетучилось, и разъяренная толпа с диким воплем бросилась на упавшего Амвросия. Агрессивность вернулась и к Ивану Дмитриеву, издав непрекращающийся человеческий крик, он с остервенением стал вырывать волосы на бороде и голове жертв.

В руках у поповича и еще одного холопа были балясины от решеток, которые они выломали во время допроса. Ими они били Амвросия, но из-за тесноты удары часто сыпались на самих убийц. Какой-то фабричный выхватил самодельный нож, которым пытался выколоть глаза Амвросию...

Чудов монастырь разграбили дочиста. Тащили все, что попадалось на глаза: деньги, платья, обувь, посуду, иконы, картины, книги, священные сосуды, венцы с образами...

Уничтожена и частично разворована была и библиотека Амвросия, подаренная Елизаветой Петровной и бывшая самой большой ценностью Преосвященного: в ней находились книги русских и иностранных авторов, церковные, научные трактаты, книги по искусству, редкие рукописи. Рукописи самого Амвросия оказались сожжены, в том числе и огромный, неоконченный его труд по истории Русской церкви.

Мебель, окна, двери и многие иконы вдребезги разбиты, разрублены топорами, ни стола, ни стула целого не оставили. На некоторых иконах вырезаны лики.

Здания Чудова монастыря представляли собой страшное зрелище, точно пустыми глазницами чернели окна, в которых не только стекла были выбиты, но и рамы выломаны.

Всю ночь приходили новые желающие поживиться, из-за награбленного стали вспыхивать драки.

Наконец чернь добралась до монастырских погребов, которые арендовались купцами, и где хранились различные вина, французская водка и английское пиво. Мужчины, женщины и дети напивались и грабили погреба. Из бочек черпали колпаками и шляпами. Каждый из дома тащил для напитков посуду побольше. Домой несли бутылки с шампанским, пивом, водкой.

Целые сутки продолжался грабеж и разбой в Чудовом монастыре. 16 сентября пьяная толпа наконец вспомнила, для чего она ворвалась в монастырь. Узнав, где прячется Амвросий, туда направилась толпа в 300 человек. Разбив по дороге два карантинных дома и выпустив оттуда чумных, а также острог, где освободили опасных преступников, толпа, увеличившись в несколько раз, направилась к Донскому монастырю...

Четверть часа терзали и измывались над стариком со зверской жестокостью. Дикий крик разносился далеко по окрестностям. До последнего издыхания Амвросий молился за своих убийц...

Наконец, убийцы устали и отступили. Потерявшие человеческий облик мужчины стали было расходиться. Но кому-то показалось, что растерзанный старец двинул правой рукой. С диким воем они вновь кинулись на бездыханное тело и кольями стали бить по голове. Вновь отступили от тела, и вновь кому-то показалось, что архиерей сжался. В третий раз накинулась озверевшая толпа на тело, пока какой-то поп ударом топора не отрубил часть головы. Только после этого все разошлись.

Более суток пролежало истерзанное тело этого замечательного человека на месте расправы. Боясь мести бунтовщиков, никто не смел убрать труп и предать его земле.

Подавив чумной бунт, власти повели следствие. Непосредственные убийцы архиепископа Амвросия были повешены.

После обеда, как всегда, Бецкой читал Екатерине, но на этот раз не научные книги, а документы, связанные с Амвросием. Вопреки своему обычаю императрица во время чтения не вязала, а сидела неподвижно. Бецкой прочел ей документы, ярко демонстрировавшие неутомимую деятельность этого талантливого ученого и рьяного служителя церкви. Когда очередь дошла до ответного письма архиепископа, адресованного Бецкому — оно было ответом на предложение последнего Амвросию принять звание почетного опекуна Воспитательного Дома, — Екатерина не выдержала, встала и все время чтения письма ходила по кабинету. Лицо ее покрылось румянцем.

— Служить Отечеству, — читал Бецкой, — всяк и по совести и по должности обязан; но служить в званиях, от коих никакой не должно ожидать людской похвалы или возмездия, есть дело поистине одним только нам, духовным, свойственное и приличное: и потому я, приемля святое Вашего Превосходительства к числу человеколюбивых сотрудников приглашение, исповедую, что сия должность столько для меня приятна, сколько Богу и великой Его Помазаннице любезна и угодна...

— Служить Отечеству всяк и по совести и по должности обязан ... — в задумчивости, остановившись у окна, повторила императрица. ■

Некоммерческая организация "Негосударственный пенсионный фонд

"ЛУКОЙЛ-ГАРАНТ"

(Государственная лицензия № 11 от 27 октября 1995 года)

НПФ "ЛУКОЙЛ-ГАРАНТ" — один из ведущих в России негосударственных пенсионных фондов.

Учредители Фонда:

ОАО "ЛУКОЙЛ";

ОАО "Нефтяной фонд промышленной реконструкции и развития";

Международное объединение профсоюзных организаций
ОАО "Нефтяная компания "ЛУКОЙЛ""

С 1997 года Фонд начал выплату негосударственных пенсий. В настоящее время пенсии получают пенсионеры, проживающие в 11 регионах России.

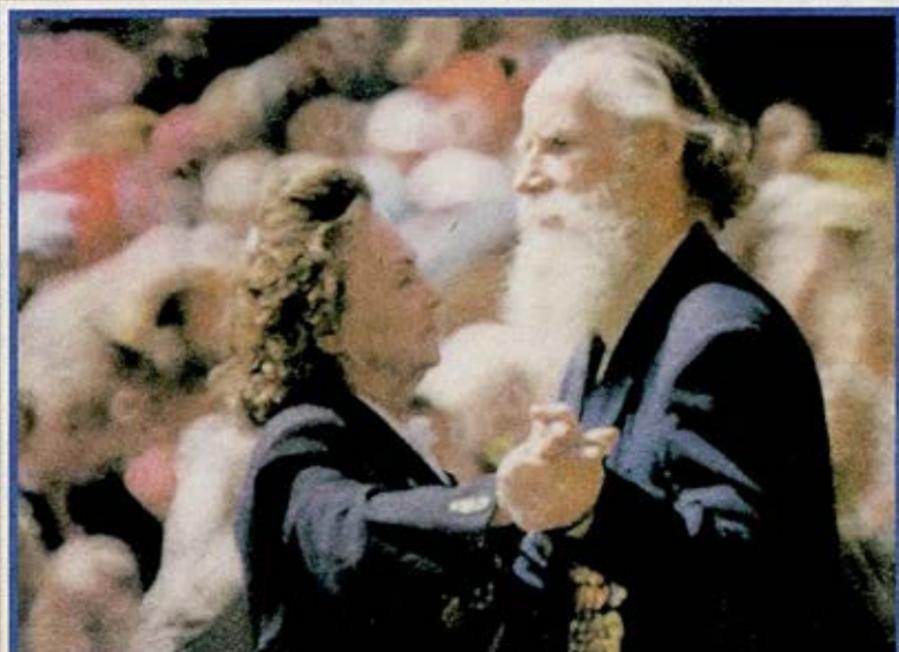
НПФ "ЛУКОЙЛ-ГАРАНТ" предлагает самые разнообразные пенсионные схемы для предприятий всех форм собственности и физических лиц.

Для защиты пенсионных накоплений от инфляции фондом производится индексация размера негосударственной пенсии на всем протяжении ее выплаты. В первой половине 1999 года планируется повысить негосударственную пенсию Участников Фонда на 15%.

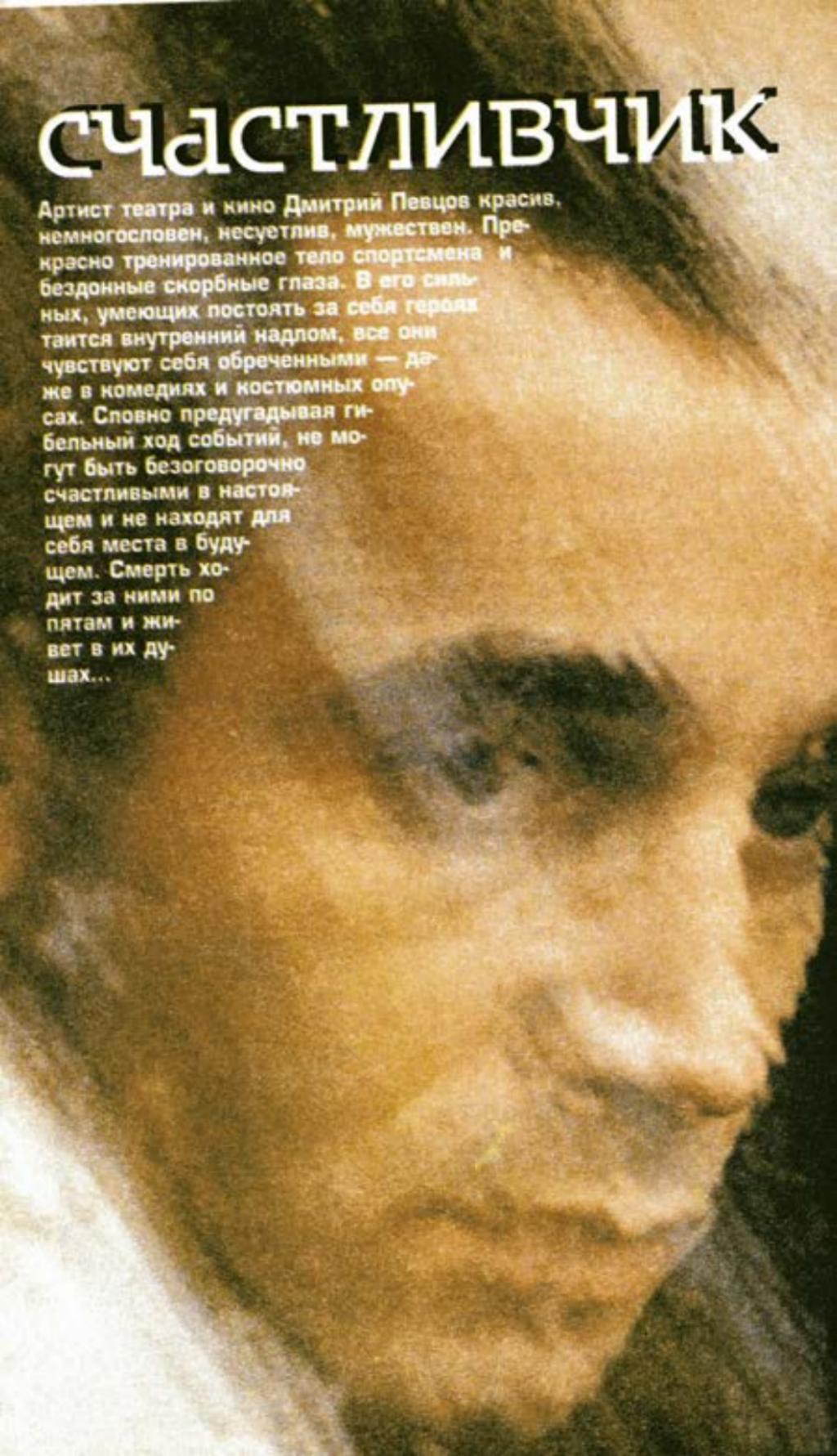
Наш адрес: 123022, Москва, ул. Красная Пресня, дом 44, стр.2

Телефоны: (095) 929-95-21, (095) 929-95-22

Факс: (095) 929-95-20

Счастливчик

Артист театра и кино Дмитрий Левцов красив, немногословен, несуетлив, мужествен. Прекрасно тренированное тело спортсмена и бездонные скорбные глаза. В его сильных, умеющих постоять за себя героях таится внутренний надлом, все они чувствуют себя обреченными — даже в комедиях и костюмных опусах. Словно предугадывая гибельный ход событий, не могут быть безоговорочно счастливыми в настоящем и не находят для себя места в будущем. Смертьходит за ними по пятам и живет в их душах...

ПО ПРОЗВИЩУ “ЗВЕРЬ”

В кино Дмитрий Певцов известен больше по крутым боевикам, в которых сам лихо исполняет наисложнейшие трюки. Зато сцена подарила ему несколько лучших ролей мирового классического репертуара. В театре на Таганке — Васька Пепел, в Ленкоме — Гамлет, Фигаро, Треплев. И, кроме того, в его творческом активе такие экстравагантные, виртуозно сыгранные роли, как Искуситель в “Федре” Романа Викторина, Вальмон в спектакле “Извартие” греческого режиссера Терзопулоса (театр “А”), Томми Барбан в инсценировке Сергея Проханова “Ночь нежна” (театр “Луны”), антрепризный спектакль Александра Назарова и Михаила Малиновского “Коллекция, или Как отдохнуть на Бермудских островах” и фильм Дмитрия Астрахана “Контракт со смертью”. Последняя работа актера — спектакль “Мистификация” по пьесе Нины Садур “Брат Чичиков”, где он сыграл самого Чичикова.

Женат. Жена — актриса театра “Современник” Ольга Дроздова.

— До войны был очень известен театральный артист Илларион Певцов. Случайно не ваш родственник?

— Нет, какой там родственник, семья у нас самая обычная, родители — бывшие спортсмены. Брат, на шесть лет старше, тоже был физкультурником. О театральном всерьез никогда не думал. Хотя теперь понимаю, что меня к актерской профессии с детства “вело” — всегда появлялось желание показывать себя, быть в центре внимания. И я не раз представлял, что снимаюсь в фильме “Старший сын” (он мне очень нравился), что мои партнеры — Евгений Леонов и Николай Карабченков, и как все это здорово... Но это были всего лишь фантазии. И после школы (мы с братом оба закончили французскую спецшколу) поступал в педагогический институт на факультет биологии, который до этого закончил мой брат. Слава Богу, я не поступил, хотя с детства увлекался биологией... Однажды утром в Одессе, в огромной коммунальной квартире, где

много книг, нашел одну, которая меня очень заинтересовала: про какой-то аппарат, ходящий по дну моря. Люди сидят на берегу и на экране монитора смотрят, как он забирается в самые глубокие впадины. Меня это так поразило, на фоне серой жизни вокруг показалось необыкновенным, ярким, интересным. И я решил стать ихтиологом. Ихтиолог, биолог — профессии родственные, а тут еще брат и все его друзья биологи... Все показалось предопределенным.

— И куда же пошли?

— Работать на завод. Естественно, думал о своей будущей жизни, как-то сама собой появилась мысль: а почему бы не попробовать пойти в театральный вуз? Если бы знал, какие там конкурсы, то и не сунулся бы, но я же ничего не знал. А тут еще познакомился с одним артистом из театра имени Станиславского, он посоветовал, какой репертуар для экзаменов подобрать. Я подготовился как смог и пошел на экзамены. И сдал их с лету, неожиданно для самого себя. Попал к замечательным педагогам: Лидии Николаевне Князевой и Елене Ильиничне Судановой. Они работали абсолютно по-разному. Князева любила этюды, предлагала студентам вживаться в предлагаемые обстоятельства. Все, что было вокруг, могло послужить ей материалом для работы. Суданова же выстраивала четкий рисунок поведения. На пересечении этих двух разных методов мы и учились, что оказалось прекрасной актерской школой.

— Первый съемочный день, первый выход на сцену запоминают-

ся на всю жизнь. Накими они были у вас?

— Первый — не помню совершенно, даже название фильма забыл. Я тогда учился в институте и снялся в какой-то массовке. Первую большую роль у Татьяны Лиозновой в ее телефильме "Нонец света с последующим симпозиумом" тоже не очень запомнил, а вот первый спектакль на профессиональной сцене — это было потрясение! Анатолий Эфрос пригласил меня, еще студента, в театре на Таганке сыграть Ваську Пепла в "На дне". И вот 27 марта, в день театра, я вышел на сцену. Что-то внутри складывалось, абсолютно ничего не чувствуя, стал играть. Прошло два часа, закончился спектакль, это "что-то" разжалось, и я упал замертво. Заснул.

— Режиссеры, которые с вами работали, говорят, что вы очень послушный актер...

— Да, я всегда внимательно их слушаю, для меня главное — понять, чего они хотят. Мой организм "включается", когда предложен жесткий рисунок роли — внешний или внутренний, тогда начинаю "вести" себя по нему и открываю нечто совершенно неожиданное. И еще я у каждого режиссера чему-нибудь учусь. Так от репетиций с Эфросом осталось ощущение какой-то легкости, они не казались работой, ничего похожего на мучительный поиск. Праздник, фейерверк талантливых идей и предложений, радость общения — вот, что запомнилось. К сожалению, больше я у него ничего не играл, репетировал, правда, недолго Альвеста в "Мизантропе", но позже он взял другого актера. Потом была встреча с Винтюком, который и сделал из меня настоящего актера. Роман Григорьевич влюбляется в актеров, с которыми

работает, и, может быть, поэтому ему удается так раскрывать их возможности, обнаруживая самое потаенное, "вытаскивая" их из спорулы, заставляя поверить в то, что они талантливы, даже гениальны (а почему бы и нет?). Именно после винтоновской "Федры" я понял, что такая власть над зрительным залом, как можно зал "держать", управлять его эмоциями.

Еще запомнился Панфилов. У меня с ним была эпизодическая работа в театре — он ввел меня в свой спектакль "Тамлет", провел тогда несколько репетиций. Но вот фильм "Мать" оказался настоящим подарком судьбы. Такая роль! Работал Панфилов своеобразно — внимательно слушал все замечания, все предложения, даже от самых молодых членов группы, а потом на основе сказанного выдавал совершенно новую идею, безумно интересную. На площадке рядом с ним все время находишься в состоянии эксперимента.

О людях, с которыми работал, могу говорить долго, повторюсь, мне везло на талантливых режиссеров. Например, Марк Анатольевич Захаров. Он непредсказуем в задачах, которые перед нами ставит на репетициях. Всегда очень конкретен. А как виртуозно ищет форму! Это отдельный спектакль, зрители которого — мы, актеры. Захаров владеет одним из качеств режиссеров будущего: кроме того, что продумывает все до мелочей, сам ставит свет, занимается музыкой, руководит актерами, он еще выстраивает партитуру восприятия спектакля зрительным залом и, исходя из нее, корректирует сам замысел.

— А что для вас зритель?

— Что такое власть для политиков? То же и зритель для акте-

ров — наркотик. Вот, наверное, почему я так ценю театр и очень прохладно отношусь к кино, без которого спокойно могу пронуть. В театре есть ощущение власти над зрительным залом, чувство полета. Знаете, иногда ведь и поклоны радуют.

— Вы учитесь у каждого режиссера, с которым работаете, а ваши персонажи оказывают на вас влияние?

— На самом деле мои роли на меня не оказывают никакого влияния. Случается, что некоторые из них получают какой-то резонанс, о них пишут, говорят, я получаю неплохие дивиденды, но это все внешнее, наносное.

— То есть после спектакля спокойно выходите из театра, а съгранное, все эмоции, переживания остаются за его дверями?

— Да, конечно, конечно!

— И на сцене себя контролируете?

— Да, хотя на сцене внимание артиста распределено несколько по-иному, чем в обыденной жизни. А вообще, я могу потерять контроль, только если потеряю сознание, а поскольку не теряю его никогда, то самонадзор остается со мной при любых обстоятельствах.

— Но что-то свое привносите в съгравные роли?

— Свой организм, который гораздо талантливее хозяина. Мозг все контролирует и направляет, организм воплощает. Каждый человек — небольшой космос, и я не исключение. Моя психика, моя биология "ложатся" на роли, насколько удачно — судить уже зрителю.

— А как вы сами относитесь к своим героям, например, что вас в них может привлечь, что служит решающим аргументом при согласии играть?

— Самые разные факторы, начиная с личности режиссера и кончая финансами. Люблю безумные задачи. Например, фильм "Линия жизни" меня привлек тем, что мой герой, восточный принц-мафиози, разные трюки на коне выделявал. Я до этого джигитовкой никогда не занимался, пришлось брать уроки, учился падать с лошади, которая скакет на скорости 40 километров в час. Достаточно неприятное занятие. Но я всему этому выучился, а в итоге мои упражнения на коне вырезали.

А еще мне интересны крайние ситуации. Состояние стресса. Мне нравятся персонажи, профессии которых заставляют их постоянно находиться на грани жизни и смерти, это придает особую остроту их чувствам. И когда ты "примеряешь" такие ситуации на себя, организм может "выдать" неожиданный результат.

— Почти все ваши герои — персонажи, в общем-то, положительные. Это ваш осознанный выбор?

— На самом деле мне от мамы с папой досталось вот такое лицо, вот такие глаза. Знаю, что обладаю определенной притягательностью, и что моя энергетика работает именно в сторону положительного героя, в которого влюбляются, на которого хотят походить. От меня самого это не зависит.

— И, если вам предлагаются роль записного злодея...

— С удовольствием сыграю, но насколько он будет злодей, трудно сказать. Герой должен привлекать внимание, быть интересным зрителю, а любопытство не может быть направлено, я извиняюсь, на нусок дермы. Правильно? Любой персонаж, даже убийца и насильник, имеет свою логику, я должен понять ее и оправдать персонажа пе-

ред ним самим, только тогда роль получится.

— Что в таком случае для вас зло в жизни? Что огорчает, выводит из себя?

— Зло в жизни? Сейчас я подружился с танками книгами, например "Диагностика нармы" Сергея Николаевича Лазарева, и к самому злу стал относиться несколько по-другому. Теперь я понимаю, что оно — часть божественного, так же, как хаос — сила, которая помогает восстанавливать порядок. Такой, какой должен быть. А что выводит из себя? Вещи совершенно глупые и мелкие — разлитая чашка чая или что-нибудь в этом роде. И наоборот, что-то глобальное, то, что могло бы другого человека довести до бешенства, меня вообще не трогает.

— А если что-то не получается?

— Злюсь, но в депрессию стараюсь не впадать, уныние тоже грех.

— У вас склонности-то в жизни есть?

— Абсолютно никаких, и сам я оптимист.

— Оптимист, играющий трагические роли?

— Я не виноват. Такие дают, и, кроме того, результат зависит ведь от режиссерского решения.

— В вашем возрасте уже начинают подводить первые итоги, что достигнуто, чего хотелось бы достичь...

— Никогда не подводил никаких итогов и не собираюсь. Это нужно делать, когда перестаешь чем-то заниматься, я же надеюсь, что профессионально все время расту и еще многому научусь — у меня все впереди. А вообще, я — счастливчик. У наших режиссеров работал, какие роли играл!..

— Но жизнь все же нано-пла-нируете? Новое антерское поноле-

ние, к которому вы принадлежите, научилось добиваться желаемого, оно сверхактивно — придумывают новые театры, организуются антрепризы, осуществляются разного рода проекты. Деретесь ли вы тоже за свое место под солнцем?

— Не-а. Не дерусь. И ничего не планирую. Я фаталист. И знаете, но мне то, что хочу, обычно само приходит, рано или поздно, а я к этому просто оказываюсь готов. Что до поколения... Наконец устраивается, как может, мне же, дай Бог, с собой разобраться. Но как зрителю мне многое нравится из того, что делают молодые, с удовольствием хожу на их спектакли, фильмы.

Бывало ли, что накануне роли из увиденного фильма или спектакля начинаете "примерять" на себя?

— Во всех хороших спектаклях, которые я смотрел в последнее время, ищу роль для себя. Кроме того, после "Чайки" у меня появилась потребность в накануне материала с открытыми страстью — Шекспир, Корнель... После Треплева, который почти все действие медленно умирает, мне хочется выплеснуть эмоций. Легче два акта рыдать, биться в истерике, чем существовать в таком немыслимом напряжении, мало и тихо говорить... Первые полгода после премьеры я переживал на накануне спектакля настоящее потрясение, долго не мог успокоить сердце.

Есть ли роли, сыгранные вами, которые вам особенно дороги, и роли, от которых вы бы отказалась?

— Не знаю... Нет, ни от чего бы не отказался, потому что все, что играю, мне доставляет удовольствие, а из того, что нравится особенно — Треплев в "Чайке" и Вальмон в "Нварктете". Это серьезные, профессиональные работы, уже с пре-

мьерами существующие в точно найденной форме.

— Дима, можно напоследок предложить вам небольшую блиц-анкету? Вопрос первый: представьте, что вы могли бы подружиться с любым из известных литературных или кинематографических героев, кого бы выбрали?

— Никого. Я не любопытный. Разве что с Воландом... Да, с ним было бы интересно.

А в каком вене хотели бы жить?

— Меня все в нашем устраивает, человеку все предопределено, и то, что я родился в нем, совсем не случайно.

Вы много поездили по миру, ваша любимая страна?

— Греция. Единственная страна, приехав в которую, я через несколько дней не рвусь домой.

Любите читать?

— Читаю в основном то, что нужно для работы, или в чем чувствую потребность. Два года ходил в Ленинскую библиотеку читать психоаналитиков, которые у нас тогда еще не издавались. В результате этого сидения понял, что эта литература должна изучаться в школе. Она может подготовить человека к будущей жизни.

Что для вас ценно в людях, которые вас окружают?

— Я это стараюсь не анализировать, во всем полагаюсь на интуицию — человек либо входит в мой круг, либо нет. А в жене важно то, что она — моя половина.

Ницше человека складывает из памятных событий. Накие из них вы можете назвать?

— Само рождение. Встреча с Олей. Следующим, надеюсь, станет рождение ребенка... ■

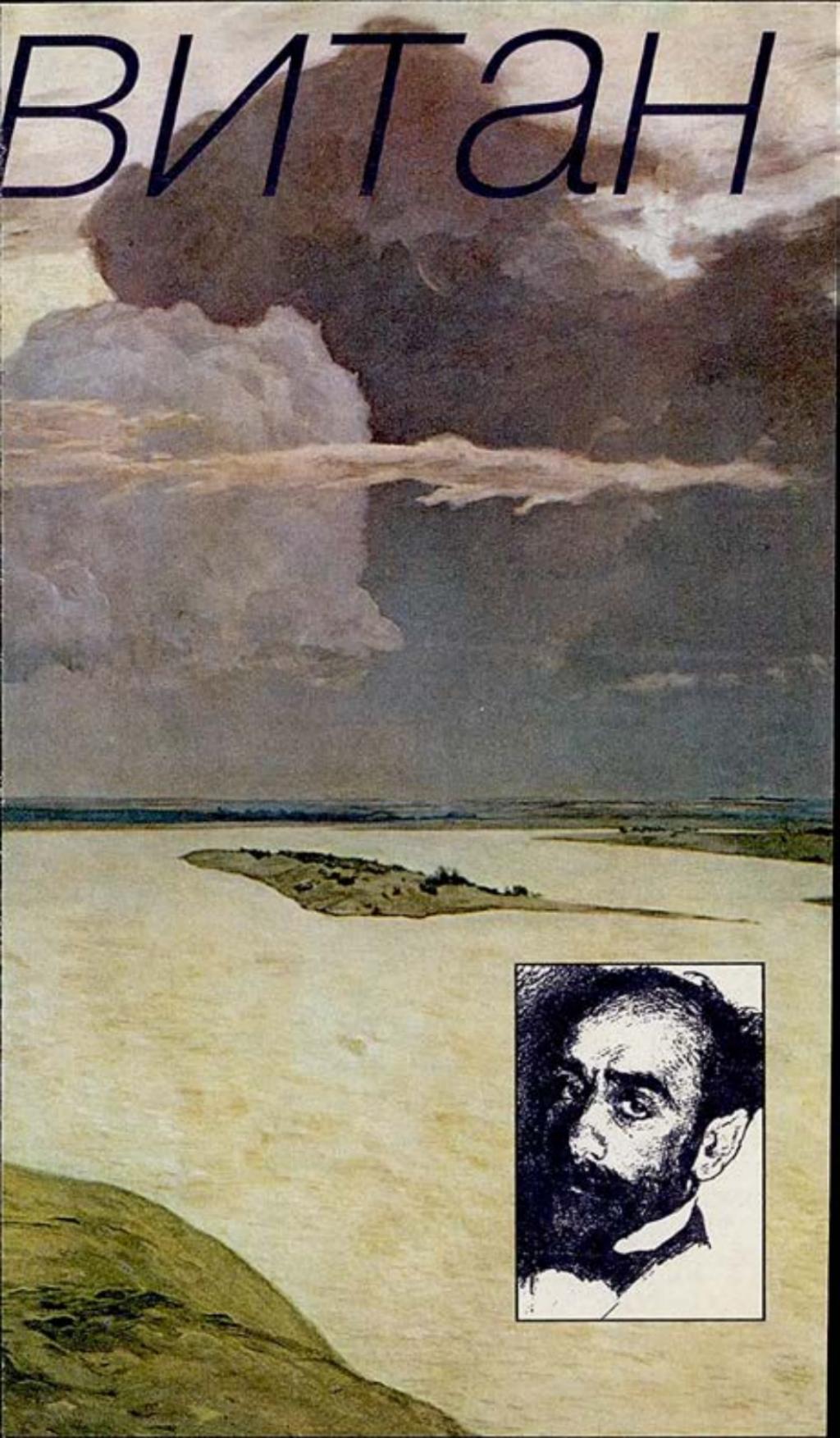
Беседу вели Тамара СЕРГЕЕВА.

Над вечным покоем. 1893 — 1894.

ле

ВИТАН

Сергей ГЛАГОЛЬ

ед Левитана был раввином, а отец сначала учился в равинском училище, но затем так усердно трудился над своим образованием, что впоследствии мог даже учительствовать. Служил он на железной дороге близ западной границы, занимая на станциях разные мелкие должности. В 1861 году, когда он служил на станции Вержболово, в местечке Кибарты, где жила семья Левитанов, родился маленький Исаак.

Еще ребенком Левитана увезли в Москву, куда, бросив железнодорожную службу в надежде на лучшие заработки, переселился его отец. Однако ни хорошей работы, ни сносного места Илье Левитану найти не удалось, и он кое-как перебивался грошевыми уроками. В Москве семье Левитана не повезло. Сначала заболела и умерла мать, а затем эпидемия брюшного тифа настигла отца и маленького Исаака.

Обоих увезли в разные больницы. Когда Исаак, оправившись, вернулся домой, то узнал, что отец умер. Дети остались без куска хлеба и без кровя. Как пережили они это трудное время и кто им тогда помогал, остается совершенно неизвестным. Известно только, что в 1873 году двенадцатилетний Исаак Левитан от своего собственного имени подал прошение в Училище живописи и ваяния и был зачислен учеником.

Художник М.В. Нестеров в своих воспоминаниях рассказывает: «Красивый мальчик еврей, более похожий на мальчиков, которые с цветком в кудрявых волосах так часто встречаются на площадях Неаполя и Венеции, Левитан обращал на себя внимание и тем, что тогда уже слыл в школе за талант. До чрезвычайности скромно одетый, как сейчас помню, в клетчатый пиджачок, он терпеливо ожидал, когда более счастливые товарищи его, насытившись у старика "Моисеича", расходились по классам. Тогда и Левитан застенчиво подходил к Моисеичу, чтобы попросить его потерпеть прежний долг (копейек 39) и дать ему вновь "до пятака". Это было для него в то время и завтрак, и обед, и ужин... Левитан тогда вообще очень нуждался. Про него ходило в школе много рассказов, с одной стороны, о его даровании, а с другой — о его великой нужде. Говорили, что он не имеет иногда и ночлега. Рассказывали, что, бывало, после вечерних классов он исчезал, незаметно прятался в верхнем этаже огромного старого дома Юсупова, где помещалась школа, и один коротал в тепле длинный зимний вечер и долгую ночь с тем, чтобы утром натощак снова начать день влюбленными мечтаниями о нежно любимой природе. Так шли многие дни и многие ночи, страх и горе сменялись восторгом и радостью. Талант в самом деликатном своем возрасте

* Сергей Глаголь (псевдоним С.С. Голоушева, 1855-1920) — русский художник, художественный и театральный критик. Его монография «Исаак Ильич Левитан» вышла в 1913 году и с тех пор не переиздавалась.

встретился с жестокой нуждой, и завязалась борьба на долгие годы"...

Классные занятия Левитана шли в училище очень успешно, и в работах его стал сказываться настоящий художник. В 1877 году печать уже отмечает на ученической выставке шестнадцатилетнего Левитана как художника, "который умеет чувствовать природу и верно передавать свои впечатления", а при обзоре следующей выставки говорит о присутствии большого чувства в работах "молодого художника", который "пишет по впечатлению, а не просто копирует". М.В. Нестеров в своих воспоминаниях тоже отмечает, что Левитан очень скоро выдвинулся, и его, хотя не конченный, но полный тихой поэзии "Симонов монастырь" был даже одной из лучших вещей на первой ученической выставке.

Учителем Левитана в пейзажном классе был Саврасов. Он умел воодушевлять учеников, и, охваченные восторженным поклонением природе, они, сплотившись в дружный кружок, увлеченно работали и в мастерской, и дома, и на натуре. С первыми весенними днями вся мастерская спешила из города, и среди тающих снегов любовалась красотою пробуждающейся жизни.

Зимой 1880-1881 годов, пробыв в училище семь лет, Левитан окончил натурный класс, получил установленные серебряные медали за рисунок и этюд и готовился представить картину на большую медаль и звание классного художника, но обстоятельства сложились так, что звания ему получить не пришлось. История отказа Левитану в медали, по воспоминаниям Н.А. Касаткина, произошла следующим образом. Левитан написал с этюда, сделанного близ Останкина, картину, изображавшую поле со сложенными на нем снопами скатого хлеба в облачный, ненастный день, и показал ее у себя дома Саврасову, который в то время уже сильно пил и почти не посещал училища. Саврасов одобрил картину и сделал на ней мелом надпись: "Больш. Серебр. медаль", но когда Левитан принес ее в училище и показал другим преподавателям, они картину не признали достойной медали. Почему так произошло, сказать трудно. Хотело ли училище придраться к случаю и побудить на отставку Саврасова, которым все тогда тяготились, или же в самом деле никому, кроме Саврасова, не понравилась эта несколько замученная картина, но в медали Левитану отказали. Молодой художник обиделся и не пожелал представить другую работу. Неопределенное положение затянулось на целых три года. Совет ждал от Левитана картины, а он упрямо не хотел ее писать, хотя и продолжал участвовать в ученических выставках. Наконец училище предложило Левитану в 1884 году "за непосещение классов(?) оставить училище и взять диплом "неклассного художника", имеющего две малых серебряных медали".

Так, с этим дипломом, дававшим право стать учителем рисования и чистописания, будущий первоклассный русский художник и вышел из училища.

Но хотя школа и выпустила Левитана всего только "неклассным художником", было бы несправедливо упрекнуть ее в том, что она не помогала Левитану и не поддерживала его на первых порах. Однажды, в 1881 году, даже выдала Левитану субсидию, чтобы побудить его поехать на Волгу, и если поездка не состоялась, то в этом не было вины училища. У Левитана заболела сестра. Врачи предписали увезти ее в деревню или хотя бы на дачу, а денег на это не было. Левитан бросил мысль о поездке на Волгу, нашел дачу близ Останкина и переселился туда с сестрой. Вместо волжских картин он принял за работу над окружавшими Останкино мотивами.

Как раньше любил Левитан Сокольники с их парком и аллеями, то занесенными снегом, то убранными осенним золотом деревьев, так здесь, в окрестностях Останкина, увлекли его поля с колосящимся хлебом или снопами сжатой ржи, болотца с отраженной в их воде вечерней зарей, и окруженные полями деревушки с грязными дорогами. Мотивы эти заполняют целый ряд картин молодого художника и очень характерны для, как называли друзья Левитана, "останкинского" периода его живописи. В них еще много саврасовского влияния, краски большей частью черны или рыжеваты. В то же время Левитан еще довольно слабый колорист, на нем пока не оказывается влияние Поленова.

После Останкина, ранней весной 1884 года, Левитан поселился вместе с художником В.В. Переплетчиковым под Звенигородом, в Саввиной слободе, близ одного из самых красивых подмосковных монастырей. Жизнь в настоящей деревне с ее уютными задворками и покосившимися избами, крытыми соломой, стала отражаться в пейзажах Левитана. Место полей и болот занимают интимные уголки деревни, задворки с остатками вешнего снега, деревенская улица с виднеющейся на ней часовенкой, пасека с освещенными весенным солнцем колодами ульев...

Однако следующее лето Левитан провел не в Саввиной слободе, а в Бабкине, куда уехал к поселившейся там семье Чеховых.

Брат Антона Павловича Чехова, Николай, учился вместе с Левитаном в училище. Еще там молодые люди очень подружились, и скоро Левитан сделался близким другом семьи Чеховых.

В ту пору он жил в Уланском переулке, где снимал комнатку у вдовы Реддер. Кроме работы над картинами пробовал рисовать углем портреты, нарисовал автопортрет и портрет художника Тарбетева, но где они теперь, неизвестно. Одновременно он рисовал и для иллюстрированных журналов. Проработав целый день, в долгие зимние вечера много читал. Особенно Левитан увлекался тогда Добролюбовым, которого знал прекрасно. Из поэтов больше других любил Никитина и постоянно декламировал его стихи.

О жизни Левитана в Бабкине и соседней деревушке Максимовке вспоминает Мария Павловна Чехова:

"Ближе всего Левитан сошелся с нашей семьей уже после окончания школы, когда мы поселились в красивом имении Бабкине,

под Новым Иерусалимом. Левитан сначала устроился в полутора верстах, в деревушке Максимовке, но затем тоже перебрался к нам в Бабкино, и так мы прожили целых три года. Это время я вспоминаю всегда с невольной добродушной улыбкой. Так много вспоминается молодости, всякого дурачества и таких ярких, полных жизни картин...

Все это, однако, не мешало Левитану работать, как не мешало и Антону Павловичу писать. Дурачились мы только, когда считали себя вправе отдохнуть. В остальное время и в иные дни с утра до вечера Левитан и брат были за работой. Левитан иногда прямо поражал меня, так упорно он работал, и стены его курятника быстро покрывались рядами превосходных этюдов.

Иногда, впрочем, он все бросал, брал ружье, собаку и исчезал на целые дни. Большей частью это бывало, когда его вдруг охватывала какая-то мучительная тоска. В этих приступах мрачного настроения было что-то болезненное и ненормальное. Они наступали без всякой причины, без всякого повода, как-то вдруг. Что лежало в их основе, на это я никогда не могла дать себе определенного ответа. Тут было много недовольства собою и неудовлетворенного самолюбия, но было и еще что-то, чего я не могла определить. Левитан был адски самолюбив, он понимал силу своего таланта, но ему все казалось мало. Хотелось от себя чего-то гораздо большего. Отсюда — многое в его мрачных настроениях, хотя одним этим их объяснить все-таки нельзя. Антон Павлович видел в этих настроениях именно нечто больное, не приходящее извне, а поднимающееся изнутри человека. В дни таких настроений Левитан был невыносим, а как самому ему бывало тяжело от охватывающей его тоски, видно из одного случая, когда Левитан жил еще в Максимовке. Случилось как-то, что два дня о нем не было ни слуху ни духу. Мы стали тревожиться, и вечером братья с фонарями, дурачась и распевая, ушли в Максимовку. Вернулись они оттуда очень расстроенным. Они нашли Левитана в его курной избушке, валяющимся на соломе в таком мраке, что даже от него ничего и не добились, а хозяева на расспросы шепотом рассказали, что в этот день Левитан стрелялся из ружья, но, по счастью, дал промах...

Но проходило два-три дня, и Левитан снова был весел, с энергией брался за работу. Снова дурачился с нами, снова принимал участие в наших пикниках, прогулках, рыбной ловле и т. п.

Левитан любил природу как-то особенно. Это была даже и не любовь, а какая-то влюбленность. Эта же влюбленность в природу сделала из него и охотника, хотя он не любил самую охоту, а в последнее время и совсем бросил стрелять. И собаку свою, Весту, любил, кажется, больше всего за то, что она бывала его неизменным товарищем во всех блужданиях по болотам, по опушкам и просекам лесов.

Любил ли Левитан свое искусство? В этом, разумеется, не может быть сомнения. Если любил что-нибудь в жизни всеми фибра-

ми своего существа, то именно искусство. Он любил его как-то трепетно и трогательно. Искусство было для него чем-то даже святым. Левитан жаждал славы как художник, но хотел нравиться и как человек, нравиться даже своей внешностью. Он знал, что был красив, немножко кокетничал этим и заботился о своей наружности, о костюме, но, разумеется, понимал все это очень тонко, как настоящий художник..."

К этому же времени относится и первая поездка Левитана в Крым, оказавшая на его живопись чрезвычайно благотворное влияние.

В 1885 году В.Д. Поленов работал над декорациями для частной оперы С.И. Мамонтова и, нуждаясь в помощниках, указал Мамонтову на своих учеников: К. Коровина и Левитана как на способных художников. Левитан получил заказ исполнить ряд декораций к "Русалке", "Снегурочке", "Жизни за царя" и другим операм, и впервые в кошельке его оказалась сумма в несколько сот рублей. Израсходовать ее он решил на поездку в Крым, и вернулся оттуда с целым рядом этюдов, в которых уже не было черноты и рыжеватости, появившихся в его картинах ранее. Яркие краски юга словно открыли Левитану глаза на природу. Он увидел в натуре красочную красоту, поражавшую тогда всех в этюдах Поленова, вывезенных им из первого путешествия в Палестину. Он почувствовал смелость в обращении с краской, и в то же время кисть его получила размах, уверенность и силу, которым научила его работа над многоаршинными полотнами декораций.

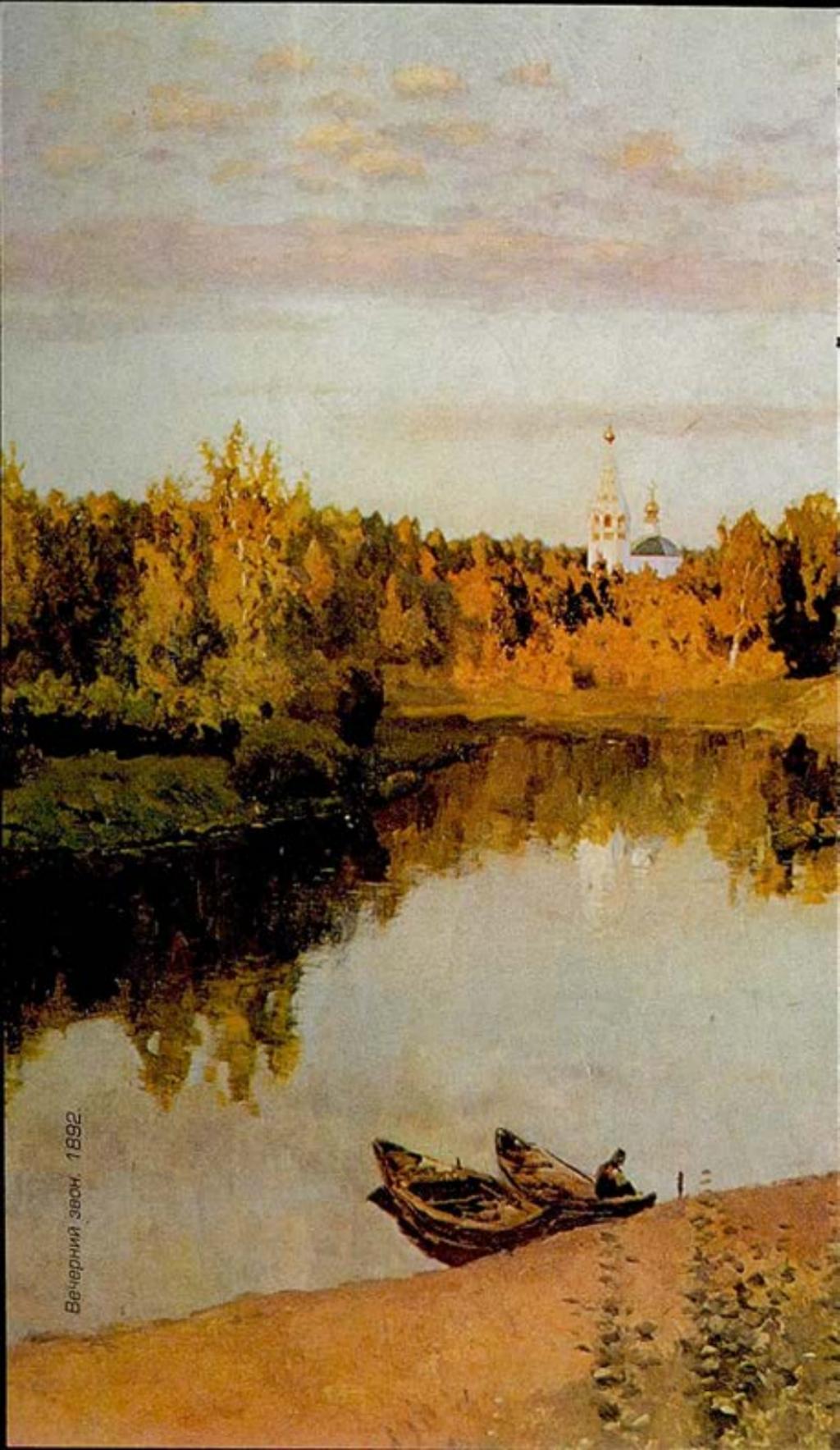
Несколько десятков превосходных этюдов и ряд картин, написанных на крымские мотивы, появились на периодической выставке Общества любителей художеств в 1886 году и показали, какой поэт красок таился в Левитане.

К зиме Бабкино пустело. Чеховы переселялись в Москву. Пере- бирался туда и Левитан до первых весенних дней, когда его снова тянуло в луга и леса.

Зиму в то время Левитан проводил в меблированных комнатах "Англия", где ему оставляли небольшой номерок, и где у обыкновенного окна со скучным светом художник написал целый ряд превосходнейших вещей. Как плохо было материальное положение художника даже и в это время, видно из того, что у содержательницы "Англии" осталось за долги и за бесценок несколько превосходных вещей Левитана. На аукционах Общества любителей художеств приобретались прекрасные этюды Левитана за "баснословные" 10 и 15 руб. Но все же прошли уже те горестные времена, когда ему, как бывало прежде, приходилось идти на Арбат к художнику (или, вернее, учителю рисования) Р-ву, который поденно нанимал молодых художников и заставлял их писать на заданную тему картины. Этот сметливый делец, пользовавшийся, кстати, большой известностью, слегка "заканчивал" написанное своей кистью, ставил свое имя и за хорошую цену продавал клиентам.

Осенний день. Сен-Ло, 1879

Вечерний звон. 1892.

Побывав в 1885 году в Крыму, следующей весной Левитан осуществил наконец свою давнишнюю мечту и уехал на Волгу. Поездка, однако, вышла неудачной. Неблагоприятствовала погода, а главное, в самом настроении Левитана было что-то, мешавшее и работать и увидеть всю красоту великой русской реки, как это удалось ему позднее.

“...Разочаровался я чрезвычайно, — пишет Левитан А.П. Чехову. — Ждал я Волги как источника сильных художественных впечатлений, а взамен этого она показалась мне настолько тоскливой и мертвой, что у меня заныло сердце, явилась мысль, не уехать ли обратно? И в самом деле, представьте себе следующий беспрерывный пейзаж: правый берег нагорный покрыт чахлыми кустарниками и, как лишаями, обрывами. Левый... сплошь залитые леса. И над всем этим серое небо и сильный ветер. Ну, просто смерть... Сижу и думаю, зачем я поехал? Не мог я развеально поработать под Москвой и... не чувствовать себя одиноким, с глазу на глаз с громадным водным пространством, которое просто убить может... Сейчас пошел дождь. Этого только недоставало!..”

Впечатления, вывезенные из первой поездки на Волгу, Левитан передал в нескольких картинах, появившихся на периодической выставке 1887 года. Но только “Разлив на Суре” привлекла к себе внимание, да и в его красках было что-то, напоминавшее гораздо более раннего Левитана. Отсутствовала та радующая гармония, которую глаз уже привык видеть во всем, что выходило из-под кисти художника. Как будто мрачное настроение Левитана отравило его глаз и наложило цепи на его кисть.

После лета, проведенного снова в Саввиной слободе вместе с художниками Алексеем Степановым и Кувшинниковой, в Левитане просыпается опять влюбленный в красоту природы художник, и он пишет свой оригинальный “Туман” (“Осеннее утро”), находящийся ныне в Третьяковской галерее.

О жизни в Саввии во второй приезд туда Левитана и о последующей поездке на Волгу многое сохранилось в воспоминаниях С.П. Кувшинниковой. “Два лета, — рассказывает она, — мы (Левитан, А.С. Степанов и я) прожили в Саввиной слободке близ монастыря, но под конец окрестности стали нам надоедать. Тянуло к новым местам, к свежим впечатлениям. И вот весной 1888 года, снова втроем, мы уехали в Рязань, сели на пароход и пустились вниз по Оке.

Наконец добрались до Плеса, и он сразу нас обворожил. Мы решили остановиться. Привлекла нас больше всего та маленькая древняя церквушка, которую потом не раз принимались писать и другие художники, да и вообще городок оказался премилым уголком, удивительно красивым, поэтичным и тихим. Мы нашли две комнатки недалеко от берега, и с помощью сена, ковров, двух столов и нескольких скамеек устроили бивуак. Бесшабашная жизнь нашей богемы, конечно, здесь произвела сильное впечатление. Художник и здесь оказался невиданной птицей. Пошли

расспросы и разговоры. Кто? Как? Зачем? Почему? На базаре сообщались о нас все новости, что едим, куда ходим и т.д. Но здесь как-то это скоро затихло. К нам быстро стали привыкать, да и мы притерпелись. Целыми днями мы бродили по берегу и окрестностям, и каждый день то там, то сям торчали наши огромные зонты из белого холста, который мы промывали с синькой, чтобы устраниТЬ горячее освещение, проникавшее сквозь зонт на этюд. Зонты эти тоже вызывали немало всякого недоумения. Однажды Левитан приютился за городом у самой дороги и в тени зонта внимательно писал этюд. День был праздничный. После обедни женщины, возвращавшиеся в соседнюю деревню, с любопытством останавливались и смотрели на Левитана. Постоят, посмотрят и проходят. Но вот плетется дряхлая, подслеповатая старушонка. Тоже остановилась, щурясь от солнца, долго смотрела на художника, потом начала истово креститься, вынула из кошеля копеечку и, положив ее осторожно в ящик с красками, пошла тихонько прочь. Бог знает, за кого приняла она Левитана, и какие мысли роились в ее старой голове, но Левитан долго потом хранил эту монетку.

Жилось нам удивительно хорошо. Левитан перестал хандрить. Увидав первые его картины, написанные в Плесе, А.П. Чехов очень их расхвалил.

— Знаешь, — заметил он Левитану, — на твоих картинах даже появилась улыбка.

Действительно, здесь были написаны несколько лучших картин Левитана: "Золотой Плес" ("Вечер"), "После дождя", "Тихая обитель" и целый ряд других. Писал их Левитан с маленьких набросков и больше по впечатлению, а многое и целиком с натуры.

Тут же, после поездки в Рыбинск, начал он и свою великолепную и оригинальную картину Волги — "Свежий ветер", с вычурными кормами тихвинок и расшив, убегающих за буксирным пароходом.

Здесь же, в Плесе, была написана им одна из лучших его картин — "Тихая обитель". Эта картина, которой А.Н. Бенуа приписывает такое большое значение в развитии творчества художника, связана для Левитана с очень значительным переживанием.

Еще раньше, во время жизни в слободке под Саввиным монастырем, Левитан сильно страдал от невозможности выразить на полотне все, что бродило неясно в его душе. Однажды он был настроен особенно тяжело, бросил совсем работать, говорил, что все для него кончено, и что ему не для чего больше жить, если он до сих пор обманывался в себе и напрасно воображал себя художником... Будущее представлялось ему безотрадно мрачным, и все попытки рассеять тяжелые думы были напрасны. Наконец я убедила Левитана уйти из дома, и мы пошли по берегу пруда вдоль монастырской горы. Вечерело. Солнце близилось к закату и обливало монастырь горячим светом последних лучей, но и эта красивая картина не разбудила сначала ничего в душе Левитана.

Но вот солнце стало заходить совсем. По склону горы побежали тени и покрыли монастырские стены, а колокольни загорелись в красках заката с такой красотой, что невольный восторг захватил и Левитана. Зачарованный, стоял он и смотрел, как медленно, все сильнее и сильнее розовели в этих лучах главки монастырских церквей, и я с радостью подметила в глазах Левитана знакомый огонь увлечения.

Скоро погасли яркие краски на белых колоколенках, и, освещенные зарей, они лишь слегка розовели в темнеющем небе, а кресты огненными запятыми загорелись над ними. Картина была уже иная, но чуть ли не еще более очаровательная...

Невольно заговорил Левитан об этой красоте, о том, что ей можно молиться как Богу и просить у нее вдохновения, веры в себя, и долго волновалась нас эта тема. В Левитане точно произошел какой-то перелом, и когда мы вернулись к себе, он был уже другим человеком. Еще раз обернулся он к белевшему в сумерках монастырю и задумчиво сказал:

— Да, я верю, что это даст мне когда-нибудь большую картину.

Ничего подобного, однако, он тогда не начал, а мы со Степановым не хотели об этом заговаривать и не напоминали Левитану о его мрачных думах.

Прошло два года. Левитан поехал из Плеса в Юрьевец, в надежде найти там новые мотивы и, бродя по окрестностям, вдруг наступил на ютившийся в рощице монастырек. Он был некрасив, даже неприятен по краскам, но был такой же вечер, как тогда в Саввине; углые лавы, перекинутые через речку, соединяли тихую обитель с бурным морем жизни, и в голове Левитана вдруг создалась одна из лучших его картин, в которой слились воедино и савинские переживания, и вновь увиденное, и сотни других воспоминаний. Сам Левитан очень любил эту дивную картину и вскоре даже написал ее повторение — “Вечерний звон”.

Другая картина — “Золотой Плес” — написана около того же времени и при довольно необычайных обстоятельствах. Судьбе было угодно впутать нас в семейную драму одной симпатичной женщины-старообрядки. Мятущаяся ее душа изнывала под гнетом тяжелой семейной жизни, и, случайно познакомившись с нами, она нашла в нас отклик многому из того, что бродило в ее душе. Невольно мы очень сдружились и, когда у этой женщины созрело решение уйти из семьи, нам пришлось целыми часами обсуждать с ней разные подробности, как это сделать. Видеться приходилось тайком по вечерам, и вот, бывало, я брошу с ней в рощице, а Левитан стережет нас на пригорке и в то же время любуется тихой зарей, догорающей над городком. Здесь подметил он и мотив “Золотого Плеса”, который потом каждое утро стал писать, пополняя запас впечатлений своими наблюдениями по вечерам...

Расскажу еще кое-что, относящееся к другим картинам Левитана: “Владимирке”, “Омуту”, “Вечному покою”...

“Владимирка” была написана уже не в Плесе, а близ Городка Владимирской губернии и имения Болдино, где мы с Левитаном тоже провели одно лето.

Однажды, возвращаясь с охоты, мы с Левитаном вышли на старое Владимирское шоссе. Картина была полна удивительной тихой прелести. Длинное полотно дороги белеющей полосой убегало среди перелесков в синюю даль. Вдали на ней виднелись две фигурки богомолов. А старый покосившийся голубец со стертою дождями иконкой говорил о давно забытой старине. Все выглядело таким ласковым, уютным. И вдруг Левитан вспомнил, что это за дорога...

— Постойте. Да ведь это Владимирка, та самая Владимирка, по которой когда-то, звения кандалами, прошло в Сибирь столько несчастного люда.

На другой же день Левитан с большим холстом был на этом месте и в несколько сеансов написал всю картину прямо с натуры.

“Омут” написан тоже в Тверской губернии в имении Панафиных близ Затишья, в котором мы жили после Плеса.

Этюд для этой картины Левитан сделал в Бернове, имении баронессы Вульф, на мельнице, куда мы ездили на пикник. Увидев Левитана за работой, баронесса подошла к нему и спросила:

— А знаете, какое интересное пишете вы место? Это оно вдохновило Пушкина в его “Русалке”.

И затем она рассказала трагедию, связанную с этим омутом. У прадеда баронессы, человека крутого нрава, был молодой конюх. Юноша влюбился в дочь мельника, она от него забеременела, и об этом доложили барину. Барин разгневался и забрил конюха в солдаты, а девушка в омуте утонула.

По словам баронессы, Пушкин не раз гостили в Бернове, в соседнем имении Малиннике, бывал на мельнице, здесь ему рассказали предание, связанное с омутом, и он написал “Русалку”...

Сделав маленький набросок, Левитан решил писать большой этюд с натуры, и целую неделю по утрам мы усаживались в тележку, Левитан на козлы, я на заднее сиденье, и везли огромный этюд, точно икону, на мельницу, а потом так же обратно.

Затем, с моим отъездом в Москву, Панафины предложили Левитану перебраться к ним в Покровское, и тут, в отведенном ему под мастерскую большом зале, он и написал свою картину...

Картину “Над вечным покоем” Левитан написал уже позже, в лето, проведенное нами под Вышним Волочком, близ озера Удомли. Местность и вообще весь мотив целиком взяты с натуры во время одной из наших поездок верхом. Только церковь была в натуре другая, некрасивая, и Левитан заменил ее уютной церквушкой из Плеса.

Сделав небольшой набросок с натуры, Левитан сейчас же принялся и за большую картину. Писал он ее с большим увлечением, всегда настаивая, чтобы я играла ему Бетховена и чаще всего Marche funebre”.

В период между 1890 и 1897 годами Левитан предпринял поездку в Финляндию и дважды съездил за границу, но и там чувствовал себя совершенно чужим. Из Финляндии он привез несколько этюдов, с одного из них написал "Остатки былого", а с других две или три марины, но ни эти этюды, ни картины ничего не прибавили к славе Левитана. Тоскливая природа Финляндии не только не разбудила в художнике вдохновения, а наоборот, действовала на него удручающее.

"Видишь, дорогой Антон Павлович, — писал он Чехову, — куда занесла меня нелегкая. Вот уж три недели, как шляюсь по этой Чухляндии, меняя места в поисках за сильными мотива-

Мостик. Саввинская слобода. 1884.

ми, и в результате — ничего, кроме тоски в кубе. Бог его знает, отчего это. Или моя восприимчивость художественная иссякла, или природа здесь не того. Охотно верю в последнее, ибо, поверив в первое, ничего не остается, или остается одно — убрать себя, выйти в тираж. Итак, природа виновата. И в самом деле, здесь нет природы, а какая-то импотенция. Тоскую я несказанно, тоскую до черта. Этакое несчастье; всюду берешь с собою себя же. Хоть бы один день пробыть в одиночестве. Хотя знаешь, смертельно скучно все. Все до гнусности одно и то же..."

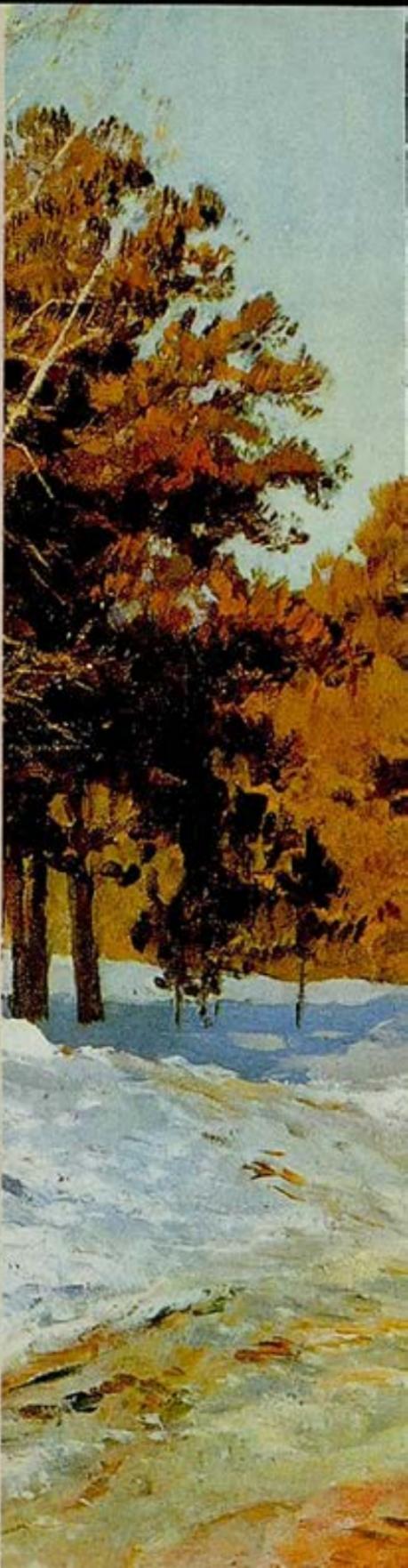

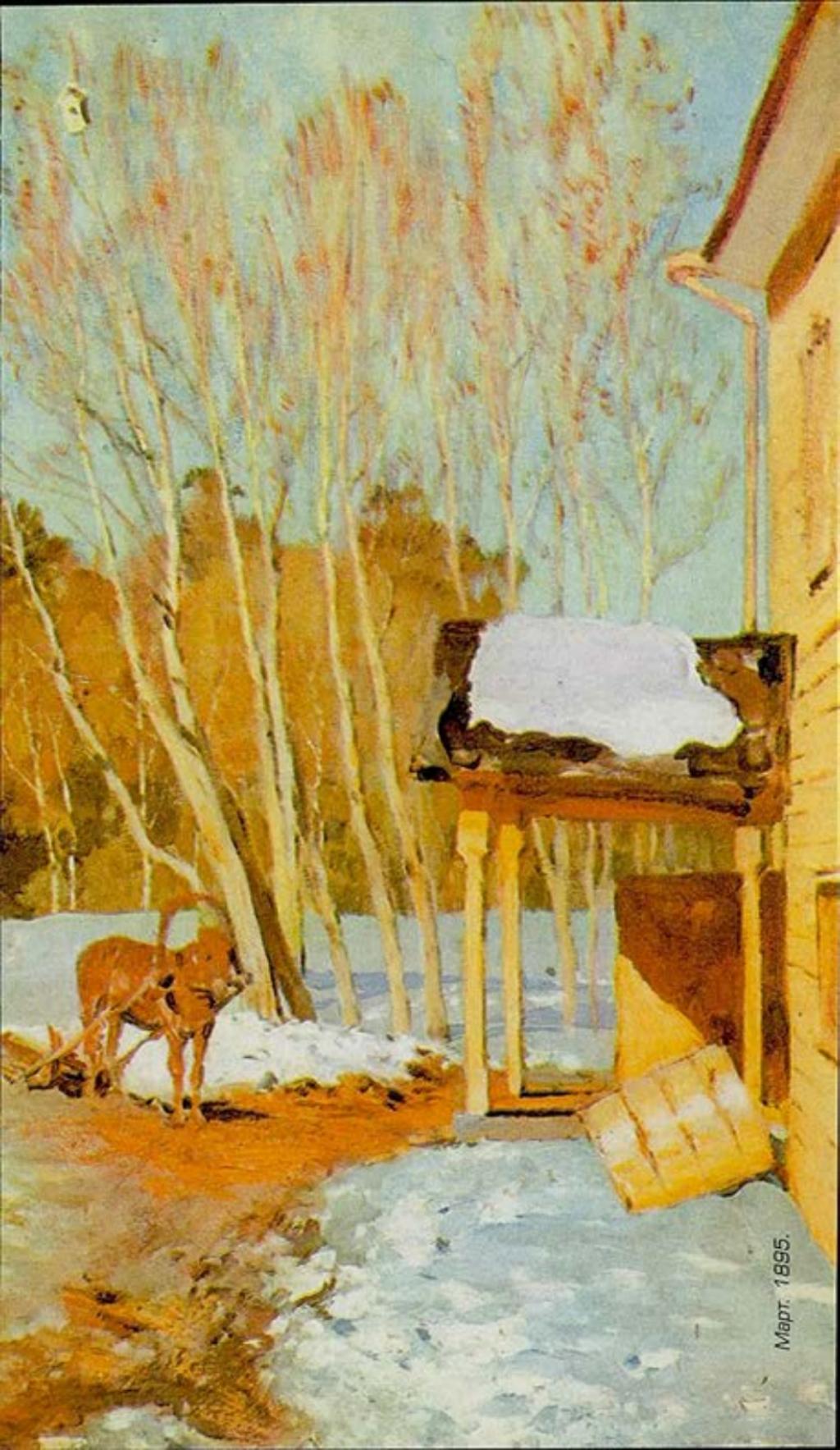
Сирень. 1893

Из-за границы Левитан привез несколько прекрасных этюдов. Эти вещи очень характерны для Левитана, которого и в вечных снегах альпийских высот пленяла не чарующая игра солнца и не красота гор в огне вечернего заката, а мрачная торжественность угрюмого облачного дня, одевающего седых великанов серым покровом туманов. Даже из Венеции Левитан привез только этюды тихих, задумчивых каналов, отражающих грустное, серое небо. Под синим небом Ривьеры, среди впечатлений Италии, Левитан сначала как будто воскрес, но и то ненадолго. И эти повышенные настроения заканчиваются у него сознанием человеческого ничтожества. "Черт возьми, как хорошо здесь, — пишет он в одном из писем. — Представьте себе теперь яркую зелень, голубое небо, да еще какое небо. Вчера вечером я взобрался на скалу и с вершины взглянул на море и, знаете ли что, я заплакал и заплакал навзрыд. Вот где вечная красота, и вот где человек чувствует свое ничтожество"...

Талант художника достиг в это время вершины своего развития, масса новых живописных впечатлений давала пищу для все новых очаровательных картин, а в настроении Левитана все тот же мрак, и письма его пестрят все теми же полными отчаяния строками.

Искусство, с которым Левитан столкнулся в Европе, в галереях и на выставках, не оказало на него заметного вли-

Март. 1895.

яния. С Левитаном произошло то же, что и с передвижниками, начиная от Перова и кончая Репиным. Как они просмотрели нарождавшийся в то время во Франции импрессионизм и увлеклись академизмом Поля Делароша, так и Левитан даже не заинтересовался новыми течениями, которые в то время уже громко заставляли о себе говорить. Вот одно, очень характерное в этом смысле, письмо Левитана к Чехову из Парижа. "Впечатлений чертова куча. Чудесного масса в искусстве и здесь, но также и масса крайне патологического, что, несомненно, должно было появиться от этой крайней пресыщенности, что чувствуется во всем. Отсюда и происходит, что французы восхищаются тем, что для здорового человека со здоровой головой и здоровым мышлением представляется безумием. Например, здесь есть художник Пювис де Шаванн, которому поклоняются и кого богохвальят, а это такая мерзость, что трудно себе даже представить.

Старые мастера трогательны до слез. Вот где величие духа. Сам Париж крайне красив, но черт его знает, к нему надо привыкнуть, а то как-то дико все"...

И только десять лет спустя, в 1899 году, незадолго до смерти, Левитан, снова попав в Париж, пишет оттуда художнику Средину уже иное. "Быть среди стоящих людей, да еще в Париже, городе, живущем сильной художественной жизнью, — все. Заснуть нельзя здесь: мысль постоянно бодрствует, и художник расстает. Одно то, что видите много прекрасного, производит уже рост понимания. Вы наслаждаетесь: Monet, Cazin, Besnard и т.п., а у нас: Маковский, Волков, Дубовской и т.п. Нет. Жить в Париже — благо для художника"...

Последние годы жизни Левитана предстают в записках В.В. Переплетчикова. "Жизнь Левитана протекала обычным порядком. Работал он аккуратно каждый день, часа два-три — не больше, завтракал, потом шел гулять на Кузнецкий мост или заходил к знакомым. Последний портрет, написанный Серовым на память после смерти Левитана, изображает его на прогулке именно в этот период жизни. В нем необыкновенно схвачена фигура Левитана, его движение и манера ходить. Иногда, когда чувствовал себя плохо, он садился у крыльца своей квартиры, на дворе, погреться на солнышке и поглядеть, как играют дети. В это время он жил в Трехсвятительском переулке, близ Мясницкой части, в доме М.Ф. Морозовой, в отдельном флигеле в глубине двора. Внизу были теплые комнаты, а наверху удобная мастерская, которую ему выстроил С.Т. Морозов, очень ценивший дарование Левитана. Квартира была тихая, очень уютная. В мастерской стояли фисгармония и пианино.

В предпоследнее лето Левитан жил в Звенигородском уезде в имении того же С.Т. Морозова. Чувствовал он себя очень плохо, и его часто преследовала мысль о скорой смерти. Как-то приехал я к нему. Пошли гулять. "Не могу убивать теперь дичь, — ска-

зал он вдруг. — Не хожу на охоту, видно, смерть моя близка". Он упал на землю и долго-долго рыдал. Смертельный недуг — болезнь сердца, подтачивал остатки его хрупкого организма. Иногда внезапно пробуждалась надежда на жизнь, и тогда он весь преображался и становился неузнаваем. Но надежда вскоре исчезала — снова вставала мысль о смерти, и минутная радость сменялась долгими днями уныния, тоски и отчаяния."

У него было странное заболевание сердца, развившееся незаметно и для окружающих, и для самого художника, вероятно, от какой-то инфекции, на которую вовремя никто не обратил внимания. Припадки одышки и мучительных болей в области сердца с трудом поддавались лечению, как дома, так и за границей, заставляя художника очень страдать. Он чувствовал себя еще в расцвете художественных сил, понимал свое значение, а между тем, работать становилось все труднее и труднее. Это тем более тяготило его, что в 1898 году Левитан взял на себя пейзажный класс в училище живописи в Москве и с увлечением отдался новому делу. "Сегодня еду в Питер, — пишет он в одном из писем к Чехову, — волнуюсь как... (неразборчиво). Мои ученики дебютируют на передвижной. Больше чем за себя трепещу. Хоть и презираю мнение большинства, а жутко"...

Зимою 1899 года врачи отослали Левитана в Ялту, и вот как передает свои впечатления Мария Павловна Чехова. "Зимою, незадолго до смерти, Левитан побывал у нас в Крыму, в Ялте. Это оказалась его последняя зима. Стояло Рождество, но было так тепло, что мы даже ходили без пальто. Солнце ярко сияло, и вся природа была такая странная, ликующая какой-то особой красотой. Левитан чувствовал себя очень плохо. Он задыхался. С трудом передвигаясь и опираясь на палку, он все-таки хотел непременно подняться в горы.

"Мне так хочется туда, выше, где воздух легче, где легче можно дышать". Но приходилось поминутно останавливаться, и Левитан сейчас же заговаривал о смерти.

"Marie! Как не хочется умирать! Как страшно умирать и как болит сердце"...

Через несколько месяцев Левитана не стало. Он умер в Москве 22 июля 1900 года. В тишине поздних летних сумерек неподвижно лежало на кровати его исхудалое тело. Вокруг дома, в котором располагалась мастерская, во дворе росла густая сирень. Она была еще вся в цвету и удивительно благоухала, наполняя ароматом и мастерскую, и комнату, где лежал Левитан. Пышные груды лиловых цветов неподвижно смотрели в окно и безмолвно посыпали художнику свое последнее прости...

Простой красивый памятник из черного мрамора стоит под деревом на еврейском Дорогомиловском кладбище и указывает место, где Левитан похоронен. ■

Публикация **Лилии БАЙРАМОВОЙ**.

ЗАГ

ПОЛОТЕРОВ

В. Виноградов

П. Воропаев

Т. Журин

СУВОР

Это дело могло стать уже в таком далеком 1935 году одним из самых громких и самых перспективных с точки зрения наград и продвижений по службе. Судите сами: в тот год доблестные советские чекисты предотвратили покушение на Сталина, Нагановича и Ворошилова. Террористы задержаны, разоблачены, преданы суду и понесли суровое наказание. Но вот незадача — ни вождь народов, ни его верные сторонники не оценили усердия чекистов: наград-то не последовало. Как ни старались руководители НКВД доказать, что арестованные ими люди, в отличие от присыпаемых из-за кордона агентов, действительно имели реальные возможности убить Сталина, Нагановича и Ворошилова, что задержанные террористы представляют собой тесно спаянную группу из двадцати двух человек, что подготовленный ими теракт мог состояться в самый неожиданный момент — в Кремле их усердия не оценили.

А ведь причина такого рода отношения, как говорится, на поверхности. Одно дело, если убийство вождей пытаются организовать военачальники, врачи или инженеры. Еще лучше нераскаявшиеся троцкисты — тогда народ одобрят самый суровый приговор, и совсем другое — если террористами оказываются полуграмот-

ные пролетарии, да еще тесно связанные с передовым колхозным крестьянством. Что же тогда получается: любимых вождей хотят убить те, ради которых эти вожди не досыпают и не доедают, денно и нощно трудясь ради их блага? Значит, им не нравится, что делают вожди? Значит, они готовы пойти на эшафот, но избавить рабочих и крестьян от заботы этих вождей?

Нет, нет и нет! У народа даже мысли не должно возникнуть, что руку на Сталина хочет поднять не какой-то паршивый интеллигент, а коренной пролетарий или сознательный колхозник. К тому же пролетарии, решившие, как они сказали на допросах, "стукнуть главнов", и не пролетарии совсем, потому что профессию представляют не очень-тоуважаемую: добро бы слесаря, электрики или шахтеры, а то ведь кто замахнулся-то — какие-то дрянные полотеры.

Несолидно получается, очень несолидно... Хотя, если говорить серьезно, и практические, и теоретические эти полотеры имели сто процентную возможность "стукнуть всех кремлевских главнов" — ведь они натирали полы не только в кабинетах, но и в квартирах высших руководителей шагающей в светлое будущее страны.

Сейчас уже трудно сказать, всерьез ли собирались полотеры прикончить вождей, но то, что

они об этом говорили, и говорили не раз, это, как говорится, фант. Но так как их было много, и болтали они о своих планах чаще всего после нескольких стаканов, причем, не только дома, но и в пивных, скорее всего, кто-то их подслушал и дал знать в НКВД. Не исключен и другой вариант: в их компании был сексот, который и настучал эннаведешникам. Этот вывод напрашивается сам собой, когда изучаешь приговор суда: уж очень неравноцenna степень наказаний, хотя все проходят по одному делу и виновны примерно одинаково.

Как бы то ни было, но в июне 1935 года в Управлении НКВД по Московской области возникает дело № 10015 по обвинению Жунина и других по статье 58, п.8, 10 и 11 УК РСФСР. В предваряющей дело справке говорится, что оно возникло "на основании поступивших данных о том, что среди полотеров, работающих в Кремле, на квартирах членов правительства и в Большом театре существует контрреволюционная террористическая группа, которая имеет своей целью организацию террористических актов против руководителей партии и членов правительства".

Первым арестовали Тимофея Жунина. Судя по тому, какие самоубийственные признания он сделал, до допроса с ним основательно поработали.

— Признаю себя полностью виновным в том, что в силу своей контрреволюционной настроенности, при неоднократных встречах с помощником коменданта общежития рабочих Кремля Павлом Артамоновым я говорил следующее: "Советская власть своей

коллективизацией и налоговой политикой сделала крестьян нищими. Ограбили буквально всех. И за счет этого правительство во главе со Сталиным строит свое благополучие. Они живут в свое удовольствие, не замечая, что люди мрут с голода. Это же не жизнь, а мука".

Если бы Тимофея закончил свои признания этим! Но он продолжал...

— А потом я сказал: "Вот я работаю полотером, бываю на квартирах у главков и вину, как они живут в свое удовольствие на наши трудовые копейки. А мы мучаемся. Скорей бы от этих главков избавиться. Ничего, дождемся и этого. Я, например, часто натираю полы в квартире Сталина, Каагановича, Ворошилова и Калинина, не раз их видел и понял, что если кто захочет их убрать, то сделать это очень просто и легко. Были случаи, когда я работал в квартире Сталина, а он проходил мимо". Но начать я решил с Каагановича и Ворошилова.

— Как вы намеревались это сделать практическим? — поинтересовалась следователи.

— Убить я их хотел из "браунинга", который намеревался унестись из квартиры Бухарина. Этот револьвер я видел в позапрошлую пятницу, когда натирал там полы: он лежал на тумбочке, возле кровати. Я еще сказала полотеру Панфилову, с которым мы работали: "Вот штучка-то хорошенькая". Панфилов со мной согласился: "Да, действительно, штучка хорошая".

— И почему вы его не взяли?

— Я все рассчитал... И Кааганович, и Ворошилов с дачи должны вернуться в начале осени. Так

зачем мне держать револьвер у себя? Это рискованно.

— Где и как вы намеревались произвести покушение?

— Кагановича я хотел убить в тот момент, когда он выходит из парадного и садится в машину, или, наоборот, когда приезжает домой и выходит из машины. Он — полотерской комнаты обращено прямо к подъезду, так что расстояние до машины не более десяти-пятнадцати шагов. А Воропшилова надеялся перехватить при выходе из подъезда. В успехе я был уверен, потому что являюсь хорошим стрелком.

— Расскажите о причинах такого враждебного отношения к советской власти, как тановой, и ее руководителям, в частности?

— Причина очень простая — колхозы. Я ведь человек деревенский, работаю то на парнете, то на земле. До 1928 года все шло более или менее нормально. А когда крестьян стали загонять в колхозы, жизнь стала просто невозможной. Голод, холод, домишко обветшал, а у меня на индивидуальном жена и трое детей. Что делать, подался в Москву и устроился полотером. Если бы работал в какой-нибудь маленькой конторе, никакого враждебного отношения наверное не было бы, но я попал в Кремль. А когда стал натирать полы в квартирах главнов, обозлился окончательно: мне было с чем сравнить нашу убогую жизнь.

— Вы говорили, что бывали на квартире Сталина. Это правда?

— Конечно, правда. Последний раз я там был месяца полтора назад.

— А когда у вас родилась мысль совершить покушение на товарища Сталина?

— Давно. У меня ведь постоянный пропуск в Кремль. При входе полотеров не проверяют, так что пронести можно все, что угодно. Но там к Сталину подобраться трудно — около него всегда толкнутся люди. А вот дома... Дома я мог с ним встретиться один на один.

— Кто-нибудь из друзей разделял ваши антисоветские взгляды? Были ли знакомые, которые одобряли ваши террористические намерения?

— Разделяли они мои взгляды или не разделяли, я не знаю, но разговоры против политики советской власти я вел с Артамоновым, Воропаевым, Леоновым, Манаровым, Панфиловым и Матвеевым. Они тоже полотеры, и все, кроме Леонова, работают в Кремле.

Думаю, что после этих признаний восторгу следователей не было предела. Ведь покушение замышлял не свихнувшийся на почве пьянства полотер-одиночка, теракты разрабатывала целая группа. А группа — это совсем другое дело, группа — это банда, а еще лучше — троцкистско-террористическая организация. Все названные лица тут же были арестованы, пропущены через привыкшие к тяжелой работе мускулистые руки и только после этого, должным образом подготовленные, доставлены в кабинет следователя.

На первой же очной ставке у Пронофия Воропаева спросили:

— Знаете ли вы гражданина, сидящего напротив вас?

— Я его знаю с детства. Мы с ним из одной деревни Клинухи Западной (ныне Смоленской — Б.С.) области. Фамилия его Жу-

нин, а зовут Тимофеем Евстафьевичем. На работу в Кремль он поступил с моим содействием. Да и жили мы в одном общежитии.

— Накие у вас с ним взаимоотношения?

— Хорошие, дружественные.

— Где и когда вы встречались с Воропаевым? Кто еще бывал в вашей компании?

— Встречались мы чаще всего на работе, когда натирали полы в кабинетах членов правительства. Общались мы и в полотерской комнате, где бывали и другие наши товарищи, работавшие в Кремле.

— Кто они? Назовите имена, — вцепился следователь.

— Я же их называл. Еще на предыдущем допросе.

— Повторите в присутствии Воропаева.

— Ну, это Макаров, Панфилов, Матвеев...

— Почему замолчали? Кто еще?

— Еще? Еще Тимофеев, Петров, — обреченно продолжал Жунин.

— И что вы там делали? Накие вели разговоры?

— Разговоры были о том, в какую пойти пивную, — неожиданно улыбнулся Жунин.

— И что потом? — не отреагировал на улыбку следователь.

— Как, что? — изумился Жунин. — Сидели, пили. А когда не хватало, шли к кому-нибудь домой.

— К кому? Назовите имя, адрес.

— Иногда шли к Васильеву, а иногда к Никитину или Керенскому.

— Гражданин Воропаев, вы подтверждаете показания Жунина?

— Подтверждаю. Могу добавить, что у Никитина я бывал и без Жунина. А еще чаще заходил к Керенскому, так как он является моим родственником.

— Вы кого-нибудь там встречали?

— Встречал. У Васильева я видел Захарова и Леонова, а у Никитина — Андрея Орлова.

— А теперь вопрос Жунину. Бывая вместе с Воропаевым в полотерской комнате Кремля, в пивной, а также в гостях у ваших знакомых, вели ли вы разговоры, направленные против советской власти?

— В присутствии вышеназванных лиц я не раз говорил, — как под диктовку начал Жунин, — что советская власть своей политической коллектivизации довела крестьян до нищеты и разорения. Положение рабочих в городе не лучше. В этом виноваты Сталин и другие кремлевские правители. Я прямо заявлял, что с удовольствием бы убил этих мучителей. Придет время, и я это сделаю. Мне своей жизни не жалко. Эти слова я сказал, когда мы с Леоновым и Воропаевым были у Васильева. Услышав это, Воропаев меня поддержал. "Так и надо сделать", — заявил он. Потом о намерении убить вождей я говорил в полотерской комнате Кремля. Это слышал не только Воропаев, о моих намерениях знали и все остальные.

— Гражданин Воропаев, вы это подтверждаете?

— Подтверждаю. Все, что сказали Жунин, доподлинная правда. В полотерской комнате он прямо так и сказал: "Наметил я убить Кагановича и Ворошилова, и обязательно это сделаю. Мне своей

жизни не жалко, уж очень она не хороша при советской власти". Подтверждаю и то, что когда он заявил о своих намерениях во время пьянки у Васильева, я его поддержал, сказав: "Так и надо сделать".

После этих признаний судьба Жунина и Воропаева была предрешена. Чтобы не выпустить из рук других "заговорщиков", следователи организовали серию очных ставок, на которых одни полотеры очень неумело оправдывались, а другие, не моргнув глазом, сдавали друг друга. С этой группой все было ясно: один намеревался совершить теракт, другой его поддержал, а остальные, зная о преступных намерениях товарищей, не сообщили нуда следует. Наказания обеспечены всем, а накие именно, решит суд.

В принципе, дело можно закрывать. Но на одном из допросов всплыла фамилия Василия Виноградова, тоже полотера, но работавшего не в Кремле, а в Большом театре. Профилактики ради решили проверить, что за человек этот самый Виноградов. Копнули поглубже — и дело вышло на новый виток! Оказалось, что в Москве существует разветвленная контрреволюционная организация полотеров. Все они либо родственники, либо выходцы из соседних сел одного и того же района Смоленской области. Одна группа действует в Кремле, другая — в Большом театре. Что из этого следует? А то, что если теракт не удался одной группе, его может организовать другая. Кремлевская группа линвидирована, но полотеры Большого театра на воле и им ничего не стоит осуществить покушение на любого из воинов.

Пришлось Виноградова арестовать и доставить на Лубянку. После соответствующей обработки Виноградов таиться не стал, и на вопрос следователя, проявляли ли работающие в Большом театре полотеры враждебное отношение к советской власти, рубанул с плеча.

— Да, вся наша группа, а это, кроме меня, Керенский, Дуднин, Кононов и Соколов постоянно высказывала недовольство советской властью. Признаю, что зачинщиком всех антисоветских разговоров являлся я. А так как у всех полотеров я пользовался определенным авторитетом, то именно меня можно назвать руководителем этой группы.

— Что именно вы говорили своим товарищам? — поинтересовался следователь.

— Я говорил, что жить так невозможно, что крестьянство разорено и доведено до нищеты и голода, что налоги буквально задушили людей. Рабочим тоже не лучше: зарплата маленькая, а цены высокие. Зато хорошо живут Сталин и другие члены правительства, которым нет дела до нужд простого народа.

— Вас не перебивали? Вам никто не возражал?

— А чего тут возразишь?! Друзья со мной соглашались и высказывались в том же духе. Не возражали они и тогда, когда я говорил, что виноваты в такой жизни кремлевские воинды, и поэтому надо их прикончить. А сделать это очень просто: надо дождаться, когда они придут в театр, и бросить бомбу в правительственный ложу.

— Это, действительно, возможно?

— Конечно, возможно. Ведь строгого надзора за полотерами нет, так что попасть на закрытый спектакль ничего не стоит: надо закрыться в полотерской комнате, а когда начнется представление, войти в зал и сделать, что задумал. Я даже рассказал об этом Леонову. Он меня поддержал и заявил, что сделать надо будет именно так.

— А где Леонов работает?

— По-моему, на велозаводе.

— Вы знаете и других полотеров?

— Очень многих. В Москве существует своеобразное землячество полотеров, и все они из деревень Ново-Дугинского района Смоленской области.

— Они о ваших взглядах знали, с вашими террористическими намерениями соглашались?

— Конечно, знали. Орлов и Щукин, например, не раз говорили, что во всех наших бедах винят Сталин, не будь его, жизнь стала бы совсем другой. А Фролов, будучи наиболее убежденным врагом советской власти, не раз заявлял, что этой власти скоро придет конец, и свергнет ее народ, у которого вот-вот лопнет терпение.

— А что это за болтовня об иностранных дипломатах? Говорят, вы толковали и о них?

— Почему же болтовня?! Никакая не болтовня. Я совершенно серьезно предлагал совершить покушение на какого-нибудь известного иностранного представителя — тогда обязательно будет война и советской власти с ее колхозами придет конец.

— Кого конкретно вы имели в виду?

— Да хотя бы министра иностранных дел Франции Лаваля. Он сидел в центральной ложе, а перед этим я натирал там паркет, да и потом был совсем рядом. Нароче говоря, достать его было проще простого. А у англичанина Чарльстона я натирал полы дома... Так что возможности были.

— А с тем же англичанином, с Чарльстоном, вы случайно не вели разговоры на политические темы? — забросил следователь уточну совсем с другой стороны.

Виноградов все понял и решительно ответил:

— Нет.

В начале августа 1935 года обвинительное заключение легло на стол руководства. Перечислив все, что удалось вытянуть или выбить из несчастных полотеров, руководители управления НКВД по Московской области не без гордости делают вывод, что ими "вскрыта и ликвидирована контрреволюционная террористическая группа, которая ставила перед собой задачу совершения террористических актов". Как мы уже говорили, усердие сотрудников управления во главе с их начальником по фамилии Бан в Кремле оценено не было, но дело-то надо доводить до конца — обвинительное заключение вместе с двадцатью двумя полотерами было передано в Военный трибунал Московского военного округа.

4 сентября 1935 года состоялось закрытое судебное заседание. Не трудно представить, как велико было разочарование председательствующего Стельмаховича, когда на его вопрос, признают ли подсудимые себя виновными, практически все ответили, что виновными себя не признают: поми-

мо прочего, это говорило о скверной работе следователя. Но ведь отпустить-то полотеров нельзя, вот и пришлось Стельмаховичу прямо в зале суда уличать их в лжи, ловить на противоречивых показаниях, подводя к тому, что теракт они замышляли и убить руководителей партии и правительства хотели.

Тверже всех держался Тимофей Жунин. Он, видимо, понял, что выкручиваться и изворачиваться бесполезно, поэтому свою вину признал и даже добавил:

— Кто из нас главарь, сказать трудно, потому что антисоветские разговоры вели все. Я же про себя решил так: убью кого-нибудь из вождей, даже если меня на месте покушения пристрелят.

А вот еще одна деталь из жизни того времени. Говоря о том, как существуют крестьянские семьи и, в частности, семья Жунина, его земляк Иван Матвеев сказав:

— Я слышал, что в колхозе его семье приходится очень плохо. А от него самого знаю, что когда он привозит белого хлеба, то дети едят его с черным, то есть делают что-то вроде бутерброда.

Григорий Панфилов избрал другую тактику: он все отрицал, уверял, что никакого револьвера в квартире Бухарина ни он, ни Жунин не видели и ни о каких терактах никто никогда не вел и речи.

— Жунин оговаривает и себя, и нас, — заявил он. — Накой из него террорист?! Он же алкоголик. У него руки трясутся. Он, нстали, не раз говорил, что человек он потерянный и даже хотел покончить с собой. А мне он вообще должен тридцать рублей. До

сих пор, дьявол, не отдал. Так что меня он припел к своей болтовне со злобы, чтобы зажилить ту самую тридцатку.

Не стал отназыватьсь от своих показаний и Василий Виноградов.

— Да, я говорил о возможности покушения на Сталина и Нагановича, — заметил он. — Но это не значит, что я собирался это сделать. Подчеркиваю, я говорил о возможности бросить бомбу в лону Большого театра, но никакой бомбы у меня не было. Да и это я молол спяну. Мы же вечно были поддатыми и работали полуспянями. А спяну чего не брянешь!

Судья этому не поверил. Но полотеры, видимо, отстаивая честь своей профессии, все, как один, заявляли, что без стакана за работу не принимались, а потом добавляли по ходу дела. Виноградов в этом был одним из главных заноперщиков.

Весьма своеобразный способ защиты выбрал Прокофий Воропаев.

— С меня спрос маленький, — сказал он. — Я человек контуженный. У меня постоянно болит голова. Ну, прямо раскалывается! А этот следователь, нак его, Милов, нажется, допрашивал двадцать пять часов подряд. Башка у меня чуть не взорвалась, вот я и подписал все то, что он настрочил в протоколе.

Но самая мерзная и самая характерная для тех времен история произошла с Василием Орловым. Судите сами. Отец Василия — Андрей Орлов когда-то был довольно-таки крепким крестьянином, но обрушившаяся на деревню коллективизация в мгновение она превратила его в полуни-

щего бедняка. Пришлось податься в Москву и умолять земляков пристроить хоть куда-нибудь. Земляки вняли мольбам и взяли его в бригаду полотеров. Надо сказать, что эта работа не из самых легких — даже здоровенный деревенский мужик поначалу к концу смены валится с ног. Попривынув, с ног не валится, но пота проливает столько, сколько не снимается никакому токарю.

И вот на эти, заработанные потом, деньги Андрей Орлов ставит на ноги сына. Василий оканчивает школу, потом — институт, сам становится преподавателем, а потом и директором филиала Учетно-экономического комбината. Само собой разумеется, он был антиным комсомольцем, а потом — примерным членом ВКП(б). В принципе, ничего зазорного в этом нет: нормальный жизненный путь многих крестьянских детей. Но вот что настораживает: в 1930 году с разрешения ОГПУ Василий приобретает револьвер системы "браунинг". Зачем преподавателю экономики револьвер? И почему ОГПУ дает разрешение на приобретение этого револьвера? Не думаю, что все вузовские работники той поры имели право разгуливать с "браунингами" в нармане...

Как бы то ни было, Василий оказался в одной компании с отцом и его друзьями-полотерами. Что же вменялось в вину ему? Недоносительство на отца. Если во время следствия Василий держался более или менее достойно, то на суде, когда ему дали слово, он заявил:

— Моя ошибка в том, что я не придал должной классовой оценки тем словам, которые слышал

от отца и его друзей. Теперь я эту ошибку исправлю. И мой отец, и его ближайший друг Налистрат Фролов, в прошлом, кстати, эсер, были сторонниками буржуазно-демократической Республики, где основной фигурой, как известно, являлся частный предприниматель. Из чего следует, что у них преобладали нулевые настроения. Не скрывали они и своего отношения к Октябрьской революции, которую рассматривали как обман крестьянства, как захват власти нучкой большевиков. Кроме того, они оба были сторонниками Учредительного собрания. Я уж не говорю о том, как мой отец осуждал коллегиализацию. Она для него была, что острый нож...

И так далее, и тому подобное... Велеречив был Василий, многословен и абсолютно беспринципен. Кошмар, мерзость и гадость — если вдуматься во все это.

Между тем судебное заседание близилось к окончанию. После небольшого перерыва подсудимым зачитали приговор. Как и следовало ожидать, Василия Орлова, а вместе с ним и Захара Ефимова приговорили к 5 месяцам исправительно-трудовых работ, но с учетом предварительного заключения (из расчета три дня за один) из-под стражи освободили в зале суда. Зато отец Василия — Андрей Иванович получил десять лет, столько же влепили Налистрату Фролову и Михаилу Леонову. Остальным дали от двух до семи лет. Керенского и Журавлева вообще оправдали, а вот Тимофея Жунина, Пронофия Воропаева и Василия Виноградова приговорили к высшей мере нака-

зания. В ту же ночь они были расстреляны.

Прошло двадцать пять лет... Одни полтюеры умерли в лагерях, другие, отсидев свой срок, ушли в мир иной из-за болезней, а вот Гавриил Дуднин, отмотавший в лагерях шесть лет, выжил и обратился с жалобой, в которой просил его дело пересмотреть и в соответствии с законом реабилитировать. Заместитель военного прокурора Московского военного округа Мартынов обращается с соответствующей просьбой в Верховный суд, и в январе 1961 года Пленум Верховного суда СССР принимает постановление об отмене приговора и прекращении дела за недоказанностью преступления.

Так завершилась эта печальная история о несостоявшемся покушении на кремлевских вождя.

Были бессмысленные жертвы, были изломанные судьбы, была восстановленная справедливость... Восстановленная справедливость. Я еще раз написал эти слова и, сам того не ожидая, серьезно задумался. А так ли это? В свое время полковник юстиции Мартынов пришел к выводу, что сотрудники УНКВД Московской области, которые вели дело полтюеров, "применили незаконные методы следствия и допустили нарушения социалистической законности". Полковник Мартынов дал указание установить имена этих сотрудников и "если они не были привлечены к ответственности, отобрать у них объяснения".

Было ли это сделано, никто не знает. А значит, никто не знает, восстановлена ли та самая справедливость... ■

ЭкоСофт
Дигитико

ПЕЙДЖЕР

ЛЮБОЙ СРОК ОПЛАТЫ
ЛЮБАЯ МОДЕЛЬ ПЕЙДЖЕРА

Обслуживание
в месяц
стоит
только

9 99
USD
без НДС

Адреса Минской №5717

ДЛЯ СТУДЕНТОВ АНЕВНЫХ ОТДЕЛЕНИЙ ВУЗОВ И ПЕНСИОНЕРОВ
ПОДКАЮЧАЕМ АБОНЕНТОВ СО СВОИМИ ПЕЙДЖЕРАМИ
М БЕЛАРУССКАЯ, 3-Я ТВЕРСКАЯ-ЯМСКАЯ, ДОМ 46

ТЕЛ: 733 - 5000

ГЛУХАРИ

Василий ПЕСКОВ

фото автора

*Такой
школы
нет нигде
в мире.
Древнейшие
на земле
птицы —
ее ученики.*

Февраль

Это похоже на чудо. Садик почти в центре Москвы, а в нем по февральскому снегу кругами возле нуста смородины ходит, то-кует глухарь. Вроде бы рано еще тоновать, да и не очень подходящая обстановка — лает собака, слышно урчание автомобилей, человек с фотокамерой почти рядом, но глухарь веером распустил хвост и пока что без звуков совершает свой танец-пробежку.

Еще семнадцать птиц — угольно-черные, краснобровые глухари и рыженькие глухарки, — вытянув

АЯ ШКОЛА

шеи, из вольеры наблюдают за чем-то в небе.

— Ворону заметили, — говорит хозяин этого необычного птичника. Он открывает вольеру и, подставив плечо ближайшему глухарю, выходит наружу. Чего бы птице не полететь, крылья у нее не подрезаны... Нет, спокойно сидит на плече, хватает с ладони хозяина крошки хлеба.

Этого чудотворца в берете, в запотевших очках, счастливого от того, что гость хорошо понимает необычность всего, что видит, я знаю давно. Мы встречались, когда в волосах у обоих еще не было седины. И тогда так же вот любовались большими лесными птицами.

— Сколько воды утекло, сколько перемен разных! А ты все тот же.

— Да вот получается — однолюб, Дон-Нихот-глухарятник. Теперь заодно со мной еще сын. Кончает охотоведческий факультет — практика, кроме таежной, еще и тут, на дому...

Глухарь — птица древняя в наших лесах. Птица крупная, интересная, для охотника праздник — повстречаться с красавцем. К сожалению, глухарь очень чутон к малейшему беспокойству. Там, где часто появляются люди, глухари исчезают. Глухари тоновали когда-то в лесах Европы, обычными были они в Подмосковье. Времена эти в прошлом. Большие древние птицы по-прежнему благоденствуют, но лишь там, где их не тревожат.

“Научиться разводить глухарей в неволе. По возможности изменить поведение птиц. И выпускать там, где глухари когда-то во-

дились.” Такую задачу поставил перед собой в 50-х годах молодой орнитолог Сергей Нирличев. Задача была новой и дерзкой — глухарей, олицетворяющих собою дикость природы, никто в неволе не выводил. Подступаясь к этой работе, надо было хорошо изучить птиц в природе: где дерната, чем нормятся, как воспитывают потомство, защищаются от врагов и болезней. В Сибири возле Байкала я видел громадные глухаринные стаи. Представьте три четыре сотни больших вольных птиц. Такие стаи в Сибири есть и поныне... Кое-кто думает: еда глухарей — лишь ягоды и хвоя. Нет, любят они и мясо, особенно в молодом возрасте. Насекомые, ящерицы, мыши, лягушки — постоянно в поле зрения птиц. Тут вот на “ферме” мы обязаны помнить об этом — “склюют” случайно залетевшего воробья, ведро лягушек съедают, по часам замечали, за десять минут. Но и сам молодой глухаренок в природе — добыча желанная для лесных хищников. Лиса, нуница, яструбы, совы, даже змеи подстерегают пуховичков. Из десяти глухарей взрослыми становятся только два-три”.

Не очень сложное дело — найти в лесу глухариную кладку и поместить ее в инкубатор. Но появятся ли из яиц жизнеспособные, уже на десятый день жизни готовые стать на крыло птицы? Не всегда. Несколько лет велись эксперименты — приборами был исследован режим нагревания яиц в гнезде у глухарки. С учетом этого был сконструирован инкубатор. Теперь все в порядке — птенцы из яиц появляются дружно, почти без отхода. Но как их вырастить,

сохранить? Опыт курятника тут не годится. Пришлось опять идти ощупью, методом проб и ошибок. Обращаться "за справками" к дикой природе. И этот путь пройден. Глухари вырастают теперь в неволе жизнеспособными, сильными птицами. Но как заставить их размножаться, как заставить глухаря снести для инкубатора не семь восемь яиц, как в природе, а пятьдесят? Удалось добиться и этого!

Теперь задача: воспитывать глухарей так, чтобы они способны были самостоятельно жить в природе, не испытывая, однако, слишком большого страха от близости человека. Это даст возможность поселять птиц в местах, где они жили когда-то, но нуда сама природа вернуть их не может.

Большая, длиною в целую человеческую жизнь работа находится сейчас на этой последней стадии. Глухарей, выращенных в Москве, Сергей Павлович с приходом лета увозит в верховья Волги и там на лесной поляне "обучает" жить в дикой природе, попросту говоря, дает свободу нормиться, прятаться от врагов и только к вечеру собирает их на "контрольную территорию". Семнадцать глухарей, живущих сейчас в вольерах, уже прошли эту школу. Ученый надеется на выбранном месте сформировать из них тон и, если получится, — выпустить птиц на свободу. И будет готовить к тому же новое поколение с поправкой понима о возможных ошибках.

Таков "конспект" дела, которому отдана жизнь. Ни палат каменных, ни золота-серебра увлеченно-му человеку дело это принести не могло. Всю жизнь Сергей Павлов-

вич нуждался, постоянно хлопотал то о нормах для питомцев, то о вольерах и хоть каких-то субсидиях, не говоря уж о том, что был он постоянно для крылатых своих питомцев бдительной, зоркой "насадкой" — "подъем ежедневно в половине четвертого, отбой — в одиннадцать". Судьбу орнитолога преданно, без ропота разделяет отец-художник, жена — певица Большого театра, а теперь и сын Александр, уже вровень с отцом знающий тонкости "глухариного дела".

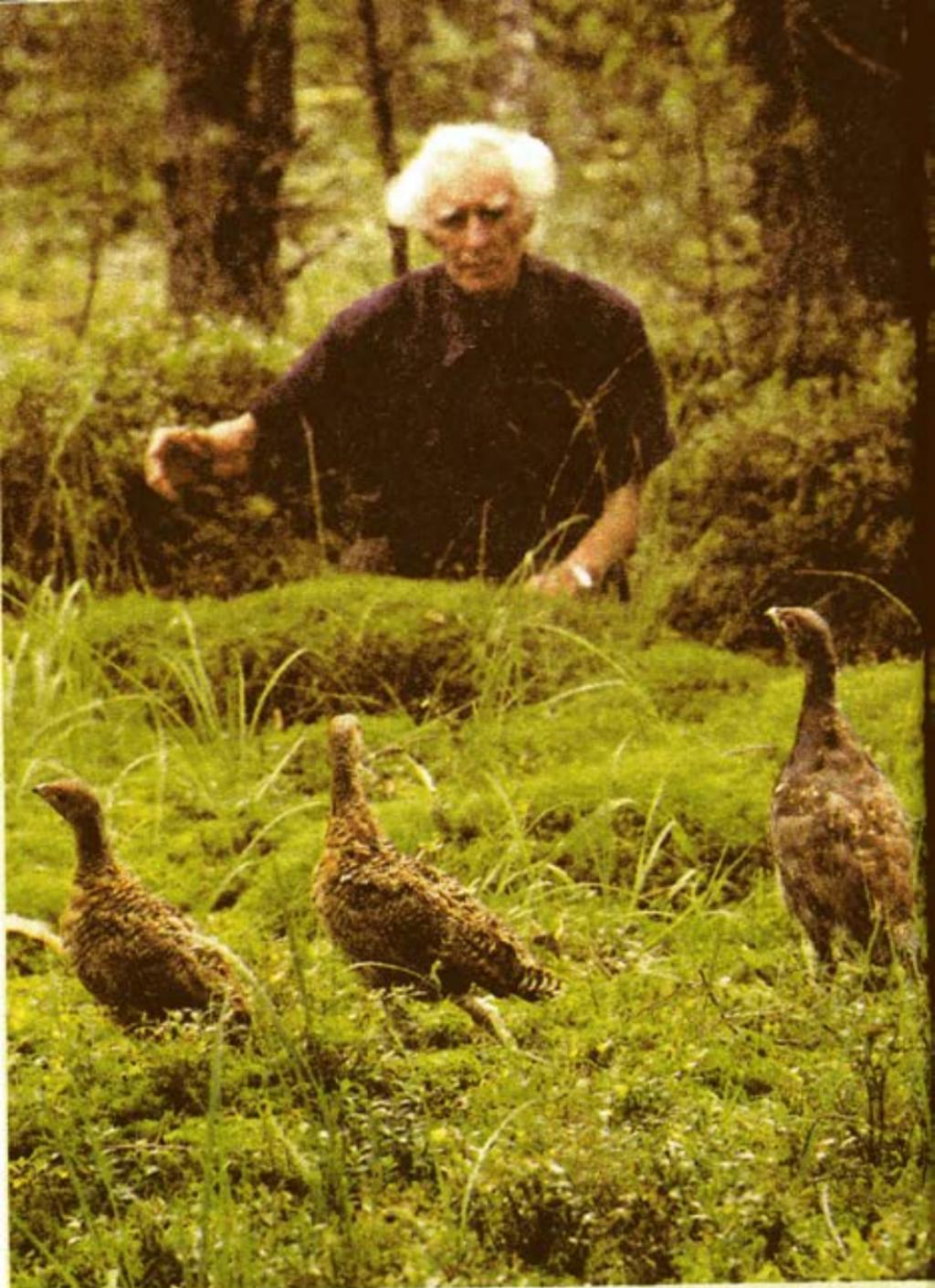
После съемки сидим за чаем. Отец с сыном обсуждают починку инкубатора и завтрашнюю поездку к электролинии, которую чистят от зарослей сосенки, — можно вдоволь разниться сосновой хвоей. "Счастье: зимой глухари могут питаться доступным бесплатным нормом!"

Но норм-то нужен не одним глухарям. И старший из Нирпичевых, девяностолетний Павел Яновлевич, слушая разговор сына и孙на, наклонившись, деликатно спрашивает гостя: а верно ли сложилась у сына жизнь и надо ли внуку двигаться следом?

Я говорю подобающие слова. И старик радостно соглашается:

— Да, да, я тоже так думаю. Жизнь поблекнет, если все, решительно все будут молиться на денежную бумажку. Должны быть люди с любимым делом.

Чувствуется, тема эта в доме уже обсуждалась, и я лишь посвящаюсь в то, что принято единодушно тремя поколениями мужчин и двумя женщинами, связавшими судьбу свою с одержимыми Нирпичевыми — свекровью-певицей и невесткою-архитектором. "Глухариное дело" — наша общая

радость! — сказано было за семейным столом. Радостно было это услышать. Радостно было участвовать в разговоре о том, как

будут тоновать птицы, как сядут глухарки на яйца, как повезут глухарят летом в лесное место над Волгой...

Апрель

Болотистый лес, заполненный хмарью тумана, капель с жидкого сосеня, хлюпанье снега с водой

под ногами — самая середина апреля у Селигера, время глухаринных тонов... И вот они, характерные звуки — "тк!-тк!..", а следом — "точенье", заставляющее замереть сердце. На кромке болота виден и сам бормотун. Черный. Хвост веером. Брови красного бархата. Он то затихает, прислушиваясь, то с генеральской важностью ступает по снегу, и вдруг побежал — резво атанует ногою... Все дальнейшее непосвященному показалось бы сказкой. Глухарь устремился к линялой палатке, возле которой на пнях сидят двое людей. Глухарю бы их испугаться, а он вроде как напоказ — кругом, кругом пошел по снегу, прямо под ноги к сидящим.

Прошел год. Очередной этап работы у Нирпичевых — попытка не шарахающихся при появлении человека птиц "влипать" в природу в самый ответственный момент для глухариной жизни, в период тона. Для всего этого еще в марте отец с сыном по снегу вывезли глухарей в относительно малодоступный район Волговерховья. Натянули между деревьев сетки вольер, поставили палатку для наблюдений. Но у молодого Нирпичева родилась дочь. На время он отлучился в Москву, оставив отца в лесу одного с глухарями.

И вот мы вместе с молодым папой бредем по заболоченному, залитому водой апрельскому лесу. Кто ходил в это время к глухаринным местам, знает все тяготы этих передвижений — ставишь ногу в след идущего впереди человека, а в нем, как в нувшине, коричневая вода. Время от времени воду надо выливать из сапог. Портянки не меняем, вынимаем — и снова на ногу.

Но сколько радости в монрм апрельском лесу! Оттаяли, оказались на виду следы глухаринных ночлегов. Где-то, невидимы, трутят журавли. Вблизи от родового гнезда, на сосне, видим, как уже прилетевшие скопы гоняют ворона — загодя протестуют против присутствия тут разбойника. Заполненный водой след рыси. Но можно увидеть и след медведя. Медведи тут есть.

Семинилометровый путь по лесному болоту канется несночаемым. Хватаем с набухших почек перезимовавшие ягодки клюквы и переставляем, переставляем онемевшие от монроты в сапогах ноги... Но вот он, запах дыма. Видим палатку и слышим токование глухарей. А через две минуты обнимаемся с небритым, пропахшим лесом и дымом, похожим на лешего (но в берете!) Нирпичевым-старшим. Разговор шепотом: "Как дела?" "Все по плану..."

Глухари на току обжились. И, казалось бы, выпусти их из-под сетки, сейчас же скроются с глаз. Нет, к месту они привязаны, не улетают, а если выпустить двух или всех четырех сразу, начинаются жаркие петушинные драки, драки такие, что одного из бойцов Нирпичев-старший спасает, схватив его на руки.

В январе я видел всю компанию глухарей в одном не слишком просторном вольере, сидели бон о бон — братское дружелюбие. А март и апрель сделали птиц яростными соперниками. Запал схватиться хоть с кем-нибудь распространяется даже и на людей. Один из глухарей делает круги возле нашей стоянки. И что интересно, Нирпичева-старшего он

принимает за самку и лишь кружится, распустив крылья, а Нирпичева-сына глухари почему-то считают соперником, и Саша вынужден сидеть тихо-смирно, иначе быть синякам от мощного клюва. Чтобы утвердить свою роль, Нирпичев-старший изображает рунами трепыхание крыльев самки. Для глухаря-уханера на току это ключевой раздранитель, сигнал к спариванию. Любопытно, что даже имитация этого сигнала действует безотказно.

Весенний ток — кульмиационная точка в лесном житье-бытье глухарей. Самцы, слетевшись на ток, на рассвете издают турнирные бормотанья, оглушая себя настолько, что охотники уже тысячи лет пользуются этим, подбираясь к охваченным страстью птицам на выстрел.

С деревьев возбужденные петухи слетают на землю для турниров на глазах у смирно сидящих неприметных, сереньких самок. Петухи в азарте бдительность притупляют, но самки настороже, чуть опасность (близость человека, рыси, лисицы, куницы) — не громное квохтанье, и весь хоровод глухарей улетает. Если же все спокойно, турнир проходит по древним правилам: бородатые, краснобровые ухажеры ходят голем, приспустив крылья, в азарте подпрыгивают вверх и схватываются так, что, не будь на шее у них мускулистой брони, наносили бы друг другу смертельные раны. Но все кончается миром — выявлением достойных продолжить род. Как самки это определяют, от человеческого глаза ускользает. Но как-то определяют. Нирпичев-старший, много раз наблюдавший тока, рас-

сказывает: "Н избранному глухарни устремляются очередью, и он ведет себя, как неутомимый султан. Другим же иногда приходится лишь поправлять истрепанные перья".

Покрытая самочна на тону уже не появится. Где-нибудь поблизости несколько дней она будет искаль поддающее для гнезда место. И, наконец, на сухой гриве возле ствола сосны в лесной ветви она выроет ямку и положит в нее яйцо. Через несколько дней — второе. Потом яйца будут ложиться в гнездо ежедневно. (В отличие от дворовой курицы глухарне для гнездовой кладки довольно одного свидания с петухом.) Улетая кормиться, глухарна наносят кладку старой хвоей и мелкими ветвями. Делает она это, скорее всего, чтобы яйца не охлаждались. Когда потеплеет, кладка уже не покрывается ветошью. Окраской яйца сливаются с окружающим фоном, пройдешь — не заметишь.

Глухарята вылупляются на двадцать пятый день насиживания, и самка, дав им обсохнуть, сразу уводит в большую жизнь. Поведение молодняка до поры, когда он встает уже на крыло, регулируется материнским голосом: "Замерьте!", "Но мне!", "Есть пища!". Однажды вблизи Они, проезжая по лесной тропе на велосипеде, я спугнул глухарну с уже ставшей на крыло ребятней. Мать перелетела на правую сторону от тропы, а глухарята остались в желтых папоротниках слева. На настойчивый призыв матери уже почти взрослые птицы одна за другой пролетали прямо над моей головой, оставив ощущение сказочного события...

А зарождается глухариная жизнь на тону. Сюда и прилетят потом молодняк. Самочки уже на первом году готовы к играм. Молодые же петухи со стороны наблюдают, набираются опыта.

Для Нирпичевых важно проследить поведение городских питомцев на природном ристалище — как тонуют, привлекают ли к себе внимание самок, будут ли спариваться, выдержат ли конкуренцию соперников-динареев? (Они тоже тонут тут, по соседству.) Все это требует пристального и осторожного наблюдения. И группе людей вблизи тока долго оставаться нельзя. Сдав вахту сыну и сделав важные распоряжения, Нирпичев-старший манит меня к костерку в глубине леса. Опорожняем чайник и тихо прощаемся с Александром, которому жить тут отшельником еще с полмесяца.

Дорога обратная с тока была еще труднее, чем днем. К деревушке, светившейся пятью очами, мы, с трудом различая следы на снегу, вышли уже в темноте. Долго кричали, вызывая проводника дядю Мишу. (Он, ожидающими нас, прикорнулся.) Пришлось жечь смолье в надежде, что кто-то увидит огонь за разливом реки. Трещали на костре сосновые щепки, кричала в монром лесу неясность и волнующие бормотали, журчали, лились в темноте апрельские талые воды.

Наконец послышалось с того берега: "Еду, еду!" На дощатом корытце, служащем дяде Мише лодкой, мы переправились в деревеньку. И, выпив трехлитровую посудину молока, свалились в постель как подстреленные. После полуночи я, однако, почему-то проснулся с мыслью о глухарях. У них

в этот час начиналась предрас-
светная брачная перекличка.

Утром строим с Сергеем пла-
ны встретиться тут уже в авгу-
сте — посмотреть, как будут при-
способливать к дине жизни глу-
харей молодых.

Август

Сину с фотокамерой под раз-
лапистой елкой. Тихо сину. Наб-
людаю, как на приземистый гриб
забирается слизень, как оса по-
едает ягодку спелой малины, как
мышь, оглядевшись, бежит к нор-
не под пнем. Прямо передо мной
открытое место — поляна изум-
рудного бархатистого мха. Лучше
всего на ней, на чистом месте без
лесной ветоши и подлеска снять
молодых глухарей. Но важно, что-
бы они прошли по поляне, не испугались
прогалины и человека за
елкой.

Будь птицы с наседкой-мате-
рью, такая съемка была бы не-
мыслима — глухари осторожны и
очень чувствительны к присутст-
вию человека. Тут же дело другое, глухарят воспитывает человек. Во
время лесной пастьбы он управляет
поведением птиц...

Слышу хруст веток под сапогами Сергея. И тут же на перине зе-
леного мха появляются птицы. Они спешат осторожно пройти, но
сигналом опасности Сергей заста-
вляет их задержаться и оглядеться. Вытянув шеи, глухари замирают на три-четыре секунды. Этого
мне довольно, чтобы снять не очень пугливую стайку взрослею-
щих птиц и седого, как бог Сава-
оф, орнитолога Кирпичева. Еще
мгновение — и птицы исчезают в подлеске. Но, если надо, через
какое-то время Сергей их может снова собрать, ибо владеет разга-

даным языком их общения с глу-
харкой.

Более двадцати характерных
сигналов помогают управлять вы-
водком в лесных дебрях — ни
один цыпленок у Кирпичевых пока
что не потерялся, не заблудился.
“Мы превзошли царя Соломо-
на, — смеется Сергей. — Тот, как
пишут, понимал язык птиц и зверей. У нас же понимание — дву-
стороннее. Вот смотрите: никого нет...”. Сергей издает призывы:
“Ко мне!” И тут же начинают ше-
вельиться травинки, со всех сто-
рон глухаря устремляются к “ма-
тери”. Некоторые даже летят.

Ночевни в определенном мес-
те даже не требуют созыванья.
Глухари хорошо помнят, куда им на
вечеру надо идти. И дружно собираются у палатни. Они совершен-
но не боятся ностра — возятся в
теплом песке, норовят клюнуть
наши из нотелка и на ночь взлета-
ют на соседнее дерево. Сказоч-
ная картина для новичка! Горит огонек. Возле него с блокнотом и
кружкой чая сидит человек, а над
головою в струйках синего дыма
дремлют, вобрав голову в плечи,
два десятка по природе пугливых,
древнейших на земле птиц.

По наблюдениям Кирпичевых,
в диких выводках к концу лета
[цыплят по осени считают!] у глухарей от пяти-шести птенцов оста-
ется один или два. Законы жизни
в лесу диктуют очень большую
дань: болезни птенцов, гибель от
непогоды, когти и зубы хищников.
Кирпичевы же в прошлом году из
двадцати четырех потеряли только
трех птиц — двух у воды прищу-
чила норка и одного пуховичка на-
стигла змея. Задача вообще по-
терь не иметь вряд ли осуществи-
ма. Ястреб-тетеревятник два раза

в день облетает угодья, где замечены малыши. Но присутствие человека заставляет хищника быть осторожным. Орел-бернут в этом году пионировал на птенца, но сигнал "Опасность сверху!" уберег глухаренка. Наследственная программа поведения при этом сигнале заставляет птенца искать спасения в нутках. Сломя голову он в них и кинулся. И спасся! Присутствие человека держит на расстоянии и лисиц. Но вот змея... Нирпичевы не знали, что это большая опасность на первых днях жизни пуховичков. Что их спасет? Бдительность матери! Подбросили старой глухарке для эксперимента змею. Она немедленно на нее кинулась, заневала. Змею глухарка заметит быстрее, чем человек-воспитатель, но это значит лишь то, что человеку-наседке надо быть особо внимательным.

Болезни... Детская смертность от них большая. Склевывая насекомых, глухарята заражаются разными паразитами. В стайне у Нирпичевых глухари от этих детских болезней не погибают — проверенные птицеводами препараты добавляются в корм и дают птенцам возможность перенести опасную полосу жизни, окрепнуть. Замечено и лекарство, к которому прибегают в природе и сами птицы, — клюнва! Помимо витаминов, эта ягода содержит антибиотические вещества, губительные для паразитов.

А как с теплом? В холодный дождливый день глухарята собираются под крылья матери. Но крылья — всего лишь защита от ветра и дождя. Главное — "грелка". В это время бона у наседки почти без перьев, и цыплята принимаются к теплому материнскому телу.

Нан без наседки их обогреть? Проблема решена удивительно просто. Пластмассовая труба до нужной температуры нагревается проводом с электрической батарейкой. Стоит "наседке" услышать писк "Холодно!" — в дощатом маленьком ящике включается грелка. И птенцы прижимаются к ней бонами. Так проходит короткое время детства в борьбе с болезнями, с непогодой, с превратностями бытия. В конце июля птицы взрослеют и начинают летать.

Тридцать лет наблюдая за глухарями, Нирпичевы заметили много в их способностях выживать, в их поведении. У птенцов редкая "топографическая" память. В местах взросления они хорошо запоминают подходы в нужную точку. Помнят деревья и другие ориентиры. В будущей взрослой жизни, улетая по делам от освоенных мест, глухари ориентируются по дорогам в лесу, по речке, по жиле ручья, высоким деревьям. Находят сначала район обитания, а потом, тоже по ориентирам, находят тщательно спрятанное гнездо, муравьиную кучу, пятакон галечника, где в предзимье наполнят жеудки мелкими камушками.

Глухарята в юности хорошо знают друг друга "в лицо". (Экспериментаторам, чтобы различать глухарят, приходится метить их красной.) Они же человека-наседку" прекрасно знают, его голос для них — родной. Но кое-что заложено и в память наследственную. Вылупляясь из яйца, птенец уже знает: надо бояться птицы с полосами на груди — ястреба. Был однажды курьез. Младший из Нирпичевых, служивший в десантных войсках, надел "на дежурство" тельняшку и не сразу понял,

почему хорошо знавшие его птицы мгновенно попрятались. Полосни! Для глухарят это был наследственный четкий сигнал опасности, превышающий по силе все остальное.

Что же дают семь-восемь недель глухариной школы? Дают привязанность к среде, где птицам предстоит жить, врастание в нее, привыкание к опасностям, к добыванию нормы, ко всему, что станет родным и естественным, если выпустить птиц на свободу. Этих качеств не могут иметь глухари, выращенные в неволе. Все попытки их выпускников давали нулевой результат.

Выращивая глухарей в вольере, ломают голову над тонностями их питания. Оно обходится дорого, но главное, непременно что-либо будет упущено. А вырастая в лесу, на свободе, глухаренок сам находит, что ему надо. — козявку, ящерну, муравьев, паунов, ягоды, зерна, травы, хвоши...

Добывание нормы, привыкание ко всем превратностям дикой жизни — вот что дает лесная глухаринная школа. От человека-экспериментатора она требует знаний и большого напряжения сил. Но все онупится накопленным опытом, обретением технологии, по которой уне не только энтузи-

асты Нирпичевы могут выращивать глухарей для выпуска там, где хотят, чтобы ими обогащалась природа.

Глухарь в Красной книге не числится. В лесах нетронутых эта большая прекрасная птица, можно сказать, пока процветает. Но она исчезла повсюду, где потревожена человеком. Технология, которую нарабатывают отец и сын Нирпичевы, позволит выращивать глухарей, терпимых к присутствию человека. Им место там, где охота запрещена, но где крайне нужным является разнообразие жизни, — заповедники, национальные парки, другие охраняемые территории. Вот почему так важна работа орнитологов Нирпичевых. В раздрягованной нынешней жизни они — доннихоты. Без какой-либо помощи, перебиваясь с хлеба на квас, отдавая житетски себе в самом необходимом, все силы, можно сказать, всю жизнь они кладут в дело, которое будет востребовано не сегодня. Но они уверены: оно будет востребовано! Эта вера, это упорство многое стоят. Они важны нам сегодня не только в делах глухариных. И долг наш: не посмеиваться над такими людьми, а протянуть им руку поддержки. ■

Рисунок Алексея Остроменского

Мэри ХИГГИНС КЛАРК

Пока красавица сти...

Он осторожно рулил по скоростному шоссе к Моррисон-парку. Всего 35 миль от Манхэттена до округа Рокленд, но поездка — сущий кошмар. Снегопад, начавшийся ночью, густел и густел, безжалостно швыряясь снегом в ветровое стекло. Но вот, наконец-то, и парк. В такой снегопад вряд ли кто разгуливает по дорожкам или бегает трусцой. Мимо промчалась, сверкая фарами, патрульная машина, наверное, торопится к месту происшествия. Копам и в голову не придет, что у него в багажнике под барабахом упрятан пластиковый мешок с трупом известной писательницы Этель Ламбстон. Втиснут в щель, рядом с запасной шиной.

Свернув с шоссе, он миновал короткое расстояние до паркинга. Как и рассчитывал, там было пусто. Всего несколько машин, да и те под толстой снежной пеленой. На пикник прикатили чертовы недоумки, не иначе. Теперь главный фокус — как бы ненароком не напороться на кого-нибудь из них.

Вылезая из машины, он внимательно огляделся. Никого. Колею уже припорошило снегом. Заметет и его следы. Замаскирует место, куда он спрятает труп. А если повезет, к тому времени, когда тело обнаружат, и смотреть будет не на что.

Сначала он хотел оставить ее в мешке. Но в последнюю минуту переменил это намерение. Медицинские эксперты — ребята ушлые, улики отыщут на чем угодно.

Не обращая внимания на холод, пронизывающий ветер, снежную крупку, превращающую щеки и подбородок в куски льда, он поустойчивее установил мешок над пещерой и принялся дергать молнию. Та не поддавалась. Он ожесточенно рвал и дергал, а когда, наконец, молния разъехалась и показался труп Этель, его всего перекосило.

Белый шерстяной костюм в пятнах крови. В зияющей ране на горле застрял воротничок блузки. Чуть приоткрыт один глаз. Рот, при жизни Этель никогда не отыхавший, собрался мешочком, словно бы готовясь к очередной бесконечной речи. Последняя фраза, выплюнутая им, стала роковой ошибкой Этель, мрачно подумал он.

Прикасаться к ней, даже в перчатках, было нестерпимо. Она мертва уже почти 14 часов. От трупа тянуло сладковатым запашком. В припадке отвращения он сбросил тело в пещеру и стал заваливать камнями. Через десять минут после отъезда из парка не останется никаких признаков его присутствия.

Скомкав потрескавшийся пластик, он заспешил к машине. Теперь его колотило — нетерпелось убраться из парка, подальше от возможного разоблачения.

Пять минут спустя он уже летел по скоростному шоссе. Следующая остановка — озеро, самое удобное место избавиться от

* Мэри Хиггинс Кларк — американская писательница, автор 14 детективных романов и трех сборников рассказов. Читатели "Смены" знакомы с ее творчеством по роману "Не плачь, моя леди" (№ 3, 1997).

багажа Этель. Озеро глубокое, случалось, в него сбрасывали даже старые автомобили.

Насколько хватило сил, он подальше забросил чемоданы Этель. Понаблюдал, как они исчезают под грязно-серой водой. Теперь осталось избавиться от комка порванного, в пятнах крови, пластика. Его можно выбросить в мусорный бак на повороте с Вэст-Сайд. Мешок затеряется в горах мусора, который увезут завтра.

До города он добирался три часа. Все шло согласно плану. На секунду тормознув на Девятой авеню, швырнул в бак пластиковый мешок. В 8:00 пригнал машину обратно на заправочную станцию на Десятой авеню, где давали в прокат старые машины. Плата наличными. Записей тут никаких не вели.

В 10:00, приняв душ и переодевшись, он уже находился на своем месте, глотая неразбавленное виски, стараясь угомонить разгулявшиеся нервы и перебирая мысленно каждую минуту, протекшую с тех пор, как он стоял в квартире Этель, выслушивая ее издевки, насмешки, издевательства. Антикварный кинжалчик с ее письменного стола скакнул ему в руку. На лице Этель проступил страх, она попятилась. Какое наслаждение полоснуть по горлу, видеть, как она, спотыкаясь, отступает через арку на кухню. Там Этель и свалилась на керамический пол.

Но теперь все в норме, твердил он себе. Он в безопасности! Сделал все, как надо.

Однако с последним согревающим глотком виски его как стукнуло! Какой чудовищный промах! Он понял, где промахнулся.

Нив Кирни!

2

Радио заговорило в 6:30. Нив потянулась, нашаривая кнопку, чтобы вырубить напористо жизнерадостный голос диктора, сбросила с себя одеяло, пробежав через комнату, достала из шкафа старенький махровый халатик, подвязалась пояском и зачесала назад жгуче-черные кудрявые волосы — фамильная черта семьи Россетти. Глаза ей тоже достались от Россетти — вишневые, с черным ободком, как и у матери, сверкающие под черными ресницами широко и вопросительно. А кожа от кельских предков — молочно-белая, с россыпью веснушек на прямом носике. Широкий рот и крепкие зубы она унаследовала от Майлса Кирни, своего отца.

Нив сунула ноги в теплые шлепанцы, их Майлс величал "сапожниками", и раздернула шторы. Да, особой гениальности от метеорологов не требовалось, чтобы предсказать густой снегопад. Из окна ее комнаты обычно был виден Гудзон, а сейчас она едва различала здания на другом берегу реки. Дорога завалена снегом, машины двигаются предельно осторожно. Сегодня

многострадальные жители пригородов пустились в путь раньше.

Майлс уже хлопотал на кухне и даже поставил кофейник. Нив поцеловала его в щеку.

— Как сегодня наша "Легенда"? — спросила она. Со временем прошлогодней отставки газеты называли его не иначе как "Легендарный Комиссар Нью-Йоркской полиции". Чего он терпеть не мог.

Проигнорировав вопрос, Майлс состроил насмешливую гримасу:

— Только не говори мне, что не побежишь сегодня по Центральному парку! Что такое снежный покров в какой-то там плавый фут для неустранимой Нив?

У них давно вошло в обычай подкалывать друг друга. Теперь, когда сам он больше не мог бегать, его тревожили ее ранние пробежки в одиночку.

Нив нырнула в холодильник за кувшином с апельсиновым соком, налила высокий бокал ему и маленький себе и начала готовить тосты. Завтракали они в дружелюбном молчании, каждый листал утренний "Таймс". Но, подняв глаза, Нив увидела, что Майлс газету не читает, уставился в нее, ничего не видя.

— Ну, ладно! Выкладывай! Паршиво себя чувствуешь? Ради Бога, надеюсь, у тебя хватит ума не играть роль молчаливого страдальца?

— Да нет, со мной все нормально. Во всяком случае, если ты про боль в груди. — Майлс кинул газету на пол и потянулся за кофе. — Сегодня выходит на свободу Ники Сепетти.

Нив охнула.

— Но ему вроде отказали в прошлом году в условном освобождении?

— В прошлом году он подавал прошение в четвертый раз. А теперь отсидел свой срок до последнего дня. Ему только чуть скостили за примерное поведение. Сегодня вечером появится в Нью-Йорке... — Лицо Майлса окаменело.

— Папа, взгляни на себя в зеркало! Продолжай в том же духе и добьешься нового сердечного приступа. Мне наплевать, пусть Сепетти хоть сто раз угрожал тогда на суде. Ты столько лет угробил, стараясь связать его с... — голос у Нив сорвался, но через минуту она совладала с собой. — Да ведь не выплыло ни единой ниточки, ведущей к нему. И ради Бога, не смей тревожиться за меня только из-за того, что он снова на свободе!

За решетку Ники Сепетти, главу мафии, засадил ее отец, бывший тогда окружным прокурором США. После оглашения приговора у Ники спросили, не желает ли он сказать последнее слово. Ник ткнул пальцем в Майлса: "Они считают, ты здорово потрудился, чтоб упечь меня в тюрьгу! Тебя даже сделали комиссаром полиции. Поздравляю! В "Пост" сладенькую статей-

ку пропечатали про тебя и твою семейку. Гляди, хорошенько береги жену и малышку! Им потребуется защита!"

Две недели спустя Майлса привели к присяге на пост комиссара полиции. А еще через месяц труп его молодой жены, тридцатичетырехлетней Ренаты Россетти Кирни, матери Нив, был обнаружен в Центральном парке. Ей перерезали горло. Раскрыть преступление так и не удалось.

Нив не стала спорить, когда Майлс предложил, что вызовет для нее такси.

— По такому снегу пешком не дойдешь! — убеждал он.

— Дело не в снеге, и мы оба знаем это! Единственное, о чем стоит тревожиться, — это твое здоровье. Вряд ли Сепетти хочется снова угодить в тюрьму. Спорю, если он умеет молиться, то молится, чтобы со мной долго-долго ничего не случалось. Так что, пожалуйста, забудь Сепетти и оставь возмездие небесам. О'кей? Обещаешь?

Майлс кивнул, но не очень убедительно.

— Беги скорее! — подтолкнул он дочь. — Счетчик в такси тикает, и вот-вот начнется моя телегра.

Нив настолько погрузилась в свои мысли по поводу утренних событий, что даже не заметила, как такси остановилось перед магазином. "Дом Нив" — было выведено изящными завитушками на мраморном навесе.

— Работаете здесь? — полюбопытствовал водитель, когда она с ним расплачивалась. — Роскошное местечко.

Нив неопределенно кивнула, подумав, местечко это, друг мой, принадлежит мне.

Увидев Бетти за работой в пошивочной, Нив не удивилась. Голова наклонена, между бровей морщинки от постоянной сосредоточенности. С искусством хирурга орудуют иголкой худенькие морщинистые руки. Бетти подшивала блузку, замысловато расшитую бусами. Ярко-рыжие крашеные волосы подчеркивали пергаментную тонкость кожи. Нив всегда старалась забыть, что Бетти уже за 70. Ей не хотелось думать, что вот-вот наступит день, когда та решит уйти с работы.

— Решила поскорее за шитье приниматься, — объявила Бетти. — У нас на сегодня намечена куча готовых заказов на выдачу.

Нив стянула перчатки, размотала шарф.

— А то я не знаю! Этель Ламбстон уж приставала, приставала: ее вещи должны быть готовы сегодня после обеда.

— Помню. Примусь за подгонку ее платьев, как только вот с этим закончу. А то такого наслушаешься! Попробуй не закончи хоть одну тряпку, которую она купила! Разворчится, хуже некуда.

— Побольше бы таких выгодных клиенток, — мягко напомнила Нив.

— Что верно, то верно, — согласно кивнула Бетти. — И кстати, очень рада, что ты уговорила миссис Йетс на этот фасон. В том, другом, который она примеряла, она похожа на корову.

Поразительно, но наплыв покупательниц был большой. Они храбро преодолели снег и обледеневшие тротуары, только бы зайти в магазин. Двое продавщиц уже не справлялись, и Нив весь день провела в торговом зале. Это ей нравилось в ее бизнесе больше всего. Но с прошлого года она заставляла себя ограничиваться обслуживанием лишь нескольких своих клиенток.

День катился к вечеру, поток клиенток редел. В 3 часа из пошивочной появилась Бетти.

— Заказы для Ламбстон готовы!

Одежду для Этель Ламбстон Нив выбирала сама. Все весенние ансамбли. Этель было уже за 60, известная писательница и журналистка. «Я пишу обо всем, что вижу под солнцем, — взахлеб делилась она с Нив в день открытия магазина. — Но у меня свежий подход и пытливый взгляд. Я — это обыкновенная женщина, которая видит что-то впервые, под новым углом зрения. Пишу я о сексе, о человеческих взаимоотношениях, о недвижимости, о животных и детских садах, об организациях, о политических партиях... Проблема в том, что работаю я всегда, как одержимая, и у меня ни минутки не выкраивается для себя. Куплю черное платье, и кончается тем, что надеваю к нему коричневые туфли. Послушайте, у вас тут есть все. Оденьте меня с головы до ног!»

И все шесть лет Этель Ламбстон была очень ценной клиенткой. Она настаивала, чтобы Нив выбирала ей все, до последней пуговки, а заодно и аксессуары. Жила Этель на 82-й стрит на первом этаже особняка, и Нив, случалось, забегала к ней, чтобы помочь решить, какую одежду еще подержать, а что выбросить.

Последний раз Нив пересматривала гардероб Этель три недели назад. На следующий день Этель заехала в магазин и заказала уйму новых платьев. «Почти закончила ту статью о моде, для которой интервьюировала тебя, — сообщила она Нив. — Когда ее опубликуют, многие взбесятся. Но ты останешься довольна. Бесплатную рекламу тебе даю!»

Нив закончила списки для Этель: «Синийшелковый вечерний костюм, носить с белойшелковой блузкой; украшения для него в коробке «А». «Розово-серый ансамбль: серые лодочки, сумочка в тон, драгоценности в коробке «В». «Черное платье для коктейлей»... и так далее. Всего восемь ансамблей. Вместе с аксессуарами стоят почти семь тысяч долларов. Такие деньги на обновки Этель тратила раза три-четыре в год.

С помощью приемщицы Нив запечатала днища чехлов и со вздохом облегчения набрала номер Этель.

Трубку не взяли. Не был включен и автоответчик. Нив решила: значит, Этель с минуту на минуту явится сама.

В 4 часа поток клиентов совсем иссяк, и Нив отправила служащих по домам. Черт бы побрал эту Этель, досадовала она. Хочется тоже поскорее уйти домой. Она еще раз набрала номер Этель в половине пятого. В пять. В пять тридцать. Потом решила подождать до семи и по дороге домой самой заскочить к Этель. Пакеты можно оставить у смотрителя дома. Таким образом, если Этель срочно вздумается отправиться в поездку, без нового гардероба она не останется.

Диспетчер заказ ее на такси принял неохотно.

— Леди, мы отдали распоряжение всем нашим такси возвращаться. Езда сейчас — сплошная головная боль. Ну ладно, давайте свое имя и номер телефона. — Услышав имя, диспетчер мгновенно переменил тон. — Нив Кирни! Что ж вы сразу не сказали, что вы — дочка комиссара? Не волнуйтесь! Доставим вас домой в лучшем виде!

Такси подъехало без двадцати семь. Со скоростью черепахи они продвигались по заваленным снегом улицам. Водитель во все не обрадовался дополнительной остановке.

— Поторопитесь, леди! А то меня снегом завалит!

На звонок дверь не открыли. И смотрителю Нив называвшая тщетно. В особняке было еще четыре квартиры, но она понятия не имела, кто там живет. Оставлять же одежду незнакомым — рискованно. Наконец, вырвав чек из своей книжки, Нив написала на обороте записку и подсунула под дверь Этель: “Все твои покупки у меня. Позвони, когда вернешься!” Под подписью черкнула на всякий случай свой телефон. И, сгибаясь под тяжестью коробок и пакетов, снова погрузилась в такси.

За запиской, оставленной Нив, протянулась рука. Записку прочитали, смяли, и вновь возобновились скрупулезные поиски стодолларовых купюр. Их Этель обычно запрятывала под ковры или между диванных подушек. Деньги, которые она весело именовала “Алименты Симуса, слизняка”.

Майлс Кирни никак не мог отделаться от грызущего беспокойства, уже несколько недель мучившего его. Бабушка называла это “шестым чувством”. “У меня предчувствие, — говорила она, — надвигается беда”.

В 6 часов он начал готовить ужин. Ловко искрошил салат-латук, порубил лук-шалот, порезал на тоненькие зеленые ленточки зеленый перец. Рената научила его получать удовольствие от тонких ароматов, нежности лосося, острых пикантных салатов с намеком на чеснок, радостям спагетти. Нив унаследовала кулинарные способности матери, но про себя Майлс считал, что между делом и сам научился готовить прекрасные салаты.

Без десяти семь он уже всерьез растроился — где же Нив? Может, такси никак не поймает? Господи, только б не от-

правилась пешком через парк! В такой-то вечер! Он попробовал дозвониться в магазин, но трубку не брали. Когда появилась Нив, сражаясь с кипами одежды и коробками, он был уже готов звонить в полицию и просить обыскать парк.

Забирая у нее коробки, он умудрился изобразить удивление.

— Что? У нас снова Рождество? Подарки от Нив себе с любовью? Ты что, всю дневную выручку на себя просадила?

— Кончай острить, ради Бога! — раздраженно бросила Нив. — Ламбстон клиентка, конечно, очень выгодная, но прямо болячка в боку!

— Этель Ламбстон! — заволновался Майлс. — Та приставала, что была у нас на рождественской вечеринке?

— Прямо в точку, роднуля! — На Рождество Нив, повинуясь порыву, пригласила Этель к ним на ежегодную вечеринку. Сначала Этель, прижав епископа Стэнтона к стенке, долго разглагольствовала, отчего католическая церковь потеряла в XX веке актуальность, а потом вдруг выяснила, что Майлс — вдовец, и прилипла к нему до конца вечера.

— Мне плевать, хоть лагерем под ее дверьми вставай на следующие два года, — кипятился Майлс, — но чтоб в моем доме ноги этой женщины больше не было.

3

Ломаться за мизерную плату плюс чаевые в кулинарке не отвечало представлениям Денни Адлера о приятной жизни. Но Денни был связан по рукам и ногам: освобожден условно. И Майк Тахи, его офицер по надзору, настоящая свинья, прямо наслаждался властью, которой наделил его штат Нью-Йорк. Вот и приходилось суетиться, тихо ненавидя свою работу.

— Эй, Адлер! Пошевеливайся! Заказы сами к клиентам не побегут!

— Да, сэр! — Это “Да, сэр!” — настоящая палочка-выручалочка, подумал Денни, хватая куртку и коробку с бумажными пакетами.

Когда он вернулся в кулинарию, менеджер говорил по телефону. Он кисло взглянул на Денни.

— Предупреждал же — никаких личных звонков в рабочее время!

Звонил ему сюда только Майк Тахи. Пробурчав свое имя, Денни услышал приглушенное:

— Хэлло, Денни... — Голос он узнал мгновенно. Большой Чарли Сантино. Десять лет назад в Аттике Денни сидел в одной камере с Большим Чарли и уже выполнил для него пару поручений. Он знал, у Чарли есть связи с большой мафией.

— Да?

— Завтра. В 11:00. Брайант-парк. За библиотекой. Увидишь черный “шеви”.

Весь снежный уик-энд Симус Ламбстон пролежал, свернувшись калачиком, в семейной квартире на 71-й стрит. В пятницу днем он позвонил своему бармену "Заболел я. Вызови Матти. Пускай до понедельника поработает". И весь пятничный вечер крепко проспал, но в субботу все равно проснулся с ощущением давящей усталости.

Рут в четверг уехала в Бостон. Пробудет там до воскресенья. Дженнингс, его младшая дочка, училась на первом курсе в университете Массачусетса. Посланный Симусом чек в уплату за весенний семестр вернули из-за отсутствия денег на его банковском счету. Взяв срочный заем в своем офисе, Рут кинулась вносить плату. После отчаянного звонка Дженнингс у них вспыхнула ссора, слышная, наверное, за пять кварталов. "Черт подери, Рут! — орал он. — Я стараюсь как могу! Бизнес идет паршиво. У нас трое в колледже! Разве моя вина, что мы скребем по дну кастрюльки? Ты что думаешь, я деньги из воздуха делаю?"

Последние годы, когда прибавились расходы на колледж, превратились в настоящую пытку. Денег не хватало катастрофически. А тысяча долларов, выплачиваемая Этель ежемесячно, пока она не выйдет замуж или не умрет, стала яблоком раздора, в которое Рут вгрызалась беспрестанно. "Обратись снова в суд! — пилила она его. — Объясни судье, у тебя нет денег на образование детям, а эта паразитка ограбляет кучу денег. Ей не нужны твои деньги!"

Последний взрыв на прошлой неделе получился почти ядерным. Рут прочитала в "Пост", что Этель только что подписала контракт на книгу, и ей выплачивают аванс в полмиллиона долларов. Цитировались слова Этель: "Моя книга станет динамитной палочкой, брошенной в мир высокой моды!"

Для Рут это стало последней каплей. Это и возвращенный чек.

— Ты должен сказать этой... этой... Скажи ей, я пойду к газетчикам! Расскажу им, как она сосет из тебя кровь! Двенадцать тысяч долларов в год! И тянется это больше 20 лет. Я хочу бросить работу! Мне уже 62! Следующее, что нас ждет, — свадьбы. Мы с этой удавкой на шее в могилу ляжем!

Она не шантажирует! Это — алименты! — пытался вразумить ее Симус.

Рут вернулась в воскресенье вечером.

— В транспорте давка — жуть, — раздраженно бросила она.

— Тебе дали заверенную квитанцию и объяснили насчет чека? — спросил он, стараясь не обращать внимания на ее раздражительность.

— Разумеется! И доложу тебе, казначей был просто потрясен, когда я рассказала ему, что Этель все эти годы тянет с тебя алименты. Они полгода назад приглашали Этель на круглый стол в колледж разглагольствовать насчет равной зарплаты для женщин. Ладно, выкладывай! Ты ее видел?

На Симуса навалилась дикая усталость. Воспоминания о той последней сцене...

— Да.

— И...

— Ты оказалась права. Она не желает, чтобы факт об алиментах просочился. И отпускает меня с крючка.

— Не верится... Как ты ее уговорил?

Ядовитый смешок Этель в ответ на его угрозы и умоляющие слова... Вспышка первобытной злобы, обуявшей его. Ужас в ее глазах... Ее последняя угроза... О Господи!..

— Теперь ты не будешь оплачивать наряды Этель, купленные у драгоценной Нив Кирни! И ее рестораны! — Торжествующий смех Рут бил о барабанные перепонки, пока слова просачивались в сознание.

— Почему ты так сказала? — тихо спросил Симус.

Воскресным утром Денни Адлер нетерпеливо поеживался на пронизывающем противном ветру. Точнёхонько в 11 он увидел подъезжающий черный "шеви" и, размашисто шагая, заторопился из укрытия парка на улицу. Машина притормозила. Открыл дверцу, Денни шмыгнул внутрь, и "шеви" покатил дальше.

За годы после Аттики Большой Чарли здорово поседел и расстался. Рулевое колесо пряталось в складках его живота.

— Привет! — бросил Денни, не особо рассчитывая на ответ. Чарли только кивнул и вынул из внутреннего кармана конверт.

— Десять тысяч, — сообщил он Денни. — Столько же, — после того, как выполнишь заказ.

Денни принял конверт, испытывая физическое наслаждение от его пухлости.

— Кого?

— Ты ей ланчи таскаешь пару раз на неделе. Живет в Швабхаусе. В большом таком доме. На 74-й. Несколько раз на неделе ходит пешком на работу и с работы. Бывает, срезает дорогу через Центральный парк. Выхвати у нее сумочку и прикончи ее. Бумажник вычистишь, а сумку брось. Пусть выглядит, будто мелкий ворюга девку замочил. Не сумеешь в парке зацепить, сойдет и квартал Готового Платья. Она там каждый понедельник ошивается. На улицах не протолкнешься, фургоны паркуются в два ряда. Толкни ее, притисни к фургону. Не торопись. Требуется, чтоб убийство выглядело как несчастный случай, или ограбление. Так просили. — Говорил Чарли хрипло, придушенно, словно складки жира на шее давили ему на голосовые связки.

Денни стало не по себе.

— Но кто это?

— Нив Кирни.

Денни оттолкнул конверт, словно в нем тикала большая бомба.

— Дочка комиссара полиции! Ты что, спятил?!

— Бывшего.

Лоб у Денни взмок.

— Кирни на этом посту шестнадцать лет сидел. Любой коп в городе жизнью ради него рискнет. Когда его жену пришили, копы поджаривали каждого, кто хоть разок яблоко с лотка спер. Невозможно!

— Денни, я как-то говорил тебе — я ничего не забываю, — все так же придушенно и монотонно проговорил Чарли. — Помнишь ночи в Аттике? Когда ты хвастал про работенки, которые тебе с рук сошли? Как обделявал их? Мне только и требуется — сделать анонимный звонок копам. И больше сэндвичи разносить тебе не придется. Слушай, Денни, не делай из меня борца с преступлениями.

Денни задумался. А задумавшись, проклял свой трепливый язык и сунул конверт в карман.

— Так-то оно лучше, — буркнул Чарли. — Как работаешь в кулинарии?

— С 9 до 6. По понедельникам — выходной.

— Она на работу уходит между полдевятого и девятью. Поболтайся у ее дома. Магазин закрывается в полседьмого. И помни — не суетись.

Большой Чарли, запустив мотор, повернулся обратно к Нью-Йорку. Жгучее любопытство распирало Денни. Наконец он не выдержал.

— Чарли, а у тебя есть догадки, кто заказал убийство? Девчонка вроде бы не из тех, чтобы у людей под ногами путаться... Сепетти выпрыгнул из тюрьги... Похоже, у него длинная память.

— Денни, ты распустился. Я не знаю, кто желает, чтобы ее пришили. Парень, который контактирует со мной, не знает тоже. А тот, кто обратился к нему, тоже не знает. Так всегда делается заказ. И никаких лишних вопросов. Ты, Денни, мелкая сошка. Бродяга. Тупой и недалекий. Подробности тебя просто не касаются.

— Извини, Чарли, — Денни нерешительно распахнул дверцу, — я просто...

— Заткнись! Выполнни заказ как положено. И все дела!

4

Утром в понедельник, когда Нив вышла в вестибюль с охапкой нарядов Этель, из лифта выпорхнула запыхавшаяся Тсе-Тсе, двадцатитрехлетняя актрисулька. Мелкие светленькие кудряшки, тени на веках — ярко-багровые, маленький хорошеный ротик накрашен бантиком. Тсе-Тсе, урожденная Мэри Маргарет МакБрайд, регулярно появлялась в спектаклях театрников "вне-вне Бродвея", большинство которых держалось на сцене не дольше недели.

Нив предложила Этель Ламбстон услуги Тсе-Тсе, и девушка стала убираться в квартире Этель несколько раз в месяц. Сейчас Нив сочла ее посланицей небес. Когда подъехало такси, она объяснила ей свои трудности.

— Уборка у Этель завтра, — задыхаясь, сообщила Тсе-Тсе. — Честное слово, квартира эта достала меня. Примусь снова выгуливать питбуллей. Какую чистоту ни наведи, в следующий раз опять все кувырком!

— Я видела. Слушай, если Этель не заберет свое барахло сегодня, завтра отвезу тебя к ней на такси и оставлю все у нее в шкафу. Ведь у тебя есть ключ?

— Да, дала мне с полгода назад. Звякни тогда. До встречи! — И послав Нив воздушный поцелуй, Тсе-Тсе умчалась.

В магазине Бетти помогла Нив снова развесить обновки Этель на вешалки в пошивочной.

— Даже для сумасбродки Этель такое чересчур, — тихо обронила она, на лбу собралась тревожная морщинка. — А ты не думаешь, вдруг с ней какой несчастный случай? Автокатастрофа? Или еще что-то? Может, следует сообщить о ее исчезновении...

Нив уставила коробки с аксессуарами рядом с вешалкой.

— Могу попросить Майлса проверить сводку всех происшествий. Но, по-моему, сообщать о ее исчезновении слишком рано.

— А может, нашла наконец-то дружка, — вдруг ухмыльнулась Бетти, — да и закатилась на медовый уик-энд!

— Надеюсь, это так. — Нив с приветливой улыбкой вышла в зал. — Мэриан, принеси, пожалуйста, зеленое шифоновое платье от делла Роза!

Утро катилось оживленное, хлопотливое. Секретарша регулярно пыталась дозвониться до Этель. Последний раз, когда она сообщила, что трубку там не берут, Нив подумала — если Этель и вправду встретила кого-то и они тайно сбежали, то никто не обрадуется больше ее бывшего мужа, который уже 22 года после развода выплачивает ей алименты.

Во вторник утром Симус Ламбстон проснулся, проспав всего четыре часа, да и то омраченных тревожными снами. Бар он закрыл в полтретьего, почитал немного газету и тихонько, стараясь не потревожить Рут, улегся в кровать.

Во сне его преследовало лицо Этель. Глаза, выпученные как всегда, когда она злилась. Язвительная усмешка.

Когда он приехал к ней в четверг днем, то вынул фотографии своих дочек. “Этель, — упрашивал он, — взгляни на них! Им необходимы деньги, которые я отдаю тебе. Дай же мне передых! Отпусти!”

Взяв снимки, она внимательно взгляделась. “А могли быть моими!” — заметила, отдавая обратно.

Желудок его сводило от страха. Выплата алиментов пятого. То есть завтра. Осмелится ли он не выписать чек?

Уже полвосьмого. Рут встала, конечно. Слышен плеск душа. Симус выбрался из кровати, прошел в комнату, служившую ему личным кабинетом, и присел за бюро с убирающейся крышкой.

Он тянул время, выписывая другие чеки — газ и электричество, арендная плата, телефон. От кабельного телевидения они отказались еще полгода назад, что сэкономило им 22 доллара в месяц.

Через несколько минут в кабинет вошла Рут со стаканом апельсинового сока и чашкой дымящегося кофе на подносе. Она улыбалась.

— В полной мере прониклась, когда увидела, как ты выписываешь чеки. Больше не надо платить Этель! О Боже, Симус, наконец-то мы сможем вздохнуть свободно! Давай отпразднуем вечером, а? Пусть кто-нибудь подменит тебя в баре. Мы не ходили никуда обедать чуть ли не год!

Симуса вдруг затошило от ароматного запаха кофе.

— Милая, очень надеюсь, что она не переменит решения... — заикался он. — Я про что — письменного документа я от нее никакого не получил. Как думаешь, может, послать ей чек как обычно? И пускай она вернет его? По-моему, так разумнее. Тогда у нас будет что-то юридическое... я имею в виду, подтверждение от нее самой — выплаты отменены... — Он поднял глаза и содрогнулся. Лицо жены дышало диким бешенством. Такое же выражение бешенства он видел на другом лице. Всего пару дней назад...

Потом злость Рут растаяла, полыхали только ярко-багровые пятна на скулах, да налились слезами безысходности глаза.

— Никаких больше чеков! Пусть только попробует взять назад свое слово! Да я собственными руками ее прикончу.

5

В среду утром Нив рассказала Майлсу о своих тревогах за Этель. Нахмурясь, намазывая крем-сыр на тост, она высказала, наконец, вслух мысли, не дававшие ей заснуть полночи.

— Этель, конечно же, сумасбродка. Вполне способна сорваться и уехать. Но, по-моему, с ней что-то случилось.

— Нив, эта женщина будет жить вечно! Я прямо вижу, как Бог и Дьявол перепихивают ее друг другу: «Бери!» «Нет, бери ты! Дарю тебе!» — Майлс улыбнулся, довольный собственным остроумием.

Нив сстроила ему гримаску, злясь, что отец не принимает всерьез ее тревог, но и благодарная за шутливый тон. Она подошла к плите, взяла кофейник и долила обе чашки.

— Ты сегодня веселенький. Что означает, ты перестал держаться из-за Ники Сепетти.

— Давай скажем так, я переговорил с Хербом и уверен: Ни-ки зубы не почистит без того, чтобы один из наших парней не пересчитал ему пломбы.

— Ясненько! — Нив знала, больше вопросов Майлсу лучше не задавать. — Хорошо, хоть перестанешь кудахтать надо мной. — Она взглянула на часики. — Ой, пора!

Дуглас Браун, племянник Этель, нашедший приют в ее уютной квартирке, проснувшись в среду рано, принялся утверждать свое господство. Приятным сюрпризом вчера было найти квартиру, сверкающую чистотой, и аккуратно, насколько позволяли горы писаницы Этель, прибранную. В морозильнике он обнаружил замороженную еду. Попил холодного пивка, пока та разогревалась. Телевизор у Этель был новой модели, и Дуглас, поставив поднос в гостиной, ел и наслаждался покоем.

Его чемодан по-прежнему стоял на шезлонге, костюмы на вешалках переброшены через спинку. Черт возьми! Неумно было влезать в ее драгоценный шкаф, но помех внедриться в другой — никаких. Передний явно использовался для всякой всячины, и, переложив фотоальбомы и каталоги, он освободил место для костюмов.

Пока варился кофе, Дуг принял душ, наслаждаясь видом сверкающих белоснежных плиток, ровными рядами флаконов духов и лосьонов на стеклянной полочке. Даже полотенца сложены в шкафчике аккуратной стопкой. Вдруг он вспомнил про деньги. Деньги!

При этой мысли Дуглас выскочил из душа, яростно вытер худощавое тело и, обернув полотенце вокруг бедер, бросился в гостиную. Одну бумажку в сотню долларов он засунул под ковер, рядом с креслом. Так, деньги на месте.

Этель была такой туцицей, размышлял он. Ежемесячный чек от своего бывшего обналичивала бумажками по сотне. "Мои шальные деньжата", — говорила она Дугу. На эти деньги таскала его обедать по дорогим ресторанам. "Они сидят на фасоли, а мы икоркой закусываем. Иногда я транжирую все за месяц. А бывает, остается что-то. Частенько посылаю остаток своему бухгалтеру, пусть за мои наряды расплатится. Рестораны и наряды! Вот что дарит мне этот глупый слизняк все эти годы!"

Дуг хотела вместе с ней, чокаясь за здоровье Симуса-Червяка. Но однажды вечером до него дошло — а ведь Этель никогда не записывает, сколько прячет, сколько тратит... А значит, и не спохватится, если парочка сотняжек в месяц исчезнет. Вот уже два года он таскал у нее по сотняжке-другой. Несколько раз она что-то такое заподозрила, но не успевала и рта раскрыть, как он взрывался негодованием. И она отступала. "Записывала бы, на что спускаешь денежки, так и знала бы, куда деваются!" — кричал он. "Ну прости, Дуг, — извинялась

Этель. — Ты меня знаешь. Меня как муха какая укусит, тут же устраиваю ор!"

Он постарался изгнать из памяти их последний разговор: она потребовала, чтобы он выполнил для нее в пятницу какое-то поручение. И добавила — чаевых пусть не ждет. "Последовала твоему совету и записываю все свои траты!"

Он кинулся сюда, уверенный, что сумеет умаслить тетку. Ведь выгонит его, некого будет по поручениям гонять...

Когда кофе сварился, Дуг, налив чашку, вернулся в спальню, оделся. Завязывая галстук, критически оглядел себя в зеркале. Ничего, симпатичный.

За второй чашкой кофе Дуг методично перебрал бумаги на столе Этель. Наткнулся на пухлую картонную папку, помеченную "Важно". Просматривая в ней бумаги, побледнел. У этой старой пустомели имелись очень даже доходные акции! Есть даже недвижимость во Флориде! И вдобавок, страховой полис на миллион долларов!

В последнем разделе оказалась копия ее завещания. Он глазам не поверил, когда прочитал. Все целиком, до последнего цента, она оставляла ему! А стоит старушечки мешок золота!

Он на работу опаздывает... Впрочем, это уже не имеет значения. Дуг снова выложил свою одежду на спинку шезлонга. Тщательно застелил постель, вытряхнул пепельницу, перенес подушки, одеяло и простыни на кушетку, создавая видимость — спал он именно на ней. И нацарапал записку: "Дорогая тетя Этель! Ты, видно, опять отправилась в непредвиденную поездку. Знаю, не станешь возражать, если я перекантуюсь у тебя на кушетке, пока не подыщу новую квартиру. Надеюсь, развлекаешься. Твой любящий племянник,

Дуг".

Это определяет характер наших отношений, подумал он, салютуя фото Этель на стенке у двери.

В 2 часа в среду Нив оставила сообщение на автоответчике у Тсе-Тсе. Через час Тсе-Тсе перезвонила ей.

— Нив, у нас только что прошла генеральная репетиция. По-моему, пьеса — блеск! — захлебывалась от восторга девушка. — У меня ролька крошечная. Передаю индейку и говорю "Да-а!" Но ведь никогда не знаешь... В публике может оказаться сам Джозеф Папп...

— Ты непременно станешь звездой! Тсе-Тсе, мне надо заскочить к Этель. Ключи у тебя?

— Она так никому и не позвонила? — голос Тсе-Тсе потерял картавость. — Нив, чудное что-то творится.

— Тсе-Тсе, ты не сможешь зайти со мной к Этель завтра утром? Если она будет дома — прекрасно. Признайся, что беспокоилась за нее. А если там околачивается ее племянник, ска-

жешь — Этель просила тебя дополнительную уборку провести. Разобрать кухонные шкафы... что-нибудь такое.

— Ладно. С удовольствием. Театрик-то ведь мой — “вне-вне Бродвея”, не забудь. Зарплаты никакой, только престиж. Но, должна сказать тебе, меньше всего Этель волнует состояние ее кухонных шкафов.

— Если она, появившись, откажется платить тебе, заплачу я, — пообещала Нив. — Мне просто необходимо. Я знаю, у нее на столе лежит ежедневник. Этель записывает туда назначенные встречи. Вот и хотелось бы выяснить, какие у нее были планы перед исчезновением.

Встретиться они договорились в половине девятого на следующее утро, в вестибюле. Закрывая магазин, Нив заперла на замок дверь, выходящую на Мэдисон-авеню. Капризная апрельская погода опять переменилась: стало прохладно, но все равно она испытывала настоятельную потребность в долгой пешей прогулке. Ради спокойствия Майлса она уже почти неделю не бегала трусцой, и тело у нее задеревенело.

Нив быстро шагала по Мэдисон к Пятой авеню и решила срезать путь, свернув в парк у 79-й. Площадку позади музея она всегда старательно обходила: там нашли тело Ренаты.

На Мэдисон-авеню еще оживленно — полно машин и прохожих. По Пятой быстро проносились такси, лимузины, блестящие легковушки, но на западной, граничащей с парком, стороне уже стало малолюдно. Приближаясь к 79-й, Нив высоко вскинула голову — она никому не позволит запугать себя!

Девушка уже сворачивала в парк, когда рядом тормознула патрульная полицейская машина.

— Мисс Кирни! — улыбающийся сержант опустил стекло. — Как там дела у комиссара?

Нив узнала его: какое-то время сержант служил водителем у Майлса. И наклонилась поболтать с ним.

В нескольких шагах позади застопорил Денни. В длинном неприметном плаще, с поднятым воротником, в кепке-бейсболке, почти полностью скрывавшей лицо. Но все равно он ощущал сверлящий взгляд копа из окна патрульной. У копов долгая память на лица. Могут узнать любого, с кем сталкивались, лишь мельком взглянув на профиль. Это Денни прекрасно знал. Он зашагал снова, не глядя на Нив, не глядя на копа, но по-прежнему чувствуя: глаза копа провожают его. Чуть впереди спасительная автобусная остановка. Смешавшись с группой ждущих, Денни поскорее забрался в подкативший автобус. Платя за проезд, почувствовал: лоб у него взмок. Еще секунда, и коп узнал бы его! Заказ стоит дороже, чем ему платят. Когда Нив Кирни убьют, сорок тысяч нью-йорских копов начнут гонять убийцы.

Китти Конвей стала заниматься в группе верховой езды в Моррисон-парке по одной единственной причине. Ей требовалось чем-то заполнить время. Симпатичная, лет 58-ми, со светлыми волосами и серыми глазами, увеличенными тонкими морщинками в уголках. Было время, когда глаза эти точно танцевали, насмешливо, проказливо блестя. Когда ей перевалило за 40, Китти недоумевала: "Почему я по-прежнему чувствую себя двадцатидвухлетней?" "Потому что тебе и есть двадцать два!" — отвечал Майкл.

Уже почти три года, как Майкл умер. Китти ловко вскочила на каштановую кобылу, припоминая все, чем заполняла время все эти три года. Обзавелась лицензией на торговлю недвижимостью и оказалась довольно хорошим агентом по продаже. Заново отделала дом в Риджвуде. Состояла членом Литературных Волонтеров. На добровольных началах работала раз в неделю в музее. Совершила две поездки в Японию, где служил Майкл-младший, ее единственный сын, кадровый армейский офицер. С восторгом занималась там со своей внучкой, наполовину японкой. Возобновила — без особого энтузиазма — уроки на фортепиано. Дважды в месяц возила инвалидов на врачебные приемы. И вот теперь ее последнее увлечение — верховая езда. Но чем бы она ни занималась, скольких бы друзей ни заводила, ее все равно угнетало чувство одиночества. Даже теперь, когда она скакала с десятком других учеников за инструктором, ей виделась лишь глубокая печаль в ауре вокруг деревьев, красный отсвет которой был обещанием весны. "О, Майк, — шептала она, — как бы мне хотелось, чтоб у меня хоть немножко улучшилось настроение! Я, правда, очень, очень стараюсь!"

— Китти, как ты там? — окликнул инструктор.

— Прекрасно!

— Хочешь, чтобы действительно было прекрасно, укороти поводья. Покажи ей, кто босс! И пятки! Пятки вниз!

— Уловила!

Впереди по маршруту был крутой подъем. Ее лошадь остановилась пожевывать стебелек травы. Один за другим, Китти обогнала вся группа. Отставать ей не хотелось.

— Пошла же! Давай! — понукала Китти, вонзая пятки в бока клячи.

Внезапно лошадь, резко закинув голову назад, попятилась. Напуганная Китти натягивала поводья, но лошадь свернула на боковую тропу. В панике Китти пыталась не забывать — нельзя ни в коем случае наклоняться вперед! Попав в беду, откинувшись назад! Легкий галоп стал резвеем. Вниз по холму, по кочковатой тропе! Господи, если лошадь рухнет, то подомнет ее! Китти постаралась выдернуть ноги из стремян, держась только носками, чтобы не повиснуть при падении.

— Не виси на поводьях! — раздался сзади вопль инструктора.

Кобыла споткнулась, когда из-под ее задней ноги вылетел камень. Стала валиться вперед, но восстановила равновесие. Взметнулся клочок черного пластика, мазнул Китти по щеке. Она невольно опустила глаза — промельк руки, обрамленной синим манжетом, возник и исчез.

Кобыла, достигнув подножия каменистого склона, рванулась, закусив удила, к конюшне. Удержаться Китти ухитрилась, но когда кобыла резко, на полном скаку, стала у желоба с водой, все-таки вылетела из седла. Ей показалось — каждая kostочка в теле кувыркнулась, когда она шмякнулась оземь.

Галопом подскочил инструктор.

— Говорил же тебе — ее надо контролировать! Ты — босс! С тобой все нормально?

— Лучше не бывает. — Китти направилась к своей машине. — До свиданья. В следующем тысячелетии!

Из-за промозглости холодного вечера отопление в квартире не выключали. Но Симус все равно прорыг до костей. Повозив по тарелке гамбургер и картошку-соломку, он перестал притворяться, будто ест.

— Ты сделал? — наконец не вытерпела Рут.

— Нет.

— Почему?

— Потому что пускай все идет, как идет.

— Я же велела тебе — изложи письменно. Поблагодари ее за понимание и согласие, что в деньгах нуждаешься ты, а не она. — Голос Рут начал набирать обороты. — Напиши, что за 22 года ты выплатил ей около четверти миллиона долларов сверх той крупной единовременной выплаты после суда. Настоящее хамство требовать больше за брак, который и шести лет не длился. Поздравь ее с выгодным контрактом и добавь — ты рад, что больше ей не нужны алименты. А твоим дочерям деньги необходимы. Подпишись и брось письмо ей в почтовый ящик. Кошлю мы сохраним. И пусть попробует потом выступать! Тогда все до единого в мире узнают, какая она жадюга! Посмотрим тогда, сколько колледжей даруют ей почетные звания!

— Все угрозы Этель только обратят себе на пользу, — шепнул Симус. — Выбернет содержание письма наизнанку. Представит алименты как триумф женщин. Нет, это ошибка.

— Садись и пиши! — Рут оттолкнула тарелку.

В кабинете у Симуса стоял старенький ксерокс. После трех попыток получилось четко. Рут сунула Симусу его пальто.

— А теперь топай! Брось письмо ей в ящик.

Все девять кварталов Симус отшагал пешком. Оншелестел двумя конвертами: в одном лежал чек, в другом — письмо. Чек он выписал, вырвав листок сзади в чековой книжке, без ведома Рут. Которое же опустить в ящик? Когда Симус добрался до дома Этель, его колотила дрожь. Почтовые ящики висели в вес-

тибюле у парадного входа, за запертой дверью. Всякий раз он звонил смотрителю дома, тот впускал его, и он бросал чек Этель. Но сегодня обошлось без смотрителя. Девчонка, которая, как ему помнилось, жила на четвертом этаже, проскользнув мимо него, взбежала на крыльце. Невольно он схватил ее за руку. Костлявая, худенькое лицико с резкими чертами, лет около 14-ти. Совсем непохожа на моих дочек, подумалось Симусу. Минутное сожаление кольнуло его, когда он вынул один конверт.

— Не против, если войду в вестибюль с тобой? Надо письмишко сунуть в почтовый ящик мисс Ламбстон.

Настороженное выражение у девочки исчезло.

— Ой, конечно! Теперь я вас узнала. Вы — ее бывший муж. Значит, сегодня 5-е. По пятому она всегда получает свой выкуп. — И девчонка расхохоталась, показав редкие зубы. — А вы точно в срок. Этель говорила матери, попробуй опоздать вы с чеком, мигом потащят вас в суд!

На Симуса нахлынула паника. Значит — чек! Выхватив из кармана конверт, он попытался пропихнуть его в узкую щель.

Вернувшись домой, кивнул “да” на яростный злой вопрос Рут. Признайся он, что бросил чек, последовал бы обязательный взрыв. Сейчас ему уже не вынести. Когда жена торжествующе удалилась, Симус, повесив пальто, вынул второй конверт. Заглянул внутрь. Пусто...

Он упал на стул, его колотила дрожь. Опять умудрился напутать! И чек, и письмо сунул в один конверт! И теперь они — в ящике Этель!

Ники Сепетти все утро в среду провел в постели. Мари то входила, то выходила из спальни. Принесла поднос с апельсиновым соком, кофе, свежий итальянский хлеб, густо намазанный мармеладом. Она упрашивала его разрешить ей позвать доктора.

Подняться Ники сумел только к вечеру и начал одеваться. Его тут же прошиб пот и нахлынула страшная слабость. Он медленно присел, распустил галстук, расстегнул воротничок рубашки и прилег снова. Несколько часов боль в груди то нарастала, то отступала, словно гигантская волна. Рот под языком уже жгло от нитроглицерина. Таблетки, ничуть не облегчая боли, лишь вызывали острые приступы мигрени.

— Мари! — окликнул он. Получилось шепотом.

Она, наклонившись, приложила ухо к его губам, поглаживая ему лоб, и заплакала.

— Ники!

— ... могилой моей матери... клянусь, я не... приказывал... убивать жену Кирни. — Он хотел еще добавить, что пытался отменить заказ на убийство дочери Кирни, но у него только получилось — “мама!” И последняя ослепляющая боль разорвала

грудь, перед глазами расплылось все... Свалилась на подушку голова, внезапно оборвалось шумное прерывистое дыхание.

Скольким людям трепло Этель раззвонила, будто он таскает деньги, которые она припрятывает по углам? Этим вопросом Дуг мучился в среду утром, усевшись за стол в вестибюле "Космической". Машинально проверял по спискам посетителей, записывал имена, всучивал пластиковые визитки, забирал их обратно, когда посетители уходили. Несколько раз Линда, секретарша с седьмого этажа, мимоходом останавливалась перекинуться словцом. Сегодня он держался с ней прохладно. Что бы она подумала, знай, что ему предстоит унаследовать кучу денег? Откуда у Этель, интересно, такое богатство?

Ответ напрашивался один. Этель рассказывала, что в добавок к алиментам отсудила у Симуса щедрую единовременную компенсацию. Наверное, она выгодно вложила куда-то деньги. Потом книга, написанная лет пять-шесть назад, очень удачно продалась. Этель, несмотря на то, что вечно разыгрывает сумасбродку, была очень даже проницательна и сообразительна. И оттого Дуга даже поташнивало от страха. Она поняла, что он воровал у нее деньги. Скольким людям она разболтала?

Он обмозговывал проблему так и эдак, и, наконец, в полдень решение нашлось. На его чековом счету есть деньги, вполне можно снять четыреста долларов. Нетерпеливо он переминался в бесконечной очереди в банке, и деньги попросил выдать сто долларовыми купюрами. Рассует их по потайным местечкам Этель. Туда, куда она нечасто заглядывала. Таким образом, если начнется "расследование", деньги окажутся на месте. Несколько приободренный, Дуглас купил по дороге горячий гамбургер с лотка и вернулся на работу.

В половине седьмого, когда Дуг сворачивал с Бродвея на 82-ю стрит, он увидел Симуса, торопливо сбегающего с крыльца дома Этель, и чуть не расхохотался вслух. Ну конечно же! Сегодня 5-е, и Симус-слизняк тут как тут. Точнехонько в срок! С алиментами! До чего ж он жалок и убог в этом своем обтрепанном пальтеце! И тут же мелькнуло сожаление: себе новую одежду Дуг купить сможет не сразу. Отныне ему следует соблюдать крайнюю осторожность.

Почту он забирал каждый день, ключ от ящика Этель держала в коробке на письменном столе. Краешек конверта Симуса, едва втиснутого в ящик, торчал из щели. Остальная почта — обычный хлам. Счета Этель пересыпались непосредственно ее бухгалтеру. Дуг перебрал конверты, бросил на письменный стол. Все, кроме одного, без марки, с чеком от Симуса. Незапечатанный толком. Внутри записка и четко просматривавшийся чек.

Открыть и снова запечатать легче легкого. Рука Дуга помедлила и осторожно, стараясь не помять, вскрыла конверт. Вы-

пал чек. Черт, вот бы отдать на анализ почерковеду! Больше всего косые каракули Симуса напоминали карту дорог.

Дуг отложил чек, развернул записку, перечитал ее и изумился. Какого черта?.. Осторожно вложив записку и чек обратно в конверт, лизнул kleевой край и накрепко запечатал. Образ Симуса — руки засунуты в карманы, почти бегом пересекает улицу, маячил в воображении Дуга, словно морозный рисунок на стекле. Интересно, что такое он затеял? В какую игру играет: благодарит Этель за согласие не брать больше с него алиментов и тут же вкладывает в конверт чек?

Скорее свинья в игольное ушко пролезет, чем она отпустит тебя с крючка, подумал Дуг. По спине у него пробежал холодок. А что если записка предназначалась для его глаз? Не для Этель?

Когда Нив добралась домой, то, к полному своему восторгу, обнаружила: Майлс уже закупил продукты в огромных количествах!

— Ой, даже к "Забару" зашел! — счастливо воскликнула она. — А я-то старалась сообразить, как бы завтра пораньше уйти из магазина. Значит, теперь могу начать готовить обед уже сегодня вечером.

Майлс приготовил на ужин маленькую баранью ножку, сварил на пару свежую зеленую фасоль и сделал салат-винегрет из помидоров и лука. Он накрыл столик в кабинете, поставил открытую бутылку бургундского. Нив поскорее переоделась в слаксы и свитерок и, со вздохом облегчения плюхнувшись в кресло, потянулась к вину.

— Очень любезно с твоей стороны, комиссар!

— Ну, раз ты вознамерилась устроить завтра обед для стареющих мушкетеров из Бронкса, я решил — один хороший поступок заслуживает ответного. — Майлс принял нарязать жаркое. — Ну как? Надеюсь, не переложил чеснока?

Нив откусила кусочек.

— У-у, чудесно! Тебе, видно, и вправду получше, раз так вкусно все приготовил!

— Не знал, какое меню ты планируешь на завтра, и купил все.

— Сол сказал, он твоей диеты не желает. А епископу хочется пасту аль pesto.

— Помню времена, когда Сол, угостившись сэндвичем-“гигантом”, считал — вот он, настоящий пир!

И оба расхохотались. Зазвонил телефон. Поднявшись, Майлс взял трубку. Добродушно бросил “Алло!”, но тут же стремительно стал ссыпать вопросами. Нив видела, как у него затвердели губы. Положив трубку, Майлс бесцветно сообщил.

— Херб Шварц. Один из наших секретных агентов был внедрен во внутреннее окружение Ники Сепетти. Парня только

что обнаружили на свалке. Чудом остался жив. Есть шанс, что выкарабкается. Агента звали Тони Витали. Ему всего 31 год. В мафии его знали под именем Кармен Мачадо. В него выстрелили четыре раза. Как он уцелел — загадка. Даже умудрился кое-что шепнуть нашим.

— Что же? — едва выговорила Нив.

— Херб находился в палате "скорой помощи". Тони прошептал ему: "Нет заказа... Ники... Нив Кирни".

— Так ты серьезно считал, что заказное убийство возможно?

— Да! Вот именно, что считал! И сегодня впервые за 17 лет могу спать спокойно. — Он приобнял дочь за плечи. — Нив, они сразу же отправились допрашивать Ники. Наши ребята. А приехав, застали его умирающим. У этого вонючего сукина сына случился сердечный приступ. Он мертв. Ники Сепетти умер.

Майлс прижал дочку к себе. Нив чувствовала, как бешено колотится его сердце.

— Папа, пусть же его смерть наконец освободит тебя! — Бессознательно она взяла отцовское лицо в ладони и вспомнила — так всегда ласкала его Рената.

— Я попытаюсь. Обещаю!

Тайный агент Энтони Витали, известный в мафиозной семье как Кармен Мачадо, лежал в палате интенсивной терапии госпиталя Сен Винсент. Пули засели у него в легком, раздробили ребра, защищавшие грудную клетку, и ранили левое плечо. Чудом он еще оставался жив. В его тело впивались трубки, через них в вены капали антибиотики и глюкоза. Респиратор взял на себя функции дыхания.

В редкие минуты просветления Тони смутно различал расстроенные лица родителей.

Если б только он мог говорить... Сумел ли он сказать хоть что-то, когда его нашли? Он пытался сообщить про заказ, но получилось как-то не совсем так.

Ники Сепетти и его шайка не заключали контракта на убийство Нив Кирни. Заказал другой. Тони знал, его подстрелили во вторник вечером. Сколько он уже лежит в госпитале? Смутно ему припоминались обрывки разговора о контракте: "Заказ на убийство нельзя разорвать. Бывшему комиссару придется готовить новые похороны".

Тони старался собраться с силами. Он обязан предупредить.

— Успокойтесь, — ласково произнесли рядом.

Он почувствовал укол в руку и через несколько секунд скользнул в спокойный, без сновидений, сон.

6

В четверг утром Нив и Тсе-Тсе ждали в такси напротив дома Этель Ламбстон. Племянник Этель уходил на работу в полови-

не девятого. Им хотелось избежать встречи с ним. Водитель такси запротестовал.

— Сидя тут, я не разбогатею! — Но смягчился после обещания Нив дать на чай десятку.

В четверть десятого Тсе-Тсе заметила Дуга.

— Смотри.

Нив следила, как тот запирает дверь квартиры. Оглянувшись, Дуг двинулся к Бродвею. Утро было прохладное, и на нем надето было пальто с поясом.

— А пальтишко-то — настоящий "Барберри", — заметила она. — Недурно, видно, платят клеркам.

В квартире было на удивление аккуратно. Простыни и одеяло сложены на кушетке под подушку. Чехол на подушке смят. На ней явно спали. Никаких следов, что пепельницей пользовались, но Нив безошибочно уловила запах сигарет.

— Курил, но не желает, чтоб его застукали. Любопытно — почему?

Спальня — образец опрятности. Кровать застелена. Чемодан Дуга стоит на шезлонге. Поперек уложены вешалки с костюмами, слаксами и куртками. На туалетном столике у зеркала его записка к Этель.

— Не пойму — кто кого тут дурачит? — оторопела Тсе-Тсе. — С чего вдруг он пишет ей записку? Почему не пользуется спальней?

Нив знала, детали Тсе-Тсе отмечает превосходно.

— Ладно. Давай начнем с записки. Прежде он оставлял Этель записки?

Тсе-Тсе, сегодня на ней был наряд шведской горничной, яростно затряслася косичками.

— Ни разу!

Нив, подойдя к шкафу, открыла дверцу. Вешалка за вешалкой, пересмотрела гардероб Этель, проверяя, не пропустила ли какую из зимних одежд. Но нет — все на месте: соболья шубка, накидка, манто, "Барберри", кожаное пальто, кашемировое. Она закрыла шкаф.

— Не очень мне по вкусу здесь рыться, но приходится. Ежедневник Этель таскала в сумочке, но я почти уверена — у нее был еще один. Большой.

— Верно, верно! На столе лежит!

Ежедневник нашелся рядом со стопкой почты. Нив открыла книжку. На каждый день месяца отведено по страничке, включая декабрь прошлого года. Нив пролистала до 31 марта. На этой странице Этель размашистым почерком написала: "Поручить Дугу забрать одежду из "Дома Нив". Рамка напротив 3-х часов обведена кружком. И рядом запись: "С Дугом, у меня".

Тсе-Тсе заглядывала через плечо Нив.

— Честное слово, Нив, эта квартира начинает пугать меня.

Не отвечая, Нив пролистала апрель. Пометки о встречах, коктейль-вечеринках, ланчах. Но все перечеркнуто жирной чертой. На страничке 1-го апреля Этель написала: "Расследование/написание книги".

— Итак, она отменила все... Планировала уехать... Или, во всяком случае, где-то скрыться. Писать книгу, — пробормотала Нив.

— Так, может, уехала на день раньше?

— Все может быть. — Нив принялась пролистывать страницы назад. Последняя неделя марта пестрела именами знаменитых модельеров: Нина Кочран, Гордон Стойбер, Виктор Коста, Рональд Олтерн, Регина Мавис, Энтони делла Салва, Кара Поттер.

— Вряд ли она встречалась с ними со всеми, — рассуждала Нив. — Скорее всего, обзванивала, проверяя цитаты перед тем, как сдать статью. — Она указала на четверговую запись 30 марта. — "Последний срок сдачи статьи в "Современную Женщину".

Быстро проглядела первые три месяца года, отмечая — рядом с назначенными встречами Этель записывала стоимость оплаты такси, чаевые, пометки о ланчах, обедах и встречах. "Интервью хорошее, но злится, если его заставляют ждать..." "Карлос — новый главный официант в "Ла Сигне"... "Не садиться в "валет лимо", в этих машинах пахнет как на фабрике "Эйрвик"..."

Пометки коротенькие, беспорядочные, цифры зачастую перечеркивались, менялись. Вдобавок Этель машинально чертила треугольники, сердечки, круги, густо усеивавшие страницы.

Повинуясь импульсу, Нив раскрыла на 22-м декабря: день их с Майлсом рождественской вечеринки. Для Этель событие явно стало значительным. Адрес Шваб хауса и имя Нив написаны печатными буквами и подчеркнуты. В кругах и завитушках комментарий "Отец Нив — одинокий и очень обаятельный." Сбоку страницы Этель изобразила, приблизительно, как сумела, эскиз Ренаты из кулинарной книги.

— Увидел бы Майлс, с ним бы кондрашка приключилась, — заметила Нив. — Мне пришлось ей навратить, что он еще слишком болен для светских визитов — она жаждала пригласить его на новогодний обед.

Она принялась выписывать имена со страниц за последнюю неделю марта. Хоть какая-то отправная точка. В глаза ей бросились два имени: Тони Менделл, редакторша "Современной Женщины": коктейль-вечеринка была не самым удачным местом просить ее напрягать память, припоминая, не обронила ли что Этель насчет сочинения книги и ухода в подполье. И еще одно — Джек Кэмбелл. Очевидно, контракт на книгу имел для Этель огромное значение. Возможно, она рассказала Кэмбеллу о своих планах больше, чем он понял.

Захлопнув записную книжку, Нив застегнула папку.

— Ладно, пора отсюда убираться. — Она повязала узлом красно-синий шарф на шее. Воротничок у пальто был стойкой, и копну черных волос она забрала назад пышным шиньоном.

— Потрясно выглядишь! — восхитилась Тсе-Тсе. — Сегодня утром в лифте слышала, как парень из 11-С интересовался, кто ты.

— Надеюсь, — Нив натягивала перчатки, — он похож на принца.

Тсе-Тсе хихикнула.

— Где-то на поппути между сорока и смертью. В потрепанном парике, похожем на черные перья на хлопковом поле.

— Дарю его тебе. О'кей, если появится Этель или ее любящий племянник заявится домой рано, "легенда" у тебя есть. Приберись в кухонных шкафах, протри стекла на верхних полках. Изобрази занятость, но смотри в оба. — Нив взглянула на почту. — И письма прогляди. Может, Этель получила письмо, заставившее ее переменить планы.

Когда Нив приехала от Этель в магазин, большинство ее служащих уже были на местах. Кроме Юджинии, ее помощницы, у нее работало семеро постоянных продавщиц и три швеи.

Юджиния одевала в демонстрационном зале манекены.

— Я рада, что ансамбли опять в моде, — она ловко расправила костюм из светло-коричневого шелка. — Какую сюда сумочку?

Нив отступила.

— Приподними еще разок. Маленькую, я думаю.

Закончив карьеру модели, Юджиния счастливо перескочила с 4-го размера на 12-й, но по-прежнему сохранила изящные движения, приносящие ей такую популярность у модельеров. Она повесила сумочку на руку манекена.

— Ты как всегда права! А денек обещает быть хлопотливым. Нутром чую!

— Лелей это чувство. — Нив старалась говорить небрежно, но у нее не получалось.

— Нив, а что с Этель Ламбстон? Еще не появилась?

— Никаких следов. — Нив оглядела магазин. — Слушай, хочу запереться у себя и сделать несколько телефонных звонков. Скажешь, что я тут, только в случае крайней необходимости. Не хочу, чтоб сегодня меня тормозили торговцы.

Прежде всего она позвонила в "Современную Женщину" Тони Менделл. Тони ушла на однодневный семинар журнальных редакторов. Нив набрала номер Джека Кэмбелла. Тот был на встрече. Она попросила передать, пусть он перезвонит ей. "Дело срочное", — прибавила она. И стала обзванивать дальше по списку ежедневника Этель всех подряд. Первые трое на прошлой неделе с Этель не встречались: Этель только звонила им, проверяя правильность их высказываний. Модельер спортив-

ной одежды Элк Пирсон в открытую высказал раздражение, которое Нив улавливала и в тоне остальных.

— И зачем я согласился на интервью этой женщине, сам не пойму! Забросала меня вопросами, даже голова вспухла. Фактически мне пришлось выставить ее за дверь. Интуиция подсказывает — статья мне совсем не понравится!

Следующим в списке значился Энтони делла Салва. Нив, не сумев до него дозвониться, не суетилась. Какая разница, увидит вечером на обеде. Гордон Стойбер. Этель признавалась, что в порошок его стерла. Но когда она видела его в последний раз? Против всякого желания Нив набрала номер офиса Стойбера. И ее тут же с ним соединили.

Обойдясь без предварительных любезностей, тот с ходу жестко спросил:

— Что вам надо?

— Меня попросили разыскать Этель Ламбстон, — столь же холодно объяснила Нив. — Очень срочно. — И добавила: — Из ее ежедневника я узнала — на прошлой неделе она встречалась с вами. Не намекнула случайно, куда планирует уехать?

В мертвом молчании проползло несколько долгих секунд. Решает, что сказать, догадалась Нив, а о чем промолчать.

— Ламбстон пыталась проинтервьюировать меня несколько недель назад для статьи, которую писала, — ровно и отчужденно ответил Стойбер. — Я отказался с ней встретиться. У меня нет времени для всяких приставал. На прошлой неделе она звонила, правильно, но я не велел соединять ее со мной.

И в ухе Нив громко щелкнуло — трубку бросили.

Она уже намеревалась набрать номер следующего модельера, но тут зазвонил ее телефон. Оказалось — Джек Кэмбелл.

— Моя секретарша передала — ваш звонок срочный, — озабоченно начал он. — Какие проблемы, Нив?

Ей вдруг показалось нелепым пускаться в объяснения по телефону, рассказывать, что тревожится за Этель Ламбстон оттого, что та не забрала свои покупки.

— Вы, наверное, безумно заняты, но есть ли возможность срочно с вами переговорить? — спросила она. — Не по телефону. Разговор где-то на полчаса.

— За ланчем я встречаюсь с автором... А если в 3 у меня в офисе?

“Дживвонс и Маркс” занимали шесть верхних этажей здания на углу Парк-авеню и 41-й стрит. Личный офис Джека Кэмбелла находился на 47-м этаже: огромный, угловой, с умопомрачительной панорамой на центр Манхэттена. Письменный стол покрыт черным лаком. Книжные полки позади заставлены рукописями. Черная кожаная кушетка и кресла в тон группировались вокруг стеклянного коктейльного столика. Нив удивилась — в кабинете никаких личных вещиц.

— Моя квартира еще не готова, так что временно живу в Хэмпшир-хаус. — Кэмбелл как будто прочитал ее мысли. — И все мои вещи пока что хранятся на складе. Оттого и кабинет похож на приемную дантиста. Как насчет чашечки кофе?

— С удовольствием. Черный, пожалуйста.

Когда принесли кофе, они уселись за стеклянный столик. Нив рассказала ему про Этель и про свои тревоги.

— Мой отец считает, я — сумасшедшая, — заключила она. — Но у меня зловещее предчувствие — с Этель что-то случилось. Мой вопрос: не намекнула ли она вам случайно, куда планирует уехать? И вообще, собирается ли уезжать? Как я поняла, книга, которую она пишет для вас, планируется к изда-нию осенью.

— Нет, подобных планов насчет ее книги у нас нет.

— Да, но... как же тогда? — Глаза Нив округлились.

Кэмбелл допил кофе.

— С Этель я познакомился года два назад, когда она распространяла свою первую книгу, изданную "Дживсоном и Марксом". О женщинах в политике. Получилась книга чертовски увлекательной. С юмором. Весьма читабельна. Разлетелась со свистом. Поэтому, когда она попросила меня о встрече, я заинтересовался. Этель кратко познакомила меня со своей статьей, добавив, что она наткнулась на сюжет, который взорвет мир моды. Осведомилась, согласен ли я купить рукопись, и на какой аванс она может рассчитывать.

Я ответил, что сначала должен, разумеется, поподробнее узнать про сюжет. И если книга окажется таким же хитом, как предыдущая, рукопись мы купим. Аванс же, скорее всего, будет выражаться шестизначной цифрой. На прошлой неделе вдруг читают в "Пост" — оказывается, Этель заключила со мной контракт на полмиллиона долларов, издание планируется на осень. Телефон раскалился от звонков. Все издательства в мягких обложках жаждали купить права. Я позвонил агенту Этель. Ему она и словом про книгу не обмолвилась. Несколько раз пытался дозвониться до нее, но — увы! — безрезультатно. Однако ни подтверждать, ни опровергать условия контракта я не стал. За рекламой Этель гоняется как гончая. Ну и на здоровье. Если книга ее действительно будет хороша, ничего против не имею.

Вздохнув, Нив встала.

— Что ж, достаточно у вас отняла времени. Наверное, мне следует угомониться. Очень похоже на Этель — загореться новым проектом и забиться в какую-нибудь гостиницу, писать. Пора и о своих делах позаботиться. — И девушка протянула ему руку. — Спасибо!

Ладонь ее Джек выпустил не сразу. Улыбнулся тепло и быстро и проводил ее до дверей.

— Слышал, "Дом Нив" — один из самых модных магазинов в Нью-Йорке. Можно зайти посмотреть?

— Разумеется! И даже необязательно покупать что-то.
Спускаясь в лифте, Нив гадала — может, таким манером Джек Кэмбелл желал сообщить ей, что в его жизни нет женщины? Тихонько напевая, она вышла на улицу и поймала такси.

Четверг у Китти Конвей день всегда занятый. С 9-ти утра до полудня она развозила пожилых людей по врачам. В полдень работала как волонтер в магазинчике в Гарден-музее. И то, и другое давало ей чувство уверенности в том, что она приносит пользу.

В 6 часов вернулась домой и, сняв серый шерстяной костюм, заколебалась — может, принять сразу душ да переодеться уютненько в пижаму и халат? Дурная привычка, поругала она себя, и достала синий спортивный костюм. Натянула кроссовки. Пора снова начинать бегать трусцой. Так почему бы не сегодня?

Побежала она по обычному своему маршруту: по Гранд Вью до Линкольн авеню, обогнула автобусную станцию и обратно домой. Испытывая приятную усталость, с чувством выполненного долга, бросила спортивный костюм в бельевую корзину в ванной. Приняла душ. Накинув наконец долгожданную пижаму, стала изучать себя в зеркале. Китти всегда была стройной и форму сохранила довольно хорошую. Легкие морщинки у глаз. Волосы смотрятся натуральными. Парикмахерша в салоне удачно подобрала оттенок, близкий к ее натуральному рыжеватому. Неплохо, одобрила Китти свое отражение. Но Бог мой! Через два года стукнет шестьдесят!

Ладно, время для семичасовых новостей по телевизору и бокала шерри. Выйдя в коридор, Китти увидела, что оставила свет в ванной. Поспешив туда, она потянулась к выключателю... но пальцы ее застыли. Из корзины свешивался рукав синей спортивной куртки. Горло Китти сковал страх, точно его коснулась холодная сталь ножа. Губы пересохли. Волоски на шее дыбом поднялись. Рукав... Вокруг запястья... Вчера... Когда понесла лошадь. Ключок мазнувшего по лицу пластика... Размытая картина синей материи и руки. Нет, она не спятила! Она действительно видела руку!

Включить новости Китти забыла. Сгорбившись на кушетке, потягивала шерри. Но ни тепло камина, ни шерри не выгнали озноба из тела. Может, в полицию позвонить? А что если ей все почудилось? Выставит себя круглой дурой. Да нет же! Немного успокоившись, Китти решила съездить снова в парк и пройтись по тому злополучному склону...

Нив тщательно подготовилась к вечеру. Ей хотелось как можно лучше принять и угостить друзей отца. Раздался звонок в дверь, и на пороге появились оба гостя одновременно.

Епископ Дэвин Стэнтон был одним из немногих прелатов, которые на частных встречах чувствовали себя удобнее в ворот-

ничке священника, чем в спортивной куртке. Поредевшие медно-рыжие волосы, добротой и умом светились за очками в серебряной оправе синие глаза, высокая худощавая фигура казалась подвижной как ртуть. Нив ласково поцеловала его

А Энтони делла Салва, как всегда, выглядел неотразимо в одном из своих собственных творений: темно-сером костюме из итальянского шелка. Элегантный крой маскировал лишний вес округлившегося тела. Нив вспомнилось сравнение Майлса: Сол напоминает ему разжиревшего кота. Очень метко.

— Дэв, Майлс, Нив! — Сол учился добродушием. — Трои самых моих любимых! Не считая нынешней подружки, но, разумеется, включая всех моих бывших жен! Дэв, как думаешь, Матушка Церковь примет меня обратно в свое лоно, когда я состарюсь?

— Блудному сыну положено возвращаться раскаявшимся и в лохмотьях, — сухо заметил епископ.

Расхохотавшись, Майлс обнял за плечи обоих друзей.

— Господи, до чего ж хорошо собраться всем вместе! Мне кажется, будто мы опять в Бронксе! Все также любите "Абсолют", или нашли чего позабористее?

Вечер начался в приятной уютной обстановке, давно уже ставшей ритуалом. Споры о втором мартини, о политике и проблемах церкви. Неожиданно в разговоре возник Ники Сепетти.

— Слишком для него легкая смерть! — прокомментировал Сол, жизнерадостность исчезла с его лица. — После того, что он сотворил с твоей красавицей!

Нив заметила — губы Майлса затвердели. Давным-давно Сол случайно услышал, как Майлс шутливо подразнил Ренату, назвав ее "красавицей", и, к досаде Майлса, подхватил словечко. "Как наша красавица?" — приветствовал он Ренату. Нив помнила еще случай, когда на похоронах Ренаты Сол опустился на колени у гроба, из глаз у него текли слезы, потом, встав, обнял Майлса: "Постарайся думать, что красавица твоя просто спит". "Она не спит, — бесцветно возразил Майлс. — Она мертва. И Сол, пожалуйста, не называй ее больше так. Так называл ее только я".

После сытного ужина Сол вызвался приготовить кофе "эспрессо". Пока он занимался с кофеваркой, Нив доставала изящные, зеленые с золотом кофейные чашечки, служившие семье Россетти несколько поколений.

Глухой стук и вскрик боли заставили всех броситься на кухню. Кофеварка валялась опрокинутая, по стойке растекался кофе, заливая кулинарную книгу Ренаты. Сол держал ошпаренную руку под струей холодной воды. Лицо у него было мертвенно-бледным.

— Ручка у кофеварки обломилась. Майлс, по-моему, ты постарался сквитаться со мной за сломанную в детстве руку!

Ожог был серьезным и болезненным.

Нив бросилась искать эвкалиптовые листья, их Майлс хранил для лечения ожогов. Промокнув руку Сола, она приложила листья и перевязала мягкой льняной салфеткой. Епископ, подняв кофеварку, принял вытирать со стойки кофе.

— Нив, я никогда не видел у нас этой чертовой кофеварки. Где ты ее раскопала? — раздраженно спросил Майлс.

Нив принялась варить кофе в старой кофеварке.

— Это подарок, — нехотя пояснила она. — Этель Ламбстон прислала тебе на Рождество после вечеринки.

Дэв озадаченно взглянул на Майлса, а Нив с Солом разразились ироническим хохотом.

— Объясню все, когда сядем пить кофе, — пообещала Нив. — Боже мой, за что ни возьмусь, никак не могу избавиться от Этель! Даже за обедом!

7

В пятницу утром Рут ушла, еще когда Симус брился. Даже не попрощавшись с ним. Его лицо, искаленное злобой, когда она протянула ему сотенную, четко запечатлелось у нее в мозгу. Последние годы ежемесячный чек на алименты убил всякие чувства, осталось только презрение к нему. Теперь прибавилось еще одно. Страх. За него? Перед ним? Толком Рут еще не разбралась.

Вместо того, чтобы свернуть к Бродвейской станции метро, она пошла дальше, по Вэст Энд-авеню. Дул пронзительный утренний ветер, но в туфлях без каблуков шагалось довольно быстро.

Необходимо встретиться с Этель. Давно пора. Рут читала статьи Ламбстон и поняла — Этель выставляется ярой феминисткой. Сейчас, когда Этель подписала выгодный контракт на книгу, она стала уязвимой. "Пост" с радостью опубликует, что журналистка ежемесячно вытягивает по тысяче долларов у человека, трое дочерей которого учатся в колледже. Рут мрачно усмехнулась. Не откажется эта дрянь от алиментов, Рут ей глотку перегрызет. Для начала — "Пост", потом — в суд!

Она обращалась в офис по кадрам в своей фирме за срочным зайтом, чтобы оплатить счет за обучение. Директориса была шокирована, узнав про алименты. "У меня приятельница — хороший адвокат по семейным делам. И может позволить себе заняться благотворительностью. Она с удовольствием возьмется за такое дело, как ваше. Насколько я понимаю, соглашение об алиментах разорвать нельзя, но, возможно, настала пора проверить закон. Если всколыхнуть общественное мнение, по всякому может повернуться". "Но я не хочу ставить в неловкое положение девочек, — заколебалась Рут. — Ведь это означает в открытую признать — бар мужа еле держится. Мне необходимо продумать все".

Рут свернула на 82-ю стрит, где начинался квартал Этель. Она расправила плечи, поправила очки без оправы, бессознательно готовясь к встрече, точно боксер к выходу на ринг. Симус говорил, Этель живет на первом этаже, и в квартиру есть отдельный вход. Табличка над звонком "Э. Ламбстон" подтверждала это.

Изнутри слабо слышалась музыка — играло радио. Рут с силой надавила указательным пальцем на кнопку звонка. Ни на первый, ни на второй звонок дверь не открыли. Но нет же! Ее с пути не свернуть! На третий раз она держала палец на кнопке неотрывно.

Целую минуту разливался громкий перезвон, и, наконец, последовала награда — щелчок замка. Дверь распахнулась. На нее уставился молодой парень, взлохмаченный, в незастегнутой рубашке.

— Какого вам черта? Э... извините. Вы — подруга тети Этель?

— Да. И должна видеть ее. — Рут двинулась вперед, вынуждая парня либо откровенно загородить ей дорогу, либо впустить. Он отступил, и она очутилась в гостиной. Быстро огляделась. Симус всегда твердил — в квартире Этель вечный бардак. Но сейчас прибрано везде аккуратно, без изъяна. Бумаг много, но все сложены аккуратными стопками. Прекрасная антиварная мебель. Симус рассказывал про мебель, которую покупал для Этель.

— Я — Дуглас Браун. — Дуга охватил липкий страх. Было что-то в этой женщине, в том, как она оценивающе оглядывала квартиру, такое, от чего у него вздернулись нервы. — Племянник Этель. У вас назначена встреча?

— Нет. Но я настаиваю, я должна увидеть ее. Немедленно! Я — жена Симуса Ламбстона и пришла забрать последний чек, который он отдал вашей тете. Потому что отныне никаких ей больше алиментов не видать! — На столе громоздилась почта. Сверху она заметила знакомую темно-бордовую кайму: конверт из почтового набора, подаренного девочками Симусу на день рождения. — Я его забираю!

Не успел Дуг вмешаться, как конверт очутился у нее в руках. Распечатав, она вынула содержимое. И просмотрев, чек мелко порвала, а записку снова сунула в конверт.

Пока Дуг в полной растерянности пялился на нее, она извлекла из сумочки обрывки стодолларовой купюры.

— Дома Этель нет, как я понимаю.

— Ну и наглость! Я мог бы вызвать полицию!

— А я бы на вашем месте и пытаться не стала! — огрызнулась Рут. — Вот, держите! — она всунула обрывки ему в руку. — Передайте этой паразитке, пусть склеит и угостится последний раз за счет моего мужа в ресторане! Передайте — больше гроша от нас не получит! А попытается, жалеть будет до са-

мого распоследнего своего вздоха! — Шанса ответить Дугу Рут не дала. Отошла к стене со снимками Этель и принялась их изучать. — Выставляется, будто ратует за всякие распрекрасные дела! Разъезжает, принимает разные идиотские награды, а вот единственного человека, который к ней относился как к порядочной женщине, как к человеку, — в могилу вгоняет! — Повернувшись, Рут чуть не наткнулась на Дуга. — Я считаю — она достойна презрения! И кстати, мне известно, какого она о вас мнения. Угощаетесь с ней в ресторанах — за что, кстати, платим мы, мой муж, дети и я. Но вам все мало. Еще воруете у родной тети деньги. Этель рассказывала про это моему мужу. Вы стоите друг друга!

Рут ушла, а Дуг рухнул на кушетку. Кому еще Этель с ее длинным язычищем растрепала о его привычке подворовывать алиментные деньги?

Утром в пятницу Китти позвонили из больницы. Водитель-волонтер заболел. Не могла бы она подменить его?

Домой она добралась только к вечеру и, переодевшись в спортивный костюм и кроссовки, направила машину к Моррисон-парку. Тени все удлинялись, и по дороге она спорила сама с собой, не обождать ли до утра, продолжая, тем не менее, катить в парк.

Китти прошагала к конюшням, стараясь следовать по маршруту, где два дня назад понесла кобыла. Но, к своей досаде, обнаружила, что не знает, правильно ли идет. «Абсолютно никакого чувства ориентации», — буркнула она, когда по лицу ей шлепнула ветка. Ей вспомнилось, что Майкл всегда рисовал подробный рисунок с четкими перекрестками дорог и ориентирами, когда ей приходилось отправляться одной в незнакомое место.

После сорока минут напрасных блужданий кроссовки намокли и запачкались, ноги разболелись, а результатов — ноль. Китти остановилась передохнуть на лужайке, где обычно останавливались перегруппировываться наездники. Вокруг ни души, стука копыт не слышно. «Нет, видно я совсем рехнулась, — подумала она, — тут не место разгуливать одной! Вернусь завтра». И отправилась обратно по своим следам. Но, минуточку! Да ведь как раз здесь все и произошло! Где-то здесь зловредная кобыла вдруг понесла.

Ей потребовалось 20 минут, чтобы одолеть расстояние, которое лошадь проскакала за 5. «Вот здесь эта тупица принялась щипать траву, — вспоминала Китти. — Я натянула поводья, а кобыла попятилась и понеслась вот сюда...»

«Сюда» — крутой каменистый склон. В сгущавшихся сумерках Китти начала спускаться, соскальзывая на камнях и спотыкаясь. Увидев большой камень, она присела отдохнуть и оперлась о камень правой рукой. Рука что-то зацепила. Китти

опустила глаза... Попробовала завизжать, но получилось только слабое, надрывное завывание. Пальцы ее касались других пальцев с накрашенными красным лаком ногтями. Лоскут черного пластика, точно траурной лентой обвивал изящное неподвижное запястье.

В пятницу в 7:00 Денни Адлер в маскарадных лохмотьях пьянички усился у стенки дома напротив Шваб-хауса. Было сыро, дул ветер, и он понял, вряд ли сегодня Нив Кирни отправится на работу пешком. Но он уже давно научился, выслеживая жертву, запасаться терпением. Большой Чарли сказал, Кирни уходит в магазин обычно довольно рано — где-то между половиной восьмого и восьмью.

Без четверти восемь начался массовый выход. За ребятишками подъехал автобус, отвозящий их в какую-то шикарную частную школу. Я тоже получил образование в частной школе, подумал Денни. В Нью-Джерси, в Браунсвилльском исправительном доме.

Без двадцати девять Денни понял — сегодня не его день. Он нехотя поднялся, потер руки, оглядел себя. В задрипанном широком плаще, от которого разит дешевым вином, огромное кепи с наушниками, практически скрывавшее лицо, и драные кроссовки. Терпение его подпитывалось несокрушимой уверенностью: цели он обязательно достигнет. Не нынешним утром, так вечером, не сегодня, так завтра! И Денни двинулся своей дорогой. Старательно покачиваясь, размахивая пакетом, будто бы не соображая, что держит его в руке. Несколько прохожих, случайно бросивших на него взгляд, поспешили сторониться, на лицах читалось отвращение или жалость.

Когда через десяток минут он появился в кулинарке, лицо и руки у него были чистые, волосы гладко зачесаны назад, выцветшая хлопковая куртка аккуратно застегнута до подбородка.

В 10:30 он доставил кофе в офис Нив.

— Привет, Денни! — поздоровалась она. — Проспала сегодня, и все никак не могу раскачаться. Пусть остальные говорят что угодно, но твой кофе гораздо вкуснее того, что варят у нас в кофеварке!

— Всякий может проспать, мисс Кирни. — Денни достал контейнер и снял для нее крышку.

Гордон Стойбер прибыл в свой офис в 10:00 утра в пятницу. В лифте он поднимался с тремя консервативно одетыми мужчинами. Сразу узнал их — государственные аудиторы, явившиеся копаться в его бухгалтерских книгах. Стоило его служащим увидеть его сумрачный взгляд, сдвинутые брови, сердитую походку, и мигом зашелестело: «Берегись!»

Через демонстрационный зал он пробежал чуть ли ни бегом, не обращая внимания ни на клиентов, ни на продавцов. Быстро

проскочил мимо стола секретарши, не снизойдя до ответа на робкое "Доброе утро, сэр!", и, войдя в свой офис, захлопнул дверь.

Когда Стойбер уселся за стол, откинувшись на разукрашенном сафьяновом кресле, всегда вызывавшем восторженные "ахи", сумрачность на лице у него сменилась тревогой.

Он оглядел кабинет, впитывая атмосферу, которую создавал так любовно: тисненой кожи кушетки и кресла, картины, стоявшие в состоянии, скульптуры, имевшие, как заверил его советник по искусству, музейную ценность. Большое спасибо Нив Кирни, замаячила перспектива: он больше времени будет проводить в суде, а не в офисе. А то и в тюрьме, проскочила мысльшка, если не проявит должной осторожности.

Стойбер потянулся за сигаретой. Золотая зажигалка с его инициалами, инкрустированная рубинами, лежала на столе. Закурив, он долго ласкал ее в руке. Все, что агентам ФБР требуется: сплюсовать стоимость обстановки офиса и этой зажигалки, и они примутся копать и не уймутся, пока не наберут информации для предъявления ему обвинения в уклонении от налогов.

Из-за этих чертовых профсоюзов человек даже прибыль настоящую не может получить, твердил он себе. У них одна цель — огrestи побольше денег.

Всего три года назад он занялся тем, что делали все: организовал незарегистрированные пошивочные мастерские и нанял иммигрантов без зеленой карты. Почему бы и нет? Мексиканки — хорошие швеи.

А потом понял, где кроются настоящие деньги. Он уже намеревался прикрыть все подпольные мастерские, когда Нив Кирни спустила на него свору гончих. Потом эта психопатка Этель Ламбстон кинулась разнюхивать... Он мысленно видел, как эта стерва ворвась сюда вечером в прошлую среду. Мэй еще сидела в приемной. Иначе прямо тогда бы...

Он выбросил Этель. В буквальном смысле, схватил за плечи, протащил через демонстрационный зал к главному выходу и вытолкнул, она даже об лифт стукнулась. Но и это не обескуражило нахалку. Когда захлопывал дверь, она крикнула: "На случай, если еще не доехало! Прищучат тебя не только за подоходный налог и подпольные мастерские! Мне прекрасно известно, как ты набиваешь карманы!"

Стойбер понял — нельзя допустить, чтобы она копалась в его делах. Ее необходимо остановить.

Зазвонил телефон: мурлыкающие переливы. Раздраженно Гордон взял трубку.

— Что такое, Мэй?

— Я знаю, сэр, вы распорядились, чтобы вас не беспокоили, — извинительно проговорила секретарша, — но пришли агенты из прокуратуры США. Настаивают на встрече с вами.

— Впусти. — Стойбер расправил пиджак своего светло-бежевого костюма, стер платком пылинку с квадратной бриллиантовой запонки и откинулся в кресле.

Когда вошли три агента, очень профессиональные и деловые, он — десятый раз за последний час — подумал: а заварилось все с того, что Кирни подняла крик из-за подпольных мастерских.

В пятницу в 11:00 Кэмбелл, вернувшись с собрания персонала, опять атаковал рукопись, за которую пробовал браться на кануне вечером. На этот раз силком заставил себя сосредоточиться на смачных приключениях знаменитой 33-летней врачихи-психиатра, которая влюбляется в своего пациента — уга-сающую кинозвезду. Когда вошла Джинни со стопкой писем в руках, он как раз захлопывал рукопись.

— Ну и как? — спросила она.

— Чушь ужасная. Но продаваться будет хорошо. Забавно, когда я читал про все эти сексуальные сцены в саду, в голове у меня неотвязно бродило одно — как же их, бедных, кусают комары! Это признак того, что я старею?

— Сомневаюсь, — усмехнулась Джинни. — Вы не забыли, у вас назначена встреча за ланчем?

— Записано где-то. — Джек потянулся.

Джинни одобрительно посмотрела на него.

— А известно ли вам, что все младшие редакторши чирикают про вас? Без конца меня пытают — верно ли, что вы ни с кем не помолвлены?

— Скажи, мы с тобой парочка.

— Я бы не прочь, будь лет на двадцать помоложе.

Улыбка Джека сменилась озабоченностью.

— Джинни, я кое-что вспомнил. Как долго готовятся статьи в "Современной Женщине"?

— Точно не знаю. А что?

— Хотелось бы получить экземпляр статьи, написанной для них Этель Ламбстон. Последней, о моде. Знаю, обычно Тони против того, чтобы показывать новый материал до того, как они "уложат журнал в постельку" — то есть, полностью не наберут новый номер. Но попробуй, может, получится, ладно?

— Конечно.

Через час, когда Джек уходил на ланч, позвонила Джинни.

— Статья выходит на следующей неделе. Тони согласилась оказать вам любезность и даст прочитать сейчас. Пришлет вместе с черновиком.

— Очень великодушно с ее стороны.

— Про черновик сама вызвалась. Сказала, вырезанные юристами места, как правило, куда скандальнее окончательного варианта. Тони говорит, так как вы публикуете книгу Этель,

она не считает, что нарушает доверие. Тони тоже беспокоится об Этель.

Спускаясь в лифте на ланч, Джек понял — ему просто не терпится заглянуть в черновик Этель, слишком "жареный" для публикации.

В час дня Денни снова зашел в "Дом Нив" с двумя сэндвичами с тунцом и кофе. Опять секретарша махнула ему: пусть проходит прямо в офис. Нив оживленно обсуждала что-то со своей помощницей, смазливенькой чернокожей девчонкой. Денни, не дав времени выпроводить себя, распаковал поднос с едой, вынул сэндвичи.

— Есть здесь будете?

— Денни, ты балуешь нас.

Денни застыл, поняв свою оплошность. Надо же, чересчур высунулся! Он быстро оглядел комнату. Офис маленький. И без окна. Досадно. Будь в наружной стене окошко, выстрелил бы в упор ей в спину. Хотя Чарли ведь предупредил — убийство не должно выглядеть предумышленным. Денни перевел взгляд на Нив. Очень хорошенка, что и говорить. Сразу видать — классная. Сколько вокруг дешевок, пускать в расход такую — просто позорище. Бормотнув "до свидания", он вышел. Секретарша расплатилась с ним, как обычно щедро дав на чай. Но долго же придется копить по два бакса чаевых, чтоб сложилось двадцать тысяч, подумал Денни, открывая тяжелую стеклянную дверь и выходя на улицу.

Откусывая сэндвич, Нив набрала номер телефона Тони Мендэлл в "Современной Женщине". Услышав просьбу Нив, Мендэлл восхитилась:

— Господи, не пойму, что за дела? То секретарша Кэмбелла звонит — подай ей статью! Теперь ты! Я ей сказала, что тоже беспокоюсь за Этель. Буду честной. Я послала Джеку и черновики — все-таки ее издатель. Поэтому тебе черновиков дать не могу, но статью, ладно, получишь. Только, ради всего святого, не показывай никому! И так многие жутко расстроются, когда прочитают ее в журнале.

Часом позже Нив с Юджинией набросились на статью Этель. Заголовок — "Мастера моды и мастерские-фальшивки". Даже для Этель чересчур ядовито. Она начала с того, то перечислила три самых значительных направления моды 50-х: Новый взгляд Кристиана Диора 1947 года, Мини-юбки Мэри Квант в ранних 60-х и "Тихоокеанский риф" Энтони делла Салва в 1972 году. Дала краткий обзор их вхождения в мир моды. Особенно интересно для Нив было почитать о Соле.

"А теперь об Энтони делла Салва в "Тихоокеанском рифе". Начал свою жизнь делла Салва не во дворце на одном из семи холмов Рима, как утверждает он и как убеждают нас его рекламные агенты, а как Сол Эспозито на ферме в Бронксе. Воз-

можно, его чувство цвета отточилось, когда он помогал родителям раскладывать фрукты и овощи на тележке, с которой они торговали, развозя товар по кварталу. Его мать Анжелика известна своей присказкой: "Благослови Бог вашу мамочку. Благослови Бог вашего папу. Желаю спелый грейпфрут?"

В школе Христофора Колумба в Бронксе Сол ходил в середнячках. Не блестал особыми талантами и в колледже дизайна. Но судьба распорядилась по-своему — выбился наконец-то в избранные! Придумал стиль, который выдвинул его в знаменитейшие — "Тихоокеанский Риф". Его единственная оригинальная идея. Но какая! Одним волшебным ударом делла Салва вернулся моде ее славу! У всех, кто посетил первый его показ в 1972, осталось неизгладимое впечатление от элегантных, воздушных, струящихся моделей: туник, плавных линий шерстяных послеобеденных платьев, драпировавших и подчеркивающих фигуры, рукавов, плиссированных, переливающихся на свету. А расцветки! Все из подводной жизни Тихого океана: кораллы, деревья и подводные существа! Узоры, позаимствованные у природы, вдохновившие его на создание экзотических рисунков: то дерзко смелых, то приглушенных. Его серебряный на синем! Кутюрье стиля "Тихоокеанский Риф" заслуживает все почести, которые мир моды обрушил на него!"

В этом месте Нив невольно рассмеялась.

— Солу этот кусочек про "Тихоокеанский Риф" понравится. Но насчет остального — сильно сомневаюсь! Дядя Сол так долго врал, что и сам себя убедил, будто родился в Риме, а мать его была графиней-католичкой.

Затем Этель навела пушки на Гордона Стойбера: "...а некоторые производители нашли способ умножать свои доходы за счет слабых. Новые подпольные мастерские в Южном Бронксе и Лонг Айленд-сити. Нелегальные иммигранты, среди них совсем дети, работают за мизерную оплату из-за того, что не имеют зеленых карт и боятся протестовать. Король этих мошеннических мастерских — Гордон Стойбер! Подробности другой деятельности Стойбера читайте в новой статье! А сейчас запомните: каждый раз, когда вы надеваете его костюмы, вы пользуетесь трудом детей. Может, у них не хватает денег даже поесть досыта!"

Завершалась статья гимнами во славу "Дома Нив": Кирни начала расследование деятельности Стойбера и наложила запрет на его модели в своем магазине.

Мельком просмотрев хвалы себе, Нив отложила статью.

— Да-а! Обстреляла каждого крупного кутюрье! Может, сама напугалась и решилась исчезнуть на время, пока не улягутся страсти?

— Но ведь Стойбер может возбудить иск против нее и журнала?

— Правда — лучшая защита. У них наверняка имеются доказательства. Меня удивляет другое — несмотря на все свои речи, Этель купила костюм от Стойбера в тот, последний раз, когда заходила к нам. Помнишь, мы его уже с вешалки сняли, чтобы вернуть?

Зазвонил телефон.

— Нив, звонит мистер Кэмбелл, — доложила секретарша. Глаза Юджинии округлились.

— О-о, видела бы ты выражение своего лица. — Она собрала остатки сэндвичей в обертку, стаканчики из-под кофе и бросила все в корзину.

Подождав, пока за Юджинией закроется дверь, Нив подняла трубку.

— Нив Кирни, — как можно небрежнее произнесла она.

— Нив, сможешь пообедать со мной сегодня? — с ходу начал Джек. И не дожидаясь ответа, продолжил: — Планировал сказать тебе, что у меня есть черновики Этель Ламбстон, и мы могли бы просмотреть их вместе, но правда в том — я хочу видеть тебя.

Они договорились встретиться у "Карлайла" в семь.

После работы Дуг заскочил в магазинчик по соседству с домом Этель. В полседьмого, поворачивая в замке ключ, услышал, как надрывается телефон.

Вначале Дуг хотел проигнорировать звонки, как поступал всю неделю. Но телефон все звонил и звонил, и он заколебался. Одно дело, Этель не любит, чтоб отвечали на ее звонки. Но прошла уже неделя, как ее нет — ведь это, возможно, дозванивается она?

Он поставил пакет с продуктами на кухню. Резкий перезвон не умолкал. И, наконец, Дуг снял трубку.

— Алло!

На другом конце провода приглушенно попросили:

— Можно Этель Ламбстон?

— Ее нет дома. Это ее племянник. Желаете что передать?

— Обязательно. Передайте — ее бывший задолжал кучу денег не тем людям. И не может расплатиться, пока платит ей. Не отпустит с Симуса с крючка, ее проучат. Передайте, со сломанными пальцами печатать нелегко.

Щелчок, и телефон онемел.

Дуг, уронив трубку, упал на кушетку. Лоб у него взмок, под мышками тоже. Он стиснул руки, унимая дрожь.

Как теперь поступить? Реальная это угроза или пустой трюк? Но оставлять без внимания нельзя. Однако и в полицию звонить очень не хочется. Пожалуй, начнут приставать с лишними расспросами.

Нив Кирни.

Она ведь тревожилась из-за Этель? Про угрозу он расскажет ей. Может ведь напуганный, озабоченный родственник обра-

титься за советом. Таким манером, неважно, трюк этот звонок, или реальная угроза, он прикроет себя.

Юджиния запирала витрины с драгоценностями, когда в магазине затрезвонил телефон. Она подняла трубку.

— Нив, тебя! Кто-то очень расстроенный!

Майлс! Новый сердечный приступ? Нив метнулась к телефону.

— Да?!

Оказалось, это Дуг Браун, племянник Этель. Говорил он без обычной саркастической наглости.

— Мисс Кирни, вы не знаете, где я могу разыскать свою тетю? Сейчас не успел войти в квартиру, как позвонили. Какой-то тип велел мне предупредить ее, что Симус, ее бывший муж, задолжал кому-то кучу денег и не может расплатиться, пока выплачивает ей алименты. Если не отпустит его с крючка, грозится проучить ее. «Со сломанными пальцами печатать нелегко», — вот их слова. — Дуглас чуть не плакал. — Мисс Кирни, мы должны предупредить тетю Этель!

Кладя трубку, Дуг был очень доволен — он сделал правильный ход. Теперь надо сообщить об угрозе в полицию и предстать в глазах копов как друг семьи Кирни.

Дуг снова потянулся к трубке, но его перебил новый звонок. На этот раз трубку он взял не мешкая.

Звонили из полиции!

По пятницам Майлс считал самым благоразумным исчезать из дома. Потому что приходила Люп, их давняя помощница. Она проводила в доме весь день, драя, начищая, пылесося и полируя.

Когда она явилась с утренней почтой в руках, Майлс укрылся в кабинете. Пришло еще одно письмо из Вашингтона с настойчивыми уговорами занять пост начальника Агентства по борьбе с наркотиками. Майлс почувствовал, в крови у него закипает адреналин, как прежде. Шестьдесят восемь... не такой уж он и старик.

Из коридора доносилось гудение пылесоса. Не хочу я слушать его весь день, решил Майлс и, повинувшись импульсу, набрал свой прежний номер — офис комиссара. Назвался секретарем Херба Шварца, и через минуту трубку взял сам Херб.

— Да, Майлс, что-то случилось?

— Вопрос номер один. Как Тони Витали? — Ему представился Херб: невысокий, узкоплечий, умные проницательные глаза, огромный интеллект и фантастическая способность схватывать картину целиком. И что ценнее всего — верный друг.

— Пока состояние неопределенное. Мафиози бросили его, сочтя покойником, и, поверь мне, основания у них были. Но Тони — парень потрясающий. Доктора считают, он выкарабка-

ется вопреки всему. Собираюсь позднее навестить его. Хочешь со мной?

Они договорились встретиться за ланчом.

За сэндвичами с индюшатиной в баре, рядом с госпиталем Сен-Винсент, Херб кратко посвятил Майлса в действия на предстоящих похоронах Ники Сепетти.

— Возьмем там все под плотное наблюдение. ФБР своих ребят присыпает тоже. И прокуратура. Майлс, не знаю, но сдается мне, если бы даже Ники не призвали на небеса, он — затхлая новостишка. Выпал из оборота на 17 лет. Срок слишком долгий. Мир изменился. В прежние времена его банда и не притронулась бы к наркотикам. Теперь они купаются в них. Мира Ники больше не существует.

После ланча они отправились в Сен-Винсент. Тайный агент Тони Витали лежал весь в бинтах. Рядом стояла капельница. Аппараты регистрировали кровяное давление, биение его сердца. Родители сидели в приемной.

— Нам позволяют видеться с ним каждый час по несколько минут, — сказал отец Тони. — Ничего, выкарабкается! — твердо добавил он.

— Крутого копа так просто не убить. — Майлс пожал ему руку.

— Комиссар, — обратилась к нему мать Тони. Он хотел было указать на Херба, но тот легким отрицательным жестом остановил его. — Комиссар, мне кажется, Тони пытается что-то сказать.

— Он уже сказал все, что нам требовалось услышать. Ники Сепетти не заключал контракта на убийство моей дочери.

— Нет, комиссар! — Роза Витали покачала головой. — Я захожу к Тони каждый час эти два дня. Не все. Он хочет сообщить еще что-то...

У палаты Тони была установлена круглосуточная охрана. Херб подозревал молодого детектива, сидевшего на посту медсестры.

— Слушай внимательно! — велел он ему.

Майлс с Хербом спустились на лифте вместе.

— Ну, и твое мнение? — спросил Херб.

Майлс пожал плечами.

— Если я чему и доверяю, так материинскому инстинкту. В тот вечер Тони много чего мог узнать. Наверняка они подробно вводили Ники в курс дела. — Ему вдруг вспомнилось. — Да, Херб, кстати. Нив все донимает меня с одной своей знакомой писательницей. Та внезапно куда-то исчезла. Попроси ребят поразведать, ладно? Ей около 60-ти. Пять футов и шесть дюймов росту. Красиво одета. Крашена в платиновую блондинку. Вес — около ста тридцати пяти. Зовут Этель Ламбстон. Может, конечно, она достает кого своими интервью, но...

Лифт остановился. Они вышли в вестибюль, и Шварц вынул блокнот.

— Я Ламбстон встречал. В резиденции мэра. Она в своих статьях не устает прихваливать его, и тот часто приглашает ее к себе. Немножко взбалмошная, верно?

— Не то слово!

И оба расхохотались.

— А почему Нив за нее тревожится?

— Да клянется, будто уехала Ламбстон без зимнего пальто. Не то в прошлый четверг, не то в пятницу. А всю одежду она покупает у Нив.

— Может, во Флориду махнула? Или на Карибские острова? Вот и не захотела шубу тащить.

— На такой вариант я тоже указывал Нив, но она утверждает, что остальная исчезнувшая из шкафа одежда — зимняя. А уж это Нив известно наверняка.

— Знаешь, может, Нив на что-то и наткнулась... — нахмурился Херб. — Ну-ка, повтори описание еще раз.

Нив с Джеком сидели на диванчике в обеденном зале у "Карлайла". Повинуясь порыву, Нив переоделась из платья-свитера, который носила на работе, в мягкое многоцветное платьице. Джек заказал выпивку: мартини для себя и бокал шампанского для Нив.

— На тебе платье, которое было на манекене в витрине?

— О-о, какой ты наблюдательный! А когда ты его видел?

— Вчера вечером. И не стану врать, будто проходил случайно. Меня одолело сильнейшее любопытство. — Джек без всякой стеснительности выложил правду.

Нив рассматривала его. Сегодня на нем был темно-синий костюм в тонкую белую полоску, галстук "Гермес", в точности повторяющий цвет костюма, рубашка, сшитая на заказ, простые золотые запонки.

— Ну как? Испытание прошел?

Нив улыбнулась.

— Очень немногие мужчины умеют подобрать галстук, гармонирующий с костюмом. Я уже несколько лет подбираю галстуки для отца.

Подошел официант с напитками. Джек выждал, пока тот отойдет и они приступили к разговору об Этель. Нив рассказала Джеку о телефонном звонке племянника и предположила, что Этель, напугавшись, где-то скрывается.

— Отец связался с полицией. Попросил выследить, кто угрожает по телефону. А если честно, я считаю — Этель действительно следовало бы отпустить беднягу с крючка. Мерзко было отбирать у него деньги все эти годы. Ей алименты эти нужны, как дырка в голове!

Джек вынул из кармана сложенные бумаги. Нив сказала, что статью уже читала.

— И как, по-твоему? Здорово скандальная?

— Вовсе нет. Скорее, забавная и ехидная. Очень занимательная, а в подтексте — клеветническая. Ничего разоблачительного в ней нет. Всем в мире моды давным-давно обо всем этом известно. Не уверена, правда, как прореагирует дядя Сол... Но, зная его, поклявшись могу, он себе на пользу обратит всплыши факт о мамочке, торговавшей фруктами с развозки. Вот из-за Гордона Стойбера я бы встревожилась. Интуиция подсказывает мне, тип он очень злобный. Другие модельеры, которых подколола Этель... Ну, что можно сказать? Все знают, что, за исключением одного-двух, фасоны рисовать никто толком не умеет. Они ловят кайф, играя в новаторов.

Джек кивнул.

— Вопрос номер два. Как думаешь, что-то в этой статье может стать книгой-хитом?

— Нет! Даже Этель не удастся раздуть ни одну из этих сплетен в бомбу.

— У меня в папке есть черновик статьи. Из окончательного варианта многое ведь выкинули. Но его я толком еще не успел прочитать. — Джек махнул, чтобы принесли счет.

Денни караулил напротив "Карлайла". Охота предстоит долгая. Он тянулся за Нив, пока та шла по Мэдисон-авеню к отелю, но не подвернулось ни одного хиленького шанса приблизиться к ней. Слишком густой поток. Крутые парни шагали домой со службы. Даже если бы он и умудрился прикончить девушку, чересчур велика опасность, что его схватят. Сейчас он надеялся — может, Нив выйдет одна? Пешком до автобуса пойдет. А то и домой. Но появилась она с парнем. И в такси они сели вместе.

Бессильная злоба исказила лицо Денни, старательно вымазанное грязью. Если еще продержится такая погода, Нив так и будет вечно раскатывать на такси! А в выходные ему работать надо. Нельзя привлекать к себе внимание в кулинарке.

Оставался понедельник. Квартал Готового платья. Денни нутром чуял, там он ее и прикончит. Скользнув в подъезд, сбросил замызганный плащ, обтер лицо и руки грязным полотенцем, засунул плащ и полотенце в пакет и направился к бару на Третьей авеню. Душа у него горела, требуя виски с пивом.

Было 10 вечера, когда такси подкатило к Шваб-хаусу.

— Мой отец всегда выпивает рюмочку на ночь. Как ты насчет этого? — преложила Нив Джеку.

Через десять минут все стояли в кабинете и пили бренди. Нив догадалась — что-то случилось. С лица Майлса не сходила озабоченность, хотя он и старался непринужденно болтать с Джеком. Она чувствовала, отец хочет что-то сообщить ей, но не может при Джеке. Наконец Майлс не выдержал и повернулся к Нив.

— Недавно позвонил Херб. В Моррисон-парке округа Рокленд нашли труп. Он соответствует описанию Этель. Они привезли туда племянника Этель, и тот опознал ее.

— Что с ней случилось? — шепотом спросила Нив.

— Ей перерезали горло.

— Я знала — что-то не так! — Нив прикрыла глаза. — Знала!

— И оказалась права. Подозреваемый номер один у них уже имеется. Когда верхняя соседка увидела полицейскую машину, то сразу же прибежала вниз. Похоже, у Этель днем в четверг вышел грандиозный скандал с ее бывшим мужем. С тех пор Этель никто больше не видел. В пятницу она сорвала все договорные встречи. В том числе, с тобой и племянником. — Майлс допил остатки бренди и встал налить еще. — Обычно вторую не пью. Но сейчас... Нив, завтра утром ребята из отдела убийств Двадцатого участка хотят поговорить с тобой. А прокуратура округа Рокленд попросила тебя приехать взглянуть на одежду, в которой нашли Этель. Они уверены, что труп после смерти переносили. Я сказал Хербу — ты обратила внимание на то, что все ее шубы на месте. А свою одежду она всю покупала у тебя. Ярлыки с костюма, надетого на нее, срезаны. Они хотят выяснить, опознаешь ли ты костюм. Черт побери, Нив! — воскликнул Майлс. — Мне совсем не нравится, что ты становишься свидетельницей в деле об убийстве!

— И мне тоже, — тихо подтвердил Джек.

8

Денни свой пост занял в 7:00. В 7:20 он увидел высокого парня в спортивном костюме: тот вошел в Шваб-хаус. Через несколько минут в дверях появилась Нив. С ним. Оба трусцой побежали в парк. Денни злобно выругался. Если бы она побежала одна! Народу — ни души. Легко бы убил ее! Он нашупал в кармане пистолет. Вчера, когда вернулся домой, Большой Чарли дождался его в припаркованной через улицу машине. Опустив стекло, Чарли протянул ему коричневый бумажный пакет. Денни взял. Пальцы его нащупали пистолет.

— Кирни уже как кость в горле, — буркнул Большой Чарли. — Черт с ним, не маскируй больше под несчастный случай. Неважно. Главное, прикончить ее поскорее. И все!

Побежать бы за ними сейчас в парк, да и убить обоих! Но это Большому Чарли может не понравиться.

И Денни двинулся в противоположном направлении. Сегодня он нарядился в широкий свитер, болтающийся до колен, кожаные туфли, вязаную шапку, некогда ярко-желтого цвета. Натянул ее поверх седого парика, засаленные пряди которого липли ко лбу. Вид окончательно сбрендившего наркомана. В прежнем прикиде он походил на алкоголика. Но зато никто не вспомнит, какой тип ошивался у дома Нив Кирни.

Сунув жетон в турникет на станции подземки 72-й-стрит, Денни подумал, нужно бы поставить в счет Большому Чарли все расходы на маскарадную одежду.

Включив радио в 7 утра в субботу, Рут услышала новость о гибели Этель. В полночь она приняла снотворное и проспала тяжелым сном несколько часов. Ее мучили кошмары, смутно помнившиеся утром: Симуса арестовали, Симус на суде. Эта дьяволица Этель свидетельствует против него. Несколько лет назад Рут работала в юридической фирме и довольно четко представляла, какие обвинения могут выдвинуть против Симуса. Но, слушая новости, поняла, что добавляется еще один пункт обвинения — убийство!

Вскочив, Рут метнулась в спальню. Симус только-только просыпался. Мотая головой, он тер лицо: характерный жест, всегда раздражавший ее.

— Ты убил Этель! — взвизгнула она. — Как я могу помочь тебе, раз ты не рассказал мне всей правды?

— Про что ты?

Рут щелкнула клавишой приемника. Диктор описывал, где и как нашли тело Этель.

— Ты всегда водил наших девочек на пикники в Моррисон-парк! — надсаживалась Рут. — Парк тебе знаком, как твои пять пальцев. Выкладывай всю правду! Ты зарезал ее?

Через час, едва переставляя ноги от ужаса, Симус шагал в бар. Нашли труп Этель. Он знал — полиция обязательно за ним придет.

Вчера Брайан, дневной бармен, отработал двойную смену и в знак неудовольствия бар оставил грязным и вонючим. В зале уже крутился вьетнамец-мальчишка, помогавший на кухне.

— Мистер Ламбстон, может, вы зря пришли? У вас совсем больной вид, — посочувствовал он.

Симус старался припомнить наставления Рут. «Скажи, у тебя легкий грипп. Ты никогда не пропускаешь работу. Они должны поверить. И вчера ты действительно болел. И все выходные тоже. Ты говорил с кем-то? Кто-нибудь видел тебя? Соседка Этель обязательно влепит им, что на прошлой неделе ты заходил к ним дважды».

— Чертова вирусы так и липнут ко мне, — промямлил Симус. — Вчера было очень худо. А выходные прямо в лежку лежал.

Рут позвонила в 10. Как послушный ребенок, он повторял слово за словом все, что она ему внушала.

Бар Симус открыл в 11. В полдень понемножку стали подтягиваться завсегдатаи, те, что еще остались верны его бару.

— Симус! — проорал один, жизнерадостная его физиономия разбежалась морщинками улыбок. — Грустные вести о нашей...

старушке Этель! Но везуха, что ты наконец-то с крючка сорвалася! Никаких больше алиментов! Бар угощает, а?

В 2 часа в бар вошли двое. Одному чуть за сорок, плотный здоровяк, только таблички "коп" не хватает. С напарником — стройным испанцем, где-то под тридцать. Они назывались — детектив О'Брайен и Гомез, из Двадцатого участка.

— Мистер Ламбстон, — начал О'Брайен. — Вам известно, что ваша бывшая жена Этель Ламбстон стала жертвой убийства? Ее труп обнаружен в Моррисон-парке.

Симус схватился за стойку так, что костяшки пальцев побелели, и кивнул, не в состоянии выдавить ни слова.

— Не возражаете проехать с нами в полицейский участок? — Детектив О'Брайен прочистил горло. — Хотим прояснить с вами кое-какие детали.

Не успел Симус уйти в бар, как Рут набрала номер Этель. Трубку подняли, но молчали. Наконец Рут начала сама.

— Я хочу поговорить с племянником Этель Ламбстон — Дугласом Брауном. Это Рут Ламбстон.

— И что желаете? — голос племянника. Рут его узнала.

— Мне необходимо встретиться с вами. Приеду прямо сейчас.

Десять минут спустя такси высадило ее у дома Этель. Выйдя и протянув плату водителю, Рут взглянула наверх. На четвертом этаже шевельнулась занавеска. Верхняя соседка следила зорко.

Дуглас уже караулил ее. Сразу же открыл дверь и отступил, пропуская гостью. В квартире по-прежнему царила необычайная аккуратность, хотя на столе Рут заметила тонкий слой пыли. Стирать пыль в нью-йоркских квартирах требуется ежедневно.

Не понимая, как в такой момент ей могут лезть в голову подобные мысли, Рут стояла перед Дугласом, отмечая и его дорогой халат, и шелковую, выглядывавшую из-под него, пижаму. Веки у Дугласа набрякшие, как будто накануне он перебрал. Правильные черты лица, пожалуй, были бы красивы, отличай их большая сила. А так лицо напоминало ей детские скульптуры, слепленные из песка: их легко смывают волны и разрушает ветер.

— Что вам нужно? — спросил Дуглас.

— Не буду тратить зря ни свое, ни ваше время, уверяя, будто скорблю о смерти Этель. Мне требуется письмо, которое Симус написал ей. А на его место положите вот это, — она протянула незапечатанный конверт. Дуглас приоткрыл: в нем лежал чек на алименты, датированные 5-м апреля.

— Что еще за махинация?

— Никакая не махинация. Предлагаю равнозначенный обмен. Отдайте мне письмо Симуса. И постарайтесь уяснить! В среду

Симус приходил сюда, чтобы алименты ей отдать. И все! Этель дома не оказалось. И он снова зашел в четверг — нервничал потому, что не засунул конверт как следует в почтовый ящик. Он знал, она потащит его в суд, если чек не придет вовремя.

— Дивно! А мне-то какая корысть?

— А такая! В прошлом году Симус полюбопытствовал у Этель, кому она намерена оставить свои деньги. И она ответила — выбора у нее нет: единственный родственник — вы. Но на прошлой неделе ненароком обмолвилась мужу — вы воруете у нее деньги, и она надумала перемнить завещание.

— Лжете! — Дуглас побелел как мел.

— Вон как? Я шанс вам даю. А вы даете шанс Симусу. Мы помалкиваем, что вы ворюга, а вы — никому ни словечка о письме.

Невольно Дуглас проникся восхищением к властной женщине, стоявшей перед ним. Такая, понимал он, блефовать не станет.

— А сплетница наверху? — поднял он глаза к потолку. — Забыли? Ведь треплет всем встречным-поперечным, что между Симусом и Этель случился дикий скандал накануне того дня, когда Этель сорвала все назначенные встречи.

— Говорила я с ней! Ни одного словечка точно она пересказать не может. Только заявляет — слышала громкие голоса! Ну естественно! Симус всегда говорит громко, а Этель, та вообще не успеет рта раскрыть — визжит!

— Похоже, продумали вы все досконально. Ладно, сейчас притащу письмо. — Дуг ушел в спальню.

Рут тихонько подкралась к столу. Из-под стопки писем выглядывал краешек кинжала с красно-золотой рукояткой. Миг — и кинжал скрылся в ее сумочке. Вроде бы липкий? Или это игра ее воображения?

Когда с письмом Симуса вернулся Дуглас, Рут, мельком глянув на конверт, упрятала его поглубже в кармашек сумки. Уходя, протянула Дугласу руку.

— Очень сожалею, мистер Браун, о смерти вашей тетушки. Симус просил передать свое сочувствие. Какие бы между ними ни возникали трения, были времена, когда они жили счастливо и любили друг друга. Именно эти дни и останутся в его воспоминаниях.

— Другими словами, — холодно откликнулся Дуглас, — если полиция спросит, именно такова официальная причина вашего посещения.

— Все верно. А неофициальная — будете держаться нашего уговора, так ни Симус, ни я ни словечка не оброним полиции, что ваша тетя планировала лишить вас наследства.

Рут заторопилась домой. А дома взялась лихорадочно надрывать квартиру. Выскоблила все, содрала шторы, бросила их

мокнуть в ванной. Старенький пылесос постанывал, оставляя за собой не очень чистую дорожку на потертом ковре.

Ее мучила одна мысль: как избавиться от кинжала? Одно за одним она отвергла все очевидные места. Мусоропровод? А если полиция обыщет мусоропровод в доме? В уличную урну выбросить — не самый удачный вариант. Вдруг за ней следят копы?

В 10 она позвонила Симусу и долго внушала, что следует отвечать, если его станут допрашивать.

Дольше тянуть невозможно. Она вынула кинжал из сумочки, промыла под горячей водой и протерла пастой для чистки бронзы.

Сверкает как новенький...

Ну конечно же! Все просто и легко! Рут осенило, как от него избавиться.

В 12 она уже шагала к "Праму и Сингху", магазину индийских сувениров на Шестой авеню. Побродила от витрины к витрине, задерживаясь у прилавков, заглядывая в корзинки с украшениями. Наконец отыскала требуемое — большую корзину с кинжалами для разрезания бумаг. Рукоятки — дешевая копия орнамента на антикварной вещице Этель. Небрежно взяла в руки один. Вроде бы имитация очень похожа на кинжал в ее сумке.

Вытащив свой, Рут уронила его в корзину и переворошила все, пока не удостоверилась — орудие убийства Этель очутилась на самом дне.

— Могу вам чем-то помочь? — Как из-под земли рядом вырос продавец.

Рут испуганно вскинула глаза.

— Э... да... я искала... то есть, мне бы хотелось посмотреть серебряные подносы.

— Они в третьем ряду. Я провожу вас.

В час Рут вернулась домой, приготовила чашку чая и подождала, пока уймется бешеный стук сердца. Там его не найдут. Ни за что, убеждала она себя. Никогда... никогда...

Без четверти девять Майлс, устроившись в глубоком кожаном кресле, уставился в телевизор: телекамеры подробно показывали пышные похороны Ники Сепетти. Машины цветов, три, заполненные дорогими венками, ехали перед гробом к церкви Сен Камилла. Целая вереница лимузинов скорбящих и притворяющихся, что скорбят. Майлсу было известно: тут и ФБР, и прокуратура, и полицейские — фиксируют номера частных машин, фотографируют лица входящих в церковь.

Рядом с вдовой плотный мужчина лет сорока и женщина помоложе, закутанная в черный плащ с капюшоном, почти скрывавшим ее лицо. Все трое в черных очках. Сын и дочь не желают, чтобы их узнали, понял Майлс. Разумные детки.

Репортаж продолжался и из церкви. Майлс приглушил звук и, одним глазом посматривая на экран, взялся за телефон. Херб оказался у себя.

— Видел "Ньюс" и "Пост"? — спросил Херб. — Шумиху подняли вокруг убийства Этель Ламбстон до небес!

— Читал.

— Для нас по-прежнему подозреваемый номер один — ее бывший муж. Посмотрим, что даст осмотр квартиры. Скора, которую слышала соседка в прошлый четверг, кончилась, возможно, тем, что он ее зарезал. Но, с другой стороны, может, только напугал. Она решила удрать из города, а он пустился вдогонку. Майлс, ты учил меня — каждый убийца оставляет свою визитную карточку. Мы найдем его!

Они договорились, Нив встретится с детективами из отдела убийств Двадцатого полицейского участка в воскресенье днем, на квартире Этель.

— Позвони, если в Рокленде выскочит какая любопытная зацепка, — попросил Херб. — Мэру не терпится объявить, что убийство раскрыто.

— Ладно, Херб, созвонимся.

Майлс прибавил громкость и стал наблюдать, как читают молитву над останками Ники Сепетти. Гроб выкатили из церкви под пение хора. Вдова Ники спустилась по ступенькам, но внезапно свернула к ближайшему телекомментатору. Лицо ее дали крупным планом. Измученное, отрешенное.

— Я хочу сделать заявление. Многие люди не одобряли дел моего мужа, да покоится он в мире! За эти дела его посадили в тюрьму. Но продержали за решеткой долгие годы за преступление, которого он не совершал! На смертном одре Ники поклялся мне. Он не причастен к убийству жены полицейского комиссара Кирни. Думайте про Ники, что хотите, но убийство не на нем!

На вдову обрушился вал оставшихся без ответов вопросов, пока она возвращалась к детям. Майлс вырубил телевизор. Брал до самого конца, фыркнул он. Но, накинув на шею галстук и ловкими движениями завязывая узел, ощущил — в душу ему впервые заронили семя сомнения.

Узнав, что обнаружен труп Этель Ламбстон, Гордон Стойбер развел бурную деятельность. Тут же приказал очистить последнюю из оставшихся подпольных швейных мастерских в Лонг-Айленд-сити, а нелегальных работниц предупредить — распустят язык с полицией, им же хуже придется. Затем позвонил в Корею, отменить перевозку груза с одной из его тамошних фабрик. Узнав, что товар уже грузят в аэропорту, стукнул в бешеном приступе отчаяния телефоном об стенку! Имелись ли у Ламбстон веские доказательства, или она блефовала? И как бы ему отбояриться от ее статьи?

Хотя была суббота, Мэй Эван, его давняя секретарша, пришла, чтобы привести в порядок бумаги.

— Мэй, наверное, ты уже слышала о трагической гибели Этель Ламбстон? — спросил Гордон.

Та кивнула.

— Заходила ли сюда Этель дней десять назад?

Мэй вскинула на него глаза, ожидая подсказки.

— В тот раз, когда я задержалась на работе? Все ушли, кроме вас. Мне показалось, я видела, как она вошла, а вы вывели ее. Я ошибаюсь?

— Ко мне, — усмехнулся Гордон, — Этель не входила.

— Понимаю! — кивнула секретарша. — А на ее звонок на прошлой неделе вы не ответили? Мне показалось, будто я ее с вами соединила, а вы, ужасно рассердившись, бросили трубку...

— Никаких звонков не было. — Гордон взял руку Мэй в свою и легонько сжал. — Как мне вспоминается, я отказался говорить с ней. И принять — отказался тоже. Понятия не имел, что она собирается упоминать меня в будущей своей статье!

Высвободив руку, Мэй отступила от стола. Вокруг лица жалкие мелкие кудряшки выцветших каштановых волос.

— Я все поняла, сэр, — тихо проговорила она.

— Вот и прекрасно! Будешь уходить, запри дверь.

Как и Майлс, Энтони делла Салва смотрел по телевизору похороны Ники Сепетти. Сол занимал пентхауз в Трамп Парк: роскошный дом, реконструированный для богачей Дональдом Трампом. Из пентхауза, меблированного супермодным дизайнером в мотивах "Тихоокеанского Рифа", открывался ошеломляющий пейзаж Центрального парка. После развода с последней женой Сол решил осесть в Манхэттене. Хватит с него унылых особняков Уэстестера, Коннектикута или Айленд Палисейдса. Ему нравилось спокойно выйти в любой час ночи, заглянуть в дорогой ресторан, открытый круглые сутки. Обожал театральные премьеры, шикарные вечеринки и то, что его узнают всякие важные персоны.

Солу вспомнился день, месяца два назад, когда к нему за скочила Этель Ламбстон. Сумасбродная баба, с привычкойечно тараторить на бешеных оборотах. Слушать ее — все равно, что стараться вникнуть в цифры на бегущей ленте. Ткнув на мозаику "Тихоокеанского Рифа" на стене, она возопила: "Это гениально!" "Да, и даже настырная журналистка, вроде тебя, Этель, и то умеет разглядеть правду!" — Оба рассмеялись. — "Ладно, ладно, — подзуживала она, — раскалывайся! Забудь эту бредятину насчет виллы в Риме, где ты будто бы вырос. Никак вы, парни, не поймете, мода на фальшивый аристократизм давно миновала! Сейчас правит Король Гамбургер. Последний визг моды — человек из низов. Я тебе услугу оказываю, разо-

блажая перед публикой, что на самом деле родился ты в Бронксе!" "Этель, у многих на Седьмой авеню больше мусора под ковриком, чем рождение в Бронксе! Я этого не стыжусь!"

Сол наблюдал, как несли гроб Сепетти по ступенькам Сен-Камилла. Ладно, хватит с меня, решил он и уже потянулся выключить телевизор, но тут вдова Сепетти взялась за микрофон и поклялась: Ники абсолютно непричастен к убийству Ренаты.

Сол посидел, скрестив руки. Он был уверен — Майлс смотрит тоже. Понимая, какие чувства тот испытывает, решил — надо ему позвонить.

— Я считаю, Сепетти надеялся, что его дети поверят ему, — предположил Сол. — Оба живут в счастливом браке и не хотят, конечно же, чтобы их дети узнали — фото Ники фигурирует в полицейских досье.

— Такое объяснение напрашивается сразу, — согласился Майлс. — Хотя, если по правде, нутром чую, признание на смертном одре ради спасения души больше в духе Ники. — Голос его споткнулся. — Ладно. Пора бежать. Скоро придет Нив. У нее неприятная задача — осмотреть одежду, в которой нашли Этель, и дать заключение, из ее ли она магазина.

— Ради девочки, надеюсь, что нет. Подобная реклама ей все ни к чему. Передай Нив, если не проявит осторожности, люди начнут говорить — им не нужны наряды, в которых убивают. И прощай таинственная притягательность "Дома Нив"!

Прокуратура в Рокленде ничем не отличалась от любой другой окружной прокуратуры в стране. Толпы народа. Старые неудобные стулья. На шкафах громоздятся папки. В кабинетах духота, а в те, где были открыты окна, врывался холодный пронзительный ветер.

Два детектива из отдела по расследованию убийств уже ожидали их. Нив отметила — как только Майлс вошел в здание, то сразу как-то переменился. Отвердела челюсть. Глаза стали стальными, а шаг упрямее и тверже.

— Он в своей стихии! — шепнула Нив Джеку. — Не пойму, как это он ухитрился целый год жить в безделье!

— Окружной прокурор просит вас зайти, сэр.

Окружной прокурор оказался женщиной. Молодой и привлекательной, лет 36-ти, не больше. Майра Брэдли. Втайне забавляясь, Нив засекла удивление на лице Майлса. Какой же ты у меня шовинист, папочка, подумала она. А тебе следовало бы помнить, что в прошлом году прокурором избрали Майру Брэдли. Но ты предпочел напрочь стереть это из памяти.

Их с Джеком представили. Майра приглашающе махнула на стулья — садитесь, и приступила к делу.

— Как вам известно, тут вопрос юрисдикции. Мы знаем, труп переносили. Но не знаем — откуда. Ее могли убить в парке, в пяти футах от того места, где было обнаружено тело. В та-

ком случае, расследование в нашем ведении. — Брэдли указала на папку на столе. — Согласно медэкспертизе, смерть наступила в результате глубокого перерезания горла острым инструментом. Ей перерезали яремную вену, искромсали дыхательные трубы. Возможно, жертва отбивалась. На челюсти обнаружены синяки, на подбородке — порез. Могу добавить, еще чудо, что до нее не добрались в парке животные. Вероятно, оттого, что труп плотно замуровали камнями. Все это указывает на тщательно спланированное убийство.

— То есть, ищете вы человека, которому хорошо известна территория парка, — бросил Майлс.

— Вот именно. Точное время смерти установить невозможно. Однако из того, что рассказал ее племянник, следует — она не появилась на договоренной с ним встрече в прошлую пятницу. Труп относительно хорошо сохранился, и когда мы проверили погоду, выяснилось — холодный период наступил девять дней назад, в четверг. То есть, если Этель Ламбстон убили в четверг или пятницу и вскоре похоронили, этим и объясняется отсутствие разрушений.

Нив сидела справа от стола окружного прокурора. Джек на стуле рядом. Девушку била мелкая дрожь, и его рука легла на спинку ее стула. Ну почему я не вспомнила про ее день рождения... Нив постаралась отогнать эту мысль, сосредоточиться на словах Брэдли.

— ... Этель Ламбстон вполне могла бы пролежать там долгие месяцы, и тогда опознание личности стало бы невозможным. Собственно, скорее всего, именно на это и был расчет. В намерения убийцы входило сделать невозможным опознание трупа. На ней не было никаких драгоценностей. Ни сумочки, ни кошелька рядом. Ничего. — Брэдли повернулась к Нив. — На одежде, которую вы продаете, имеются ярлыки?

— Разумеется.

— С одежды мисс Ламбстон все ярлыки срезаны. — Окружной прокурор поднялась. — Если не возражаете, мисс Кирни, взгляните, пожалуйста, на ее одежду.

Все прошли в соседнюю комнату. Один из детективов принес пластиковые пакеты со смятой, в пятнах, одеждой. Нив смотрела, как вынимают дамское белье. Во втором пакете лежал костюм-тройка из белоснежной шерсти: жакет с синими манжетами и воротничком, юбка и блузка в сине-белую полоску. Все три предмета пропитались кровью. Нив почувствовала на плече руку Майлса и решительно принялась пересматривать одежду. Что-то не сстыковывалось, что-то, помимо трагического конца, каким кончил этот костюм и несчастная, носившая его.

— Это один из костюмов, пропавших из шкафа Ламбстон? — услышала Нив.

— Да.

— Костюм продали ей вы?

— Да. Где-то под Новый год. — Нив оглянулась на Майлса.

— Она приходила в нем на нашу вечеринку, помнишь?

— Нет.

Нив медленно заговорила. Она у себя в квартире, украшенной для их ежегодной рождественской вечеринки. Этель выглядит на редкость привлекательной. Бело-синий костюм, такой нарядный, очень идет к ее темно-синим глазам и серебристо-светлым волосам. Ее осыпают комплиментами. Потом, конечно же, Этель напалилась на Майлса, умучивая беднягу своей трескотней. И остаток вечера он старательно увиливает от нее.

Какая-то в этих воспоминаниях неувязка. Но — какая?

Костюм этот она купила с другими вещами в начале декабря. Кстати, оригинал от Ренардо. А Ренардо — дочернее предприятие Гордона Стойбера. Но что же ускользает от нее? Никак не зацепить.

— На ней было надето пальто?

— Нет. — Окружной прокурор кивнула детективам, те начали убирать одежду обратно в пакеты. — Комиссар Шварц объяснил мне причину ваших тревог за Этель — все ее теплые пальто и шубы висели в шкафу. Но разве она не могла купить пальто в другом магазине? Не у вас? Мне требуется перечень, как можно более подробный. Она надевала какие-то драгоценности к этому костюму?

— Да. Золотую булавку с бриллиантами. Такие же серьги. И широкий золотой браслет. И всегда надевала несколько бриллиантовых колец.

— На ней никаких драгоценностей не было. Так что, возможно, у нас попросту элементарное убийство с целью грабежа.

Когда они выходили из кабинета, Джек взял Нив за руку.

— В порядке?

Девушка покачала головой.

— Что-то я упускаю.

Один из детективов, услыхав, мигом сунул ей карточку.

— Звоните в любое время!

Все направились к выходу. Майлс — впереди с окружным прокурором.

— В общем, мне следовало бы помолчать, — говорил Майлс. — Но очень трудно отвыкнуть от мысли, что уже не я нажимаю кнопки в полиции Плаза.

Нив, молясь, чтобы ее просьба не прозвучала нелепо, перебила его:

— Интересно... — Окружной прокурор, Майлс и Джек выжидательно замолчали. — Интересно, можно ли поговорить с той женщиной, которая нашла труп Этель? Сама не знаю почему, но у меня чувство, что я должна. Непременно.

— Миссис Конвей написала для нас подробное заявление, — медленно проговорила Майра. — Можете, если желаете, прочитать.

— Мне бы хотелось с ней лично поговорить. Это очень важно.

— Моя дочь способствовала опознанию Этель Ламбстон, — напомнил Майлс.

— Если ей хочется поговорить со свидетельницей, думаю, нет проблем. Можем сейчас позвонить миссис Конвей и узнать, дома ли она. Вдруг выплынет еще что-то. Минутку! — Вскоре Майра вернулась. — Миссис Конвей дома и охотно побеседует с вами. Вот ее адрес и указания, как доехать. — Она улыбнулась Майлсу: один профессионал-коп — другому. — Если вдруг припомнит, что хорошо разглядела типа, который убил Ламбстон, срочно нам позвоните. О'кей?

Китти поставила серебряный поднос на круглый стол рядом с диванчиком, разлила чай, гостеприимно угостила печеньем.

— Испекла сегодня утром. Разнервничалась после вчерашнего, наверное, — объяснила она и подошла к Майлсу.

— А кто в доме антрополог? — поинтересовался тот.

— Только любители, — улыбнулась она. — Я увлекалась антропологией в колледже, когда профессор учил нас — чтобы понять будущее, необходимо изучать прошлое.

— То же и я твердил своим детективам.

— Включил свое обаяние, — шепнула Нив Джеку. — Хм, необычно... Давненько такого не наблюдала.

За чаем Китти подробно рассказала гостям о лошади, которая понесла вдруг по склону, о пластике, мазнувшем ее по лицу, расплывчатой картинке запястья в синем рукаве. Синем рукаве своего спортивного костюма, подтолкнувшем ее снова поехать в парк.

Нив слушала внимательно, склонив голову набок, напряженно ловя каждое слово. По-прежнему казалось — она упускает нечто, что лежит прямо перед ней и ждет — разгляди же!

И вдруг она поняла!

— Миссис Конвей, вы можете описать точно, что увидели, когда обнаружили труп?

— Нив! — Майлс покачал головой: он тщательно выстраивал свои вопросы и не желал, чтобы его перебивали.

— Майлс, извини! Но это крайне важно! Расскажите не про руку Этель. Расскажите, что именно увидели!

Китти прикрыла глаза.

— Словно бы смотришь на руку манекена. Мертвенно-белая. А ногти ярко-красные. Манжет жакета синий. Доходит до запястья. И обрывок пластика липнет к нему. Блузка белая в синюю полоску. Но из-под манжета виднелся только краешек. Чистое безумие, но верите, я чуть не кинулась выправлять ее!

Нив длинно вздохнула. Подавшись вперед, потерла лоб ладонями.

— Вот этого-то я и не уловила сразу. Блузка...

— И что такое с блузкой? — осведомился Майлс.

— Она... — Нив прикусила губу. Блузка, надетая на Этель, входила в первоначальный ансамбль-тройку. Но когда Этель покупала костюм, Нив посоветовала ей другую. И продала Этель белую, без отвлекающих синих полосок. Она дважды видела Этель в этом костюме, и оба раза блузку та предпочитала белую. Почему же теперь на ней вдруг оказалась полосатая?

— Так что же, Нив? — настаивал Майлс.

— Возможно, и ничего. Я только удивляюсь, что она надела эту блузку, совсем не подходящую к ансамблю.

— Но ты ведь сама в полиции сказала, что узнала костюм? Назвала модельера?

— Ну да! Гордон Стойбер. Ансамбль из его мастерской.

— Э... извини, до меня что-то не доходит. — Майлс старательно прятал раздражение.

— А мне кажется, я поняла. — Китти подлила Нив дымящегося чая. — Выпейте! — приказала она. — Что-то вы совсем бледненькая. — Она взглянула на Майлса в упор. — По-моему, Нив старается сказать, что сама Этель не выбрала бы эту блузку.

— Да! Ни за что! — подтвердила Нив и встретилась с недоверчивыми глазами Майлса. — Наверное, ее тело после убийства переносили. Есть ли способ установить, переодевали ее после смерти или нет?

Дуглас, конечно же, понимал, отдел по расследованию убийств непременно возьмет ордер на обыск квартиры Этель. Но все равно растерялся, когда они явились. На квартиру обрушилась команда из четырех детективов. Он смотрел, как они опыляют порошком поверхности, пылесосят коврики, полы и мебель, тщательно запечатывают и помечают пластиковые пакеты, в которые собирали пыль, нитки, всякие крупицы мусора. Сейчас детективы рылись на столе Этель. Один раскрыл папку с наклейкой "Важные бумаги". Завещание. Дуг никак не мог решить, признаться, что читал завещание, или отпереться. Детектив, закончив читать, обернулся к нему.

— Завещание вам знакомо?

— Нет. Это бумаги моей тети.

— Она с вами своего завещания не обсуждала?

— Она часто разыгрывала меня. — Дуглас ухитрился изобразить горестную улыбку. — Говорила, что если завещает мне хотя бы свои алименты, я буду обеспечен до конца жизни.

— Стало быть, вам было неизвестно, что она оставляет вам весьма значительное состояние?

— И не думал, что у тети Этель водятся большие деньги. Она ведь выкупила эту квартиру. Наверняка недешево стоило. Тетя неплохо зарабатывала как журналистка, но особо крупных гонораров не получала никогда.

— Значит, тетя ваша была на редкость экономной. — Завещание детектив держал за самые краешки, пальцами в перчатках. Пока Дуглас недоуменно пялился, детектив окликнул техэксперта: — Посыпь-ка бумажку порошочком!

Через пять минут руки Дуга нервно подергивались на коленках. Он подтвердил, что знал о стодолларовых купюрах, которые детективы обнаружили в потайных местечках, но еще через пять минут рьяно отрицал все. Стارаясь отвлечь их от этой темы, пустился рассказывать, что до вчерашнего дня не отвечал на телефонные звонки.

— Почему же? — Обыском заправлял О'Брайен.

— Этель была такой чудачкой. Я раз поднял телефонную трубку, когда сидел у нее в гостях, так она мне чуть голову не отгрызла: не мое дело, кто ей звонит! Но вчера я вдруг подумал, может, это дозванивается она. И начал отвечать на звонки.

— А на работу она могла вам позвонить?

— Это я как-то упустил из виду...

— И первым же звонком, на который вы ответили, оказалась угроза. Мистер Браун, вы собираетесь оставаться в этой квартире?

— Да.

— Завтра мы приедем с мисс Нив Кирни. Она осмотрит шкаф мисс Ламбстон, проверит, что пропало из одежды. Возможно, мы захотим побеседовать с вами еще. Будьте дома. Возможно, попросим вас заехать в участок. Мы дадим вам знать.

Уходя, они забрали пластиковые пакеты со всем содержимым из пылесоса, завещание Этель, ее ежедневник и маленький восточный коврик. Когда дверь за ними уже закрывалась, Дуг услышал:

— Как бы ни усердствовал преступник, кровь с ковра до конца не отмыть никогда!

Тони Витали по-прежнему лежал в палате интенсивной терапии госпиталя Сен-Винсент. И все в том же критическом состоянии.

Весь перебинтованный — бинты закрывали раны на голове и плече, на груди и на ногах; из капельницы капало в вены лекарство, электронные мониторы отражали малейшие изменения его физического состояния. С пластиковыми трубками в носу, Тони переплы whole из состояния комы в короткие минуты сознания. В памяти мелькали последние мгновения перед погружением во тьму. Буравят глазки Ники Сепетти. Тони понял, Ники заподозрил — он подсадная утка. Следовало сразу же ехать в участок, а не задерживаться, чтобы позвонить по телефону.

И снова Тони соскользнул в черноту.

Когда он опять с трудом выбрался из нее, то услышал слова врача.

— С каждым днем ему немного лучше.
С каждым днем?! Сколько же он лежит тут? Тони попытался заговорить, но из горла не вылетело ни звука.

Ники заорал, бахнул кулаком по столу и приказал отменить заказ на дочку Кирни. Джои огрызнулся — такое невозможно!

Тогда Ники потребовал сказать, кто заказал убийство. “Парня одного припекло, — пустился в объяснения Джои. — Сделки его порушили, теперь на хвост ему село ФБР...” И Джои назвал имя.

В очередной раз соскальзывая в темную пропасть комы, Тони вспомнил его.

Гордон Стойбер!

В двадцатом участке на Вэст 82 ждал Симус. С мокрым от пота бледным лицом, стараясь не забыть наставлений Рут, как отвечать на полицейские вопросы.

Лишь через полчаса вошли два детектива. Следом — стенографистка из суда. Она опустилась на стул рядом с Симусом. Обернувшись, он наблюдал, как она устанавливает на коленях стенографическую машинку.

Детектива постарше звали О’Брайен. Он назвался сам и назвал своего напарника — Стив Гомез.

— Мистер Ламбстон, я обязан сообщить вам, вы являетесь подозреваемым в убийстве вашей бывшей жены Этель Ламбстон.

Этель умерла. Конец алиментным чекам. И он, и Рут, и девочки освободились, наконец, от удавки. Или удавка затянулась еще туже? Он видел, как тянутся к нему руки Этель, вспомнил, как она взглянула на него, когда падала. Как, с трудом поднявшись, попыталась схватить кинжал. Ощущал липкость ее крови на своих руках.

Что там говорит детектив так дружелюбно и приветливо?

— Мистер Ламбстон, вы поссорились со своей бывшей женой. Она до бешенства вас довела. Алименты разоряли вас. Порой обстоятельства становятся невыносимыми. И человек взрывается. Так случилось и с вами?

Уронив голову на стол, Симус заплакал. Рыдания сотрясали все его тело.

— Я хочу адвоката!

Два часа спустя появился Роберт Лейн, пятидесятилетний адвокат, которого Рут удалось отловить после лихорадочных поисков.

— Вы предъявляете моему клиенту официальное обвинение? — спросил он.

О’Брайен кинул на него кислый взгляд.

— Нет. Пока нет.

— Значит, мистер Ламбстон свободен?

— Да, — вздохнул детектив.

Симус не сомневался — его арестуют. Не смея верить ушам, он, опервшись о стол, тяжело поднялся со стула. Роберт Лейн, взяв его под локоть, вывел из комнаты. Симус услышал, как тот попросил:

— Мне нужен протокол заявления моего клиента.

— Получите. — Детектив Гомез, выждав, пока за ними закрылась дверь, повернулся к напарнику: — С радостью засадил бы этого типа под замок!

— Терпение, — ухмыльнулся О'Брайен. — Подождем результатов из лаборатории. Проверим все передвижения Ламбстона в четверг и пятницу. Но желаешь поставить на верняк, делай ставку на обвинение против Симуса от большого жюри. Мы его непременно получим. Еще и кайфа не успеет словить от прекращения выплаты алиментов!

Когда Нив, Майлс и Джек вернулись домой, на автоответчике ждало сообщение с просьбой позвонить полицейскому комиссару Шварцу в его офис.

Разговор Майлса с ним оказался коротким. Кладя трубку, Майлс сообщил:

— Похоже на то, что все закончилось. Как только они привезли бывшего муженька в полицию и принялись допрашивать, тот разрыдался как дитя и потребовал адвоката. Теперь только вопрос времени — пока они соберут достоверные улики против него для предъявления обвинения.

— Значит, он еще не признался? — заметила Нив.

— Я же сказал — это вопрос времени, — недовольно буркнул Майлс. — Процент убийств, причина которых домашние ссоры, чудовищен. И не воображай, будто у убийц избыток мозгов. Действуют они чаще всего импульсивно. Срываются внезапно. А потом стараются замести следы. Ты слышала, я повторял снова и снова: “Каждый убийца оставляет свою визитную карточку...”

— Если действительно так, любопытно бы узнать, комиссар, какую визитную карточку оставил убийца Этель?

— Синяк на подбородке жертвы. Ты не видела отчета по аутопсии, а я видел. Подростком Симус Ламбстон был призером “Золотой перчатки”. Челюсть у Этель едва не сломана. Последует ли признание, или нет, я бы стал искать человека, занимавшегося в прошлом боксом.

Джек сидел на кожаной кушетке, потягивая “Чивас Ригал”, и не вмешивался в спор Нив с отцом. Сопровождать их в окружную прокуратуру Рокленда он напросился по одной простой причине: ему хотелось провести день рядом с Нив. После утренней пробежки он поехал к себе, принял душ, переоделся и направился в Манхэттенскую библиотеку. Там на микрофильме прочитал газеты семнадцатилетней давности. Заголовки кричали: “Жена комиссара полиции убита в Центральном

парке!». Джек внимательно вник в детали, рассмотрел фотографии похоронной процессии, следующей от собора св. Патрика. Нив, десятилетняя, в темном пальтишке и шляпке-капоре, маленькая ручка утонула в ладони Майлса, глаза блестят от слез. Лицо Майлса словно высечено из гранита. Колонна полисменов, ряд за рядом. Казалось, они растянулись по всей Пятой авеню. Редакционные статьи связывали убийство жены комиссара с осужденным мафиози Ники Сепетти, которого похоронили сегодня утром. Старые статьи бурлили рассуждениями и домыслами — приказывал или нет Сепетти, заключенный в тюрьму, убить также и Нив. Нив рассказывала Джеку, как страшился ее отец выхода Ники из тюрьмы, боясь за нее. Она считает, смерть Сепетти освободила Майлса от навязчивых страхов.

— Тогда почему и я боюсь за тебя, Нив? — недоумевал про себя Джек.

Когда такси подкатило к Шваб-хаусу, швейцар распахнул дверь — Нив вышла, а Майлс замешкался, дожидаясь сдачи у таксиста. Зайдя обратно в дом, швейцар встал у входа в вестибюль. Нив, отойдя от машины, подняла голову, любуясь звездами.

Через дорогу напротив сидел, подпиная стену, Денни Адлер, пустая винная бутылка в руках, голова свалилась на грудь. Прищуренными глазами он наблюдал за Нив. Сейчас... Пальцы тронули курок, но тут справа распахнулась дверь. Из дома вывалилась старушка, ведя на поводке пуделька. Пудель подскочил к Денни.

— Не бойтесь мою Хани Би, — просююкала старуха. — Она у меня такая милашечка! Хани Би обожает, когда ее ласкают! Хоть бы и чужие. — Старуха бросила четвертак на колени Денни. — Вот вам маленькая помощь.

9

Воскресным утром позвонил детектив О'Брайен и попросил Нив.

— Зачем она вам? — резко осведомился Майлс.

— Хотели потолковать с девушкой, которая убиралась у Ламбстон на той неделе, сэр. У вашей дочери есть ее телефон?

— О, это просто! — непонятно почему, Майлс почувствовал облегчение. — Спрошу сейчас.

Через пять минут позвонила Тсе-Тсе.

— Нив, представляешь, я стала свидетельницей! — Тсе-Тсе задыхалась от возбуждения. — Можно мне встретиться с ними у тебя на квартире в полвторого? А потом мы вместе пойдем в Сен Пол.

Нив улыбнулась в трубку.

— Разумеется, можно. Жду тебя.

В половине четвертого Майлс, Нив, Джек и Тсе-Тсе вошли в квартиру Этель. Дуглас сидел на диване, теребя руки на коленях. На вошедших он взглянул недружелюбно. Детективы О'Брайен и Гомез сидели напротив с блокнотами наготове.

— Мне ужасно жаль вашу тетю, — тихо проговорила Нив. — Она мне очень нравилась.

— Значит, вы одна из немногих, — резко огрызнулся Дуг и встал.

— Пусть мисс Кирни составит список одежды, исчезнувшей из шкафа. А ты оглядишь повнимательнее, пропало ли что в квартире, — обратился к Тсе-Тсе О'Брайен.

— Пройди с Нив, — шепнул Майлс Джеку, — будешь записывать.

— Ну что ж, подскажи, с чего начинать, — попросил Джек, когда они с Нив подошли к шкафу.

Нив протянула ему папку с копиями счетов Этель.

— Давай начнем с последних ее покупок.

Она вытаскивала новенькие наряды, которых Этель так и не довелось надеть, складывала их на кровать. Нырнула в шкаф поглубже, перебрасывая Джеку платья и костюмы. Скоро стало очевидно: вся исчезнувшая одежда только для холодной погоды.

— Итак, это исключает предположение, будто Этель планировала отправиться на Карибские острова и специально не захватила шубки, — пробормотала Нив не то себе, не то Джеку. — Но может, Майлс и прав. Белой блузки, которую она надевала с костюмом, нет нигде. Возможно, действительно в чистке... Э... минутку! — Она забралась в самую глубину шкафа и вытянула вешалку, зажатую между двух джемперов. С белой шелковой блузкой! Воротничок-жабо, рукава, отделанные кружевами... — Вот ее-то я и искала! Почему же Этель надела не ее? А если выбрала другую, отчего не упаковала в чемодан и эту?

Нив переписала заметки Джека, составляя точный список исчезнувшей из шкафа одежды.

Вернувшись в гостиную, они застали Тсе-Тсе за просмотром почты на письменном столе.

— А его здесь нет, — произнесла девушка.

— Чего именно? — вскинулся О'Брайен.

— У Этель был антикварный кинжал для открывания писем. Индийский. А на рукоятке узор. Золотенький такой, с красным.

Нив показалось, что детектив О'Брайен внезапно стал похож на охотничью собаку, взявшую след.

— А когда ты видела кинжал последний раз? Помнишь?

— Конечно же! Он лежал на столе. На прошлой неделе, когда я убиралась тут. И во вторник, и в четверг.

О'Брайен обернулся на Дуга.

— Вчера, когда мы снимали отпечатки пальцев, кинжала не было. Где бы мы могли найти его?

Дуглас сглотнул. Постарался принять вид глубоко задумавшегося человека. В пятницу кинжал лежал на месте. В квартиру никто не заходил, кроме Рут Ламбстон.

Рут Ламбстон. Она грозилась рассказать полиции, что Этель намеревалась лишить его наследства. Но он уже сказал копам, что деньги, якобы украденные им, Этель всегда находила. Блестящая, кстати, придумка!

О'Брайен повторил вопрос, на этот раз весьма напористо.

— В пятницу сюда заходила Рут Ламбстон. Забрала обратно письмо, которое Симус оставлял для Этель. Грозилась, если я пророню хоть словечко о Симусе, рассказать полиции, будто Этель злилась на меня. Когда она зашла, кинжал для бумаг лежал здесь. Я на минутку отлучился в спальню. Она оставалась в гостиной. С пятницы кинжал мне не попадался. Вот и поинтересуйтесь у нее, чего ей вздумалось стащить его.

Так как понедельник — выходной у Денни, его отсутствие в кулинарке подозрений не вызовет, но неплохо бы запастись еще и алиби: весь день он провалялся в постели.

— У меня грипп, что ли, — промямлил он равнодушному клерку в вестибюле меблирашек. Большой Чарли вчера звонил ему сюда. «Кончай с ней. Срочно. Не то другого, поповорнее, найдем. Заказ пора выполнить!» Денни понимал скрытый смысл этих слов. Его в живых не оставят тоже.

Он тщательно упаковал лохмотья, в которых «пас» Нив. Никогда не знаешь: может, у какого швейцара Шваб-хауса зоркий глаз, и он сумеет описать субъекта, ошивавшегося у дома напротив. Да хоть та старая приставала с шавкой. Старуха прекрасно рассмотрела его. Денни не сомневался: когда найдут труп дочки бывшего комиссара полиции, копы весь город на рога поставят, раздobyвая улики. Тряпье он выкинет в ближайший мусорный бак. Легко и просто. Самое заковыристое — «вести» Кирни от ее магазина до Седьмой авеню. Но Денни уже кое-что изобрел. У него есть новенький серый костюм, парик с торчащими пиками волос — стиль «панк», и огромные, как у космонавта, очки. В таком прикиде он будет точь-в-точь рассыльный — из тех, что носятся по городу на мотоциклах, сшибая прохожих. Прихватит еще пакет побольше и пристроится караулить Нив на другой стороне улицы. Может, она на такси поедет в квартал Готового платья. Так последует за ней тоже на такси. Наплется водителю, будто мотоцикл у него стащили, а леди срочно требуются бумаги, которые с ним послали.

Собственными ушами подслушал он, как Нив Кирни договаривалась о встрече на полвторого с одной из тех богатеньких баб, которые кучу баксов на тряпки вышвыривают.

Однако всегда следует оставлять зазор на неувязку. Засаду напротив магазина он устроит не в полторого, а чуть пораньше.

Продумав все в деталях, Денни запихнул узел с тряпьем в просевшую кровать. Ну и трущоба, скривился он, окидывая взглядом комнатушку. Тараканы кишат. Вонища. Вместо бюро приспособлен ящик из-под апельсинов. Когда выполнит заказ и получит остаток — еще десять тысяч, дотерпит здесь до конца условного срока, а там смоется: ищи ветра в поле!

До самого обеда Денни мотался в туалет, жалуясь, что болеет, всем и каждому. В полдень постучалась ведьма-соседка и протянула чашку пойла и засохший рогалик. В туалете Денни стоял за закрытой дверью, стараясь не вдыхать ядовитых испарений и заставляя других томиться, пока соседи не начинали ворчать.

Без четверти час он, шаркая ногами, выполз в очередной раз из туалета, сообщив старому пьячуге:

— Вроде полегчало. Пойду-ка сосну.

Комната его находилась на втором этаже и выходила в проулок. Ниже, над первым этажом, выступал козырек. Денни облачился в серый спортивный костюм, напялил панковский патрик и нацепил очки. Сбросив узел с тряпьем в окно, сиганул на козырек сам.

Тряпье он запихал поглубже в мусорный бак, кишевший крысами, доехал на метро до Лексингтона и 86-й, купил там на лотке большой пакет и цветные карандаши. Крупно надписал на пакете "Срочно". И наконец встал на вахту против "Дома Нив".

В 10:00 утра в понедельник корейский грузовой самолет, рейс "711", заходил на посадку в аэропорту Кеннеди. Грузовики от "Гордон Стойбер Текстайл" уже стояли в ожидании: забрать ящики с платьями и спортивными нарядами и перевезти на склады, не значившиеся ни в одних документах компании.

Но ждали не они одни, ждали груз и полицейские.

Описав круг, самолет приземлился, затормозив перед ангарам. Минута — и летное поле кишмя кишело федеральными агентами.

Через десять минут вскрыли первый ящик. Вспороли швы элегантного льняного пиджака — и чистый, беспримесный геройин хлынул в пластиковый мешок, подставленный шефом оперативников.

— Господи! — благоговейно выдохнул он. — Да в одном этом ящике не меньше чем на два миллиона баксов! Распорядитесь, пусть Стойбера немедленно арестуют!

В 10:40 федеральные агенты ворвались в офис Гордона Стойбера. Его секретарша попыталась было преградить им путь, но ее решительно отодвинули. Стойбер апатично наблюдал, как

зашелкиваются у него на запястьях наручники. Внутренне же он кипел яростью, смертельной, бешеною. И мишенью ее была Нив.

Когда его выводили, он, приостановившись, велел рыдающей секретарше:

— Мэй, отмените, пожалуйста, все назначенные встречи. Не забудьте!

Выражение ее лица сказали — она поняла. И ни за что не проговорится, как две недели назад, в среду вечером, в офис к нему ворвалась Этель Ламбстон и крикнула — теперь ей все известно о его делишках!

10

Дуглас Браун воскресной ночью спал плохо, беспокойно крутясь на тонких перкалевых простынях Этель: ему снились обрывочные кошмары. Этель наливают бокал "Дом Периньон" в "Сан Доменико": "За Симуса-червяка!" Этель холодно интересуется у него: "И сколько же всего ты стащил у меня за это время?" Наплывали новые: полиция приходит арестовывать его.

В 10 утра в понедельник позвонили из медэкспертной лаборатории полицейского участка Рокленда. Как ближайшего родственника, Дуга спрашивали, когда он планирует похороны Этель Ламбстон. Племянником Дуг постарался прикинуться очень заботливым.

— Тетя выражала желание, чтобы ее кремировали. Не подскажете, куда обратиться?

Этель, правда, как-то обронила, чтобы похоронили ее рядом с родителями в Огайо, но гораздо дешевле обойдется послать урну с прахом, чем гроб.

Ему называли морг. Женщина, взявшая трубку, говорила с ним сердечно и участливо: спросила, какие у него финансовые возможности. Дуг обещал перезвонить и позвонил бухгалтеру Этель. Бухгалтерша уезжала на долгий уик-энд и только что услышала печальную новость.

— Я подписывала как свидетельница завещание мисс Ламбстон, — сказала она. — У меня есть копия. Она очень вас любила.

— И я ее любил. — Дуг положил трубку. Не сразу привыкешь к тому, что богат. Богат по его меркам, во всяком случае.

Визит копов он инстинктивно предугадывал, но все равно, когда раздался отрывистый стук в дверь и приглашение проехать в участок на допрос, разнервничался.

От первого, брошенного вскользь О'Брайеном вопроса, его прошиб холодный пот.

— В прошлый четверг вы заходили в банк и сняли со счета четыреста долларов. Деньги попросили дать сотенными. Отрицать нет смысла. Мы проверили. Это те самые купюры, кото-

рые мы обнаружили в квартире? Верно, Дуг? Зачем же вы подбросили их, если, как утверждаете, ваша тетя всегда потом находила деньги, в краже которых вас обвиняла?

Одеваясь на работу, Нив выбрала бледно-розовый с серым костюм от Шанель, с золотыми пуговицами, серые кожаные "лодочки" и сумочку на длинном ремне. Волосы забрала гладким узлом.

— Очень красиво, — одобрительно кивнул Майлс. — Мне нравится. Лучше, чем твоя субботняя "шахматная доска". Должен признать, вкус к одежде у тебя мамин.

— Похвала от сэра Хьюберта — великое дело! — У дверей Нив замешкалась. — Комиссар, сделай мне одолжение, спроси медэксперта, имеется ли вероятность, что Этель переодели уже после смерти?

— Я про это и не подумал.

— Так подумай, пожалуйста. И даже если не согласен, спроси ради меня. Последним, кто видел Этель живой, был ее бывший муж Симус. Случилось это в четверг днем. Может кто-то спросить у него, в чем она была? Спорю, в пестром шерстянном платье-кафтане. Дома она из него не вылезала. Кафтана в ее шкафу нет. В поездки Этель никогда его с собой не брала. Майлс, нечего на меня так смотреть! Я знаю, что говорю! Я считаю, Симус, или кто-то другой, убил Этель, когда она была в этом кафтане. А потом ее переодели!

— И твой вывод?

— А вывод — если Этель переодели после убийства, то убийца никак не может быть ее бывший муж. Ты же знаешь, как они с женой одеваются! В моде смысят не больше, чем я в устройстве космического "Шатла". С другой стороны, существует подлец и мерзавец Стойбер. Этот чисто интуитивно выбрал бы костюм своей фирмы и одел Этель в блузку, первоначально входившую в ансамбль. Сам же вечно твердишь — убийца всегда оставляет визитную карточку.

Адвокаты Питера Кеннеди частенько спрашивали, не родственник ли он тем самым Кеннеди. Он и правда очень походил на покойного Президента. Было ему чуть за 50, волосы скорее рыжие, чем седые, квадратное волевое лицо, высокий и крепкий.

Сейчас он принимал у себя в офисе супругов Ламбстонов и недоверчиво слушал, отмечая, какие напряженные, уставшие лица у посетителей. Иногда перебивал вопросом-другим.

— Итак, мистер Ламбстон, вы ударили бывшую жену так сильно, что она упала. Но, поднявшись, схватила кинжал для бумаг, а вы стали его вырывать, и ей оцарапало щеку?

— Этель поняла, я на грани убийства.

— На грани?..

— Да, — тихо выдавил, стыдясь самого себя, Симус. — Ну то есть, на секунду я почувствовал — если б мой удар действительно убил ее, я бы обрадовался. Она двадцать с лишним лет превращала мою жизнь в ад. Но когда Этель поднялась с пола, я вдруг осознал, что могло случиться. Она же здорово перепугалась и буркнула — я могу забыть об алиментах.

— И тогда...

— Я ушел. Отправился в бар. После — домой. Напился, и уже все выходные не просыпался. Я знал Этель. Подать на меня в суд за нападение ей раз плюнуть. Три раза уж пыталась засадить меня в тюрьму, стоило с алиментами чуть запоздать.

— После четверга вы больше не видели Этель Ламбстон? Не разговаривали с ней?

— Нет. Не видел и не разговаривал.

Он мне не все рассказал, заключил Пит, но для начала достаточно. Давить на него сейчас будет ошибкой. Пит повернулся к Рут, та сидела рядом с мужем, натянутая как струна. Взгляд настороженный. Пит понял: Рут опасается, не слишком ли в большие откровения пустился ее муж.

— Возможно ли, что Симусу предъявят обвинение в нападении, или, как это называется, за то, что ударил Этель? — спросила она.

— Этель Ламбстон нет в живых. Она обвинения не выдвигает. Формально может, разумеется, полиция. Помочь я могу только в том случае, если вы расскажете мне всю правду. Вы же, я вижу, прикидываете — сообщать мне все, или что-то утаить.

Под взглядами мужа и адвоката Рут выдавила:

— По-моему, я выбросила орудие убийства...

Энтони делла Салва, окруженный хлопочущими помощниками, трудился над завершающими штрихами новой своей коллекции, показ которой намечался на следующей неделе. Коллекция удалась. Новый паренек, которого он нанял сразу после окончания Института мод, оказался гением. “Ты — новый делла Салва!” — Наивысшая похвала Сола. Роджет, узконогий, с прямыми волосами, невысокий, тихонько пробормотал в ответ: “Или будущий Майнбокер!” Но ослепительную улыбку Солу тоже послал. Еще год-два, и он накопит денег на собственную фирму.

В полчетвертого Сол услышал новость про Гордона Стойбера. Он немедля перезвонил Майлсу.

— Ты знал, что надвигается такое?

— Нет! Мне не докладывают обо всем, что происходит в полиции на Плаза. — От удрученного тона Сола с новой силой вспыхнуло тревожное предчувствие, преследовавшее Майлса весь день.

— Так, может, стоило бы узнать! Слушай, Майлс, нам все известно — у Стойбера связи с мафией. Одно дело, что Нив спу-

стила на него собак из-за работниц без зеленой карты. И совсем иной оборот, когда она вдруг косвенно стала причастна к изъятию у него наркотиков. На сто миллионов долларов!

— Сто миллионов! Такой цифры я не слыхал...

— Ну так включи радио! Моя секретарша только что слышала. Я о чем — может, стоит нанять для Нив телохранителя? Береги ее! Нив, ясное дело, твоя дочка, но и я претендую на участие.

— Претензия принята. Подумаю. Переговорю с ребятами из центральной полиции. Я только что пытался дозвониться до Нив, но она уже уехала. Сегодня ведь день закупок товара. К тебе она заедет?

— Обычно заканчивает обход магазинов моим... и она знает — ей первой я хотел показать свою новую коллекцию. Ей понравится.

— Попроси, как только придет, пусть позвонит мне.

— Обязательно. До встречи, дружище!

В 2:00 Симус и Рут снова пришли в офис Пита Кеннеди проходить тест на детекторе лжи. Как Пит им объяснил: “Если согласитесь, думаю, сумею убедить их не возбуждать обвинения в нападении и препятствии правосудию, если дойдет до суда”.

Два часа ожидания перед новым визитом Рут с Симусом скротали в маленькой кафешке — съели ланч. До сэндвичей оба едва дотронулись, но заказали еще по чашке кофе. Молчание нарушил Симус.

— Ну, как тебе этот адвокат?

Рут не смотрела на него.

— По-моему, он нам не верит. Но если ты говоришь правду, то поступили мы правильно.

Тест напомнил Рут снятие электрокардиограммы. Разница — эти проводки проверяли другие импульсы. Эксперт выглядел безразличным, но вежливым. Поинтересовался возрастом Рут, где работает, ее семьей. Рассказывая о девочках, она чуть расслабилась, в голове зазвенели нотки гордости.

— Марси... Линда... Дженнин...

Затем посыпались вопросы о посещении квартиры Этель: как она порвала чек, затем стащила кинжалчик, как принесла домой, чем мыла, куда выбросила.

Когда тест был закончен, Кеннеди попросил ее подождать в приемной и прислать Симуса. Следующие сорок пять минут Рут просидела, очумевшая от страха. “Мы потеряли контроль над нашей жизнью. Другие будут решать — идти нам на суд или нет. Посадить нас в тюрьму или нет...”

Наконец дверь из коридора, ведущего в личный кабинет Кеннеди, открылась, появившийся адвокат улыбался тепло, дружелюбно.

— Входите, пожалуйста, миссис Ламбстон. Все прошло великолепно.

Когда эксперт ушел, Кеннеди выложил карточки на стол.

— Обычно расшифровываю я их не сразу. Но учитывая ваше беспокойство о дочках... Чем дольше средства массовой информации будут называть Симуса подозреваемым, тем хуже это скажется на них. Предлагаю, я сразу же свяжусь с отделом по расследованию убийств и потребую немедленного теста на детекторе. Это очистит атмосферу от всех инсинуаций, столь мучительных для вас. Однако для того, чтобы добиться разрешения на немедленный тест, вы должны согласиться на условие — если суд состоится, то не станете возражать против использования результатов на процессе. Думаю, в таком случае они пойдут нам навстречу. Надеюсь также убедить их отказаться от других вероятных обвинений.

— Ладно, давайте попробуем, — согласился Симус.

— Сейчас 3 часа. Возможно, успеем еще сегодня. — Кеннеди встал. — Пожалуйста, подождите в приемной, пока я с ними переговорю.

Появился он полчаса спустя.

— Договорились. Пойдемте.

В понедельник торговля, как правило, идет вяло, но, как заметила Нив Юджинии: "Наш магазин — всегда исключение". С момента, как она отперла дверь в половине десятого, покупатели шли и шли. Майлс пересказал ей тревоги Сола: как бы магазин не приобрел дурной славы из-за убийства Этель. Однако проработав без передышки почти до двенадцати, Нив сухо констатировала:

— Большинство дам явно не возражают, если смерть настигнет их в костюме из "Дома Нив", — и прибавила: — Позвони, пусть принесут кофе и сэндвичи, о'кей?

Когда заказ был доставлен, Нив, подняв глаза от бумаг, вздернула брови:

— О, а я думала Денни принесет. Он не уволился, а?

Рассыльный, долговязый 19-летний юнец, плюхнул запакованный поднос на стол.

— В понедельник у него выходной.

Дверь за ним закрылась, и Нив проронила:

— От этого учтивого обхождения не дождешься.

Несколько минут спустя позвонил Джек.

— С тобой все нормально?

— Разумеется. И не просто нормально. Я процветаю! Торговля сегодня идет весьма бойко.

— Может, и меня поддержишь? Встречаюсь за ланчем с агентом, который явно не придет в восторг от моего решения. Нив, запиши телефон. Это "Четыре Сезона". Потребуюсь тебе, ближайшие два часа я там.

— А я как раз намерена наброситься на сэндвич с тунцом. Притащи мне пакет, объедки собачкам положу.

— Нив, я серьезно.

— Джек, у меня все превосходно. Побереги аппетит до обеда. Он состоится у нас часов в шесть-семь. Я тебе позвоню.

— Издатель, я полагаю. — Юджиния смотрела критически.

— Угу. — Не успела Нив откусить кусок, как телефон затрещал снова. Звонил детектив Гомез.

— Мисс Кирни, я изучаю посмертное фото погибшей Ламбстон. Вы высказывали предположение, что после убийства ее переодели?

— Да. — Горло Нив перехватило, и она оттолкнула сэндвич, чувствуя на себе взгляд Юджинии.

— Помня об этом, я попросил сделать крупные планы. Исследования еще не закончены, и мы знаем — труп передвигали. Так что судить наверняка, правы вы или нет, пока что трудно. Однако скажите: вышла бы Этель Ламбстон из дома со спущенной петлей на колготках?

— Ни за что!

— И я так подумал, — согласился Гомез. — В отчете экспертов написано — нейлон зацепился за ноготь большого пальца ноги. Значит, петля побежала, когда колготки надевали. Стало быть, одевайся Этель сама, то не вышла бы на улицу в порваных колготках. Мне бы хотелось обсудить все с вами подробнее в ближайшие день-два. Вы будете у себя?

Кладя трубку, Нив вспомнила, что говорила Майлсу утром. По ее личному убеждению, Симус Ламбстон, при полнейшем отсутствии у него чувства моды, не мог одеть истекающую кровью мертвую женщину, а вот Гордон Стойбер автоматически выбрал бы блузку, входившую в ансамбль-тройку.

В кабинет ворвалась секретарша.

— Нив! Миссис Пот пришла! — отрывистым шепотом сообщила она. — И, Нив, ты знаешь, Стойбера арестовали!

Стараясь сохранять спокойную доброжелательную улыбку, Нив помогла богатой клиентке выбрать три вечерних платья от Адолфо, ценой около шести тысяч долларов за каждое; два костюма от Донны Каан, один — за 1500 долларов, другой — за 2200; туфли без каблуков, еще одни на каблуках, и сумочки. От драгоценностей миссис Пот — эффектнейшая шикарная дама за шестьдесят — отказалась.

— Прелестные, но я предпочитаю свои — настоящие.

Нив проводила миссис Пот к ее лимузину, нахально припаркованному перед входом в магазин. Мэдисон-авеню кишела покупателями и гуляющими. Все наслаждались солнечным светом, согреваясь после необычайно холодной погоды. Возвращаясь в магазин, Нив заметила человека в сером спортивном костюме, привалившегося к стенке дома напротив. Что-то в нем мелькнуло знакомое, но она тут же отбросила всякие мысли о

нем, торопясь обратно к себе в кабинет. Подкрасив губы, потянулась за плоской сумочкой.

— Приглядывай за порядком! — велела она Юджинии. — Сегодня я уже не вернусь, так что запирать придется тебе. — И зашагала к выходу.

Секретарша уже вызвала такси. Нив быстро забралась в машину, обратив внимание, что человек в сером спортивном костюме с дикой прической панка тоже машет, подзываю такси.

Снова и снова Дуг отвечал на одни и те же вопросы, поставленные по-разному. Точное время, когда он приехал к Этель. Его решение перебраться к ней в квартиру. Телефонный звонок с угрозами Этель — “пусть только попробует не отпустить Симуса с крючка”. Тот факт, что в квартире он жил с пятницы 31-го, но целую неделю не отвечал на звонки. А первый же, на который ответил, оказался угрозой. Как так получилось?

Снова и снова Дугу повторяли — у него есть право уйти и не отвечать. Он может вызвать адвоката, может прекратить отвечать на вопросы. Он отказывался: “Мне не нужен адвокат. Мне нечего скрывать”. Дуг объяснял: на звонки не отвечал из-за того, что боялся, вдруг звонит Этель и прикажет ему выметаться. “Насколько мне было известно, уехать она намеревалась на месиц. А мне требовалось где-то перекантоваться”.

Зачем попросил деньги со счета в сотенных купюрах? Зачем рассовал их по тайникам в квартире?

— Ладно, признаюсь. Да. Позаимствовал я сотняжку-другую баксов, из тех, что Этель припрятывала по углам. Ну и вернул обратно, на место.

Нет, о завещании Этель ничего не знал. Однако его отпечатки пальцев на документе обнаружены.

Дуг задергался.

— Разнервничался я, вдруг с Этель что-то случилось. Заглянул в ее ежедневник, вижу — все назначенные встречи после той пятницы, когда мы условились с ней встретиться, она отменила. Мне полегчало немного. Но соседка рассказала, придурок этот, бывший ее муж, здоровово с ней поскандалил. Он заходил в дом еще раз, пока я на работе был. Потом жена его чуть не слишком ворвалась в квартиру и порвала чек на алименты. Я опять растревожился — вдруг что-то все-таки случилось!

— И решили, —sarcastически подхватил детектив О'Брайен, — отвечать на звонки. А первое, что услышали, — угроза убить вашу тетю?

Дуг беспокойно заерзал, стараясь найти позицию поудобнее на деревянном стуле с высокой спинкой.

— Я по горло сыт вашими вопросами! — вырвалось у него. Лицо О'Брайена посувровело.

— Так ступай, Дуги, прогуляйся! Но сначала соизволь ответить еще на один вопрос. Коврик у стола твоей тети был забрызган кровью, кто-то замыкал ее. Очень старательно. Дуг, ты ведь прежде трудился в отделе по чистке мебели и ковров у "Сирса"?

В припадке паники Дуг непроизвольно вскочил, яростно отшвырнув стул — тот опрокинулся.

— Пошли вы на!.. — заорал он, бросаясь к выходу.

Денни пошел на рассчитанный риск, сразу махнув такси, когда Нив садилась в свое. Знал, водилы — народ очень любопытный. Разумнее схватить такси и, запыхавшись, бросить: "Какой-то козел угнал мой мотоцикл! Езжай вон за тем такси, о'кей? Башку мне оторвут, если не передам пакет той девчонке!"

Водитель оказался вьетнамцем. Равнодушно кивнув, ловко пронырнул перед отъезжающим автобусом, и, промчавшись по Мэдисон-авеню, свернул налево на 85-ю-стрит. Денни находился в углу, опустив голову. Ему вовсе не хотелось, чтоб косоглазый рассмотрел его в зеркальце. Но тот только бросил:

— Пороумные! Хоть дермо на рынке загонят, был бы спрос. — Ишь как насобачился по-английски шпарить, кисло отметил про себя Денни.

На Седьмой авеню такси Нив рвануло на светофор, и они упустили его.

— Простите, — расстроился водитель.

Денни знал, Нив скорее всего выйдет в следующем квартале. В таком потоке транспорта ее такси ползком ползти будет.

— Ладно, пускай увольняют. Я старался. — Расплатившись с водителем, Денни двинулся от центра. Искося поглядывая, убедился: такси его тронулось и поехало дальше. Тогда Денни, быстро сменив маршрут, бегом метнулся с Седьмой авеню на 36-ю.

Как всегда квартал Готового платья бурлил и кипел. Огромные фургоны парковались двойными рядами вдоль тротуара, разгружаясь и создавая заторы. Рассыльные на "роликах" лавировали сквозь толпу пешеходов, развозчики, равно безразличные и к пешеходам, и к машинам, толкали громоздкие стеллажи, забитые одеждой. Надрывались клаксоны. Мужчины и женщины в сверхмодных нарядах энергично шагали, возбужденно переговариваясь, абсолютно не замечая ни прохожих, ни машин.

Лучшего места для удара не найти, удовлетворенно заключил Денни. Посредине квартала он заметил притормозившее такси. Из него появилась Нив. Не успел Денни подойти поближе, как девушка исчезла в здании. Денни занял наблюдательный пост через дорогу, под прикрытием огромных фургонов. "Тебе, Кирни, не модную одежонку, а саван надо заказывать", — пробормотал он про себя.

Тридцатилетний Джим Грин детективом стал недавно. Рекомендацией ему в Полицейском департаменте послужили способность схватывать ситуацию и выбирать правильный курс действий.

Сегодня он выполнял крайне важное, но нудное задание: охранял в больнице Тони Витали. Не из самых захватывающих, прямо сказать, работенка. Лежи Тони в отдельной палате, Джим мог бы нести вахту у дверей. Но в палате интенсивной терапии необходимо было сидеть на посту медсестры.

Был Джим худощавым, росточка самого среднего, и оттого оставался незаметным даже на этом ограниченном пространстве. Через четыре дня медсестры уже относились к нему как к детали пейзажа, ничуть им не мешавшей. И все они рьяно заботились о крутом молодом копе, боровшемся за жизнь на больничной койке.

Джим знал, чтобы быть тайным агентом, храбрость требуется недюжинная. Постоянно вращаться среди хладнокровных убийц, сознавать, что в любой момент твой маскарад могут разоблачить. Знал, как всех пугало, что существует приказ Ники Сепетти убить Нив Кирни, и какое облегчение почувствовали полицейские, когда Тони удалось прошептать: "Ники... нет заказа Нив Кирни..."

Джим нес дежурство, когда зашел полицейский комиссар с Майлсом Кирни. Ему выпал случай пожать руку Кирни. "Легенда Кирни" вполне оправдывал свое прозвище. После убийства жены у него, конечно же, все внутри сжимается при мысли, а вдруг Сепетти организовал охоту и на его dochь?

Так как мать Тони считает, что ее сын пытаются о чем-то сообщить, медсестры получили инструкцию звать Джима всякий раз, когда Тони обретает способность говорить. К его кровати сейчас подошла медсестра, проверить, все ли в порядке. Джимми, внимательно наблюдавший через стекло, быстро метнулся к ней: она махнула ему.

В вену Тони капала глюкоза, а через трубки, прикрепленные к ноздрям, поступал кислород. Губы его зашевелились.

— Произносит свое имя, — решила медсестра.

Джим покачал головой. Наклонясь, приложил ухо к губам Тони и услышал: "Кирни... Ни..."

— Тони, я — коп, — Джим тронул руку Витали. — Ты только что сказал — "Нив Кирни", верно? Сожми мне руку, если я угадал. — Его вознаградило слабое пожатие ладони.

— Тони, — продолжал он, — когда тебя привезли сюда, ты пытался сообщить что-то о заказе. Сейчас ты тоже про него?

— Не тревожь пациента! — запротестовала медсестра.

Джим коротко на нее оглянулся.

— Он — коп. И отличный. Ему, наоборот, полегчает, если сумеет передать информацию. — И повторил вопрос в самое ухо Витали.

Опять его ладони точно перышко коснулось.

— Хорошо. Ты пытаешься сообщить что-то про Нив Кирни и заказ? — Лихорадочно Джимми припоминал слова, произнесенные Витали, когда того привезли в госпиталь. — Ты говорил: “Ники... нет заказа”... Может, то была только часть информации? — Джимма вдруг пронзила пугающая леденящая мысль. — Ты пытался сообщить, что контракт на убийство Нив Кирни заключил не Сепетти? Ее заказал кто-то другой?

Прошла минута, и руку его судорожно сжали.

— Тони! Напрягись! — умолял Джим. — Постарайся! Я внимательно, очень внимательно смотрю на твои губы! Кто заказал ее? Ты знаешь? Скажи!

Тони чудилось, будто вопросы копа эхом прокатываются по туннелю. Он испытывал громадное облегчение, что сумел передать предупреждение. В мозгу у него четко всплыла картина: Джои объясняет Ники — убийство заказал Стойбер. Сил произнести вслух не хватало, но, медленно шевеля губами, Тони сложил “Сту...” и издал звук “...бр”.

Джим пристально смотрел.

— Мне кажется, он старается выговорить “Тру...”

— А мне показалось, — возразила медсестра, — это “Сту... Бер”.

Собрав все силы, прежде чем провалиться в глубокий, лечащий сон, тайный детектив Энтони Витали чуть сжал руку Джима и умудрился еле-еле кивнуть головой.

После того как Дуг Браун выскочил из комнаты, детективы О’Брайен и Гомез обсудили известные им факты дела. Оба согласились, что Браун — поганец и вонючка, рассказы его насквозь фальшивы, и деньги у тетки он, конечно же, воровал. А объяснение, почему не отвечал на телефонные звонки, — вообще наглое вранье. Про телефонную угрозу, скорее всего, выдумал от и до, запаниковав, когда труп Этель обнаружили.

О’Брайен, откинувшись на стуле, попробовал было забросить ноги на стол, его позиция “размыщление за столом”. Но этот оказался слишком высок, и детектив раздосадованно бросил их на пол, бормоча при этом:

— Ламбстон, похоже, здорово разбиралась в людях. Ее бывший муженек — слизняк, племянник — воришко. Но из этих двух мерзавцев, думаю, прикончил ее все-таки бывший муж.

Гомез остро поглядывал на напарника. У него имелись свои соображения, но к ним ему хотелось подвести О’Брайена исподволь.

— Давай предположим — убили ее дома...

О’Брайен согласно кивнул.

— Если вы с мисс Кирни правы, убийца переодел Этель, срезал ярлыки и избавился, предварительно набив одеждой, от ее чемоданов и сумок. Но главное вот в чем. — Гомез решил, что

наступил момент выложить свою версию. — С какой стати Симусу прятать труп? Чтобы выплачивать алименты еще семь лет? Только по счастливой случайности труп обнаружили так быстро. И зачем прятать труп племяннику? Срезать ярлыки, препятствуя опознанию? Если б Этель сгнила там, парню тоже пришлось бы ждать долгих семь лет, прежде чем хапнуть ее денежки. И то после дорогостоящей юридической волокиты. Если бы убил один из этих двоих, в их интересах, наоборот, было, чтобы труп обнаружили как можно быстрее.

— Только не приписывай подонкам больше мозгов, чем у них есть в наличии! — воскликнул О'Брайен. — Потрясем их как следует, помотаем нервы, и, рано или поздно, кто-то из них расколется. Но я по-прежнему ставлю на мужа. Хочешь рискнуть пятеркой и сделать ставку на племянничка?

От необходимости выбора Гомеза избавил телефонный звонок. Полицейский комиссар требовал их обоих к себе. Немедленно.

Полицейский комиссар Херберт Шварц внимательно выслушал их версии. Детектив О'Брайен выступал категорически против предоставления свободы, даже ограниченной, Симусу Ламбстону.

— Сэр, я не сомневаюсь, убийство совершил бывший муж, — почтительно убеждал он Херба. — Не вмешивайтесь пока. Дайте нам три дня, и мы расколем его.

Херб был уже готов согласиться с О'Брайеном, но тут появилась секретарша и попросила его выйти в приемную. Через пять минут Херб вернулся.

— Мне только что сообщили, убийство Нив Кирни заказал Гордон Стойбер. Необходимо немедленно допросить его. Нив подняла шум из-за подпольных мастерских, и это послужило толчком к разоблачению его наркобизнеса. Так что заказ более чем вероятен. Но Этель Ламбстон, возможно, тоже признала о его контрабанде наркотиков. А значит, появляется новая версия — к убийству Ламбстон причастен Стойбер. Мне требуются либо полновесные улики против бывшего мужа, либо полное его исключение из числа подозреваемых. Выполните немедленно просьбу адвоката. Проверьте его на полиграфе.

Час спустя допрашивали в двух отдельных комнатах Гордона Стойбера, который еще не собрал десяти миллионов долларов на залог, и Симуса Ламбстона. Адвокат Стойбера не отходил от клиента, пока О'Брайен сыпал вопросами.

— Вам известно что-либо о заказном убийстве Нив Кирни?

Стойбер, выглядевший, несмотря на несколько проведенных часов в камере предварительного заключения, безупречно, все еще взвешивал серьезность своего положения.

— Вы, разумеется, шутите. Однако идея — шикарная!

В соседней комнате Симус, получив ограниченную свободу, излагал свою версию. Второй раз за день его подключили к де-

тектору лжи. Симус все время напоминал себе — это такой же тест, как первый, первый он выдержал благополучно. Но этот проходил не совсем так же. Суровые недружелюбные лица детективов, клаустрофическая теснота комнаты, мысль о том, что никто не сомневается — Этель убил он. Все вместе нагоняло на него ужас. Подбадривающие замечания адвоката не помогали. Симус был уверен — он совершил ошибку, согласившись на детектор.

Ответы на первые, самые простые вопросы Симус едва промяглил. Когда добрались до его последней встречи с Этель, ему почудилось, что она тут, рядом. Вопросы сыпались беспорядочно.

— Вы ударили Этель Ламбстон?

— Да.

— Она схватила кинжал и попыталась наброситься на вас? И вы убили свою бывшую жену?

— Нет! Нет...

Питер Кеннеди, уже и сам предчувствуя ответ, не нуждался в подтверждениях от детектива О'Брайена. Рисковая затея провалилась. Испытание на детекторе лжи Симус не прошел.

Второй раз за день Херб Шварц вызвал на совещание О'Брайена и Гомеза.

Весь прошедший час его мучили сомнения — извещать Майлса или нет. Если рассказать ему, что Стойбер заказал убийство Нив, этого хватит для нового сердечного приступа.

Господи! Нив Кирни! Нельзя допустить убийства! Ему было 34, и он служил помощником комиссара, когда убили Ренату. До самой смерти Хербу не забыть лица Майлса, когда тот стоял на коленях у трупа жены.

А теперь его дочь...

День выдался нелегким. О'Брайен раздраженно пожал плечами, но под пристальным взглядом комиссара принял почтительный вид и изложил доводы, по-своему веские, подкрепляющие свидетельства против Симуса.

— Он без гроша. Доведен до отчаяния. У него вышла бурнаяссора с женой из-за неуплаты чека за обучение дочери. Он отправляется к Этель, и соседка с четвертого этажа слышит — скандал у них грандиозный. Ни разу за выходные он не заглянул в свой бар. Моррисон-парк знаком ему как собственный задний двор. Пару дней спустя он бросил в ящик письмо для Этель с благодарностью, что освободила его от алиментов. Но в тот же конверт вложил и чек, который вроде бы уже и не должен посыпать. Симус снова пошел в дом забрать его. Он признается, что крепко ударил Этель, порезал ей щеку. Возможно, своей жене признался и в убийстве: иначе зачем та украла орудие убийства и избавилась от него?

— Кинжал нашли? — перебил Шварц.

— Сейчас как раз ищут. И, сэр, последнее — тест на полиграфе Ламбстон провалил.

— Но в конторе адвоката прошел! — возразил Гомез, не глядя на напарника. — Сэр, я говорил с мисс Кирни. Она убеждена — в костюме Этель Ламбстон есть несоответствие. Аутопсия показала — у жертвы порвались колготки при надевании: нейлон зацепился за большой палец ноги, и поползла петля, оставляя широкую "лесенку". Мисс Кирни утверждает, что Ламбстон ни за что не вышла бы на улицу в таком виде. И я с ее мнением совершенно согласен. Модная дама не выскочит в драных колготках, когда переодеться — дело десяти секунд.

— У вас имеется отчет об аутопсии и снимки из морга? — спросил Херб.

— Да, сэр.

Когда достали конверт, Херб принялся изучать снимки. На первом — сначала рука, высунувшаяся из-под земли, потом труп, извлеченный из пещеры, крупный план подбородка Этель с багрово-черным синяком, кровавый порез на щеке.

Херб взял следующий снимок — пространство между подбородком Этель и основанием шеи. Безобразная рана, при виде которой его передернуло. Сколько лет служит в полиции, а его по-прежнему вгоняют в черную тоску свирепые доказательства жестокости одного человека к другому.

Однако приковало его внимание другое — разрез на горле. Длинный вниз и ровная линия от основания горла до левого уха. Рану точно такой же формы он уже видел. Комиссар потянулся к трубке и распорядился доставить из архива нужное ему досье.

Нив быстро поняла: мысли ее заняты совсем не заказом спортивной одежды. Первый ее заход был к "Гарднеру". Шорты и ти-шотки с контрастными свободными курточками смотрелись забавно, хорошего края, пестренькие. Она представила себе витрину своего магазина в июне: сценка на пляже, манекены в этих нарядах. Но, приняв решение, поймала себя на том, что никак не может сосредоточиться на остальной коллекции. Извинившись, договорилась о приходе в следующий понедельник и спешно ушла от чересчур услужливого клерка, желавшего показать ей новые купальники.

Выходя на улицу, Нив увидела человека в сером спортивном костюме с большим конвертом под мышкой, в огромных темных очках и дикой прической панка. Он быстро перебегал дорогу, лавируя между машин, и направлялся прямо к ней. На долю секунды глаза их встретились, и Нив почувствовала — вот он, сигнал тревоги. Мгновенно разболелась голова, и Нив, разозлившись на себя, быстро зашагала дальше.

От попыток убедить Майлса, что блузка, надетая на Этель в момент ее смерти, играет важную роль, она отказалась. Но Сол, конечно же, поймет ее, и Нив решила заглянуть к нему.

Сразу после ланча Джек отправился на редакционное совещание, затянувшееся до полпятого. Вернувшись в офис, постарался сосредоточиться на кипе почты, приготовленной для него Джинни, но бестолку. Чувство непоправимой беды томило его. Что-то он упустил. Но что?

Джинни стояла у дверей в приемную, внимательно глядя на Джека. За тот месяц, что он пробыл президентом в "Дживвонс и Марсе", он ей ужасно понравился, она восхищалась им. Проработав двадцать лет с его предшественником, она боялась, вдруг не сумеет приспособиться к перемене. Но тревоги оказались напрасными. Сейчас, когда Джинни смотрела на него, она поняла: Джек серьезно встревожен. Сцепив руки под подбородком, он уставился на стенку. Лоб нахмурен.

Джинни постучалась в открытую дверь. Джек поднял глаза. Она видела, как постепенно взгляд его фокусируется на ней.

— Вы заняты? — небрежно осведомилась Джинни. — Если так, почта может подождать.

— Нет. — Джек выдавил улыбку. — Все про Этель Ламбстон думаю... Что-то тут неладно. Дай-ка взглянуть еще раз на папку, которую прислала Тони. Может, в черновиках Ламбстон какая зацепка проявится.

В половине шестого Джинни заглянула попрощаться. Джек рассеянно кивнул, все еще занятый пухлым расследованием Этель. На каждого модельера, упомянутого в статье, она составила отдельную справку с биографическими сведениями, ксероксы с десятками статеек и обзоров из газет и журналов: "Таймс", "В", "Каждодневная Одежда Женщин", "Вог", "Харпер Базар".

Исследователем Этель явно была дотошным. Интервью с модельерами усеяны ее пометками "Совсем не то, что говорила для "Вог", "Проверить данные им цифры", "Никогда не получал этой премии", "Попробовать побеседовать с губернанткой, правда ли, что она шила платья для своих кукол..."

Папка содержала с десяток различных вариантов статьи Этель, со вставками и поправками.

Просматривая материалы, Джек наткнулся на имя "Гордон Стойбер". На Этель, когда нашли ее труп, был костюм от Стойбера. Нив все твердит, что блузка, снятая с мертвой Этель, входила в костюм-тройку, но Этель никогда не надевала ее.

Чуть ни по буквке Джек читал материал о Стойбере. Его настораживало — как часто упоминается это имя последние три месяца. В статье Этель благодарила Нив за то, что та ткнула пальцем в Стойбера. В предпоследнем варианте ее статьи не только рассказывалось о разоблачении его подпольных цехов, но упоминались и его проблемы с налогами.

Джинни рассказала Джеку об аресте Стойбера и конфискации наркотиков, перевозимых в его изделиях. Может, Этель уже несколько недель назад раскопала, что Стойбер ввозит ге-

роин в подкладках и швах одежды от импортных поставщиков?

Тогда все увязывается, решил Джек. Увязывается с теорией Нив насчет костюма Этель. Увязывается с "грандиозным скандалом", который сулила Этель.

Джек размышлял, не позвонить ли Майлсу, но потом решил — сначала надо показать папку Нив.

Нив... неужели он действительно знает ее всего шесть дней? Она обещала позвонить от дяди Сола, когда освободится.

Сол... Энтони делла Салва. Знаменитый кутюрье. Следующая стопка вырезок, зарисовок, фасонов была о нем. Поглядывая на телефон, желая, чтоб Нив поскорее позвонила, Джек принял просматривать материалы об Энтони делла Салва. Пухлая подборка иллюстраций коллекции "Тихоокеанского Рифа". Даже мне понятно, почему публике так нравится этот стиль, подумал Джек, хотя я ни черта не смыслю в моде. Наверняка, он и правда талантливый модельер. Джек начал складывать материалы о делла Салва в папку... но внезапно недоуменно нахмурился. Что теребит его? Опять что-то упустил? Он решил просмотреть предпоследний вариант очерка Этель.

Искркан пометками. "Чикаго, "Аквариум" — проверить дату его посещения!" Одну из рецензий на "Тихоокеанский Риф" Этель прикрепила поверх черновика. Рядом перерисован эскиз платья.

Во рту у Джека пересохло. Где-то недавно он уже видел этот набросок... Ну да! На страницах кулинарной книги Ренаты Кирни! В доме у Нив, когда Майлс с гордостью рассказывал о кулинарных способностях своей жены. Книга вся была изрисована пометками и эскизами Ренаты.

И "Аквариум"... "Проверить дату!" Разумеется! Однако необходимо удостовериться! Уже почти шесть. В Чикаго около пяти. Джек торопливо набрал код справочной Чикаго и узнал номер.

Без минуты пять по чикагскому времени нужный номер ответил.

— Пожалуйста, перезвоните директору утром! — бросил нетерпеливый голос.

— Сообщите ему, кто звонит. Он меня знает. Мне необходимо поговорить с ним! Немедленно! И позвольте сказать вам, леди, — если узнаю, что он был на месте, а вы не соединили меня, вас непременно уволят!

— Соединяю, сэр.

— Джек, что случилось? — спросил через минуту недоуменный голос.

Руки у Джека стали липкими от пота. Нив, умолял он, будь осторожнее! Опустив глаза на очерк Этель, он выхватил строчку. "Мы приветствуем делла Салва за создание "Тихоокеанско-

го Рифа!" Имя зачеркнуто и сверху надписано "дизайнера стиля "Тихookeанского Рифа"!"

А после того, как Джек узнал все, что его интересовало, директор "Аквариума" добавил:

— Знаешь, что еще страннее? Ты уже второй, кто справляется у меня об этом за последние две недели! Представь!

— А первый был кто? — Но ответ Джек знал и сам.

— Журналистка одна. Эдит... Нет, Этель... Этель Ламбстон.

Целый день Майлса не отпускало чувство тревоги. Надо успокоиться и поговорить с Нив. Он быстро набрал номер магазина. Трубку взяла Юджиния.

— Комиссар, она только что уехала на Седьмую авеню. Ходите, попробую отыскать ее там?

— Нет, нет! Ничего срочного. Но если вдруг позвонит, передайте, пусть перезвонит мне.

Не успел он положить трубку, как телефон зазвонил. Это был Сол: он тоже тревожился за Нив.

Следующие полчаса Майлс колебался — звонить Хербу Шварцу или нет? Но — с чем? Не так уж важно, что Нив выступит на суде свидетельницей против Стойбера. Суть в том — она ткнула в него пальцем, что дало толчок расследованию. Майлс понимал: изъятие наркотиков на сто миллионов долларов — весьма весомая причина воспылать жаждой мести.

Может, удастся убедить Нив переехать с ним в Вашингтон? — мелькнуло у Майлса. Нет, конечно, идея смехотворная. В Нью-Йорке у Нив своя жизнь, свой бизнес. А сейчас у нее вдбавок появился Джек. Значит, о Вашингтоне надо забыть, решил, расхаживая по кабинету, Майлс. Необходимо остаться здесь и оберегать ее. И нравится ей или нет, но телохранителя он найдет.

Китти он ожидал где-то часов в шесть. В четверть шестого, зайдя в спальню, принял душ в смежной ванной и тщательно выбрал костюм, рубашку и галстук.

Уже давным-давно Майлс открыл для себя — когда возникают мучительные, сложные проблемы, лучше всего успокаивает работа руками. И решил, пока ждет Китти, приладить ручку кофеварки, отвалившуюся у Сола в тот вечер. Он прошел в кухню и долго шарил среди кастрюлок и сковородок, пока, наконец, разыскал кофеварку-«эспрессо», ошпарившую Сола. Притащил к себе в комнату, установил на стол и, вынув ящик с инструментами из шкафа, стал исполнять роль, которую Нив называла «мистер Чинитель».

Через минуту Майлс увидел: причина, из-за которой отвалилась ручка — не расшатанный или сломанный шурп. «Но это же безумие!» — прошептал он, стараясь припомнить, как в точности развивались события в тот вечер, когда Сол обжегся...

Утром в понедельник Китти проснулась с предвкушением, которого не испытывала давным-давно. Храбро отвергнув соблазн подремать еще с полчасика, оделась в спортивный костюм и целый час бегала трусцой по Риджвуд, мысленно распределя дела на сегодняшний день. В полдень она должна быть в музее. Домой вернется в 4. Как раз успеет переодеться и отправиться в центр. Она колебалась — сделать прическу в парикмахерской или не стоит? И решила, сделает сама.

День пробежал быстро. В пять она уже выбирала, какой из двух нарядов надеть: простого покроя черное шерстяное платье с квадратным вырезом — оно подчеркивало ее стройность, или костюм-двойку, с сине-зеленым рисунком, красиво оттенявший рыжеватые волосы. Ну ладно, пусть будет костюм, решила она.

В начале седьмого швейцар известил Майлса о ее приходе, и, когда Китти выходила из лифта, Майлс встретил ее в коридоре.

Китти сразу же догадалась — что-то неладно. Пока они шли к дверям квартиры, Майлс поддерживал ее под руку. В холле помог снять пальто и рассеянно бросил его на стул.

— Китти, потерпи немножко, — попросил он. — Стараюсь раскусить одну загадку. Это крайне важно.

Они прошли к нему в кабинет. Китти оглядела уютную комнату, восхищаясь комфортом, теплотой и тонким вкусом.

— Обо мне не беспокойся. Занимайся своими делами.

Майлс вернулся к столу.

— Суть в том, — размышлял он вслух, — что обломилась ручка не случайно. Ее отломали. Силой. Нив кофеваркой этой еще не пользовалась, достала первый раз. Так что, возможно, машинка просто с браком — как все делается в наши дни... Но, Господи, неужто бы Нив не заметила, что ручка едва держится?

Китти понимала — ответа Майлс не ждет. И тихонько расхаживала по комнате, восторгаясь прекрасными картинами, семейными фото в рамках. Майлс приставил ручку к кофеварке, выражение лица его было сосредоточенным. Взгляд Китти упал на распахнутую кулинарную книгу. Страницы в кофейных пятнах, разлитый в тот вечер кофе попал и на книгу, но от кофе эскизы выступили только четче. Наклонившись, Китти внимательно всмотрелась, потом взяла лупу, лежавшую рядом. Опять взгляделась и сосредоточилась на одном рисунке.

— Как очаровательно! Это Нив, конечно. Наверное, была первой девочкой, которую нарядили в платьице "Тихоокеанский Риф". Где вы его раздобыли?

— Что ты сказала? — вскинулся Майлс. — Что ты сказала?!

До офиса Сола Нив добралась в пять минут седьмого. Войдя в вестибюль, она удивилась — охранника за столиком в углу не было, и направилась к лифтам. Как обычно после шести, работал только один. Двери уже смыкались, когда она услышала

торопливые шаги по мраморному полу. В последний момент мельком уловила — серый спортивный костюм, дикая прическа в стиле панк. Глаза их встретились.

Во рту у нее пересохло. Нив быстро ткнула кнопку 12-го этажа, на 12-м выскочила и бросилась по коридору — кабинет Сола находился всего в нескольких шагах. Дверь в демонстрационный залкрыта. Нив вбежала и захлопнула ее за собой. В зале было пусто.

— Сол! — чуть не в панике закричала она. — Дядя Сол!

Тот торопливо выскочил из своего офиса.

— Нив! Что случилось?

— Сол! Мне кажется, меня преследуют! — Нив вцепилась в его руку. — Запри поскорее дверь! Пожалуйста!

— Нив, ты уверена? — выпучил глаза Сол.

— Да! Этого человека я уже три раза сегодня видела. Я его знаю! Он в кулинарии работает...

— Но с чего вдруг ему преследовать тебя?

Нив уставилась на Сола.

— Может, его нанял Ники Сепетти, чтобы убить меня?

Сол приоткрыл наружную дверь. Они услышали гудение лифта, спускавшегося вниз.

— Нив, смелости рискнуть хватит?

Не зная, чего ждать, Нив кивнула.

— Оставлю эту дверь открытой. Мы с тобой пока поговорим. Если парень действительно преследует тебя, нельзя его спугнуть.

— Ты хочешь, чтоб я встала на виду?

— Ни в коем случае. Спрячься за манекен. А я — за дверь. Если войдет, то стукну его. Главное, задержать парня, выяснить, кто послал его.

Они взглянули на индикатор: лифт находился в вестибюле. Опять поехал наверх.

Сол кинулся к себе в офис, выдернув ящик стола, выхватил пистолет и заторопился обратно к Нив.

— Взял разрешение после того, как меня несколько лет назад ограбили, — шепотом сообщил он. — Нив, ну скорее же! За манекен!

Словно в кошмарном сне, Нив повиновалась. Лампы в зале светили приглушенно, но и в полумраке Нив разглядела: манекены наряжены в новую коллекцию Сола. Неяркие тона осени: брусничные, темно-синие, темно-коричневые и полуночно-черные. Карманы, шарфы и пояса расшиты сверкающими цветами коллекции "Тихоокеанский Риф". Коралловые и красные. Золотые и аквамариновые. Изумрудные, серебряные и синие. Скомбинированы все в мелких изящных рисунках, которые Сол срисовал в "Аквариуме" давным-давно.

Нив уставилась на шарф, мазнувший ее по лицу. Этот узор... Эскизы... "Мамочка, ты рисуешь мой портрет? Но на

мне не такое платьице..." "О бамболя миа, это просто идея нового, очень красивого платья..."

Эскизы... Ренатины эскизы, нарисованные за три месяца до ее гибели. В том году, когда Энтони делла Салва потряс мир моды стилем "Тихоокеанский Риф".

— Нив, скажи что-нибудь, — просвистел в зале шепот Сола.

Нив услышала, что лифт остановился на 12-м этаже, и тихо произнесла:

— Я смотрела на костюмы. Ты очень оригинально ввел в новую коллекцию элементы "Тихоокеанского Рифа".

— Сегодня я всех отпустил пораньше. Они гнули спины, изо всех сил стараясь успеть подготовить все к показу. По-моему, у меня давно не получалось такой удачной коллекции. — Послав подбадривающую улыбку в ее сторону, Сол спрятался за притворенную дверь.

В зал осторожно шагнул Денни. Глаза его рыскали, ища Нив. Сол бесшумно выступил из-за створки двери с поднятым пистолетом.

— Денни! — тихонько окликнул он.

Тот резко обернулся, и Сол выстрелил, всадив пулю точно между глаз. Выронив свой пистолет, Денни без звука свалился на пол.

Оцепенев, Нив наблюдала, как Сол вынул носовой платок и, нагнувшись, платком подобрал пистолет Денни.

— Ты его застрелил... — прошептала она. — Убил... безжалостно. Какая была необходимость? Не дал ему ни одного шанса!

— Иначе этот подонок убил бы тебя! — Сол кинул свой пистолет на стол. — Я всего лишь защищал тебя. — И направился к ней с пистолетом Денни в руках.

— Ты знал, что он придет! Знал его имя! Это все спланировал ты!

Приветливая веселая маска слетела с лица Сола. Щеки раздулись, глаза, всегда весело поблескивающие, прищурились, исчезнув под нависшими веками, рука, еще красная от ожога, подняла пистолет, целясь в Нив. На блестящей материи пиджака поблескивали капли крови Денни. На ковре вокруг его ног расплывалась красная лужа.

— Разумеется, я! Пустили слух, будто твое убийство заказал Стойбер, но никто не знал, что этот слух пустил я. И заказ на твое убийство сделал я. Майлсу скажу, что убийцу твоего удалось прикончить, но тебя спасти — увы! — нет! Не переживай, Нив, я утешу Майлса. У меня здорово получается!

Нив точно вросла ногами в пол, не в силах шевельнуться, но не испытывая ни малейшего страха.

— Стиль "Тихоокеанский Риф" придумала моя мать! Ты украл "Риф" у нее! Верно? А Этель как-то догадалась. И ты убил ее! Одевал ее после убийства ты, а не Стойбер! Это ты знал про блузку!

Сол закатился смехом — жестким, холодным.

— Нив, а ты гораздо умнее своего папаши! Вот поэтому мне и потребовалось избавиться от тебя. Когда Этель не появилась, ты сразу смекнула, что-то не так. Учуяла неладное, обнаружив ее шубы в шкафу. Чего я и боялся. Когда я наткнулся на эскиз “Тихоокеанского Рифа” в кулинарной книге, то понял — книгу необходимо уничтожить! Любой ценой! Плевать на обожженную руку! Ты ведь непременно рано или поздно сложишь два и два. Майлс ни за что бы не просек! Хоть увеличь рисунок до размеров афиши да ткни ему под нос! Этель докопалась: сказочка моя про чикагский “Аквариум” — пустое вранье! Озарение на меня нашло! Ха! Я пообещал ей, что объясню при встрече, у нее дома. Умноющая была стерва, ничего не скажешь.

— Этель случайно наткнулась на кулинарную книгу, — едва шевеля губами, выговорила Нив. — Скопировала один мамин эскиз в свой ежедневник.

— Так вот откуда веревочка пошла виться! — ухмыльнулся Сол. — Этого она не успела мне сообщить. Будь у меня время, показал бы тебе папку с рисунками, которую притащила мне твоя мать. Вся коллекция там. И твой отец, и Дэв вечно ко мне как к шуту относились. С самого детства. Потешались надо мной. Твоя мать... Высший класс. Красивая. Разбиралась в моде. Ей это от рождения было дано. Но растрачивала свой талант попусту на твоего отца, этого болвана, которому что домашний халат, что мантия для коронации — все одно. На меня Рената смотрела свысока. Понимала, у меня врожденного таланта нет. Но когда ей потребовался совет, куда отнести эскизы придуманного ею стиля, к кому она обратилась, догадайся? Но самое главное, Нив, ты все-таки не сообразила! Я не просто украл “Тихоокеанский Риф” у твоей матери! Я ей ради него горло перерезал!

— Это Сол! — прошептал Майлс. — Специально сломал ручку кофеварки... Пытался уничтожить рисунки... А Нив сейчас может быть с ним.

— Где? — Китти схватила Майлса за руку.

— В его офисе. На 36-й-стрит!

— Моя машина у подъезда. В ней есть телефон.

— За рулем — я! — бросил Майлс.

Резко взвизгнули шины, когда он, круто развернув машину, помчался по Вэст Энд-авеню. Как всегда в кризисной ситуации, Майлс обрел ледяное спокойствие и назвал Китти номер телефона. Та молча набрала и протянула ему трубку.

— Офис комиссара полиции.

— Майлс Кирни. Соедините меня с комиссаром!

На бешено скорости проносился Майлс по запруженным вечерним улицам. Игнорируя красный свет, обгоняя вереницу разозленных водителей. Они доехали до Колумбус серкус.

— Майлс, как раз пытался дозвониться до тебя, — раздался в трубке голос Херба. — Стойбер заказал убийство Нив. Мы должны защитить ее. Майлс, я считаю, существует связь между убийством Этель Ламбстон и убийством Ренаты. Рана у Этель — “У”-образный разрез на горле, в точности такая же, как была на горле Ренаты.

Рената с перерезанным горлом. Неподвижно лежащая в парке. На теле — никаких признаков борьбы. Рената... Ее не обокрали. Она встретилась с человеком, которому доверяла. С другом детства своего мужа. О, Иисус!

— Херб, Нив сейчас у Энтони делла Салва. 36-я-стрит. Двендцатый этаж. Срочно пошли туда ребят. Убийца — Сол!

Джек задумчиво положил трубку, переваривая только что услышанное. Его приятель, директор чикагского “Аквариума”, подтвердил его подозрения. Новый музей был открыт 18 лет назад, правильно. Но чудесная выставка на верхнем этаже волшебного подводного мира океана “Тихоокеанский риф” открылась всего 16 лет назад. Немногим было известно, что возникли проблемы с резервуарами; зал для публики открылся спустя два года после открытия “Аквариума”. Об этом директор музея не слишком охотно распространялся перед широкой публикой. Джек знал, потому что часто ездил в Чикаго и регулярно посещал музей.

Энтони делла Салва заявлял, его якобы осенило вдохновение на “Тихоокеанский Риф” во время посещения музея. Семнадцать лет назад! Но это невозможно! Почему же он лгал?

Джек вчитывался в пространные заметки Этель: интервью с Солом, записки о Соле, четкие вопросительные знаки, рассыпанные по всему его напыщенному рассказу о посещении выставки в “Аквариуме”, копия эскиза из кулинарной книги. Запечив несоответствие, Этель стала копать. И погибла...

Джеку вспомнилось настойчивое утверждение Нив — блузка на Этель надета не та! Слова Майлса: “Каждый убийца оставляет свою визитную карточку”...

Гордон Стойбер не единственный модельер, который мог допустить ошибку, одев жертву в подходящий, на первый взгляд, наряд. Точно такую же мог совершить и делла Салва.

Джек схватил телефонный справочник. Энтони делла Салва... шесть различных адресов офисов. Лихорадочно набрал первый. Трубку не взяли. Во втором и третьем включались автоответчики “Часы работы с 8.30 до 5 вечера. Пожалуйста, оставьте сообщение”.

Он набрал номер в Шваб-хаусе. После шести гудков сдался. В последней попытке позвонил в магазин. Господи, хоть бы кто-нибудь ответил!

— “Дом Нив”.

— Мне необходимо немедленно связаться с Нив Кирни. Это Джек Кэмбелл, ее друг.

— Вы издатель... — Голос Юджинии потепел. — Нив хотела зайти к Солу.

— Она встречается с делла Салва! Где?!

— В его главном офисе. На 36-й-стрит, 250. Что-то случилось? Но Джек уже бросил трубку.

Нив знала, что умрет. Предчувствовала всю эту неделю — ее время истекает. Теперь, когда всякая надежда пропала, показалось крайне важным получить ответы на все вопросы.

Сол придвигнулся ближе, а позади, у двери, лежало скрюченное тело Денни, рассыльного, который всегда распаковывал контейнер с кофе. Уголком глаза Нив видела кровь, сочившуюся из раны на его голове, большущий пакет, который он таскал с собой, дикую прическу-панк. Парики наполовину сполз ему на лицо, милосердно прикрыв его.

Казалось, протекла целая вечность после того, как Денни ворвался в зал. А сколько прошло времени на самом деле? Мимута? Меньше? В здании, похоже, ни души. Но, может, кто-то все-таки слышал выстрел? Может, придут взглянуть! И охраннику ведь полагается сидеть внизу. Солу нельзя попусту тратить время. И они оба прекрасно понимают это.

Нив уловила слабое гудение поднимающегося лифта.

— Дядя Сол, — заговорила она. — Ты можешь объяснить, зачем понадобилось убивать мою маму? Разве не проще было работать с ней? Ведь все модельеры используют таланты своих помощников?

— Когда я вижу гениальность, я не делаю! — бросил Сол.

Разошлись дверцы лифта. Кто-то приехал! Стараясь помешать Солу услышать шаги, Нив закричала:

— Ты из жадности убил маму! Ты утешал нас! Плакал вместе с нами! У ее гроба ты сказал Майлсу: "Постарайся думать, что твоя красавица просто спит!"

— Заткнись! — Сол выкинул вперед руку.

Дуло пистолета смотрело прямо в лицо Нив. Оглянувшись, девушка увидела — у дверей стоял Майлс.

— Беги, Майлс! Он убьет тебя! — завизжала она.

Сол резко обернулся.

Майлс не шелохнулся.

— Отдай пистолет, Сол! — властно приказал он. — Все кончено!

Дуло нацелилось на Майлса. Глаза Сола подернулись безумным страхом и ненавистью. Он попятился перед наступающим Майлсом.

— Ни шагу дальше! — взвизгнул он. — Я выстрелю!

— Нет, Сол. Не выстрелишь! — возразил Майлс. — Ты убил мою жену. Убил Этель Ламбстон. Еще секунда, и ты убил бы

мою дочь. Но Херб и копы с минуты на минуту будут здесь. Им про тебя все известно. Лучше отдай пистолет! Или окажи услугу и себе, и всем нам. Сунь дуло в лживый свой рот и вышиби себе мозги!

Китти ждала в машине, когда прямо перед ней остановилось такси, из которого выскочил Джек Кэмбелл.

— Джек! — Китти рванула дверцу и вбежала следом за ним в вестибюль. Охранник болтал по телефону.

— Делла Салва! — выкрикнул Джек.

— Минутку, подождите! — охранник поднял руку.

— Двенадцатый этаж, — подсказала Китти.

Но единственного работающего лифта не было. Индикатор показывал — он на двенадцатом этаже. Джек схватил охранника за шею.

— Включи другой лифт!

— Эй, что это вы себе думаете...

Заскрипела тормозами у входа патрульная машина. Глаза охранника округлились. Он бросил Джеку ключи.

— От лифтов. Отпирайте!

Джек с Китти уже поднимались наверх, когда в вестибюль ворвались копы.

— Я думаю, делла Салва... — начал Джек.

— Знаю!

Лифт доплыл до 12-го этажа, остановился.

— Ждите здесь! — крикнул Джек.

В зал он влетел в тот момент, когда Майлс сдержанно произносил:

— А не хочешь стрелять в себя, Сол, отдавай пистолет.

Джек затормозил в дверях. В густом полумраке зала сцена напоминала сюрреалистическую картину. Труп на ковре. Нив с отцом под прицелом пистолета. Джек заметил поблескивание металла на столе, у двери. Пистолет! Успеет ли схватить?

Но пока примерялся, Энтони делла Салва опустил руку с пистолетом.

— Возьми его, Майлс! Я и не собирался стрелять! Я никогда ничего такого не хотел! — Упав на колени, Сол обнял ноги Майлса. — Майлс, ты мой лучший друг! Скажи им! Я не хотел.

В последний раз за этот день комиссар Херберт Шварц устроил совещание в своем офисе с детективами О'Брайеном и Гомезом. Херб только что вернулся из офиса делла Салва. Туда он приехал вслед за первой патрульной машиной. Переговорил с Майлсом после того, как полиция увела этого подонка. “Майлс, ты семнадцать лет мучился, что не воспринял всерьез угрозы Ники Сепетти. Пора тебе, наконец, избавиться от чувства вины. Как думаешь, если бы Рената пришла с “Тихоокеанским рифом” к тебе, понял бы ты, что это — гениально? Коп ты ум-

нейший, но на цвета у тебя куриная слепота. Помню, Рената говорила, галстуки тебе всегда выбирает она!..”

С Майлсом все образуется. Худо, подумал Херб, что больше не действует правило “око за око и зуб за зуб”. Налогоплательщикам придется содержать Энтони делла Салва до конца его жизни...

О’Брайен и Гомез ждали. Вид у комиссара вконец измотанный. Но денек выдался славный. Делла Салва признался в убийстве Этель Ламбстон. Белый дом и мэр слезут, наконец-то, с их спин.

— Секретарша Стойбера пришла час назад. Рассказала, что Ламбстон заходила к Стойберу десять дней назад и заявила ему, что намерена напустить копов на его контрабанду. Но теперь это несущественно. Ламбстон убил не он, — доложил О’Брайен.

— Сэр, теперь мы знаем, — заговорил Гомез, — что Симус Ламбстон тоже невиновен в убийстве своей бывшей жены. Вы желаете выдвинуть против него обвинение в нападении, а против его жены — в укрывательстве улик?

— Орудие убийства нашли?

— Да. В той индийской лавочке, как она нам и сказала.

— Так дадим беднягам передохнуть. — Херб поднялся. — Да, трудный был день! Доброй ночи, джентльмены.

Дэвин Стэнтон пил предобеденный коктейль с кардиналом в его резиденции на Мэдисон-авеню и смотрел вечерние новости.

— Я буду, Дэв, скучать по тебе, — говорил кардинал. — Уверен, что хочешь эту должность? Летом Балтимор настоящая парилка.

Новость передали перед окончанием программы. Знаменитый кутюрье Энтони делла Салва арестован за убийство Этель Ламбстон, Ренаты Кирни и Дени Адлера, а также за попытку убийства дочери бывшего комиссара полиции Нив Кирни.

— Это твои друзья? — повернулся кардинал к Дэвину.

— Извините меня, ваше преосвященство! — вскочил Дэвин.

Рут и Симус Ламбстоны слушали шестичасовые новости и были уверены — сейчас сообщат, что бывший муж Этель Ламбстон провалил тест на полиграфе. Как, почему так все повернулось, недоумевала Рут, сидя в громоздком велюровом кресле, которое ненавидела так долго, что оно стало знакомым и удобным. Каким образом мы утратили контроль над собственной жизнью?

Сообщение об аресте делла Салва прозвучало, когда она уже собиралась выключить телевизор. Они с Симусом уставились друг на друга, не в силах сразу проникнуться всем значением этой неожиданной новости, потом неуклюже потянулись друг к другу.

Дуг Браун недоверчиво слушал "Вечерние новости", после присел на кровать Этель — нет, на свою! — и стиснул голову руками. Дело закончено. Копы не сумели доказать, что он воровал у Этель деньги. Он — ее наследник. Он богат!

Дэвин Стэнтон, назначенный архиепископом Балтиморской епархии, стоял у дверей гостиной, глядя на Джека с Нив, и размышлял о жестокости, алчности и лицемерии Сола Эспозито. Прежде чем его клерикальная выучка помогла ему обрести христианское милосердие, он успел пробормотать: "Подонок, убийца!". А глядя, как Джек обнял Нив, подумал: "Рената, надеюсь и молюсь, что ты знаешь про это!"

В своем кабинете Майлс потянулся за бутылкой. Китти сидела на кушетке, рыжеватые волосы мягко блестели под светом викторианской настольной лампы.

— У тебя волосы красивого красноватого оттенка. Мать сказала бы — "розовато-блондинистые". Это правильно?

— Когда-то было, — улыбнулась Китти. — Теперь приходится помогать природе.

— В твоем случае природа не нуждается в помощи. — Майлс почувствовал, как язык у него присох к горлани. Что нужно говорить, благодаря женщину за спасение своей дочери? Не узай Китти в эскизе "Тихоокеанского Рифа", он не успел бы. Майлс снова вспомнил, как Нив, Китти и Джек обняли его после того, как копы увезли Сола. Он рыдал: "Я не слушал Ренаты! Никогда! Поэтому за помощью она обратилась к нему! И погибла!" "К Солу она обратилась как к эксперту! — твердо возразила Китти. — Будь честным и признайся, в моде ты не специалист!"

Как высказать женщине, что, благодаря ее присутствию, ярость и чувство вины, которые грызли все эти годы, канули в прошлое? А вместо опустошенности и угнетенности ощущается прилив энергии и желание прожить в полную силу остаток отпущененной тебе жизни? Таких слов не существует!

Майлс оглянулся, ища бокал для Китти.

— Не вижу, где он, — сказала она. — По-моему, ставила где-то здесь.

Майлс осторожно наполнил до краев свой бокал и протянул его Китти.

— Держи! Выпей из моего!

Нив с Джеком, стоя у окна, смотрели на Гудзон, на парк, на силуэты зданий и ресторанов, черневшие вдоль набережной Нью-Джерси.

— Почему ты пришел в офис Сола? — тихо спросила Нив.

— В заметках Этель о Соле были приложены рецензии на "Тихоокеанский Риф". Целая кипа рекламных объявлений со

снимками коллекции, а рядом она набросала эскиз платья. Рисунок напомнил что-то. И вдруг меня как стукнуло! Да я же видел его в кулинарной книге твоей матери!

— И ты догадался?

— Вспомнил, как ты рассказывала, что Сол создал этот стиль после смерти твоей матери. Его якобы озарило в "Аквариуме", в Чикаго. Но это невозможно! Нестыковка! Все встало на свои места, когда до меня дошла эта нестыковка! И зная, что ты у него, я чуть не спятил! — Нив почувствовала, как Джек обнял ее за талию. — Нив?

Рената часто говорила дочери: когда встретится мистер "Он", она поймет. Джек придвигнулся к ней ближе, и Нив поняла — "Он", наконец, встретился! ■

Перевод с английского Ирины МИТРОФАНОВОЙ.

Хорошая новость

Союз
журналистов
России и
Российская
торгово-
промышленная
палата
подвели
итоги
конкурса
периодических
изданий
за 1998 год.
В номинации
"Лучший журнал
для семейного
чтения"
звание
лауреата
присвоено
редакции журнала
"Смена".

**Диогена
спросили:
“Что самое
страшное
в жизни?”
Он ответил:
“Старость
в нищете...”**

КОГДА- ГОДА- БОГ

В 1997-98 гг. Всероссийский центр изучения общественного мнения по заказу негосударственного пенсионного фонда "ЛУКОЙЛ-Гарант" провел социологический опрос с целью выяснить, насколько люди осведомлены о системах государственного и негосударственного пенсионного обеспечения в России. Результаты его в 56 российских регионах показали: краем уха слышали о негосударственных пенсиях лишь около 5% граждан.

Сегодня в России реально существуют 270 негосударственных пенсионных фондов (НПФ), участниками которых являются более 2 миллионов человек.

Что же такое НПФ и что он может дать своим участникам в будущем? Об этом в беседе с корреспондентом "Смены" рассказывает генеральный директор негосударственного пенсионного фонда "ЛУКОЙЛ-Гарант" Михаил БЕРЕЖНОЙ.

**В последние годы в России
появились негосударственные
пенсионные фонды,
участникам которых обещана
достойно обеспеченная старость.
Но информации о их деятельности очень мало...**

АТСТВО

— Негосударственные пенсионные фонды давно существуют на Западе. Там принято заботиться о собственной старости смолоду, не полагаясь на государственное пособие, а делая пенсионные взносы в счет далекой жизненной перспективы. И о результатах такого подхода можно судить даже по туристам, приезжающим в Россию. На этих бодрых стариечков и старушек — отнюдь не миллионеров, а бывших инженеров, врачей, учителей — любо-дорого посмотреть. На Западе действует сложная совокупная система формирования пенсии: часть платит государство, часть работодатель, часть составляют личные накопления. Пенсионер у них получает 70-80, а иногда и 90 про-

центов от своей последней заработной платы. Согласитесь, такая схема обеспечивает человеку мягкий переход от того, как он привык в материальном отношении жить в работоспособном возрасте, к жизни на пенсии.

В России же, где государственная пенсия сегодня составляет лишь 30 процентов от средней зарплаты, нельзя не испытывать чувства стыда при виде наших старииков, всю свою жизнь проработавших, но стоящих теперь с протянутой рукой. Ясно, что отечественная система формирования пенсий должна быть когда-то кардинально изменена. Собственно, появление у нас негосударственных пенсионных фондов — уже начало перемен.

— Но, скажите, пожалуйста, почему этими проблемами вдруг озабочилась крупнейшая нефтяная компания, зачем ей-то понадобился свой пенсионный фонд?

— Чтобы и на наших нефтяников в старости тоже было любодорого посмотреть... Но, если уж говорить о рождении самой идеи, — она принадлежала президенту "ЛУКОЙЛа" Вагиту Юсуфовичу Аленлерову. Этот человек отработал на нефтепромыслах не мало лет и жизнь работников компании со всеми ее проблемами ему хорошо известна. Одна из самых острых — судьба тех, кто уходит на пенсию.

После начавшихся в стране экономических реформ, например, резко осложнилось положение сибиряков. Раньше люди, заработав хорошие деньги, — в очень, заметьте, трудных условиях, — выходили на пенсию и уезжали в Центральную Россию. Они могли себе это позволить: и переход, и покупку жилья. А потом вдруг оказалось, что буровик, отработавший 15-20 лет на нефтепромыслах, не может обеспечить себе достойную старость. Нет у него и возможности вернуться на Большую землю. Как уедешь, если рабочие, имевшие очень приличные зарплаты, получают пенсию в 400 рублей? Они вынуждены оставаться в Лангепасе, Ногалыме, Урае.

Тревога за будущее тех, кто в "ЛУКОЙЛе" работает, создает его богатство, и побудила президента компании создать пенсионный фонд. У "ЛУКОЙЛа" есть собственная социальная политика, в рамках которой осуществляются многочисленные программы. Пенсионный фонд — одна из них. И

потом, "ЛУКОЙЛ" — компания с мировым именем, поэтому вопрос благополучия ее сотрудников — вопрос чести, престижа, имиджа, если хотите.

Решение об учреждении пенсионного фонда было принято руководством компании совместно с профсоюзами — Международным объединением профсоюзных организаций "ЛУКОЙЛа" (МОПО) в июле 94-го. В этом году "Гаранту" уже пять лет.

— "Гарант" — один из первых пенсионных фондов в стране?

— Нет, первые появились после президентского Указа 1992 года, который давал право создавать НПФ и состоял всего из шести пунктов. Более никакой правовой, законодательной базы для деятельности таких фондов в России не было. Этим обстоятельством, естественно, тут же воспользовались непорядочные люди. Тогда и возникли "ложные" пенсионные фонды: какие-нибудь проходимцы устраивали в городах рекламные кампании и зазывали в свой фонд людей прямо, как говорится, с улицы. Обещали им золотые горы, собирали деньги и — испарялись. Большинство скандалов связано как раз с этими НПФ. Конечно, они сыграли очень мерзкую роль, надолго отпугнув население от самой идеи негосударственного пенсионного обеспечения.

— Когда создавался "Гарант", страсти улеглись, и таких мошенников уже не было?

— В 1994-м все российские НПФ можно было разделить на три группы. В первую входили фонды, работавшие по схеме "МММ", то есть по принципу "пирамиды". Самая громкая скандальная история — фонд "Авро-

ра". Всего у граждан было попросту украдено 2,5 миллиарда рублей.

Ко второй группе относились фонды, создававшиеся на предприятиях с единственной целью: "отмывания" через них зарплаты. Другими словами, открывался очередной способ (существуют специальные схемы) ухода от налогов.

Третья группа — самая немногочисленная. В нее вошли негосударственные пенсионные фонды, учрежденные крупными корпорациями и банками (на Западе такие называют корпоративными): Газпром, РАО ЕЭС, "ЛУКОЙЛ", "Аэрофлот", "Сургутнефтегаз", "Сбербанк", "Уголь"... Эти изначально были нацелены на социальные и надворные задачи.

— Но в создании собственного пенсионного фонда крупная корпорация имеет, наверное, еще и прямую финансовую заинтересованность?

— Распространено ошибочное мнение, что НПФ финансово выгодная для его учредителей структура. Но, во-первых, любой НПФ — совершенно самостоятельное юридическое лицо, не зависимое от его учредителей. Все его имущество, в том числе и переданное ему организаторами, является только его собственностью. А в соответствии с принятым в прошлом году Законом о негосударственных пенсионных фондах, НПФ — некоммерческая, бесприбыльная организация. То есть любая прибыль, получаемая им, скажем, от инвестиций, идет исключительно на пополнение пенсионных счетов и никуда больше. Но в то же время любой пенсионный фонд — дело

во всем мире весьма дорогостоящее.

— Для кого?

— Для того, кто формирует пенсию, размер которой зависит от многих аспектов: с какого возраста работника начинается накопление пенсионного обеспечения; сколько лет он хочет его получать после выхода на пенсию — 10, 15 или пожизненно; в каком размере... Представим, что пятидесятилетний мужчина желает, уволившись по достижении 60 лет, получать в течение 15 лет пенсию в размере 1000 рублей. Следовательно, за десять лет на его пенсионном счете должно быть накоплено 140 тысяч рублей. Значит, если бы он самостоятельно решил "купить" себе такую пенсию, ему пришлось бы на протяжении десяти лет откладывать из своего заработка по 1000 рублей ежемесячно.

— Прямо скажем — недешево. И уж если зарплата у нашего героя, предположим, две тысячи — совсем нереально. А будь он вашим клиентом?

— Будь он клиентом нашего НПФ, ежемесячный взнос был бы меньше, но все равно неподъемен при его зарплате: слишком короток накопительный период — всего 10 лет. Тут надо честно сказать, как ни жестоко этоозвучит: людям, которым до пенсионного возраста остается не так много лет, накопить приличную негосударственную пенсию уже практически невозможно. (И если кто-то станет вам говорить: "Платите по тридцатнику, а через десять лет мы станем платить вам пенсию в тысячу рублей", — не верьте, вы попали в тот самый лжефонд.)

Дело в том, что сильной стороной негосударственного пенсионного фонда являются так называемые "длинные деньги": пенсионные взносы помещаются в него на длительное время. НПФ приращивает их путем грамотного размещения. Чем дольше он имеет возможность их размещать, тем больше удается ему прирастить, увеличить исходные суммы, и, следовательно, тем изначально меньший ежемесячный взнос определяется для вкладчика. То есть, если бы работнику было не 50, а 35 или хотя бы 40 лет, он уже мог бы рассчитывать получить с помощью НПФ желаемую пенсию, внося взнос раза в три меньше. Потому-то на Западе обязательным условием при поступлении на работу является включение работника, даже самого молодого, в пенсионную программу.

— Сколько работников "ЛУНОЙЛа" являются клиентами "Гаранта"?

— У нашего НПФ заключены договоры о пенсионном обеспечении с 31 предприятием компании с общим числом работающих свыше 100 тысяч человек...

— Значит ли это, что все они достаточно молоды и хорошо зарабатывают?

— Когда в 94-м году мы начинали, то подсчитали и прослезились: в "ЛУНОЙЛе", несмотря на молодость компании, средний возраст персонала — 45 лет. 12 процентов — люди пенсионного и предпенсионного возраста. Одних работающих пенсионеров — 4,5 тысячи! Зарплата, естественно, от гендиректора производства до уборщицы у всех самая разная. Но мне понятен подтекст вашего вопроса, и я все сейчас объясню.

До этого мы с вами говорили о вкладчиках-физических лицах, когда человек напрямую заключает договор с НПФ. Мы работаем по другой схеме. Мы не привлекали средства физических лиц (то есть работников), пока не появился Закон о НПФ. Мы не имели права рисковать деньгами людей и добрыми именами "ЛУНОЙЛа" и "Гаранта". Поэтому все вкладчики нашего фонда — юридические лица, то самое 31 лукойловское предприятие. Цена-то у пенсий от этого не изменилась, только платят ее не работники, а предприятие. Одна маленькая, но принципиальная деталь. Пенсионные взносы предприятий, как правило, относятся на себестоимость.

— Что определяет в каждом индивидуальном случае размер пенсии?

— Для этого разработана единая нормативная база — на всех предприятиях системы "ЛУНОЙЛа". Это и инструкция о порядке исчисления размера пенсии, и таблица коэффициентов, и другие документы. Мы старались заложить в них принцип социальной справедливости. Вообще все, что касается пенсий, решают на производствах комиссии по вопросам негосударственного пенсионного обеспечения, куда входят представители и дирекции, и профсоюза, и самих работников. В целом, пенсионная вилка получается большая: наши пенсионеры получают от 100 рублей до 3,5 тысяч рублей.

Но вопрос еще и в том, сколько денег должно перевести предприятие в наш фонд, чтобы мы могли гарантированно обеспечить рабочему Иванову пожизненную негосударственную пенсию в 700

рублей, а инженеру Петрову в 935 рублей? Ведь если фонд берет на себя такие обязательства, у нас должен быть расчет. Например, человек после выхода на пенсию проживет определенное количество лет (это может быть 10, а может и 20, и 30 лет) — поэтому у нас проводятся так называемые актуарные расчеты, в которых учитывается и специальный коэффициент смертности, и инвестиционный коэффициент, которые помогают высчитывать начальную величину должны быть приращены нами средства вкладчиков, и прочие параметры. Понимаете теперь, почему пенсия — вещь дорогая?

— Получается, пенсионное обеспечение персонала компании формируется лишь за счет его предприятий?

— Вы забыли про пенсионный фонд и его "длинные деньги", которые все время работают. Только за 1998 год за счет полученного дохода мы снизили пенсионную нагрузку для наших предприятий на 50 процентов. Это второе и очень весомое слагаемое всей суммы совокупных пенсий. Но вы правы, — конечно, "ЛУНОЙЛ" изначально несет на себе основное финансовое бремя. Сегодня капитал "Гаранта", предназначенный на уставные цели, на 99,98% сформирован нефтяной компанией.

— У которой от этой деятельности никакого дохода, как мы с вами чуть раньше выяснили. Кроме, разумеется, чувства морального удовлетворения его руководства, настроенного на филантропию...

— Действительно, на первый взгляд, никакого прямого финан-

сового дохода от своей программы пенсионного обеспечения рабочих и служащих "ЛУНОЙЛ" не имеет. Но от времен "диного капитализма" Россия рано или поздно обязательно перейдет к периоду капитализма просвещенного, и начинать этот переход можно и нужно уже сегодня. Несмотря на все кризисы и тяжелые условия.

А еще — немного успокоим особо недоверчивых: не получая от НПФ "Гарант" прямой финансовой отдачи, нефтяная компания, затрачивая огромные средства на обеспечение персонала государственными пенсиями, имеет ... экономическую выгоду.

Помните, я говорил о тесной взаимосвязи социальных и кадровых проблем? А у последних есть важная составляющая: ротация производительных кадров.

Проблема смены работников пенсионного возраста молодым, более сильным и грамотным персоналом не нова. Но в условиях общего экономического упадка она встает особенно остро. В 94-м году на лунойловских предприятиях, как уже упоминалось, трудилось 4,5 тысячи пенсионеров. Человеку за 70, а он не желает увольняться. Причина проста: ему надо нормить домочадцев, которые либо безработные, либо месяцами сидят без зарплаты. Старинки — их единственные нормильцы, а на копеечную государственную пенсию и себя-то не пронормишь, каной уж тут "заслуженный отдых"! Были реальные случаи: люди умирали прямо на рабочем месте.

Начиная программу пенсионного обеспечения, руководство "ЛУНОЙЛа" рассчитывало, что, кроме всего прочего, она позво-

лит предприятиям вести "мягкую ротацию" надров. Расчет оправдался: сегодня, когда в некоторых регионах наша пенсия вполне со-поставима с размерами местных средних заработков, проблема увольнения работающих пенсионеров потеряла остроту. За первые полтора года после начала выплаты нашим фондом пенсий удалось отправить на заслуженный отпуск более 1000 человек, то есть на 1 процент обновить персонал компании. А ведь это еще и тысяча освободившихся рабочих мест для молодых в условиях повсеместной безработицы.

— Михаил Павлович, любые нововведения принимаются людьми, особенно в больших коллективах, чаще всего не сразу. Но, наверное, решение обеспечивать работников пенсиями ни у кого не вызвало возражений?

— И протесты были, и убеждать пришлось — руководители предприятий, особенно молодые, и необходимости тратить прибыль "на перспективу" отнеслись без энтузиазма. Говорили: "Вы нам там что-то обещаете и предлагайте три года ждать. Да за три года столько воды утечет... Мы уж лучше сегодня те самые деньги, никак не перечисляя, людям дадим, дом на них построим, свои детсады отремонтируем..."

Дело в том, что, получив от учредителей начальный капитал, мы же не могли сразу начать "раздавать его на пенсии". Требовался накопительный период — время, чтобы запустить его в оборот, начать цепную реакцию привлечения пенсионных средств. Мы про-считали: "Гарант" требовалось на это три года. Вот директора и вы-ражали свое несогласие вклады-

вать прибыль в неясный завтрашний день. Зато когда начались выплаты пенсий...

Как-то приехал генеральный директор одного из наших крупных нефтеперерабатывающих заводов, где людей пенсионного возраста особенно много (в их областном центре страшная безработица, и старини держались за место, что называется, зубами), и рассказал: "Подходит ко мне старейший надровый рабочий: "Я всю жизнь на этом заводе проработал. Знаю, что ты хочешь меня уволить: я стар. Но что мне тогда делать, ведь я единственный в доме, кто получает зарплату. Возьми мою внучку в наложницы — только не выгоняй..." И тем не менее в 94-м году именно на этом производстве внедрение пенсионной системы вызвало большие трения с дирекцией: до последнего упирались, отказывались от договора с "Гарантом"... Два месяца назад он же признался: "Да вы знаете, что у меня на заводе происходит?! Люди добровольно на пенсию запросились! Общая пенсия-то у них теперь фактически не ниже средней зарплаты в их регионе. А я на их места молодых ребят из Губинской академии набрал. Так эта молодежь мне такие прорывы в технологиях выдает, так все производство вперед двигает!..."

Как видите, вложения "ЛУНОЙЛа" в пенсионную программу приносят экономическую выгоду.

Конечно, та схема, по которой работает сегодня "Гарант", не-сколько похожа на социальную благотворительность. И, используя ее в условиях общего кризиса, нашим предприятиям нелегко обеспечивать пенсии тем работ-

никам, кто вплотную подошел к пенсионному возрасту, не говоря уж о молодежи. Но ведь будущую пенсию работнику нужно формировать с того дня, как он, еще молодой человек, пришел на производство. То есть надо переходить от социальной благотворительности к социальному партнерству. Придется осваивать новые пенсионные схемы. Например: "Желаете через десять лет получать 1000 рублей пенсии? — Делайте сегодня 5-процентные отчисления из зарплаты, и столько же станет вносить за вас предприятие". Такой подход основан на принципе долевого участия. Существуют и другие интересные схемы. Например, когда молодой, хорошо зарабатывающий человек формирует будущую пенсию своим родителям, супруге, сестре...

— А ваш фонд не собирается привлекать вкладчиков со стороны?

От редакции.

Мы понимаем, насколько болезненна в сегодняшней России тема, затронутая в беседе. Поэтому приглашаем и вас, уважаемые читатели, высказать свое мнение по этой острой проблеме. А если у вас возникнут вопросы по поводу деятельности пенсионного фонда "ЛУНОЙЛ-Гарант", пишите в "Смену", мы постараемся ответить на них.

— Признаться, мы уже работаем с предприятиями и организациями, не входящими в "ЛУНОЙЛ", и даже с физическими лицами. Это очень большая и интересная тема. Ей надо бы посвятить отдельный разговор, так как сегодня трудно заставить молодого человека подумать о своей далекой старости.

— А идут ли люди, сажем, относительно молодые, на заключение долгосрочных и рискованных финансовых соглашений, как пенсионные договоры, уже сегодня?

— Вы знаете, да. Но в основном это люди, которым за сорок. А надо бы, чтобы к нам приходили 20-30-летние. К этому надо стремиться, чтобы у всех нас была возможность жить на "заслуженном отдыхе" активной и интересной жизнью — и в 75, и в 80 лет.

■
*Беседу вела
Галина МАКСИМОВА.*

контрольная для маньяка

Леонид ШАРОВ

Прошлую ночь я мучился экземой. Горела кожа на руках, лицо полыхало. Нашел старую облатку димедрола. Ни черта мне димедрол не помог, только голова загудела. А лориндену, которым я спасался в прежние годы, так и не обнаружил. Откуда было взяться лориндену, когда я почти забыл об экземе. Семь лет чувствовал себя человеком. Намочил полотенце в холодной воде. Так и лежал до утра, обложив им лицо.

Жена проснулась в то утро рано. Обычно она спала до десяти, а то и до одиннадцати. Такой у нее был образ жизни. Как же: всю жизнь работала в театре. Гримершей. Она ходила, раздраженная, по комнате... Сильно она постарела. Даже не постарела, а превратилась... Пережила, стало быть, метаморфозу. Из бабочки превратилась в гусеницу.

Потом все-таки догадалась взглянуть на меня. "Опять?" — прошелестело в комнате. Бесполезный и беспомощный этот вопрос не требовал ответа. Какое-то время жена бродила по комнате, потом ушла на кухню, через две минуты оттуда потянуло кофеем. Я же отправился в ванную. И там немедленно уставился в зеркало. На лбу, поближе к вискам, уже выступили красные пятна.

По дороге в школу забежал в аптеку и купил тюбик вожделенного лориндена. Тут же смазал им виски. А на ночь надо будет смазать и руки — мне в эту ночь предстояло еще дежурить на заливке — в тамошней харчевне.

Я вошел в класс. Вдохнул привычный запах подросткового по-та. Тридцать лет я дышу им — с ума можно сойти. И все в одной школе. Уж сколько на моем веку директоров тут сменилось и, на-турально, директрис. А я неизменен. На месте строгой нашей ди-ректрисы я бы показывал такого человека за деньги.

— Ну что? — спросил я класс. — Будем писать контрольную? Или как?

— Или как! — грянул класс.

— Тогда пусть Герасимов идет к доске и продифференцирует вот такое математическое, с позволения сказать, выражение...

Герасимов-то в математике петрил. Один на весь класс. Да и на школу тоже. И мне его было жаль. Девчонки от него нос воротят. Ни плейера у него, ни сигаретки с травкой. Одни прыщи. Прыщи-то со временем, может, и исчезнут. Да только он через них столь-ко всего хлебнет. Уж я-то знаю.

Я чем для них хорош... Я не морочил им голову и свел свои требования к минимуму. Они старались этот минимум по мере сил выполнить и старались мне не досаждать.

Герасимов запыхтел у доски. Класс занялся своими делами. Я же подошел к окну. Из открытой форточки тянуло сыростью. И я поднял руку, чтобы ее прикрыть — рост, слава Богу, позволял. Глянул на школьный двор. Вроде как все во дворе было на местах. Спортивная площадка, покрытая растрескавшимся и во многих местах всщученным асфальтом. Немалая лужа близ бетонного забора. Хозблок — покосившийся, прогнивший, испещренный цве-тастыми надписями. Разросшиеся кусты — голые, с причудливо переплетенными ветками. За забором был виден небольшой пус-тырь, заваленный старыми плитами. Ничего не изменилось. И вчера все было так же. И год назад. И два.

Средь этой привычной бесполковости бродил человек. Да не просто бродил... Что-то он явно высматривал. Или к чему-то присматривался. Во всяком случае я понял, что была у него ка-кая-то цель. И еще я понял, что это не служивый человек, по-сланный в промозглую погоду что-то такое осмотреть. Уж боль-но он для служивого был внимателен. Подошел к забору. Про-вел рукой по чугунным прутьям, будто это струны неведомого гигантского инструмента. Потом он обошел хозблок, все время кося на него глазом. Присел... Наклонил голову, чтобы загля-нуть за угол.

Что там можно высматривать — на этом неухоженном, гряз-ном клочке земли?

Он остановился посередине двора. Передернул плечами. И вроде как я ждал от него именно такого движения. Был он высок и худ. Лет девятнадцати-двадцати. В короткой кожаной курточке, с непокрытой головой. Мокрые волосы налипли на лоб. Ну, са-мо собой, джинсы. Высокие, грубые башмаки. Из-под куртки, как это у них принято, торчал длинный свитер. Чуть запрокинув голову, он стал смотреть на школьные окна.

— Вот что, — сказал я классу. — Вы тут посидите... Герасимов, объясни народу, что ты там сообразил. Через пять минут я вернусь.

Класс захихикал.

— Мне понятен ход ваших мыслей, — прервал я хихиканье. — Но во дворе ходит какой-то подозрительный тип. Вы газеты читаете, криминальную хронику по телевизору смотрите?

Класс затих.

— Вы думаете, это он? — спросила меня барышня с первого стола.

— Это пусть милиция думает, — ответил я. — Мое дело сообщить. И тем самым подать вам пример исполнения гражданского долга.

Я спустился на первый этаж и протиснулся в узкий предбанник перед директорским кабинетом. Там сидела секретарша Оля — существо абсолютно никчёмное, говорить с ней было той еще мукой, все время она смотрела куда-то мимо тебя...

Я, вздохнув, спросил, у себя ли директриса. Оля по обыкновению уставилась мне в переносицу. Не став тратить время на пробуждение Олинного сознания, я схватил телефонную трубку и позвонил в милицию. Через минуту я уже жалел об этом. Сначала меня долго ни с кем не соединяли, потом раздался в трубке какой-то мутный голос без половых признаков. Особого энтузиазма мое сообщение у существа, которому принадлежал голос, не вызвало. Оля же, сподобив себя очнуться, попыталась восстановить порядок и принялась тянуть липкие и болезненно пухлые ручонки к захваченному мною средству связи. Нижним чинам звонить из приемной запрещалось под страхом увольнения. Я же, как мог, уворачивался от мягкорукой, но настойчивой Оли. За этим занятием и застала нас директриса, выползшая из своего кабинета. Она тут же закаменела лицом, но я уже успел ответить на все интересующие мутный голос вопросы, на другом конце трубы протяжно кашлянули и пообещали прислать наряд. Я нарочито медленно положил трубку и объяснил директрисе причину моего внештатного поступка.

Деваться ей было некуда: я выполнял гражданский долг. Более того, она прониклась серьезностью момента и велела кликнуть учителя физкультуры — за ним послали гардеробщицу, Оля для таких сложных поручений не годилась. Директриса поставила нас по стойке смирно и объявила приказ: выйти во двор и в пешем строю своими силами попытаться задержать кандидата в маньяки. Для проведения операции нам придавалась гардеробщица.

Мы вышли из школы. Осторожно, двигаясь вдоль стены, обогнули здание и выглянули из-за угла во двор. Никого там уже не было...

Для верности мы обыскали близлежащие окрестности. Но высокий молодой человек исчез. Я вернулся в школу и доложился

директрисе. Директриса скрупульно похвалила меня за проявленную
бдительность...

И тут же приехала милиция в лице одного в форме и одного в
штатском. Мне было велено сопровождать их на место. Они хму-
ро потолкались у хозблока, осмотрели зачем-то забор, а затем,
вернувшись в директорский кабинет, учинили мне допрос. При
этом усиленно налегали на внешность виденного мною молодого
человека. Я, как мог подробнее, описал его.

— Нет, — сказал штатский. — Тот, кого мы разыскиваем, как
раз невысокого роста, рыжеватый, с залысинами, в кепке. И, ка-
жется, с небольшой бородкой.

Я еле удержался от замечания по поводу словесного портрета
маньяка... Если он к тому же еще и картавит... Отмеченное штат-
ским несовпадение дало директрисе повод сделать мне серьезное
внушение:

— Надо быть внимательнее. Вы сорвали урок...

Но на помощь мне пришел милиционер в форме:

— На всякий случай детям накажите впредь быть осторожны-
ми. Чтобы, значит, до греха не дошло. А вы, — он повернулся ко
мне, — на всякий случай запомните приметы, мало ли что...
Опознание, допустим, надо будет проводить...

Придя в класс, я понял, почему исчез этот человек. Только я
отправился в директорский кабинет, как все, и даже математиче-
ский вундеркинд Герасимов, бросились к окнам. Высокий па-
рень, разумеется, обнаружил слежку. Немедленно нашел в забо-
ре прореху между прутьями, пролез в нее, пересек пустырь и про-
пал. Так мне было сбивчиво, но весьма подробно рассказано ис-
полненными вожделением и радостью от действительно сорван-
ного урока десятиклассниками.

Директриса, надо отдать ей должное, все-таки организовала
профилактические мероприятия: по всем классам было объявле-
но, что около школы крутился некий подозрительный мужчина,
школьярам строго велели после занятий стремительно бежать до-
мой и ни в коем случае не вступать в разговор с незнакомыми
людьми на улице, а в подъезды входить в сопровождении взрос-
лых. Особого ажиотажа эта профилактика у школьного народа
не вызвала. С маньяками в городе давно уже было все в порядке.
Каждый год появлялся очередной душегуб. Народ к ним некоторым
образом попривык. Одного я даже знал лично. Уж так по-
лучилось.

Итак, в моем служебном присутствии наступил четырехчасо-
вой перерыв. И я, чтобы сменить обстановку и немного рассла-
биться, решил забежать в редакцию нашей городской газеты
“Горожанин” — к сердечному другу Ваське Звездопадову... Вот
же наградил Господь фамилией. Пришло ему на заре журна-
листской юности взять псевдоним. С Василием я учился в
школе, и в университете... Высоких постов ни он, ни я не завое-
вали. Но Васька дорос-таки до редактора отдела. На том и успо-

коился. Ни черта уже не писал — в редакции хватало молодых и рьяных. "Горожанин" питал склонность к вытаскиванию всего самого неприличного и гнусного, что происходило в городе. Васька на такие дела имел потрясающий нюх. Я сотрудничал в газете. Надиктовывал Ваське некоторые педагогические размыслизмы, а Васька делал из них статьи, благородно выплачивая гонорары, на которые я ему покупал стандартную бутылку коньяка.

Я же не пил. Отец у меня был запойным пьяницей. Страшные его загулы несколько раз пугали меня, мальчишку, до судорог и потери речи. Однажды он чуть не убил нас с матерью. Размахнулся топором и ударил. Как уж мама увернулась... Удар пришелся чуть выше. Топор вошел в стену. Штукатурка, помню, посыпалась. Все-таки кожа на маминой голове оказалась рассеченной. Крови было много. Я подумал, что отец убил маму. Прибежали соседи. Скрутили отца. Хотели звать милицию. Я до сих пор думаю, что экзема у меня началась именно после этого случая.

В школе меня дразнили шелудивым. Чем только я не лечился. Мать какие-то путевки в санатории доставала. В больницах по два-три месяца лежал. Ничего. Не смертельно, но с такой рожей на люди лучше было не показываться... А тут подрос. Девочки меня стали интересовать. Да как мне было к ним подступиться. Я или в струпьях, или в какой-нибудь очередной вонючей мази. От меня за версту несло серой, как из преисподней. После, правда, появились гормональные средства, тот же лоринден. Но к этому времени экзема из меня было уже не вытравить.

Постарев, журналистикой баловаться перестал, но в редакцию по привычке захаживал...

Дождался автобуса. Слава Богу, не так уж много было в нем народу. Мне даже досталось место у окна. Сел. Глянул в окно. И увидел того самого высокого худого парнишку — кандидата в маньяки. Он стоял чуть в стороне от суетящейся толпы. Сутулился. Вот сейчас он передернет плечами, — подумал я. И он передернулся. И опять я ждал от него именно этого движения. И что мне делать, коли он зайдет в автобус? Но он остался стоять. Смотрел куда-то вдоль улицы.

В отделе у Васьки имел место бедлам. Увидев меня, Звездопадов хлопнул себя в потный лоб и заверещал:

— Старик! Тебя нам и не хватало! Слышал? Вчера этот лифтер изнасиловал еще одну третеклассницу. Это уже девятнадцатая...

— Восемнадцатая, — поправил Ваську сидящий за компьютером Володька Худяков, исполняющий на данном историческом отрезке времени роль нашего городского Невзорова. Он каждый будний вечер вылезал в региональный эфир со всякой гадостью и хорошо срежиссированными и явно заказанными разоблачениями.

— Без разницы, — отмахнулся от него Звездопадов. — Даю вводную. Завтра должна выйти полоса: "Маньяки нашего города". Ты чего? Не вдохновился?

— Опять двадцать пять, — сказал я Ваське. — Не надоело тебе?

— Мне, может, и надоело, но главный требует что-то в этом роде. Нет, в самом деле... Публика будет визжать и плакать.

— Ну и что? Я-то здесь с какого бока?

— Но ведь ты знал Турцевича. Вы же с ним в одной школе работали. Как раз бок о бок. Ты тогда от меня увернулся... Нет, я понимаю, я не в претензии. Ты был раздавлен. Все были раздавлены. Всех брала жуть. Да и без тебя материала тогда хватало. Но ведь сколько времени уже прошло? Лет пять? То-то... Что тебе стоит? Сядем сейчас. Ты мне надиктуешь на пару страниц. Вспомнишь, каким он был. Как прикидывался. Фразочки там его любимые. Странности. Или наоборот... Я уж и не помню всего, чего мы тогда о нем нагородили. Это ж материал будет без дураков. А вот еще что! У него же семья была. Жена там, дочь...

— Сын, — вновь поправил Ваську Худяков.

— Еще лучше, — обрадовался Звездопадов. — Ты слушаем не знаешь, куда они делись, что с ними?

— Брось, Петрович, — оборвал Ваську Худяков. — Турцевич обглодан — дальше некуда. По-другому, говорю тебе, надо. В масце... До Турцевича, если помнишь, был Саная. После Потапов, Храповицкий, Кисленко... Этот еще узбек... Аминбаев. Евдохин тоже в лифтах промышлял. А в области — братья Коваленки.

— Во, блин, память, — восхитился Василий.

— Нельзя нам упор на Турцевиче делать.

— А как без него-то? Ты что? Самый кровопийца... Наш Джек-потрошитель. Мировая знаменитость. А эти твои Потаповы и Коваленки — кто они? Жлобы последние. А Турцевич — высшее образование, примерный семьянин, преподаватель...

— Не в них дело-то, Петрович, не в них. Милиция мух не ловит. Не может ни черта. Не хочет.

— Так тоже не пойдет. Сейчас Элька начальника ГУВД хавает. Без его комментария полоса не выйдет.

— Он тебе накомментирует. Во всем население обвинит... Дескать, не стучат. Едительность не проявляют. Я тут, знаешь, чего узнал... Мэр наш обратился к Локтию: дескать, помоги найти злодея... И вроде как Локоть заказ принял.

Вот это да! — подумал я, старательно отвернувшись в сторону. Вот это Володька дает... Откуда же он узнал? Тут важно было мне не выдать себя. Потому как только я и мог подтвердить: так оно и есть. Во всех подробностях. Присутствовал я при разговоре мэра с Локтем...

Сидел я позапрошлой ночью в своей харчевне у заправочной станции. Тихо-мирно попивал чаек. А тут на заправке началась

суета, из чего можно было догадаться, что прибыл сам Локоть. Он зашел в харчевню, огляделся и, не здороваясь, спросил:

— Вы один тут?

— Один, — подтвердил я его наблюдения.

Тогда Локоть вернулся к двери, приоткрыл ее и сделал кому-то знак. Через минуту появился невысокий плотный человек в кожаном пальто. Хмуро глянул на меня. Локоть же сказал:

— Побудьте пока здесь. А мы пройдем в подсобку.

Они скрылись на кухне, а я на всякий случай включил музыку. Пробыли они в подсобке минут десять. Человек в кожаном пальто вышел первым и стремительно прошагал к дверям, задевая полами стулья. Я бросился наводить порядок. А наведя, обнаружил Сашку сидящим за крайним столиком.

— Не узнали? — спросил он меня.

— Нет.

— К вашему сведению, это наш мэр. Внучку у него изнасиловали... В лифте... Он в милицию обращаться не стал. Внучка жива... Гад этот... Ну, словом, в извращенной форме. Я мэра понимаю. Мало того, что милиция девочку вопросами замучит почине маньяка, так ведь непременно утечку организуют. Через день весь город будет знать. Ему этого не надо. Внучке тем более. Милиция этого Лифтера поймать не может. Вот он и пришел ко мне. Интересное, одним словом, кино получается. Надо думать. Главное, чтобы с ментами не поссориться. Потяну одеяло на себя, они мне этого не простят. Отказываться тоже стремно. Наверно, так: славу милиции, гада — мэру. Чтобы все были довольны. Вот ведь черт дернул маньяка подрядиться искать. Гордыня проклятая. Ну да ничего. Поймаю и казню. Откуда такая мразь берется?

— Откуда калеки берутся...

— Нет! Этим он у меня не оправдается. Помните Турцевича, биолога нашего?

— Помню, конечно.

— Эх, не добралась до него тогда братва. Берегли его в тюрьме. А ведь с виду ничего дядька был. Но любил, когда его уж мышат хавал в оранжерее. Любовался на заглот. Знал бы чем дело кончится, я б его в той оранжерее на пальме повесил. Он ведь и сына в ту оранжерею водил, чтобы, значит, и малой к Дарвину приобщался. Да... Сын у него белесый был, востроносый. Я бы и сына его заодно разорвал. Падаль может родить только падаль.

— Сын за отца не в ответе.

— Это только так кажется. Я-то вон сколько времени за батю своего отвечал, с пеленок в ворах ходил...

И Локоть уехал. Я сегодня, когда шел в приемную к телефону, думал: может, не в милицию звонить, а Локтю. Но по утрам он был почти недосягаем.

Но каков все-таки Володька! Видать, имелся у него свой информатор среди братвы. Хорошо еще, про изнасилованную внуч-

ку пока не узналось. Локоть догадался своим клеветам об этом не рассказывать.

— Я бы так сделал, — не унимался Худяков. — Я бы на первой полосе дал над логотипом — “Найти маньяка! Иначе он найдет вас!”

— Стервятники вы, — сказал я им. — Падалью питаешься.

— Вот тут ты не прав, — рассудительно ответствовал Василий. — Падалью питаешься как раз ты... Потому как ты читатель. Ты хочешь, чтобы тебе эту падаль на блюдечке поднесли. Чай пить будешь?

И он воткнул в раздолбанную розетку не менее раздолбанную вилку. И тут же заурчал чайник.

— Чего это у тебя с лицом? — спросил Звездопадов. — Обжегся чем?

— Да нет... Экзема.

— От экземы не умирают.

Они занялись своими делами. А я сам заварил чай и пристроился в конце длинного стола, на котором лежала подшивка “Горожанина”, ворох гранок, скомканные рукописи, фотографии.

А-а... Вот и Турцевич. Фотографией на грязном столе. Специально отложили в сторонку вкупе с фотографиями прочих наших монстров. Видать, будут публиковать галерею знатных маньяков нашего города. Где ж это его снимали? В суде. Вот по бокам от него стоят два здоровых конвоира. Лица у них те еще. Была б их воля, они бы сидящего между ними человека сначала на дыбу, а потом на колесо. Обычный расстрел их явно не устраивал. Суд-то был эффектным спектаклем... Что-то из классики. Допустим, из Шекспира. Все знают, чем закончится, но все равно интересно посмотреть, кто как сыграет, что выкинет режиссер, какую музыку сочинит композитор, какой свет выставят в решающей сцене, кто будет сидеть в партере, кто на галерке, а кто в буфете. Двадцать пять трупп... Говорили, что это только те, что удалось доказать. Родители в зале заходились в истерике. Два раза милиционеры ловили мужиков, которые намеревались пронести в зал оружие, чтобы кончить Турцевича до приговора.

Меня что-то цепляло в снимке. Я никак не мог понять, что. Тут же лежала еще одна фотография. Был на ней изображен полный человек в расстегнутом милицейском кителе. Он сидел между двух столов, на них громоздились толстые папки корешками вперед — так, чтобы можно было без труда прочесть корявую надпись: уголовное дело. Милицейский этот человек смотрел надменно и самодовольно — ни дать, ни взять римский триумфатор. Вот только распухший свой живот он плебейски свесил между колен.

— А, — сказал незаметно подбравшийся ко мне Худяков, — это полковник Степных Иван Иванович. Последний командир оперативной группы. Все лавры должны были пойти ему. Удивительный дуб. Его бросили на это дело... Думали, что он на нем и

сломается. До этого, если помнишь, ловили-ловили, какие только асы землю не рыли — все без толку. А от Степныха в управлении давно хотели избавиться. Только у него дружок в МВД ошибался — в замминистрах. Они в молодости вместе по бабам ходили. Зам этот и тащил Ваньку нашего. Вот и прикинули: раз уж на деле Турцевича столько народа приличного погорело, вплоть до начальника ГУВД, то уж Степныху-то сам Бог велел. И поди ж ты — повезло. Он-то думал, ему тут же генерала дадут. Да аккурат в те же дни сгорел его кореш в МВД. Степныху за Турцевича сунули именные часы. И на пенсию — баиньки.

— А как его поймали? — спросил я.

— Случайно, конечно. Сержантик из линейной милиции... Видит, спит на лавочке на платформе мужик. Пьяный. Сержантик-то и стал его в вытрезвуху доставлять. В вытрезвухе смотрят... Вроде похож по приметам. Ну и все. Это потом все, кому не лень, стали уверять, что Турцевича вычислили, что круг сжимался, что гулять ему оставалось считанные дни. Хренотень. А Степных, надо все-таки отдать ему должное, Турцевича грамотно раскрутил... Хотя чего там было раскручивать. На первом же допросе поплыл. Я тут хотел снять для ТВ репортаж "Последний день Михаила Турцевича". Бился, бился... Так и не разрешили. Только с начальником тюрьмы поговорил. Ничего особенного он мне не рассказал. Говорил, что после того, как все формальности соблюли, Турцевич много писал. Записи эти в уголовном деле должны быть. Я потом было сунулся, нет там ничего. Справка только есть: приговор приведен в исполнение. А когда вели его... ну, чтобы кончить... он вроде как уже и невменяем был. Молчал.

— Поговоришь с вами, как дерьяма наешься, — сказал я.

— Чем богаты, — ответил Худяков. — А вообще читать надо нашу газету, там я все про это писал.

— Для того, чтобы читать вашу газету, у меня нервы не годятся.

Пока я препирался с докой Худяковым, редакционная девица принесла Василию рулон желтой телетайпной бумаги. И Василий что-то в нем начал подчеркивать и вычеркивать...

— Ты смотри, — сказал он, сворачивая рулон, — замочили вечер твоего полковника. По сводкам УВД.

— Кого замочили? — не понял Худяков.

— Кого-кого... Степныха. Как, ты говоришь, его звали? Иван Иванычем?

— Так он же на пенсии, — глупо возразил Худяков.

— Вот на пенсии и замочили, — неумолимо гнул свою линию Звездопадов.

— Ничего себе, — протянул Худяков.

— Правильно: все другим. Вчера на его даче случился пожар. Когда потушили, нашли обгоревший труп. Есть подозрение, что его первоначально убили, а потом уже подожгли. Вскрытие, как говорится, покажет.

— Чудны дела твои, Господи, — сказал Худяков.

Я ушел, не допив чай. Автобусы все, как один, были переполнены. И я решил дошкандыбить до школы на своих двоих. Лицо все еще горело, мучила меня и судебная фотография Турцевича, но я так и не мог сообразить, чем именно.

Да, конечно, я знал Турцевича. Был он с меня ростом, но куда тяжелее, округлее. Носил усы... Волосы у него были густые, пегие и все никак не причесывались. Когда все узналось, и школа погрузилась в шок, мы начали вспоминать странности в его поведении. Это уж как водится — задним числом. Хотя... Он и до всей этой истории иной раз производил странное впечатление. То был невероятно пунктуален и дотошен. А то мог опоздать на урок... Его бросались искать и находили где-нибудь под лестницей... Собственно, я его и нашел там один раз. Он рассматривал какой-то цветной журнал. Я успел заметить фотографию раскинувшейся на диване девицы. Позже я обнаружил его за тем же занятием в пустом классе. Он прямо-таки ползал лицом по развороту "Пентхауза". Я в обоих случаях сделал вид, что ничего не заметил. В отличие от меня он обожал застолья. Турцевич прямо-таки рвался на них, брался все организовать, но это у него получалось плохо. Он произносил тосты. Что-то такое пытался рифмовать, но тут из него лезла пошлость и безвкусие. Играли на гитаре и пел, голос у него отдаленно был похож на окуджавский... Но как-то делалось неловко, что при такой комплекции Турцевич поет несильным тенором. Дамы неохотно танцевали с ним — у него всегда были холодные, влажные ладони. Учеников немедленно делил на любимчиков и быдло. И часто в любимчиках числились довольно мерзкие личности. Предмет же свой, биологию, знал превосходно. Нередко устраивались показательные уроки для комиссий, и Турцевич проводил их с блеском. В пустовавшей раздевалке в левом крыле устроил оранжерею и носился с ней, как с писаной торбой. У него там в террируме жила змея, ей все время таскали мышей, и Турцевич имел обыкновение показывать школьникам процесс поглощения змеей живого мышонка. Потом приходили люди, рылись в оранжерее, упаковывали в полиэтиленовые мешочки какие-то образцы. Сторож и уборщица не без удовольствия пошли в понты. И не преминули рассказать, что, помимо цветочной пыльцы и комочеков земли из кадок, была там найдена лопата, и была эта самая лопата чуть ли не самым главным вещественным доказательством. В школьных интригах Турцевич не участвовал. А со мной частенько игрывал в шахматы. Во время большой перемены, нередко и после уроков. Играли мы с ним только блиц. Я играл лучше. Он азартнее. И в блице, когда думать некогда, его авантюры иногда удавались.

Жену его я не помнил. Что-то тщедушное, болезненное. А ведь пару раз захаживал к нему домой. Он жил как раз за пустырем, в обветшалой пятиэтажке. Крохотная двухкомнатная квартирка. Сына я его тоже не помнил. Может, я его и не видел никогда.

Учился он в другой школе. В его квартире было чисто и прибрано, чему я сильно позавидовал. У меня-то вечно стоял бардак, сообразующийся с богемными наклонностями жены.

И еще я помню день, когда наш — тогда еще живой — сторож Серафим Варфоломеич сказал, нещадно дымя вонючей своей "Примой": "Слышал, шлепнули Турцевича-то. Второго дни... По радио сегодня сказали".

Я пришел в школу и отправился на урок. В этом классе не было умного и несчастного Герасимова, зато была Лия Сокольская — первая школьная красавица. К ней одно время подбирались ушлые людишки из зрелищных фирм, предлагали принять участие в конкурсе красоты, и вроде как родители даже были не против, но Лия выказала себя правильной девочкой и заломила гонорар, от которого у фирмачей полезли глаза на лоб... Ей угрожали, пугали, что плеснут в лицо кислотой, если не согласится, — уж очень хотелось кому-то заполучить нашу красавицу. Но Лия и тут не сплоховала. В милицию не пошла. Пошла к бандитам... Признаюсь, не без моего совета, помохи и рекомендации. Ничего особенного и ничего страшного. Связан я с ними. Да и как не быть связанным, когда один из самых мощных наших авторитетов, Сашка Локотков, учился в классе, в коем я значился классным руководителем. И то, что Сашка, он же Локоть, получил аттестат, моя заслуга... Парнем он был, кто спорит, умным... Только ум у него оказался не в пример другим очень, знаете ли, современным. Без комплексов. Как говорится, чисто конкретный ум. Впрочем, я сильно подозреваю, что Лия и сама могла все с Сашкой решить в лучшем виде. У нее тоже был современный ум. Локоть с шоу-бизнесом разобрался жестко и пугающе быстро. Был найден тот, кто пугал кислотой. О том, что с ним сделали, лучше не думать... Лия же Сокольская доучивалась в десятом классе, значилась официальной подругой Локтя (у того, правда, были жена и ребенок) и собиралась завоевывать Москву. При всех ее наполеоновских замыслах смотреть на нее было сущим удовольствием. Лия, проказница, знала, что я влюблен в нее... Нет, не влюблен, конечно. Куда мне. Лия мне не то что в дочери, почти во внучки годилась. Ну, скажем так: неравнодушен. И пользовалась этим безжалостно и нагло. А я только ухмылялся. Грэза она и есть грэза. Пускай себе тешится.

В отличие от класса, где учился умный Герасимов, класс мадемуазель Сокольской я не пощадил и устроил-таки им контрольную... Собрал тетрадки. Следующий мой урок в этом классе приходился на будущую неделю, так что можно было не спешить и спокойно проверить их контрольную дома. И тут обнаружил, что пришел пустым — без старенького кейса, подаренного мне педагогическим коллективом еще на сорокалетие. Пришлось испрашивать у немногих дам, задержавшихся в учительской, лишний полиэтиленовый пакет.

Выходя из школы и заворачивая за угол, столкнулся с Лией Сокольской. При всех обстоятельствах не мог я так просто пройти мимо этого чуда. Тем более, что была она одна, не увивалась подле нее никто из наших лоботрясов... Впрочем, лоботрясы-то как раз и не должны были увиваться. Героев встревать между Лией и ее высоким патроном не находилось. Но не было и подружек, которым Лия позволяла состоять в своих фрейлинах.

— Ну как там моя контрольная? — хихикнув, спросила она.

— Не знаю еще, — так же игриво ответствовал я. — Впрочем, зачем тебе, душа моя, все эти премудрости? Не бери, как говорится, в голову. Тройку я тебе, так уж и быть, поставлю. Ты хотя бы условия переписала?

— Не помню, — нагло ответила она.

— А что домой не идешь?

— Да вот как раз и иду... Жду, чтобы кто-нибудь проводил.

— Вот ведь какая петрушка получается, — сказал я, — я бы тебя с радостью проводил...

— Неужто Сашу боитесь? — продолжала она наглеть.

— Мне, видишь ли, в аптеку надо, — соврал я: не хватало еще, чтобы меня засекли в провожающих.

— Ничего. Доберусь... До свидания. Так я рассчитываю на тройку?

Нет, не упустит она своего... И я целомудренно пошел в другую сторону, сжимая под мышкой расползающийся полиэтиленовый пакет с тетрадками.

Домой я добрался не спеша... И ведь сколько уже лет не о чем было мне беспокоиться, а все равно что-то такое во мне привычно попискивало. Когда-то я имел неосторожность прийти домой в не слишком урочное для себя время. Помнится, прорвало в школе канализацию. Вот всех и повыгоняли средь учебного дня. То, что я застал дома, было мерзко и банально. При этом почему-то именно мне было невыносимо стыдно — будто это я голый судорожно метался по комнате, разыскивая и невпопад напяливая носки, штаны, рубашку. Главное: я не знал, что делать... Бежать на кухню, хватать щербатый длинный нож? Гоняться с ним за полуодетым человеком? Бить жену? Самому бросаться с балкона? Ничего этого я делать не стал. На меня навалилась какая-то вонь, эта вонь разрослась, быстро сделалась невыносимой. И я едва успел запереться в нашем совмещеннном санузле, а там меня долго выворачивало. Пока я отдавал Богу душу в сортире, человек исчез. Жена осталась...

Строго говоря, о ее любовных забавах я догадывался. Да и как иначе, коли она частенько приходила под утро. И пахло от нее чем-то чужим, грязным. Объяснения у нее, конечно, находились. Спектакли, банкеты, юбилеи, концерты, гастроли стилических знаменитостей. Догадываться одно. Знать — другое. Видеть — совсем уже третье. Некоторое время спустя я кое-что узнал. Нашелся "добрый" человек — просветил. Оказалось, что

моя жена в театре считалась великой утешительницей. Вокруг нее коротали жизнь сплошь непризнанные гении, и все они нуждались в утешении. И она давала это утешение. Моральное. И физическое тоже. И эти фигляры совершенно искренне не считали это развратом. То ли они ее в этом убедили, то ли она их. Самое же интересное: это было правдой — способность моей жены утешить. Уж я-то это знал. Потому как я тоже нуждался в утешении.

В тот застигнутый мною раз она утешала подающее большие надежды драматическое дарование. Наш областной театр, как водится, замахнулся на Вильяма, сами понимаете, Шекспира. Только не на "Гамлета" — это выглядело бы совсем уж анекдотично, но на "Макбета". Постановку даже возили в Москву. И одна из центральных газет, дабы поддержать театральную провинцию, выдала сдержанно восторженную рецензию. Дарование тут же возгордилось и стало ждать столичных приглашений. Однако не дождалось. Дарование впало в депрессию. Депрессия и привела его в мою квартиру. Примерно через месяц дарование исчезло... Говорили, что его видели садящимся на московский поезд. Но что с ним случилось в Москве, никто не знал. Ходили слухи, что он напился и утопился.

Бот и спрашивается, с чего это я женился на своей жене? Ответ прост: она согласилась выйти за меня замуж. Я почему-то был уверен, что именно она и согласится. И никакая другая женщина. Тогда мне очень нравилось приходить в театр, сидеть в ее грифферной, видеть, как она работает. Как в ее кресле появлялся новый человек. Позже я наблюдал спектакль из-за кулис. Жизнь в эти минуты раздваивалась. К тому же мне сказали, что есть возможность выбрать для меня однокомнатную квартиру, но только в том случае, если у меня будет семья. В университете мне дали койку в общежитии. А барак мой сгорел. Отец к этому времени уже помер. Мать помыкалась по родственникам. Но у нее уже не было сил обивать пороги в исполнениях. Она надолго попала в больницу, да так оттуда и не вышла. Печальная история, что уж тут говорить. А я, несмотря на все это, рос чистеньkim и умненьким мальчиком. Только вот жить мне было негде.

Сегодня меня ждала пустая квартира. Я повесил куртку в ванную... И тут же принял горячий, почти нестерпимый душ. Выключив воду, услышал, что в комнате гремит телефон.

— Ты дома? — глупо спросила жена. — Почему ты долго не подходил?

- Я принимал душ.
- У тебя все в порядке?
- Да, в порядке.
- Ты пойдешь на дежурство?
- Отдохну немного и пойду...
- Я поняла. Тогда я не буду спешить...
- Хорошо, — согласился я с ней и повесил трубку.

Мне до дурноты захотелось спать. Сказывалась почти бессонная ночь. И надо было высаться: мне предстояло не слишком утомительное, но и не слишком радостное ночное дежурство...

Честно говоря, это была моя основная работа. Оно, конечно... школа оставалась школой. Почти тридцать лет безупречной педагогической, с позволения сказать, деятельности. Не скажу, что все эти тридцать без малого лет сеял разумное, добре и уж тем более вечное. Но все-таки преподавал я не историю — науку, вне всякого сомнения, чрезвычайно вредную и развратную. Я всего лишь пытался хоть кого-то, пусть считанные единицы, пристрастить к логике. Логика неумолима. И коль тебе за труд перестали платить деньги, а воровать и грабить ты не научился, то надо искаст такую работу, которая бы позволила тебе не околеть с голоду.

Так вот — о бандитах и моих связях с ними. Эту работу мне дал Сашка Локоть. Случился в школе вечер встречи выпускников. На тот вечер явился Локоть — во всей своей новорусской красе и, если перейти на современный якобы русский язык, прикиде. Он пришел потешить свое тщеславие. Думаю, что он имел на это право. Уж как его шпионали. Уж как его ненавидели учителя. Прежде всего за независимость, которой он, по их мнению, не смел выказывать в силу своего сугубо плебейско-криминального происхождения. Отец у Сашки сидел многократно. Старший брат переплюнул отца. Мать запуталась в сожителях. Сашку тоже в конце концов посадили. Но после школы. Я его ценил и даже выделял из своего класса как раз за умение логически мыслить. Ни о каких силлогизмах он, само собой, понятия не имел. Математику ненавидел чуть поменьше участкового. Но голова у него работала.

Короче, уж и не помню, как однако я Сашку дотянул до выпускных экзаменов и аттестата.

Потом судьба им покрутила изрядно. Но и он ею покрутил. К неполным тридцати годам он уже был полноценным боссом. Подмял под себя всю область. Знали его и в Москве. Наше милицейское и прочее начальство кормилось у него из рук.

И вот явился он на вечер встречи. Свиту демократично оставил в вестибюле. С собой взял только одного телохранителя с более-менее пристойной мордой. Надо было видеть, как заискивали перед ним бывшие его однокашники и бывшие его хулители-учителя. Иначе, как по имени-отчеству, называть не осмеливались. Хихикали, умилялись... А глазки у всех бегали. Гаже сцены не придумаешь. А Сашка куражился — брал реванш. Накрыл стол — снизу подняли заранее приготовленные блюда с бутербродами, фруктами, салатами, выпивку. Стали тут же пить за дружбу. За школу. Все норовили чокнуться с хозяином. А Локоть скучно и кривовато усмехался, обнажая золотой зуб.

Выбрал минуту, подсел ко мне. "Доволен?" — спросил я его. "Ради этого фуфла, конечно, жить не стоило, но все-таки кайф". "Мелко это все, Александр. Они же тебя ненавидят и презирают".

“То-то и оно. Но жопу готовы лизать. Смотрите, как хавают. Ни один не отказался. Никто не ушел. Халявщики хреновы”. “Прости их, Саша. Другому их не учили”. “Ладно. Как у вас с деньгами?” “С деньгами у меня никак. Но, коли ты собрался меня облагодетельствовать, то позволь послать тебя... В случае чего я могу сделать это и принародно”. “Да нет, — засмутился Локоть, — я же от чистого сердца. Вас-то я с ними не равняю”. “Надеюсь. Но, откровенно говоря, денег нет и не будет. Продал уже кое-что из книг. За гроши, но уж больно жрать хочется. Вот что, Александр. Не найдется ли у тебя какой работенки для меня?” “А на заправке не западло вам будет работать?” “Не западло. Только я с бензином дела никогда не имел”. “С бензином другие будут возиться. При заправке построили мы что-то вроде буфета... Или бистро. Вот туда я могу. Оклад пятьсот”. “Тысяч?” “Каких тысяч — долларов. Работа по ночам будет. Через двое суток на третью”. “Что делать?” “Кофе варить, чай, яичницу жарить, сосиски, котлеты, шашлыки со временем, бутерброды намазывать, водку, коньяк цедить... Дело нехитрое. Так что?”

И стал я работать на бывшего своего ученика, а ныне всеми уважаемого бандита Александра Григорьевича Локоткова. Автозаправочная станция располагалась на западной окраине. Локоть и его братва к этому времени контролировали почти весь областной заправочный бизнес. И, судя по всему, деньги имели бешеные. Сама станция была построена с явной претензией на что-то виденное в заграничном кино. В окошке сидела девочка-куколка. Двое вполне культурного вида и чрезвычайно шустрых парнишек обслуживали клиентов. Станция включала в себя небольшой магазин, где продавались автомобильные принадлежности, и это самое быстро, оно же харчевня или как вам будет угодно. Помещалась в нем стойка с напитками и кофеваркой, полудюжина столов, а сзади была устроена невидимая посетителям кухня. Заправляла тут Полина Казимировна. Она была полячкой, но отнюдь не гордой, а очень работящей и толковой. Полина вполне могла бы управиться и одна, но работать круглые сутки, конечно, была не в состоянии. И ночью ее попеременно подменяли дочь с зятем, племянник и я.

Со временем Локоть именно в мои дежурства заимел обыкновение заезжать в наше бистро для проведения экстренных летучек. Я тут же закрывал входные двери, опускал плотные шторы и прятался на кухне, чтобы не видеть и не слышать. Они даже кофе на этих коротких посиделках варили себе сами.

Сон мой был глубок и безмятежен. Я спал и наслаждался добытым покоем. Однако проснулся вовремя: сказывалась выучка и вечное стремление к обязательности. Хотелось есть, но я уже привык терпеть до прихода в бензозаправочную харчевню. Там я позволял себе немного пороскоществовать.

Жена была права: можно было не спешить. Я стал потихоньку собираясь. Но что-то мешало... Ну-да, я хотел проверить конт-

рольные. С тоской посмотрел на грязный и совсем расплывшийся полиэтиленовый пакет с тетрадками. Вытащил из него тетрадки. Сложил их аккуратной стопочкой на письменном столе. Пакет безжалостно выбросил в мусоропровод, для чего не поленился выйти на лестничную клетку. Что-то заставило меня пересчитать тетрадки. Их должно было быть двадцать восемь. Оказалось двадцать семь. Очевидно, кто-то не сдал... О том, что сам мог потерять тетрадку, я заставил себя не думать. Затем отыскал в шкафу старое свое демисезонное пальто...

Автобусная остановка находилась примерно в полкилометре от заправки, так что надо было еще минут пятнадцать месить грязь в темнотице. Город кончался. Шоссе уходило в глубь России. И там, в этой российской глубине, было совсем темно. И холодно.

Я поздоровался с куколкой в кассовом окошке и прошел в харчевню. Там уже стоял "Жигуленок", на котором зять нашей Казимировны имел обыкновение приезжать за ней и увозить домой. Сам зять сидел за крайним столиком, пил лимонад и читал "Горожанина". Казимировна прибиралась на кухне. Судя по всему, с клиентами сегодня дела обстояли плохо. Так оно и должно было быть. Летом и ранней осенью через нашу заправку с севера люди ехали на юг. И обратно. До весны мы могли в основном рассчитывать на дальнобойщиков. Заработок Полины Казимировны зависел от наличия клиентуры, потому она и ходила хмурой. Меня же потеря популярности нашей харчевни радowała. Можно было спокойно вздремнуть ночью.

— Три человека было, — доложила Казимировна. — За целый день.

— Немало, — ободрил ее я. — Позавчера только один заглянул.

— В гробу я видела такой прогресс, — огрызнулась Казимировна.

Она спрятала какие-то деньги в сейф, заперла его, оделась и, не оглядываясь ни на меня, ни на зятя, вышла вон.

Я прикрыл за ней дверь. Тут же рядом, над умывальником, висело небольшое зеркало. Я внимательно присмотрелся к себе. Красные пятна на висках пожухли...

Через десять минут после ухода Казимировны в харчевню заглянула куколка из кассы. Спросила кофе. И я сделал ей капучино. Почему-то считалось, что я его хорошо готовлю.

Села она на самом виду. Чтобы дать мне возможность разглядеть весь ее кукольный организм. Воткнула в уши плеерные затычки. Пила кофе, причмокивала, плечиками в такт не слышной мне музыке подрагивала и косила на меня кроличими своими глазками. Я посмотрел на часы. Было почти девять. Я включил телевизор, который громоздился на специальном штативе слева от стойки. Должны были передавать местную информационную программу. Наладив прибор, сел на

ближайший стул и демонстративно повернулся спиной к куколке...

На экране появилась заставка наших городских вечерних новостей. Сначала возникла дикторша с короткой мальчишеской прической и в принятой теперь развязной манере принялась рассказывать об очередном заседании городской думы. Пошли кадры самого заседания. Потом в телевизоре митинговали какие-то люди... Кажется, это были врачи. Речь шла все о том же — им уже полгода не платили зарплату...

Наконец зазвучала отвратительная музыка, предшествующая криминальным новостям. В экран с присущим ему идиотским апгрейдом вплыл мой знакомец Худяков.

— Сегодня в городе совершило убийство, которое заставило вспомнить события более чем семилетней давности, когда город жил в ужасе, имя которому Михаил Турцевич.

На экране появились кадры оперативной видеосъемки. Озаренный тяжелым, источаемым переносными софитами светом наш школьный двор. Наезд на сарай, на то самое нелепое сооружение, которое я рассматривал сегодня утром из окна класса. Какие-то люди около сарая. Проем в заборе, ведущий на пустырь.

Отъезд камеры в сторону. Она мотается в руках оператора. В кадр попадает коротконогий милиционер, вытирающий пот внутри своей фуражки. У него злое лицо. Еще чьи-то лица. И тоже злые. Оператор заворачивает за угол сарая.

Я увидел... Она лежала, подогнув руки. Ее лицо совсем не изменилось. Только одна щека была черной. Я понял, что ее залила кровь. И страшная, широкая рана... Во всю шею. И распахнутая куртка. И порванная шерстяная кофточка. И еще задранная юбка, обнажающая... И опять ее лицо. И открытые глаза. И было видно, что идет редкий снег. Камера опять чуть дернулась... Наверно, кто-то неловко подтолкнул оператора. На мгновение я заметил белое пятно неподалеку от головы...

Сволочь Худяков тем временем проникновенно вещал за кадром:

— Ученицу выпускного класса Лилю Сокольскую нашли сегодня около шести часов вечера в школьном дворе... По какому-то кошмарному совпадению это та самая школа, в которой когда-то работал Михаил Турцевич, самый кошмарный серийный убийца нашего города. Страшно об этом говорить, но в этом убийстве виден почерк Турцевича: перерезанное горло, отсутствуют следы сексуального насилия. Неужели новый Турцевич, неужели новое его земное воплощение? — Тут Худяков явно пережал, но эффекта, конечно, достиг.

Короткий перебив на экране. Вечерние городские улицы. Хмурая толпа. Грязные машины... Сквозь эту мишуре проплыло лицо Турцевича — это была та самая фотография, которую я видел в редакции.

— Лия ушла из школы, но домой так и не пришла. Утром этого дня возле школы был замечен молодой, высокий человек. По словам очевидцев, он что-то выискивал в школьном дворе, как раз около того места, где несколько часов спустя была найдена мертвая девочка. Вызванный сразу же наряд милиции этого человека уже не застал.

Опять студия. И опять на экране Худяков.

— Вот его приметы: высокий, худой, на вид лет двадцать, длинные светлые волосы, одет в кожаную короткую куртку и серый свитер, джинсы, на ногах высокие башмаки на шнурковке с толстыми подошвами. Всех, кто мог видеть человека с такими внешними данными, управление внутренних дел просит позвонить по телефонам, которые сейчас появятся на экране. В городе введена система "Перехват". Блокированы железнодорожный и автовокзалы, аэропорт. Мы пока ничего не можем сказать о мотивах или о причинах страшного преступления, в результате которого погибла молодая, красивая девушка. Это предстоит выяснить следствию. Мы можем только констатировать: убийства в нашем городе стали нормой...

— Ничего себе, — сказала сзади меня куколка. — Это ж... Вы знаете, кто это? Убитая?

— Знаю, — ответил я, не оборачиваясь. — Моя ученица.

— Да причем здесь ученица! Это ж хозяина нашего зазноба. Господи, что ж теперь будет? Ну я этому типу не позавидую... Хозяин его из-под земли достанет. Побегу звонить...

Но побежать ей не удалось...

За дверью послышалась возня и характерное позвякивание. И после секундной паузы в харчевню завалились Василий Иванович и Петьяка. Это были местные гаишники, мотающиеся по трассе. И вся трасса их знала только под этими именами. Василий Иванович и Петьяка давно иочно находились на довольствии у Сашки, обеспечивая его братве беспрепятственный сбор дани по всей трассе границы области. В этот раз с ними был еще кто-то...

Мгновенно оценив обстановку, тот, кого звали Василием Ивановичем, сказал:

— Эй, Наташка, да ты никак учителя попробовать вознамерилась?

— Тебе-то что? — огрызнулась куколка.

— Да ты вроде как мне первому обещала, — и Василий Иванович издал короткое ржание.

— Что есть будете? — прервал я гаишника.

— Да мы уже пошабашили, домой едем, — ответил Василий Иванович. — Ты нам бутылочку сообрази и колбаски какой получше, ну еще сырку поруби.

— И сигарет, — добавил Петьяка.

— Ладно, пойду я, — сказала куколка.

Василий Иванович тут же облапил ее.

— Пусти, зараза, слаксы порвешь. — Куколка выскользнула из гаишных лап, поправила свитерок и, покачивая бедрами, отправилась на заправку.

По дороге она была вынуждена обойти того третьего, что появился вместе с гаишниками. Он неуклюже отступил в сторону и опрокинул стул.

— Эй, ты, — прикрикнул на него Петьяка, — не шебуршишь. А то оприходуем за сопротивление.

Человек нагнулся, поднял стул, аккуратно поставил его на место. Распрямился. И я узнал его...

Но и куколка оказалась не промах. Она почти вышла из харчевни, но резко затормозила в дверях, медленно повернулась и принялась в упор рассматривать приведенного гаишниками человека.

— Мужики, — сказала она хрипло, — а ведь это он... Высокий, худой, белесый, патлы длинные, куртка, джинсы. Ой, мужики! Держите его!

И она неловко шарахнулась в сторону, освобождая человеку выход. Но тот стоял себе, как стоял.

— Наташк, ты чего? — испугался Василий Иванович.

— А вы и не знаете, что случилось?

— Погоди, он что — тебя домогался? Так это мы в миг оформим...

— Да не меня, не меня... Он ученицу в городе сегодня убил. Только что по ящику передали.

— С чего ты взяла? Почему он?

— Приметы все совпадают... Вот и учитель подтвердит. Держите его, ребята...

Надо отдать должное гаишникам: Петьяка моментально выволок из-за пазухи короткий автомат и уставил его в живот своему пленнику. А Василий Иванович протиснулся между пленником и дверью. Пленник же растерянно крутил головой...

Почувствовав себя хозяином положения, Василий Иванович подступил к нему:

— Так... Медленно поднял руки. Медленно, я говорю. Поверни. Давай сюда левую. Теперь правую... Все, охомутал, — доложил он Петьяке, и Петьяка чуть расслабился. Затем Василий Иванович охлопал человека короткопальными своими клешнями и опять доложился: — Вроде нет ничего. Давай, звони дежурному... А то на трассе рапция ни хрена не берет.

— Садись, — приказал Петьяка человеку. — Посмотри, пока я звоню, какие там у него есть документы.

— Подожди, — вмешалась куколка, — ты в ментовку собираешься звонить?

— А куда же? Дежурному по городу для начала...

— Для начала ты Локтя позвони.

— Зачем?

— Так ведь это его любовницу зарезали.

— Что-то я не пойму... Ну и что из того, что любовницу? Откуда нам знать: тот это хмырь, не тот... Мало ли что тебе могло пригодиться.

— Не привиделось, — сказал я. — Девочка права. Его приметы милиции я дал. Еще утром... Это моя ученица погибла. Не знаю, конечно, он не он, но я его видел около школы. И ищут именно его...

— Ничего себе закрут, — протянул Василий Иванович. — И вправду, надо бы Александру сообщить. А то... Как только звонить-то? Куда?

— Пойдем, — сказала куколка, — ребята на заправке знают.

Они ушли. Я сходил в подсобку, вытащил из ящика бутылку "Абсолюта". Из кухонного холодильника извлек палку колбасы и упаковку уже порезанного сыра. Все это сложил в полиэтиленовый пакет, добавил две пачки "Кэмела".

— Так, — услышал я, возвращаясь со всем этим хозяйством в зал, — выходит, ты у нас Полозов Алексей Михайлович. А прописан ты не у нас, в Томске, выходит, ты прописан. Ну и кто ты есть?

Человек что-то тихо ответил.

— Значит, безработный. Не бомж? Ну-да, раз паспорт с пропиской. Чего так? Не работается?

И еще раз долетел до меня шелестящий звук.

— К родственнику, говоришь, заезжал... Ну и что ты на шоссе в темноте делал? Ждал кого? Шел куда? На попутных хотел до города добраться. Откуда? Из Фомичево? Родственник там живет, говоришь... Ладно, пока что я твой паспорт по ЦАБУ прокачаю. Дозвониться бы только до них.

Гаишник Петька некоторое время возился с облезлым радиотелефоном, однако дозвонился, сообщил паспортные данные парня, залез в подготовленный мною пакет, извлек сигаретную пачку и с видимым удовольствием закурил. Парень заерзal...

— Сидеть! — прикрикнул на него Петька.

Посыпалось жужжание, и Петька приник к рации покрасневшим ухом. Через полминуты прослушивания и без того не слишком выразительное Петькино лицо окончательно закаменело, глаза сделались плоскими и вроде как побелели, а рука с автоматом принялась судорожно двигаться, будто автомат обжигал ее...

— Понял, — сказал Петька и отключился. И тут же в дверях возник его напарник.

— Считай, дозвонился, — сказал Василий Иванович. — Самого Александра не застал, но обещали немедленно дождаться. Велено пока тут подождать. Не рыпаться.

— И сколько ждать? — прищурив глаза, спросил Петька. — Тут, брат, такие дела, что не приведи Господь... Я ведь его паспорт прокачал. Ты знаешь, кто это?

— Неужто Чубайс? — попытался сострить Василий Иванович.

— Поднимай выше. Сын Турцевича...

После длинной, тяжкой паузы Василий Иванович разразился не менее длинным и тяжким ругательством.

— Вот я и говорю, — подытожил Петька.

— Ну-касся. — Василий Иванович потянулся за паспортом.

— Нечего там смотреть, — остановил его Петька. — Ему фамилию сменили.

Я оторвался от стойки. Подошел чуть поближе. Разглядел. Не совсем, конечно, но похож. Худой... Турцевич-то с годами изрядно пополнел... Даже обрюзг. Но вот та фотография, которую я видел в редакции. Там Турцевич снят после нескольких месяцев тюрьмы. Вот на такого Турцевича этот парень похож еще больше. Это и зацепило меня тогда... Теперь с этими моими ощущениями, будь они неладны, наступила ясность. Что само по себе уже неплохо. Взял его паспорт, пролистал до фотографии: сходство усилилось...

— Ты, учитель, того, — предупредил меня Василий Иванович, — ты лучше близко не подходи. Ты лучше дверь закрой. Слушай, — повернулся он к Петьке, — может, все-таки нашим позовим. Дело-то нешуточное...

— Это мы всегда успеем... Тем более, что Локтя уже известили. Полчаса туда-сюда — ничего страшного. Я так думаю, надо пока на Локтя малость поработать. Хуже не будет. Локоть, коли этот его девчонку замочил, пусть и решает. А нам, авось, зачтется.

— Я никого не убивал, — наконец-то внятно сказал парень. И повторил: — Не убивал...

— Ага, папаня твой на суде тоже вот так же верещал, — откликнулся Петька. — Я тогда в курсантах ходил, нас в областной суд посылали. Беспорядков боялись. Я у дверей стоял, слышал... Мразь...

— Была б моя воля, — сказал Василий Иванович, — я бы тебя, выблядок, вывел сейчас на обочину. И на всю обойму... Слушай, напарник, давай по чуть-чуть. Невмоготу мне.

— Если по соточки только... Учитель, принеси-ка нам стаканы, не сочти за труд. И давай с нами...

Я извлек из-под стойки два высоких стакана, поставил перед ними. Петька уже сворачивал пробку с "Абсолюта".

Обошлись без закуски. Но сразу задымили халявным "Кэмемлом".

— Можно мне закурить? — попросил парень.

Между гаишниками возник спор: разрешить ему курить или нет. В конце концов Петька опять уставил автоматное дуло в живот пленнику, а Василий Иванович освободил ему одну руку, зато другую прикантовал наручниками к столу.

— Только ты наши курить будешь... Неизвестно, что у тебя за сигареты, может, они венцом окажутся, — выказал опытную расчетливость Василий Иванович.

Парень закурил и знакомо дернул плечом. Петька же неожиданно произнес:

— А ведь я и тебя помню. Как же... Не то, чтобы помню, но видел. Хотя и мельком. Пацаном ты еще был. Нас, курсантов, когда вся эта катафасия с твоим папашей творилась, не только в суд гоняли, но и к дому... Ну, в котором он жил тогда. Чтобы, значит, народ семью его на площади не распаял. А распять очень даже хотели. Особенно отцы. Я тебя тогда, считай, от смерти спас. Зря, выходит. Из милиции меня бы выгнали. Зато была бы сейчас эта девчонка жива-здорова...

Парень глубоко затянулся, закашлялся... С трудом сказал:

— Я помню... Те милиционеры, что дежурили, тоже готовы были нас убить. Один так прямо и сказал. Стекла нам побили. Не милиционеры, конечно. Те, кто узнал, где мы живем. Мать просила вставить. Не вставили. Пришлось окна занавешивать одеялами. Но они громко кричали.

— Кто кричал? — спросил Петька.

— Люди, которые приходили к нам, чтобы убить. Я прятался в ванную. Затыкал уши вот такими клошками ваты. Но все равно слышал. А из города нас увозили ночью. Не знаю, как-то быстро нашелся вариант обмена... Кто-то согласился. А, может, его ввели в заблуждение. А когда переехал, было уже поздно... Не знаю. Мама недавно умерла...

— Ну, ладно, — сказал Василий Иванович. — Жил ты себе в Томске и жил. Никто тебя не знал... Чего же это ты к нам-то присеря? Или в Томске девок своих нет?

— Реабилитировать, — ответил парень, откашлявшись.

— Чего? — не понял гаишник.

— Я сюда приехал, чтобы реабилитировать отца. Вы знаете, что такое реабилитация?..

Со стороны заправки послышался шум: короткий визг тормозов, хлопанье дверей, неясные голоса...

— Ну вот и дореабилитировался, — раздумчиво сказал Василий Иванович. — Локоть приехал...

Я открыл дверь. Первым вошел постоянный Сашкин телохранитель, он же начальник всей его службы безопасности, в прошлом небезызвестный в области сыскарь... Звали его Борисом, а вот фамилия у него была Варенберг, хотя и без фамилии его подгулявшая физиономия была заметна за версту. Что и стало главной причиной его ухода из милиции: дослужился он там до капитана, а дальше — тишина. Борис повертел своим выдающимся носом, оценил обстановку — при этом на нашего пленника он даже не взглянул. За ним медленно появился Локотков — в черном до пят пальто. Прочая его свита тоже хотела было сунуться в харчевню, но Локоть прорычал что-то нечленораздельное, и свита осталась не у дел. Александр молча прошел меж столиками, сел в самый угол, подозвал меня... Я не стал тратить время и сразу привнес ему полный стакан водки и тарелочку с маслинами. Он кив-

нул и повел рукой. Я догадался, что надо занавесить нашу полу-стекляшку.

Пока я опускал шторы, Варенберг успел выслушать гаишников, уловил суть событий и присвистнул. Потом сказал:

— Ничего себе! Александр Григорьевич, это же сын Турцевича!

— Кого? — тихо, как будто ему было больно говорить, отозвался Локоть.

— Того самого Турцевича, маньяка нашего.

— Вот оно что... Помянули мы с вами, учитель, его на днях... Имя назвали, он и явился. Ладно... Я вызвал, я и обратно отправлю.

— Александр Григорьевич, надо бы кое-что выяснить, — сказал Борис.

— Тебе интересно — ты и выясняй.

— А как с нами, — встрял Петъка, — мы же...

— Свободны, — бросил им Варенберг, — благодарю за службу.

— Да нет, мы понимаем, только ведь... Кабы не мы...

— Деньжат по легкому срубить вознамерились? — неожиданно ощерился Борис. — Вы же его от скуки на остановке подобрали. Вы же поначалу его выпотрошить хотели, а тут вдруг ни с того ни с сего такое обломилось. Герои хреновы!

— Боря, ну их, — вяло махнул рукой Александр. — Эй, служба, идите сюда...

Он порылся в кармане, достал пригоршню мятых долларов, всунул в руку стоящего к нему поближе Василия Ивановича.

— Помяните... И чтобы я вас сегодня больше не видел.

Варенберг же внимательно взгляделся в Турцевича:

— Все правильно, совпадают приметы. Александр Григорьевич, простите, но вопросы у меня будут... Может, вам лучше уйти?

— Валяй, Боря, сам выйду, коли невмоготу станет.

— Господин учитель, — обратился Боря ко мне, — ради Бога извините, до сих пор не знаю вашего имени-отчества... Выходит, вы его видели?

Я рассказал, как было дело.

— Ну что ж... Все сходится. И что же ты делал в школьном дворе, когда тебя увидели?

— Ничего... Наш дом от школы неподалеку, через пустырь. Вот я и ходил, смотрел, вспоминал. Я на этом школьном дворе часто играл в детстве.

— Ага, значит, не отрицаешь, что был там.

— Я не убивал.

— Погоди. Я вот чего хочу знать: зачем ты вернулся в город? Не ровен час, узнал бы тебя кто. Школьные товарищи, соседи. И пошло бы поехало. Допустим, не пристукнули бы. Но от журналистов бы тебе проходу не было. И узнала бы тебя вся страна. И вся эта канитель с изменением фамилии, с переездом — коту под хвост. И вся жизнь, считай, насмарку... Согласен?

— Да. Но меня вызвали сюда телеграммой, сам бы я, конечно, не поехал.

— Кто вызвал, какой телеграммой?

— Я сейчас покажу...

Он принялся рыться в карманах, заглянул в паспорт, отодвинулся от стола и оглядел пол...

— Не знаю... Куда-то делась. Может, эти... Ну, которые меня на остановке взяли... Могли унести.

— Это мы проверим. — Борис достал мобильный телефон, быстро набрал номер и совсем неразличимым голосом отдал кому-то распоряжение. — А что было в телеграмме-то? Кто ее тебе послал?

— Там стояла подпись — Степных.

Лица Варенберга я не видел, но и по стриженному его затылку было видно, как он подобрался.

— Кто такой Степных? — спросил Борис.

— Это... Я знаю, что он вел дело моего отца.

— Когда ты получил телеграмму?

— Дней пять назад... Вот, а в телеграмме было... В общем появились доказательства невиновности моего отца.

— Что?! Степных тебе такую телеграмму прислал? И что же он тебе сказал при личной встрече? Ты ведь его видел?

Не знаю, как лицо, а затылок Варенberга прямо-таки исходил флюидами: вот сейчас-то я тебя и поймаю.

— Нет, — ответил сын Турцевича. — В условленное место... Это на главпочтамте... Он не пришел. Но в телеграмме он дал адрес дачи, где его можно найти в тот же день, если он не придет... Я поехал на дачу. Ну, а там пожар... Мне сказали, что хозяин... Степных то есть... сгорел.

— Так... А где ж ты остановился?

— Да нигде. Хотел было к двоюродному брату, только он меня не пустил. А ночевал в вагонах, в отстойнике... Там дешево.

— Сгорел, значит, Степных... И, стало быть, документы или что там у него было насчет невиновности твоего отца тоже... Так?

— Не знаю. Может быть...

— А почему ты решил, что Степных что-то такое... Ты не прикидывал: зачем человеку, который твоего отца к стенке прислонил, вдруг все с ног на голову переворачивать?

— Откуда ж мне знать. Но я не убивал, поверьте... Я даже не знаю, кого убили...

— Подожди... Выходит, ты поверил, что твой отец невиновен? Получил телеграмму и сразу поверил...

— Я и раньше об этом знал. Мой отец невиновен...

— Ну, сказать и подумать всякое можно. Ты не сочи за труд — объясни.

— Борис, — подал голос Локоть, — чего ты с ним мурлышишься? Чего ради мы должны его слушать?

— Александр Григорьевич... Мне кое-что уточнить надо. Чтобы потом зря грех на душу не брать... К тому же время у нас есть...

— Как знаешь, — нехотя согласился Локоть. К этому времени я поставил перед ним второй стакан. А к маслинам он так и не притронулся.

— Так я тебя внимательно слушаю, — Варенберг заглянул в паспорт, — Алексей Михайлович.

— Нет, сперва я тоже думал, что мой отец убийца... Да и как не думать, когда во всех газетах, по телевизору с утра до ночи — Турцевич, Турцевич... А потом, когда отца уже приговорили, попалась мне газета, а в ней интервью... Большое такое, подробное. Знаете, кого в этом интервью спрашивали? Степных... Его попросили рассказать о некоторых убийствах. Он и рассказал об убийстве двух девочек-близняшек. Я запомнил... Потому как он сказал, что убили их вечером 30 июля. Между половиной десятого и десятью. Но дело в том, что 30 июля — мой день рождения. Может паспорт посмотреть.

Борис не спеша взял паспорт, посмотрел и спросил:

— Ну и что из этого?

— В этот день отец был дома. Он был дома с семи вечера! Понимаете? И никуда не выходил. Потому что мы сидели за столом. Я, мать и отец. И не в городе! В том самом Фомичево, где у меня двоюродный брат. Мы там лето иногда проводили.

— Ты мог ошибиться.

— Но ведь я не запоминал дни, откуда мне было знать, что их надо было запоминать. Но свой день рождения я все-таки знаю.

— И что дальше?

— А дальше тот же начальник Степных сказал, что в школьной оранжерее... Ну, ее отец организовал, он в ней растения всякие выращивал... Потом, когда его уже взяли, нашли... Нашли поясок. Дешевый, из кожемита. Этим пояском была какая-то пальма подвязана... Чтобы крепче стояла. И поясок этот... Ну вы понимаете... принадлежал одной из этих девочек. Значит, его подбросили. Специально, чтобы доказать... Я-то точно знаю: этих девочек отец не убивал. А раз он не убивал девочек, то и всех прочих на него просто навесили.

— Убедительно, — неожиданно согласился Варенберг. И тут же замурлыкал лежащий перед ним телефон. Борис не спеша откинулся на спинку кресла, открыл мембранный колпачок и приложил ухо к телефону: — Ну? — спросил он раздраженно и принял положение слушателя. Потом сказал: — Ты ничего не перепутал? Нет? Тогда сиди, я тебе минут через десять перезвоню.

Встал, прошелся по проходу, поравнялся со мной.

— Н-да, убедительно, — повторил он тусклым голосом. — Только вот телеграммы, о которой ты говорил, у гаишников не нашли. Да и сами они ее в глаза не видели. Ну да ладно... Ты ведь мог ее и потерять — верно?

Парень кивнул.

— Скажи, пожалуйста, ты не помнишь адрес, по которому вы жили... Не в Томске, а здесь.

— Помню, — ответил парень. — Улица Груничева, дом четырех...

— Ну-ну, полный адрес, — потребовал Борис.

— Дом четыре, второй корпус, квартира пятьдесят семь...

И наступила тишина. Вместо того, чтобы задать очередной вопрос, Варенберг посмотрел на Локтя, а тот поднял голову и судорожно допил остатки водки в стакане.

— Повтори! — тихо приказал Локоть.

Парень втянул голову в плечи и повторил. Локоть хотел что-то сказать, но Борис опередил его:

— Понятно, понятно... Эй, на вахте!

В дверях тут же возникла чья-то безразмерная фигура.

— Руслан, отведи-ка хлопца в машину, — приказал Борис. — И повнимательнее, повнимательнее с ним, чтобы глупостей не наделал. Мы подойдем...

Вслед за Русланом появилось еще двое. Они лязгнули наручниками и легко вытащили парня из-за стола.

— Подождите, — начал было верещать он, — что вы хотите делать?

— Иди-иди, — ласково, так, что у меня заныло в животе, сказал Варенберг. — Посиди в машине, подыши воздухом. Мы скоро.

— Я не убивал никого...

— Да, конечно, ты — хлопец тихий, спокойный... Я долго буду ждать?! — прикрикнул Борис на своих. И они исчезли.

— Ну, что скажешь? — спросил Локоть.

— Тут психиатр требуется, чтобы все с точностью...

— Где я тебе средь ночи его добуду?

— Тогда навскидку... У клиента нашего уехала крыша. Причем, давно и, надо думать, навсегда. Что немудрено... Ему сколько было, когда поймали Турцевича? Лет двенадцать-тринадцать. Тут у любого пацана мозги набекрень пойдут. А у этого еще и наследственность. Я с такими случаями сталкивался... Меня тут однажды смущало. Уж больно ловко он Степныхха приплел. Нет, честное слово, неплохой расчет. День рождения. Интервью это степныхховское. Иван-то наш Иванович, царствие ему небесное, одно время очень был популярен. Ни одного журналиста не обидел. Еще отец мой его за это при каждом случае шпнялял. Степныхх-то убати моего покойного, когда тот замок в угро был, в подчиненных ходил. Батя его, собственно, в люди вывел. Вот Степныхх в рот ему и смотрел. И вот — пожалуйста: прокололся... Раскрыл детали и спровоцировал мальчишку. Раз день рождения, то отец обязательно был за столом. Убедить себя в этом и здоровый человек может запросто. Самовнушение, так сказать... А раз был, то не убивал. А раз не убивал, то поясок с убитой девочкой кто-то подбросил... Кто-то... Это ведь и Степныхх со своими сыскарями мог. Я грешным делом такой вариант исключить не могу. Помнится, батя покойный и этому его учил — но чтобы обязательно по уму.

Только, насколько я помню, в деле этом доказательств хватало... Одно то, что две недобитые барышни в упор Турцевича признали, ставили его к стенке. Самое же главное: после того, как поймали Турцевича, такие убийства в городе прекратились... Словом, зацвеклился парень на отцовской невиновности. Поверил в нее — крепче некуда. Подрос. И решил отомстить. И начал он со Степных. Мог представиться журналистом, Иван губы и раскатал. А почему он убил... Почему Лилю убил, вы, Александр Григорьевич, уже знаете.

— Да, — отозвался Локоть. — Как же это ты догадался его об адресе спросить?

— Оперативное озарение. Штука нечастая, но эффектная. Если серьезно, то с какой стати он убил именно ее? Такие совпадения просто так не случаются. Именно ее он и выслеживал, именно ее ему и нужно было. Она, простите ради Бога, такая красивая, упакованная, и в его бывшей квартире...

— Но ведь не виновата она в этом. Никто в этом не виноват, — начал шептать Локоть. — Ну, досталась не ей даже — ее родителям — эта квартира... Что в этом особенного? За что же тут убивать?

— У него своя логика — не забывайте. Разбираться в ней прошу нет. Так уж у него заклинило. Маньяк — сын маньяка. Пускай теперь с этим следователи валандаются.

— Какие еще следователи?

— Так ведь...

— Подожди, Борис... Ты мне вот что скажи... Лоб ему зеленкой намажут? Или все-таки в пожизненное отправят? Или что?

— Утверждать не берусь, но думаю, что спрячут его в спецпсихушку... Потому как он и в самом деле болен, от него так и прет шизухой. К тому же осень на дворе, у этой публики аккурат обострения начинаются. В психушке его, конечно, сотрут, но он этого не заметит: уйдет потихоньку умом.

— Что ты предлагаешь? — спросил Локоть.

— Я бы его все-таки отдал милиции. Самим не надо. Город взбаламучен. Телевидение сегодня уже оттянулось. Завтра газеты подхватят. Через неделю до Москвы доползет. Да что я вам объясняю, вы лучше меня понимаете, чем наша самодеятельность может обернуться. Кончится все тем, что погонят начальника ГУВД. Пока с новым разберемся... Мне кажется, не тот это случай, чтобы ментов за кулисами держать. Я бы нашему угро дал шанс проявить повышенный героизм и решимость.

Локоть посмотрел на меня... Я поставил чашку с кофе перед Варенбергом и сказал:

— Я восторгаюсь вашим, Борис, профессионализмом, но мало ли какие бывают в жизни совпадения. Вы что, на сто процентов уверены, что это он? Этот несчастный мальчик?

— Мальчик и впрямь несчастный. Но какой толк в том, что мы считаем его таковым? А насчет совпадений... В жизни они бы-

вают всякие — это правильно. А в смерти совпадений не бывает. Можете вы опровергнуть мои выводы?

— Нет у меня такой возможности. Но и у вас, кроме совпадений, ничего нет. Совершить злодеяние мог совершенно другой человек... Скажем, этот, как его... Лифтер!

— С ним мы вчера разобрались, — сказал Локоть. — Выдернули козла из щели. Тоже на всю голову трахнутый. Даже бить не стали. Ребята сказали, противно им. Пока передали мэру. Пусть думает...

— Но иной раз преступление происходит спонтанно. А, может, кто этого мальчика каким-то изощренным образом подставил.

— Такие, учитель, преступления на пустом месте, с бухты-бахты не случаются. Тогда уж давайте приплетем сюда что-нибудь и похлеще. А вдруг в городе вампир завелся? Или оборотень? Или прилетели к нам инопланетяне, которые молодыми девчонками питаются? Кому он нужен, чтоб его подставлять? Кто вообще знал о нем? Бросьте. У меня есть мотив... Это месть. Страшный мотив. Железный.

— Сами же говорили, что этот мальчик болен.

— Правильно. Но кому от этого легче?

— Ладно, — подал голос Локоть. — Поговорили. Постарел я сегодня... Я думал, что только после разборок старею. А тут — круче не бывает. Плесните мне, учитель. Я Лию помяну. И себе налейте. И Борису.

Я сходил за бутылкой и еще двумя стаканами. Разлил водку. Локоть продолжил:

— В натуре надо бы мне самому с этим... с сыном... поговорить. Да так, чтобы он то же самое почувствовал, что и Лия. Я — вор. Меня не за фуфло короновали. Мне положено свои дела самому решать. Да только постарел я и ослабел. Делай, Борис, как считаешь нужным. Помянем...

Он выпил свой стакан, тут же поднялся.

— Пойдем, Борис. Не будем тянуть, давай звони, куда надо... Чтобы через час я об этом не думал. Признаюсь, не по мне все это... Если бы от этого облегчение какое настало, только не будет мне теперь никакого облегчения. Пошли...

И он распахнул дверь. Борис повернулся ко мне:

— Вот что... На всякий случай, конечно. Не надо никому говорить обо всем этом. Вряд ли кто спросит, но имейте в виду...

Я вышел вслед за ними. Борис собрал вокруг себя своих бойцов и принял что-то тихо им внушать. Бойцы мрачно покачивали стрижеными затылками и сплевывали себе под ноги. Александр, как мне показалось, сомнабулически застыл около своего "мерседеса". К нему тут же подскочил шофер. Открыл заднюю дверцу. И Локоть неуклюже залез внутрь. Пленника я не видел... И только тогда, когда машины начали одна за другой отчаливать от кафе, в третьей по счету я сумел разглядеть вытянутое, в лег-

ком неряшливом пушке лице, которое почти сливалось с белесыми, длинными волосами. Он сидел между двумя огромными черными охранниками. Он смотрел в мою сторону...

Я вернулся в опустевшее кафе. Тщательно закрыл дверь. И первым делом зашел в подсобку. Придирчиво осмотрел свою физиономию в зеркале. Экзема исчезла.

Я чуть выдвинул из угла старое кресло и откинулся в нем, разувшись и положив ноги на табуретку. Иногда человеку всего-то и надо: откинуться вот этак в кресле, вытянуть освобожденные от башмачных оков ноги, полулежать, ни о чем не думать. И только ощущать, что жив, что ничего не болит, что легко дышится. И какой резон искать этот самый смысл собственной жизни, когда его можно просто почувствовать.

Утром я успел прибрать в подсобке и в самом кафе. Открыл дверь, дабы лишний раз не возбуждать недовольство помешанной на клиентах Полины Казимировны, зажарил себе яичницу с ветчиной, заварил чай и включил телевизор.

До восьми утра шла московская утренняя программа, обильно унавоженная рекламой. В восемь начало трансляции местное телевидение. На экране возникла красногубая, уже полнеющая девица. Не успев поздороваться, бросилась с места в карьер:

— Вчера мы сообщали о потрясшем наш город убийстве школьницы десятого класса Лии Сокольской.

Появились вчерашние кадры. Опять я увидел мертвую Лию, залитую кровью щеку, запрокинутую голову и какое-то белое пятно рядом. Дикторша, между тем, продолжала:

— Этой ночью недалеко от поселка Фомичево сотрудниками отдела по расследованию убийств управления уголовного розыска, областной прокуратуры и спецподразделений милиции была проведена операция по задержанию убийцы. В дежурную часть областного управления внутренних дел поступил сигнал, что человек, приметы которого совпадали с приметами подозреваемого, был замечен в районе садового кооператива "Чкаловец". У нас есть уникальная возможность показать вам отдельные фрагменты из оперативной видеосъемки, проведенной экспертно-криминалистическим отделом УВД. То, что вы узнаете, просмотрев эти кадры, настоящая сенсация...

По экрану поплыла чернота. Раздалось шуршание, протяжный скрип, можно было различить чье-то тяжелое дыхание — скорее всего, это был оператор. Из тьмы выплыли очертания крахистых людей в камуфляже и в масках. Затем где-то сбоку вспыхнул свет. Он метнулся вправо. На экране появилась однотажная дачная хибара. И тут же раздались выстрелы. Оператор вновь перевел камеру на людей в камуфляжной форме. Они судорожно разбежались в стороны.

Смена кадра. Теперь оператор снимал дверь в хибару. По обе стороны от нее стояли два камуфляжных человека с короткими автоматами. Тут же кто-то загородил камеру спиной, раздался

треск. Спина канула в сторону. Вместо двери был черный провал, и те двое, что стояли по сторонам, стреляли в него короткими очередями.

Еще одна смена кадра.

Он лежал среди скомканных тряпок. Одна из пуль раздробила ему челюсть. Из его теперь уже покривевшего лица выпирали показавшиеся мне необычайно широкими зубы. Оператор повел камерой. Около трупа лежал автомат...

На этих кадрах вступила дикторша:

— Вот что сообщает с места событий наш корреспондент Владимир Худяков.

Володька вполне картинно стоял на фоне милицейского микропарка.

— Сегодня ночью в ходе завязавшейся перестрелки был ликвидирован убийца Лии Сокольской. Преступник оказался вооружен автоматом Калашникова. На требование сдаться ответил категорическим отказом. Более того, открыл огонь. В результате был ранен сержант ОМОНа Николай Тишин. Участвующим в операции сотрудникам милиции пришлось вести огонь на поражение. Но кто же этот человек, принесший в наш город очередной ужас? С этим вопросом мы обратились к заместителю начальника управления внутренних дел области полковнику Стрижевскому.

Володька сделал, судя по всему, хорошо спретированный пируэт и оказался рядом с человеком в форменной куртке. Лицо у человека сразу задеревенело.

— Прежде всего, Анатолий Фомич, как органы внутренних дел узнали о местонахождении преступника? — задал ему вопрос Худяков.

— Благодаря четко спланированным оперативным действиям в ноль часов пятьдесят четыре минуты через дежурного по городу оперативно-следственная группа получила сигнал, что в садовом кооперативе, в одном из дачных домов скрывается человек, приметы которого вчера вечером были сообщены всему населению. Учитывая общественную значимость уголовного дела об убийстве... Сокольской, сюда было направлено подразделение ОМОНа, выехали оперативные работники, руководство прокуратуры и нашего управления. Преступник начал стрелять. В результате...

— Анатолий Фомич, установлена личность преступника?

— Это Полозов Алексей Михайлович, тысяча девятьсот семьдесят...

— Это его настоящая фамилия? — не унимался Володька.

— Нет... То есть... Оперативно проведенная проверка показала, что его фамилия Турцевич...

— Сын того самого Турцевича?! — деланно удивился Худяков.

— Того самого...

Худяков вновь сделал отрепетированный пируэт и оказался в одиночестве.

— Неисповедимы пути зла, — сказал он с глубокомысленным надрывом в камеру. — Из компетентных источников нам удалось узнать, что сыну Михаила Турцевича поменяли фамилию, он вместе с матерью переехал в другой город. И вернулся. С тем, чтобы убивать. И как тут не сказать: маньяками рождаются, а не становятся. Те же компетентные источники не исключают, что смерть известного следователя Ивана Степныха, а именно он вел дело о злодеяниях Турцевича-отца, дело рук Турцевича-сына, вознамерившегося отомстить тем, кто имел касательство к изобличению его родителя. И еще. Лия Сокольская жила в том же доме, в той же квартире, в которой когда-то жила семья Турцевичей. Кощунственно говорить об этом, но сын маньяка не сподобился повторить отца. Его удалось выследить и обезвредить в самом начале кровавого его пути.

Ну что ж... И Худяков сделал свое дело. У этой всей компании пути назад уже не было. Варенберг со своими хлопцами веников не вязал — устроил шоу по первому разряду.

Наступивший день был хорош еще и тем, что в школу мне надо было приходить к двенадцати. Так что вовсе не обязательно было ни свет ни заря вытряхиваться из теплого своего общепитового гнездышка.

Минута в минуту на горизонте возникла Полина Казимировна. Я коротко и ясно доложил ей о разорительном визите гаишников и чуть было не сообщил о выпитой Локтем водке. Успел во время вспомнить о предупреждении Варенberга.

Потом я тщательно упаковался в старенькое свое пальто и вышел вон.

Еще на лестничной площадке ударили мне в нос знакомые тошнотворные запахи переженного кофе и дешевой косметики. Отрыл дверь... Стянул пальто, раскрутил колючий шарф, мигновал узкую прихожую. Жена в засаленном некогда светло-зеленом халате сидела на кухне и пила кофе. Привычно справившись с отвращением, я прошел на кухню. Жена подняла голову, пощарила рукой по столу, обнаружила очки, надела их и посмотрела на меня.

— Ты, как я погляжу, в порядке, — сказала она.

— Как тебе сказать, — я вынужден был отозваться, потому как все-таки неспроста она подала голос. — А что?

— Просто тебе только что звонили из прокуратуры. Около телефона на салфетке я записала номер. Просили связаться.

— Ты куртку постирала? — спросил я.

— Еще нет.

— Так постирай и высуши. Фен у тебя работает? Ее надо феном высушить...

Жена отправилась искать фен, а я позвонил в прокуратуру — какому-то Кузнецovу: именно эту фамилию я не без труда разобрал на мятой бумажной салфетке. Выяснилось, что мне надлежит явиться в судебный морг и опознать в лежащем там трупе ви-

денного мною около школы человека. Жена все никак не могла отыскать коробку с феном. Возилась на полках в платяном шкафу, к кофейно-парфюмерным запахам прибавился аромат нафтальина.

— Ну что прокуратура? — нарочито незаинтересованно спросила жена.

— Будь они неладны... Придется после уроков тащиться, протокол им надо подписать. Ты фен нашла?

— Нашла.

— Ну так, будь добра, зайдись курткой. Пальто уже неприлично выглядит...

— Надень плащ.

Я открыл встроенный шкаф и отыскал среди вороха разнообразного тряпья то, что жена назвала плащом — некое сооружение из искусственной кожи, бывшее некогда весьма модным.

Школа, как я и предполагал, пребывала в траурной суете. В вестибюле повесили увеличенную фотографию Лии. Она весело улыбалась на этой фотографии. Мои уроки, правда, не отменили, и мне пришлось идти в классы исполнять номер перед притихшими недорослями. Потом я отправился в морг. Встретивший там меня прокурорский юноша был исполнен серьезной торжественности. Он крепко и как-то даже въедливо взял меня под руку:

— Не в-волнуйтесь, сосредо-о-оточьтесь. — Он к тому же еще и заикался. — П-процедура неп-п-приятная, но в-вы д-должны...

Он ввел меня в прозекторскую. Было там шесть мраморных столов, но занят был только один. Я ожидал увидеть изуродованное лицо, но анатомы уже поработали с ним и даже неумело загrimировали.

— Да, это он, — сказал я юноше.

— По к-каким д-деталям вы узна-али его? — тут же спросил старательный юноша.

— По длинным волосам, — ответил я.

Юноша опять взял меня под руку, вывел в коридор, а из него в заваленный бумагами кабинет. Там я подписал протокол.

— Мы в-вас еще в-вызовем, — пообещал юноша.

По дороге домой я завернулся в один из роскошных центральных магазинов и купил там большой торт с волшебным названием "Профитроль": мне целый день хотелось сладкого.

Я отпер дверь... И сразу почувствовал, что... Не знаю, не знаю, что именно. Будто не моя это была квартира. И была секунда, когда я подумал, что каким-то непостижимым образом перепутал двери. В моем жилище наблюдался идеальный порядок. Никаких разбросанных бабых тряпок, никаких мятых газет на полу, никаких подернутых коричневым кофейным налетом чашек на журнальном столике, никаких сбитых в почти живописную бесформенность штор на окнах. Из кухни не тянуло утренним удушьем. Даже вечно разобранная женина постель была аккурат-

но застелена. И никого... От всей этой установившейся в комнате симметрии на меня несло страхом...

Я заставил себя раздеться. Заставил пройти в комнату. Обойти ее, осмотреть. Все правильно. Больше всего пугают привычные, знакомые предметы, которые вдруг начинают вести себя необъяснимо иначе. От осознания этой психологической банальности легче мне не стало. Впрочем, в комнате имелось место, которое принадлежало только мне. Это был небольшой письменный стол у окна. Я подошел к нему. Стол не выпадал из общей гармонии. Раньше выпадал, а теперь нет. Создавалось впечатление, что образовавшийся в доме порядок начался именно с него, со стола, с этого вот чуть зеленоватого стекла, под которое я каждый месяц стелил свежий лист цветной бумаги, со старого письменного прибора, со стопки тетрадей, которая всегда занимала левый, дальний от меня угол... И я уже знал, что увижу ее, коли поверну голову налево...

Я повернул голову. И ничего не увидел. Тетрадей со вчерашней контрольной в десятом классе не было...

На дальнейший осмотр квартиры я времени тратить не стал. Вместо бессмысленного мельтешения требовалось крепко сообразить, что все это значило...

Начал с самого простого... Ворам моя халупа была ни к чему. Тем более ни к чему были ворам тетрадки. Возможно, что в мире существуют квартирные воры, которые во время ограбления находят на месте преступления идеальный порядок. Но вероятность попадания таких аккуратистов в мою квартиру в нарушение всех математических постулатов представлялась мне величиной отрицательной. Навести порядок в комнате могли только два человека. Я и моя жена. Я этого не делал. И я не брал тетради. Тем более, что я здесь. А жены нет. Черт с ним, с порядком. Пусть он и напугал меня. Зачем моей жене тетради? Именно эти тетради? Именно эта совокупность тетрадей, которую можно обозначить как $(N-1)$, где N — то самое количество, которое должно быть... А без одной тетради — то, которое было на моем письменном столе. И весь ужас-то не в латинском N . В арабской единице.

Минуточку, минуточку... Допустим, что тетради взяла моя жена. Сами по себе они ей ни к чему — в каком угодно количестве. Значит, она знала о том, что эти тетради имеют совсем другое качество... Оно не имеет никакого отношения к математике, зато называется почти красиво — вещественное доказательство. Но как она узнала об этом? Кто ей мог сказать? Я? Я не говорил... Значит, сама догадалась? Она могла догадаться только в одном случае. Она должна была смотреть телевизор. Ту самую вечернюю запись. И не просто смотреть, а самым что ни на есть внимательнейшим образом, чтобы разобрать, понять — то самое белое пятно около головы мертвой Лии и есть потерянная мною тетрадка. Но мало этого. Ей надо было еще сообразить, что эта тетрадка из той самой, оставленной мною на столе стопки.

Что-то мешало мне, оттягивая правую руку. Я осторожно скосил глаза. Это была коробка с тортом. Я матерно и вслух выругался, чтобы стряхнуть окружившую меня скрипящую тишину. Отправился с тортом на кухню. Верхний свет здесь спокон веку не горел, что-то закоротило в дешевой люстре. Мы отлично обходились настольной лампой. Я пошарил свободной левой рукой, нащупал у стены провод, провел по нему пальцами, добрался до выключателя, щелкнул... На чистом, без единой крошки, без единого кофейного потека столе, освещенная настольной лампой без абажура, лежала и многократно отражалась в зеркалах голова Турцевича...

Да нет! Нет! Это старая деревянная болванка, на которую жена время от времени натягивала парики. Не было глаз, не было рта, не было носа. Зато торчали вокруг этой болванки в разные стороны пепельные волосы, кустились на ней брови, прикрытые старыми очками в квадратной оправе, но уже без стекол, а чуть ниже были небрежно приклеены усы. И этого было вполне достаточно. Перестав пугаться этой бутафории, я смахнул ее со стола, и болванка с костяным звуком грохнулась на пол, выключил лампу, трехстворчатое зеркало перестало сверкать, в нем поплыли размытые тени. Я сложил зеркало. Сел за стол. Поставил перед собой коробку с тортом. Рванул веревку. Открыл. И принялся поглощать липкую, бело-коричневую массу, вырывая ее прямо руками... Почему-то вспомнил забившуюся в угол за холодильником жену. Она выставила вперед уже тронутые артритом руки и повторяла, повторяла: "Не смей прикасаться ко мне!" А я удивлялся: с чего это она зациклилась на этом, с чего это вдруг уподобила себя хрупкой фарфоровой статуэтке...

Зато она ко мне прикасалась. Еще как прикасалась... На кухне, перед раскладным, трехстворчатым зеркалом, снятым мною со старого трельяжа, оно сейчас лежит в антресолях... Лежало... Жене надо было очень постараться, чтобы найти его под ворохом всякого домашнего барахла, стащить его с антресолей... Расставить его точно так же, как семь лет назад. Рядом она водружала настольную лампу без абажура и колдовала над моим лицом, засовывала в ноздри ваточные тампоны, и нос противно раздувался, замазывала брови, а поверх накладывала другие — куда более светлые и пышные. И долго, тщательно приклеивала усы. И что-то еще делала со щеками, и они становились одутловатыми, обвисшими. А потом напяливала мне на голову парик — может быть, самую важную деталь. Еще она делала мешки под глазами и чуть оттопыренную нижнюю губу... Мастерица, мастерица... Любо-дорого было наблюдать, как я превращаюсь в чуть карикатурную копию своего коллеги по ниве народного образования. Как ни странно, сложнее всего было с очками. Мне долго не удавалось найти нужную оправу, какое-то время пользовался похожими, но потом все-таки нашел. Беда была и с обувью, мне приходилось влезать в башмаки на два размера меньше. А вот с оде-

ждой проблеме не возникало — ширпотреб он ширпотреб и есть....

Наконец я поперхнулся тортом. Но какова жена! Решила загадать мне загадку, предложила условия задачи — решай, математик, увязывай концы с концами, думай, каков будет ответ. Одно неясно в условиях: сколько в этой задаче неизвестных? Да и есть ли они вообще? Но вот вопрос: почему жена поступила именно так? Впрочем, важнее другое: куда она пошла? К кому? Где ее выслушают? Где поверят?

Не знаю, конечно, что именно и как она скажет, но тот бред, который, возможно, будет слушать какой-нибудь занюханный чиновник, можно объяснить только с помощью другого бреда. А он только мой. Кое-что мог бы рассказать бравый Иван Иванович Степных, но ему уже не до откровений. Хотя уела она меня. Подстерегла. Но пенять могу только самому себе: потерял бдительность. Чересчур уверовал в свою власть над этой никчемной женщиной.

Ох, как не заладилось у меня второе действие. Будь они прокляты, Василий Иванович с Петькой! Какого рожна им потребовалось от одинокого человека на автобусной остановке? Чем он им помешал? Впрочем, я постоянно ловил себя на мысли, что иду по чрезмерно авантюрному пути. Вот и спрашивается: зачем я вступил в бесмысленный спор с Варенбергом, попытавшись опровергнуть его версию. То, что я при этом испытывал удовольствие, лишний раз должно было меня насторожить...

Да, не знаю я, кто будет слушать мою жену, если она вообще отважится на откровение, если вся эта незатейливая инсценировка не рассчитана на то, чтобы элементарно извести меня страхом. Подвесить в неизвестности. Знаю точно другое: никому не понять, что ощущает умненький мальчик, которого все окружающее его быдло дразнит шелудивым, который все детство проходил, намазанный вонючими мазями, с которым никто не здоровался за руку, потому как руки были в перчатках, который думал о самоубийстве и всякий раз додумывался до полной противоположности: буду жить назло.

И как растолковать, какое я испытал блаженство... Не блаженство, нет... Нечто словами неизъяснимое, когда однажды обнаружил средство... За стенкой у нас умирала от рака желудка одна баба. И вот случилась так, что муж ее отправился ишачить в ночную смену... Меня попросили посидеть с ней. У нее началась агония. Мне бы испугаться. Но чувствую... вроде как легкий ветерок на меня дует. Из нее жизнь уходит. Она за нее пытается держаться. А я подошел к зеркалу. Побледнело лицо. Зуд прошел. Холодок по коже пробегает. И наступает момент, когда вливается в меня что-то показавшееся мне огромным.

Помню смерть отца. У него случился сердечный приступ. Я стоял около задыхающегося отца и смотрел. Мать что-то кричала. А я ждал момента. И дождался. Интересно, кто это в состоя-

ни понять? И неизвестно, что было бы со мной тогда, если бы не появились гормональные средства, всякие там преднизолоны, фторокорты, лориндены... Они загоняли мою экзему внутрь. Но она уже сделала свое дело, она меня крепко скрутила и держала. И шептала, шептала...

Ну, а так все шло своим чередом. И то, что этот черед обрушился, виновата жена. В самом деле: нельзя же винить меня за неурочное появление дома. Уже к вечеру того дня экзема рвала меня на части. Изнутри, прошу заметить, рвала. Внешние проявления не в счет. Я предоставил бороться с ними лориндену. И это было еще хуже... Был бы я горбуном, так мой горб выпирал бы из меня с утра до вечера, таблетками, мазями, облучениями его не выправишь, обратно не вдавишь. Но может наступить время, когда окружающие перестанут его замечать — привыкнут. И сам горбун в конце концов смиряется и привыкает. А тут: горб твой никому не виден, но ты знаешь, что он есть и чувствуешь, как он тебя душит изнутри.

Много времени ушло на то, чтобы выследить наградившую меня рогами драматическую знаменитость... Выследить и отловить его в удобном месте. В таком, которое бы максимально облегчало возню с трупом. Этим местом оказались окрестности расположенного за чертой города старого сумасшедшего дома. Неподалеку благоухало искусственное болото: в течение многих лет в небольшую низину местный гигант химической промышленности сливал свои ядовитые отходы. Вот на пустынном берегу этого болота, задыхаясь от испарений и вожделения, я и добил еще живого, еще только потерявшего сознание скомороха. Думаю, что за мгновение-два от него в этом болоте даже костей не осталось...

Пришел потом домой. Сел напротив жены. И все ей рассказал. При этом не позволил себе никаких спецэффектов, никаких театральных пережимов. Она поверила сразу — на это я и рассчитывал. Но все-таки показал ей кое-что, некий сувенир, оставшийся мне от почившей в болоте знаменитости. Хорошо, что она не заизжала, не грохнулась в обморок. Только забилась в угол за ходильником. И, как затертая пластинка, повторяла: "Не прикасайся ко мне. Не прикасайся ко мне". А еще мой расчет состоял в том, что никуда она сдавать меня не побежит: после такого демарша ей бы пришлось уходить из театра, не побоюсь высокого штиля, из искусства. Была на ней вина. Перед убиенным. Опять-таки — перед театром, сиречь, искусством. Без этой каждодневной миштуры жить она не могла, так уж была устроена эта дура. Могу заметить одно: мне, вобравшему близ вонючего болота энергию чужой жизни, а потому ставшего сильным, на какое-то время здоровым, наполненным решимостью, было приятно сознавать свою силу и то, как она впадает в обезоруживающий кроличий гипноз. И надо было мне догадаться, что гипноз может кончиться.

Через пару дней я сидел на кухне перед трехстворчатым зеркалом, и она гримировала меня под знаменитость. В тот же вечер я,

приподняв воротник куртки и кое-как пытаясь воспроизвести особенности походки непризнанного гения, с набитой старыми газетами дорожной сумкой на виду у многочисленных провожающих сел в московский поезд, улучив подходящий момент, сорвал парик и бороденку (о, как важны эти детали, иной раз именно они полностью заменяют человеческую личность), доехал до первой станции и вернулся в город на автобусе. Остальное взяла на себя ни к черту не годная система поиска пропавших. В Подмосковье вправду выловили какого-то утопленника, его в первом приближении и приняли за сгинувшую с концами знаменитость.

Скверно было другое: экзема, познав первую победу, стала требовать новых жертв.

Но я сдался ей только тогда, когда продумал все детали. Самое существенное: мне надо было обязательно оставить в живых двух-трех человек, чтобы они потом описали его внешность. И время от времени попадаться на глаза тем, кто потом становился свидетелем. И покатилось: все искали и все боялись высокого полного человека, с непричесанными пегими волосами, с торчащими, как у царя Петра, усами, с одутловатым лицом, с чуть оттопыренной нижней губой и в очках, забранных казавшейся тяжелой и толстой оправой. Я перестал маскироваться. Но раз за разом формировал разнообразные улики: оставлял в оранжерее испачканные кровью тряпки, башмаки, в которых несколько раз выходил в город и специально следил ими близ места моих randevu, тот же кожемитовый поясок. Однажды Турцевич при мне скочившим перочинным ножом располовил себе ладонь, и я полез вытираять кровь своим носовым платком, который в тот же вечер оставил рядом с выслеженной ученицей музыкального техникума. Да еще и осколок стекла вложил ей в руку, стеклом ей якобы и удалось порезать убийцу. А шрам на ладони у Турцевича никак не делился.

И какая власть! Сладкая, потому что тайная... Город боялся. Причем, он не знал, кого бояться. А я знал.

И все ждал, когда же он попадется. И ни в какую. То есть, все, что только есть в городе правоохранного, стоит на ушах, уже и по телевизору отважились предупредить население, и фоторобот его показали (кстати, весьма похожий — не зря же моя жена старалась)... И ничего. Пришло все организовывать самому. Школа отправилась на субботник за город. Как и положено, после того, как детей отправили по домам, часть педагогического коллектива выкушала на пленэре заранее запасенное энное количество спиртного. Я обстоятельно проследил, чтобы Турцевич с выпивкой не сачковал. Вместе с ним отделился от потерявшего ориентацию народа, довел его до полустанка, оставил на лавочке и, удачно обнаружив скучающего сержанта, обратил внимание последнего на нарушающую общественную нравственность гражданина... Тут же подошла электричка, и я уехал. И больше я Турцевича не видел. Зато экзема отпустила меня...

И можно было бы жить дальше, если бы не великий сыщик Иван Иванович Степных.

Турцевич в палаческих его руках, конечно, сломался быстро, однако не до конца. Тут я его недооценил. Примерно так же я иной раз проигрывал ему в шахматы. Когда ему уже вынесли смертный приговор, когда ему оставалось только ждать, он все-таки нашел в себе силы трезво проанализировать убившую его ситуацию. Ход его предсмертных мыслей был мне ясен до мельчайших деталей. Турцевич твердо знал, что он никого не убивал. Не менее твердо он знал и другое: было убито почти тридцать человек. Вопрос стоял просто: кто их убил? Причем, этот гипотетический убийца сделал все, чтобы в преступлениях был обвинен именно Турцевич. Он учел и обилие улик, и уверенность опознавших его людей. Ему пришлое многое вспоминать и он многое вспомнил. Короче: он меня вычислил. Потребовал встречи со следователем, с прокурором, никто его слушать не стал... Но об этих его истериках, будто он знает настоящего убийцу, прослышил суровый Степных. А он в свою очередь знал, что в деле Турцевича есть, мягко говоря, пробелы. Насколько я понял, они возникали каждый раз, когда его вывозили на места убийств. Он должен был показать, где прятался, подстерегая жертву, откуда она появилась, как выглядела, как он ее убил, в каком положении и где оставил. Все это должно было сниматься видеокамерой. И всякий раз Турцевич нес околесицу. Сломать-то его Степных сломал, но как быть с этими показаниями на месте? Турцевича приходилось все время поправлять, направлять, приходилось подсказывать... Степных и его команда, отчаявшись добиться толка, стала проводить с Турцевичем предварительные репетиции. И кое-как сварганили доказательственный видеоряд. А в суде Турцевич мог сколь угодно много и долго жаловаться на давление со стороны следователей.

Но получилось так, что вместо вожделенных генеральских погон бравый и суровый Степных поимел пенсионное удостоверение и на хрен ему не нужные отечественные часы с памятной надписью. Смутные мысли о мести терзали его душу. Но я уверен, что он, пойдя на контакт с бывшим своим испытуемым, куда в большей степени хотел подстраховаться: а вдруг все-таки не Турцевич, вдруг убийства возобновятся? Этак можно было остаться и без пенсии. Степных, пользуясь старыми своими связями, встретился со смертником. Каким получился разговор между палачом и приговоренным, я судить не берусь. Но получился. Потому что Степных уговорил Турцевича изложить все его соображения в письменном виде, а потом через начальника оперчасти местного СИЗО, старого своего собутыльника, заполучил их в личное пользование. Так что Володька Худяков был не прав: до уголовного дела они просто не дошли. Заодно Степных дал Турцевичу самое для него главное — надежду. Ради нее Турцевич должен был молчать — Степных убедил его в том, что только он и может ему помочь.

И вот... Степных встретился со мной. Турцевич был еще жив... Мы со Степных сидели в скверике на лавочке, и Иван Иванович, тогда еще бодрый мужик, начал свою игру. Главной его ошибкой в ее начале было убеждение, что вызванный под благовидным предлогом на свидание человек — по крайней мере психически неуравновешенный, затравленный своими переживаниями страдалец. Что-то под стать Турцевичу. Он страстно убеждал меня в бесперспективности моей дальнейшей жизни, потому и хотел, чтобы я самостоятельно ушел из нее. Дабы больше в городе не происходило таких убийств, дабы получить стопроцентную гарантию своей неуязвимости. Более того, он выказал себя невероятной доброты благодетелем, ибо брался помочь с самоубийством и избавлял меня от будущих и настоящих страданий. Правда, намекал, что вполне может все устроить и без моего на то согласия. Еще я понимал, что он прощупывает меня на предмет вульгарного шантажа, окажись я человеком состоятельным и могущим выплачивать ему выкуп.

В ответ я сказал, что ценю его заботу, но не вижу в ней никакого смысла. Я совершенно искренне посоветовал ему поступать согласно его совести. "То есть как?" — спросил он. "А что вам мешает дать делу законный ход?" — спросил я его в свою очередь. — К тому же вы располагаете удивительным свидетельством, за которое вам журналисты или издатели могут весьма прилично заплатить. Это с лихвой компенсирует ваши неприятности по служебной части. Так что дерзайте!" "А ты... вы?" — он еще не понял. "А что я? Чистосердечно во всем признаюсь. Не мне же в самом деле расхлебывать эту кашу". Он притих и начал соображать. Я добавил: "Центральным местом моих признаний, чтобы вы знали, будет этот наш сегодняшний разговор". Выдержав паузу, добавил еще: "Я оценил ваше предложение о помощи в моей безвременной кончине. Но поздно, Иван Иванович. Я уже все аккуратнейшим образом записал заранее. В случае моей смерти или исчезновения эти записи непременно будут доставлены по адресу. И вам придется приложить немало усилий, чтобы дезавуировать эту информацию. Хотя, думаю, что найдутся люди, которые не позволят вам это сделать". "Врешь! — выдохнул он. — На pont меня берешь". "Если вам так удобнее думать, то ради Бога. Сдается, что это вы меня хотите взять на этот ваш pont". "Что ты предлагаешь?" "Ничего", — отрезал я. И ушел, а он остался на лавочке — враз обрюзгший, пузо у него привычно свесилось между колен. Ему предстояло несколько лет жить в дерьме и страхе.

Первую половину отпущеного ему срока я, можно сказать, жил в свое удовольствие. Вторую половину в ожидании момента, когда пойму, что надо начинать второй акт. Но времени не терял... Поначалу подыскивал нового двойника. Но глупо было надеяться на такое восхитительное совпадение, с которым я имел дело в лице незабвенного монстра Турцевича. К тому же отпугивали сугубо технические подробности.

Однако совпадения не оставили меня своей заботой. Появилась Лия Сокольская. И как-то она, упрашивая меня в очередной раз избавить ее от математических страданий, обмолвилась, что родители ее — непроходимые кретины. Взяли да и переехали в квартиру, в которой раньше жил Турцевич с семьей, уж очень обрыдла им старая коммуналка. Впрочем, говорила Лия, им пригрозили, что, если они не согласятся на предлагаемую площадь (после Турцевича там жила престарелая супружеская пара, и в один год старики один за другим поумирали), то нового предложения могут и не дождаться. Она и дальнейшее выболтала. Оказалось, что она знает город, куда переехала жена Турцевича с сыном. Что-то такое забарахлило в нашей городской бюрократической машине, и на старый адрес пришла повестка из военкомата: сын Турцевича должен был явиться для получения приписного свидетельства. Лиин отец, человек старорежимной законопослушности, посчитал своим гражданским долгом добиться точной переадресовки священной бумаги. Пошел с повесткой к участковому, и тот, узнав томский адрес уехавших Турцевичей, сдуру предложил отцу переслать повестку туда... Случилось еще и так, что Лия запомнила новую фамилию сына. Так что, когда я приступил к подготовке второго акта, когда понял, что я буду делать, выяснить новый адрес труда не представляло.

Идея же второго акта была проста. Хотя, повторюсь, и авантюрна. Но мне это даже нравилось. Это придавало всему моему предприятию некоторую изящность. В городе должен был появиться сын Турцевича. Разумеется, он не мог продержаться так долго, как его отец, но я не думал, что его поймают в самом начале его приключений. Он успел выполнить только первые два номера намеченной мною программы. Номер один: Иван Иванович Степных, дабы я мог сохранить полное свое инкогнито и не думать о последствиях, если ему придет в голову нечто откровенно дурацкое. Номер два: конечно же, Лия. На ней сошлось многое, почти все... Может быть, раньше всего моя месть Локоткову, которому я не собирался прощать свое унижение. Я брал у него деньги и знал, что рано или поздно отплачу ему за потаенное торжество в его волчьих глазах. И моя месть самой Лии — такой красивой, наполненной жизнью.

Я послал телеграмму в Томск. Указал в ней адрес степныховской дачи. К этому времени жена у него померла. Полковник перебрался на дачу, гнал там самогонку и делал яблочное вино. Время randevu назначил жесткое. Убедился, что парень приехал и ждет встречи на почтамте...

Степных меня поначалу не узнал: сделался он явно слаб глазами плюс вечный самогонный кайф, в котором полковник пребывал последнее время. Я сказал, что хочу купить у него литр его зелья. Вот Степных меня и впустил в дом... Смерть воспринял безропотно. Я порыскал по трем комнаткам его провонявшей стариковским потом и алкоголическими миазмами избушки. Но заве-

щания Турцевича так и не нашел. Времени у меня было в обрез, а сейфа или несгораемого шкафа я в его пенатах не заметил. С другой стороны, если он и хранил добытые и уворованные им записи, то только у себя под боком. Вот я и решил устроить пожар, благо на веранде заранее приглядел канистру с керосином. Сын Турцевича должен был по моим расчетам приехать к самому разгару. Он и приехал. Я перетерпел холод и сырость за кустами на опушке, с которой открывался вполне сносный обзор всего начавшегося действия. Но если его видел я, то куда лучше его могли разглядеть собравшиеся поглязеть на зрелище селяне...

С Лией все тоже получилось само собой. Я что-то такое планировал, а она попалась мне, одиноко идущая домой... "Так вы все-таки решились на проводы?" — спросила она, увидев меня, приближающегося к ней в сумерках около хозблока (я обогнул школьное здание с другой стороны, прошел вдоль внешней стороны забора и нырнул во двор через прореху в заборных прутьях). "Возьми свою контрольную, — сказал я ей, чтобы подобраться к ней поближе. — Дома сообрази, а завтра утром отдашь мне". И она протянула руку за тетрадкой... Сколько в ней было жизни! Как долго я вдыхал ее! Как радовалась оголодавшая экзема...

Правда, домой мне пришлось возвращаться пешком: куртка оказалась обильно залита кровью... И я очень расстроился, потому, наверно, и не заметил тетрадки около ее головы.

И что потом? Ванна? Душ? Куртка? Жена должна была постирать куртку. Я вышел в комнату, раздвинул занавеску, прикрывающую окно на балкон. Протянутые вдоль него веревки для сушки были пусты. Я бросился в ванну. Ничего. Из ванной выскочил в переднюю. Ничего. На вешалке одиноко висело старое мое пальто. Почти бессознательно я сунул руку в один карман, в другой. Проверил два боковых кармана. Зачем-то ощупал подкладку. Ничего. Пропала не только запачканная кровью куртка. Пропала телеграмма. Та самая, которую я нашел, небрежно перелистывая паспорт сына Турцевича, легкомысленно переданный мне гаишниками.

А что, что с телеграммой?.. Она представляла опасность, пока был жив Степных. Взял я ее по наитию, поняв, что на моих хитроумных задумках надо ставить крест. Уж больно шустрыми оказались алчные гаишники, и уж больно глазастой и памятливой выказалась себя куколка с автозаправочной станции. Тоже ведь совпадение: Худяков только-только отголосил по телевидению, и на тебе — подозреваемый собственной персоной стоит, щурится от света, ждет, когда же его опознают.

Но что же все-таки получается? Тетрадь с контрольной? Ничего не значит. Лия могла ее не сдать. Телеграмма? Случайно оказалась у меня. Хуже другое: можно выяснить, что Степных ее не отправлял. Бряд ли на почте кто-то сможет опознать меня — мордой в окошко к подслеповатой тетке я не лез, но запросто выясняется время отправки из центра города, а Степных безвылазно си-

дел на даче... Наконец, куртка и следы крови на ней. Тоже можно как-то объяснить. В автобусе у рядом стоящей женщины пошла носом кровь. Той же группы. И все дела. По отдельности — все укладывается в нечто вполне безопасное. А вместе? Тетрадка, телеграмма, кровь... Какой лакомый кусок для тщеславного следователя! Какая сенсация! На мне можно сделать потрясающие дивиденды. Ради них не грех и сор из избы вынести, перетряхнуть все юридическое руководство области. Устроить вселенский скандал. Побить в его центре, изображая из себя борца за справедливость. Тем более, что под рукой потрясающий свидетель. Тем более, что и меня можно легко сломать в теперешних застенках... Роскошное дело. Сколько людей прокормится вокруг меня. Сколько взлетит наверх, сколько свалится.

Пусть не скандал. Но все равно, все равно — восхитительный компромат против тех, кто уже прикоснулся к этой истории. Но это в лучшем для меня случае. Потому что, скорее всего, меня тихо удавят. Потому как шум расплещет наше областное болото. Куда проще и надежнее спрятать концы в воду. Жену тоже могут не пощадить, но это ее проблемы...

Да, это ближе. И жена наверняка знала, что это решение будет таким — тихим. Для нее избавительным. И поэтому она согласится именно на него. И будет молчать. На рожон не полезет. Только вот не удержалась она от эффектов, дала понять — все! Может, в этом шанс? Сбежать? Это не долго. Куда? В бомжи? И в бомжах могут разыскать. Без лориндена я через неделю стану очень приметным человеком.

Но ведь есть еще такой вариант: именно этого и хотела жена. Никуда не пошла. Придумала, изобразила финальную сцену "Разоблачение". И ждет. И хихикает... Вот будет номер: она возвращается, а я сижу и спокойно пью чай с дорогим тортом. Заманчиво, черт возьми, остановиться именно на таком решении и увидеть лицо жены, с которого будет сползать мстительное вожделение. Для этого надо только подождать...

В том-то и беда, что ждать придется в неопределенности! За эти несколько часов экзема сгложет меня. Высосет из меня не только жизнь Лии Сокольской, но примется и за мою собственную.

Зажег свет. Открыл балконную дверь. Вцепился в перила и посмотрел вниз. Всего и надо было — перелезть через перила. И никакой неопределенности. Но вот же оно — решение! Как же я раньше-то не догадался! Конечно же... Никуда моя жена не ходила. И не собиралась. И непонятно, с какой стати я приписал ей этакую степень гражданского мужества. Все просто. Устроенным мне представлением она рассчитывала довести меня до умопомрачения. Что ж... Ей это почти удалось. В сложившейся ситуации я должен был по ее мнению что-то такое с собой сделать. Сбежать, например. Или же сигануть с балкона, а то и повеситься на люстре. Она оставалась чистой и свободной. Один на один со своим татром. Главное: это легко проверить. Итак... Если она пошла сда-

ваться, то так просто, если, конечно, ей дадут высказаться до конца, позволят убедить, ее не отпустят. Прикинем на всякий случай. Такая тщательная уборка, безусловно, потребовала от нее несколько часов работы... Сейчас начало шестого. А разговор ей предстоял долгий. Господи! Зачем ей тогда уборка, зачем напяливать парик на болванку, зачем подавать мне сигнал? Спугивать? Не вытанцовывается, не вытанцовывается... Хотя все может быть. Но пока будем считать, что не вытанцовывается. Значит, она сейчас должна быть в театре. Если она там, то я прав. И все прочие рассуждения мгновенно потеряют свой смысл.

Я подсед к телефону. Мне ответил чей-то лающий нетерпеливый голос. Я спросил жену. Мне пролаяли, что она именно в эти минуты чрезвычайно занята. Вот она — победа! И на ее крыльях я безапелляционно потребовал мою жену к телефону. Жена взяла трубку через две невероятно долгих минуты, но победа стала от этого еще слаще.

— Я дома, — сказал я ей.

— Что случилось? — спросила она. Она отзывалась не так, как я ожидал. Это был обычный вопрос, который мог задать любой оторванный от срочной работы человек.

— Чтобы ты знала, — тем не менее сказал я, — я жив и здоров.

— Ну и что? — Одно сплошное, вполне естественное раздражение. — Ах, да... Ты прости, я не успела постирать куртку, меня срочно вызвали на службу...

— Я оценил твою уборку, — прервал я ее.

— Что ты оценил? Уборку? Какую уборку? Не понимаю...

— Ты же вылизала всю квартиру...

— Я ничего не трогала. Извини, мне надо идти.

Что же? Не она? И правильно. Не она. Потому что телевизор у нас не работал вот уже несколько месяцев. Следовательно, она не могла смотреть вечернюю передачу, не могла заметить тетрадку у головы мертвой девчонки. Допустим, она вчера была в театре. Возможно, там есть работающий телевизор. Пока идет спектакль, она удосужилась оказаться перед ним. Однако догадаться о том, что мелькнувшее на секунду расплывчатое белое пятно — оброненная мною контрольная по математике, мог только я. Да и как она могла вытащить из моего пальто телеграмму? Надо было знать, что телеграмма там. Надо было знать, что это за телеграмма.

Тогда кто? Господи, как все начинает путаться. Скручиваться в спираль. Ведь только она знала о парике, о гриме... А время идет. Хотя я и не знаю, когда прозвонит звонок. Не знаю, сколько я еще могу сидеть тут и думать. Впрочем, достаточно допустить, что все это — Божья кара. Останется без ответа лишь один вопрос: за каким хреном высшему разуму городить весь этот огород?

Вяло звякнул телефон. И что теперь делать? Брать трубку? Не брать? В "брать" без частицы "не" мне привиделась толика опре-

деленности, как в шпаргалке с мучительно вспоминаемой формулой. Я взял трубку, боясь, что позвонивший мне человек будет молчать. Но он молчать не стал.

— Ты все понял? — спросил он явно знакомым голосом.

А что я, собственно, должен понять? Что я должен ответить?

— Раз молчишь, значит, понял, — сказал человек со знакомым голосом.

Где же я слышал этот голос? И ведь совсем недавно.

— Кто ты? — отважился я спросить.

— Не узнал? — удивился человек. — Вроде недавно виделись.

Ты еще так горячо защищал мальчишку...

— Кого я защищал? Где мы виделись?

— Вот где защищал, там и виделись.

Это был Борис Варенберг... И он понял, что я наконец-то узнал его.

— Значит, не будем тянуть резину. Такой изощренной мрази, как ты, я не видел и даже не догадывался, что такая мразь может быть. Руки о тебя марать не буду. И людям своим не дам. Твоя задача: до утра надиктовать на диктофон все — от "а" до "я". Форма изложения произвольная, но поменьше воды. Диктофон найдешь в серванте. Когда закончишь, выйдешь из квартиры, спустишься на один пролет. У окна на подоконнике лежит пакет из-под молока. Диктофон положишь в него. Вернешься. Рядом с диктофоном стоит бледечко. В нем таблетка. Не страдай. Ты просто уснешь. Разбудят тебя уже в преисподней. Не трудись сочинять записку. Не советую прибегать к отсебятине. Это пошло. Вопросы есть?

— Это Степных? Как к тебе попали его бумаги? Те, которые...

— Просто. Ты должен помнить: я прошлой ночью говорил, что Степных служил с моим отцом. Уж чего там у них было, не знаю, но полковник только родителю моему доверял. Ну и как-то, года два-три назад, принес отцу пакет... Наказал, чтобы отец вскрыл после его смерти. Отец недавно умер. Бумаги достались мне. Степных и мне такую же просьбу передал. Мне бы их на день раньше прочитать... Замотался. Только сегодня утром удосужился. Погубили мы с тобой парня. И девочку ты успел зарезать. Она, считай, тоже на мне. До конца жизни буду теперь этот грех отмаливать. Потому я тебя так легко отпускаю. Еще вопросы?

— Жена вернется, что мне...

— Не беспокойся. Этой ночью ты будешь один.

— Зачем тебе надо было устраивать все это представление?

— Чтобы смерть тебе медом не казалась. Телефон я у тебя отключу. Не вздумай рыпаться. Дальше лестницы не уйдешь. За сим будь проклят.

... сейчас мне остается только спуститься на один лестничный пролет, отыскать пакет из-под молока, положить в него диктофон и вернуться в квартиру... ■

"КРУГОВАЯ ОБОРОНА" доктора Ященко

В Москву я приехал в плацкартном вагоне, полном чихающих и нашляющих грандан, — везде грипп. Увы, уберечься от вирусов и мне не удалось... С перрона я прыжком отправился к своему другу, профессору Льву Васильевичу Ященко. Знал, что только он способен быстро избавить меня от начинавшейся болезни.

Профессор принимал пациентов. Но его помощница и ассистент — Татьяна Кирилловна вынесла мне в крохотной пробирне лекарство: "Одну каплю на язык. Если через 15 минут не наступит облегчения, еще полкапли. Так повторять, пока не почувствуете, что вы уже в полном порядке". Возможно, кого-то такая дозировка удивила бы. Но — не меня, знакомого с Ященко и его методикой не один год и не однажды

убеждавшегося в ее эффективности. Через полтора часа температура нормализовалась, исчезли и все другие гриппозные симптомы, и я со спокойной душой поехал к врачу.

Попробую рассказать о чудо-методе профессора Ященко, позволяющем человеку победить болезнь всего за несколько часов.

Вслед за швейцарским ученым Н. Ерне, предложившим в 70-х годах "теорию идиотипов", Лев Ященко утверждает, что все болезни имеют одну подоплеку, — они возникают в результате ослабления иммунной защиты организма. Значит, и избавиться от них можно единым методом. Суть метода, — чрезвычайно, конечно, упростив, — сформулируем так: распознав участок сбоя в иммунной системе, необходимо помочь ей восстановить его нормальное, "рабочее" состояние.

Вообще организм человека, иммунная система которого состоит из множества циркулирующих клеток — лимфоцитов, макрофагов и т. д., — доктор Ященко называет "фабрикой, работающей на оборону". Одни клетки запоминают и распознают врагов — антигенов. Другие, реагируя на появление таких врагов, антивизируют выработку антител. Третьи — "ниллеры", убивающие чужеродных организмов "пришельцев".

Антигены хитры и новарны. Они зачастую мимикрируют под "своих", и очень часто обман этот им удается. Поэтому иммунная система должна быть очень чувствительной, чтобы "увидеть" замаскированного противника и уничтожить, — в этом, собственно, и состоит скрытый механизм самоспасе-

ния организма от болезней. Однако нередко, даже распознав "чужака" и начав с ним воевать, иммунные радикалы оказываются бессильны. А можно ли им помочь в этой борьбе за здоровье человека?

Основываясь на идеях Ерне и более чем тридцатилетнем собственном опыте в иммунологии, Ященко попытался систематизировать схему самоспасения организма. "Как только в него проникают чужеродные факторы (антигены), способные вызвать у человека болезнь, — объясняет Лев Васильевич, — лимфоциты, сопротивляясь, начинают вырабатывать антитело-1, которое несет в себе следы антигена и организму также враждебно. Поэтому, борясь уже с ним, иммунная система формирует антитело-2. Так рождается цепочка из сотен тысяч звеньев, которые называются идиотипами (этот термин происходит от греческих слов "своеобразный", "форма"). Причем с увеличением номера идиотипа убывает его чужеродность организму. Можно сказать, антиген отражается в огромном количестве криевых зеркал, и все эти "отражения"-идиотипы непохожи друг на друга и одновременно имеют нечто общее".

Набор множества модификаций антител дает организму тот самый запас прочности, что делает его готовым к встрече с инфекционными заболеваниями. Идиотипы все время взаимодействуют с лимфоцитами, как бы постоянно "тренируя" их для встречи с врагами-антigenами. И когда "чужак" появляется, — он тут же распознается, и лимфоциты получают команду на его уничтожение.

Казалось бы, — сама природа подарила нашему организму надежную линию обороны от всевозможных вредоносных бацилл, вирусов и прочих "врагов рода человеческого". И все-таки, обладая такой мощной системой самозащиты, люди болеют: по каким-то причинам, не выявленным пока наукой, в нормальной работе идиотипов происходят сбои — они не справляются с враждебными элементами.

"Вот тогда-то, — объясняет доктор Ященко, — необходимо исправить цепочку: обнаружить в ее звеньях поломку, а затем для "ремонта" ввести в организм необходимые радикалы. Несколько лет назад мне удалось найти простой способ извлечения практически всей цепи идиотипов либо из крови пациентов, либо из препаратов, разрешенных официальной медициной. Суть этой технологии является моим "ноу-хау", поэтому сажу лишь одно: она позволяет полную цепочку идиотипов (раствор) хранить в пробирке".

— И как же применяется такое "лекарство"? — интересуюсь я у Льва Васильевича.

— Я знаю: если у человека острый бронхит, надо начинать с идиотипа-1; каплю пациенту на язык каплю этого препарата, жду 10 минут. Улучшения не последовало. Значит, перехожу к идиотипу-2, получить который можно, разведя ту же каплю раствора вдвое... И так далее — пока на неком-то, — скажем, на 18-ом — радикале пациент не почувствует облегчения. Это показатель того, что в иммунном "инструменте" больного удалось отыскать ту самую "клавишу", которая "запада-

ет", то есть не работает, не "звучит". Ее-то и надо "смазать" — вернуть ей подвижность, помочь возобновить нормальное функционирование. Пациент получает нужную пробирку и уже самостоятельно проводит дальнейшее лечение: изо дня в день через определенные промежутки времени "напаётся", норрентирует всю свою поврежденную цепочку, "скользит" по ней от 18-го звена до примерно 12-тысячного. А вот если человек страдает хронической формой бронхита, его лечение я начну сразу с идиотипа-50...

Курс лечения профессора Ященко прошли уже более десяти тысяч человек, имеющих различные заболевания. При этом наного-либо побочного эффекта, отрицательного воздействия на человеческий организм не было зарегистрировано ни разу. Практика показала, что метод Ященко, применяемый при таких болезнях, как бронхиты, астма, пневмонии, гастриты, гаймориты, язвенная болезнь, простатит, уретрит, нефрит, склеродермия, экзема, системная красная волчанка, дает лечебный эффект до 95 процентов. Профессор продолжает исследование возможностей своего метода.

Лев Васильевич сегодня завален предложенийми зарубежных фирм о сотрудничестве — при условии, что он передаст свое "ноу-хау". Однако доктор Ященко считает: рожденное в России должно оставаться ее достоянием.

Телефоны в Москве, по которым можно связаться с профессором Ященко: (095) 132-55-43, 137-16-66.

Валерий МИТРОХИН

Mожет, это совпадение, но почти после каждого ее концерта идет дождь. Песня "Человек дождя" — а так нередко называют и саму Алену Иванцову — стала ее визитной карточкой.

— "Человек дождя", "Танец под дождем", "Мотив дождя" — вряд ли кто из исполнителей так часто поет о дожде...

— Я всегда его любила, но когда стала жить в Питере, мои восторги поуменьшились. В детстве мне постоянно снились "дождливые сны" — я босиком шлепаю по лужам, с неба падают прозрачные теплые капли. Потрясающее ощущение счастья! И когда я прочла стихи "Человек дождя", мне показалось, что песня принесет счастье. Так и вышло. Самое интересное, если я выступаю на открытой площадке, после концерта начинает идти дождь. Просто мистика нанята... Организаторы концертов даже порой меня заранее предупреждают: "Алена, только не надо дожда!"

— В каком возрасте вы начали петь?

— Да лет с двух! Мама рассказывала, что я была очень неприятной, постоянно требовала к себе внимания. И она нашла выход —

включала мне радио. Ну, я "под него" и пела. Дальше — больше. Вначале давала концерты по заявкам для всех соседей: репертуар простирался от "Ой, цветет калина" до "Этот день Победы". Участвовала в школьной самодеятельности. Родственники смеялись: "Ну все, Алена, ты стала настоящей певицей!" Но чтобы стать еще более "настоящей", нужно учиться, и я отправилась в музыкальную школу играть на... бандуре. Вообще-то мечтала поступить в класс фортепиано, но оказалось, что все места там заняты. Из "свободных" инструментов осталась только бандура, и вскоре я прекрасно поняла — почему. Игра на ней было совершенно невозможно, к тому же я ее еле таскала. А жили мы тогда за городом, добираться до школы — полтора часа. Больше всего на свете мне хотелось оставить ненавистный инструмент валяться где-нибудь на дороге, но я упрямо волонта его.

— Как реагировали окружающие на ваше увлечение пением?

— Почти никто не относился серьезно. Я говорила одноклассникам: "У меня концерт". Они смеялись: "В каком колхозе? Чтобы удой молока был хорошим?" Я ду-

девушка из страны дождей

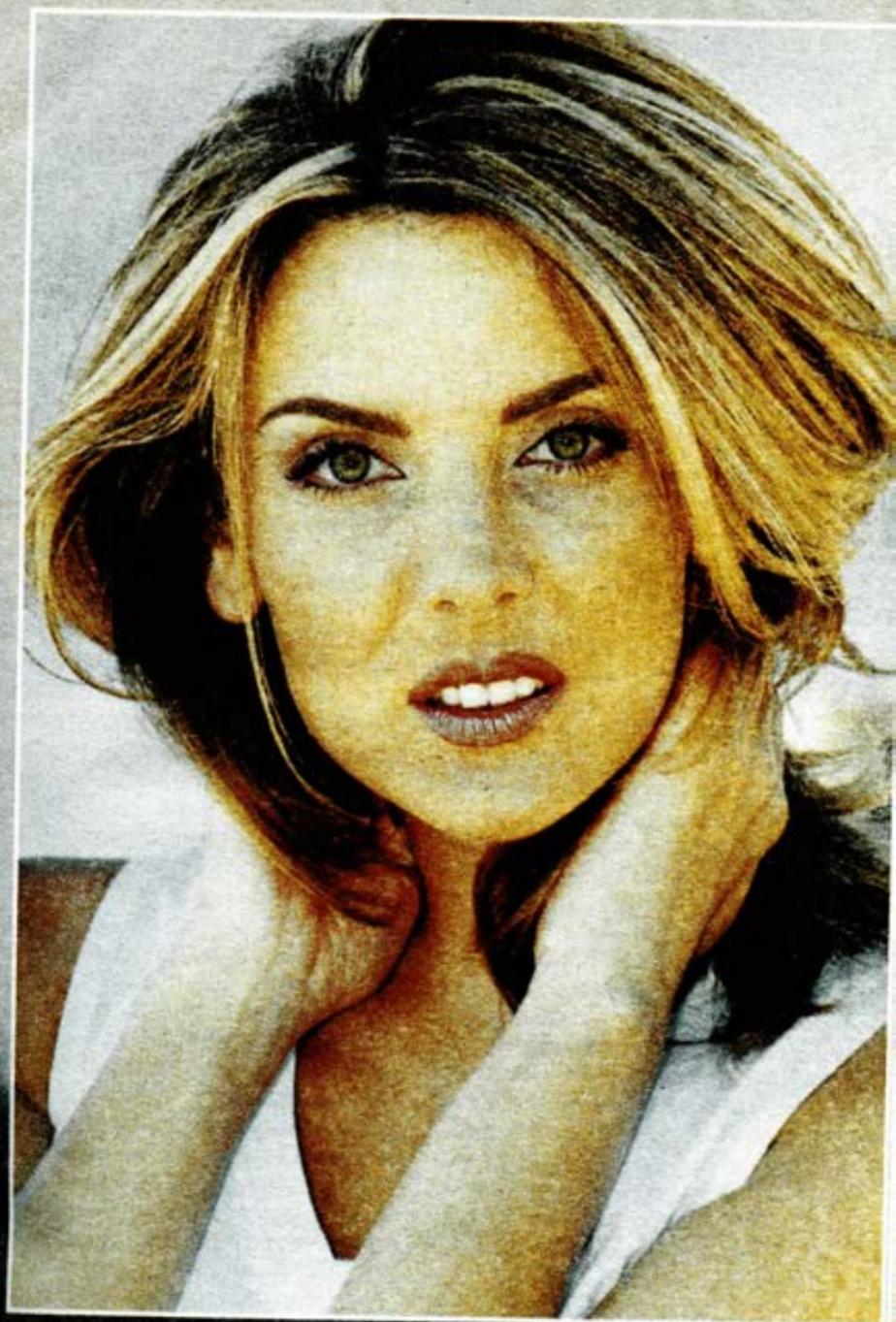

фото Елены Пикиной

мала: "Ну ничего, я вам еще покажу. Ногдана будь уеду в большой город, буду выступать на сцене, у меня будут волосы до пят и грудь пятого размера". Самое интересное, что мечты исполнились, за исключением пятого размера, и слава Богу!

— Как складывался ваш творческий путь после занятий на бандуре?

— После школы я пошла работать на консервный завод. Секретаршей. При заводе был вокально-инструментальный ансамбль, и я начала с ним выступать. Теперь, когда мотаюсь по городу с одного концерта на другой, вспоминаю времена, когда мы в составе агитбригады точно так же колесили по всему краю. Затем выступала в ялтинском варьете. Проработала там недолго: вскоре уехала в Питер поступать в студию при мюзин-холле.

— Тяжело было акклиматизироваться в незнакомом городе?

— Очень. Огромный, чужой город и я, провинциальная девочка, серая мышка, которая впервые в жизни уехала так далеко от мамы. Приехала в августе, одетая по-летнему, а там холод, ветер таковой, что чуть с самолетного трапа не снесло. Преподаватель музыки Лина Борисовна Архангельская, позвавшая меня в Питер и приютившая на первых порах, дала мне свой старый плащ, зонтик со сломанной спицей — в таком виде и пришла на экзамены. Но больше всего удивилась, что вокруг — множество девушек еще более высоких, чем я. И они, в отличие от меня, не суетились, не стеснялись своего роста. С тех пор я смело надевала туфли на шпильках.

— Многим психологически очень тяжело найти себя, свое ме-

сто в новой среде, особенно, когда из провинции, где все друг друга знают, попадаешь в большой мегаполис...

— Мне повезло — у нас оказалась очень дружная группа, и какой-то неприязни к иногородним совершенно не чувствовалось. И тому же, тогда это было довольно престижное учебное заведение, попасть в которое мечтали многие. По своему рангу оно приравнивалось к театральному институту. История, там же училась и Таня Буланова. Но проблема заключалась не в том, чтобы найти контакт с питерцами, а попытаться понять этот город, его законы, научиться жить его жизнью, быть в курсе всех премьер, культурных событий...

— Был ли какой-то момент, когда вы почувствовали себя своей в Питере, поняли, что привыкли к нему?

— Да, когда я встретила там своего мужа Славу Цоя. Тогда он работал врачом в мюзин-холле, увлекался игроукачиванием. Именно он организовал Академию восточных единоборств, которая теперь носит его имя. Но это ощущение пропало, когда Слава погиб. Я опять осталась в чужом городе практически одна, с ребенком на руках, почти без денег. Друзья, чтобы хоть как-то помочь войти в колею, стали приглашать меня вновь выступать в клубах. И вдруг неожиданно раздался звонок Шуфутинского — пару лет назад нас позна-

номил в Америке общий знакомый. Он предложил мне участвовать во "Внусе меда" — и я согласилась. Тогда мне этот проект показался интересным, даже многообещающим. А через год поняла, что все, хватит. Это не мое.

— Многие обратили внимание на ваш имидж, значительно изменившийся в лучшую сторону после ухода из "Внуса меда"...

— Если честно, то во времена "Внуса меда" я порой напоминала себе какую-то разряженную куклу. Чувствовала, что мне нужно что-то другое, но что именно — не понимала. И только Саша Шевчун увидел меня именно такой, какой я себя представляла, и, главное, вовлек в это в жизнь. А до этого какой я только не была — с челкой, без челки, кудрявой, как баран, рыжей, жгучей брюнеткой, яркой блондинкой (точнее, хотела быть блондинкой, а стараниями парикмахера получилась цыплячье-желтой). Когда на экраны вышел новый клип "Человен дондя", люди на улицах подходили ко мне, говорили комплименты, и я поняла, что перемена имиджа была правильным шагом.

— Если бы любимый человек поставил перед вами условие: "Или бросаешь сцену, или мы расстаемся", как бы вы поступили?

— Женщина должна быть независимой, чтобы в итоге не остаться одной. Унасно ничего не уметь делать, ничем не заниматься.

— Есть мнение, что мужчины боятся сильных женщин...

— На самом деле они кривят душой. Они не любят беспомощных. Сильная женщина интересна, за ней хочется ухаживать. А вот се-рая мышка, шуршащая на кухне и по первому призыву несущая своему господину тапочки или чай, очень быстро надоедает.

— У вас хватает времени на ведение домашнего хозяйства?

— Я люблю свой дом, люблю на-водить порядок, делать ремонт, го-тować. Я же женщина, мне это да-но природой. Истории, никогда не сижу ни на каких диетах, всегда ем, сколько хочу и что хочу.

— Вы сентиментальный челове-кен?

— Да. Совершенно не выношу, когда по телевизору показывают брошенных стариных или убитых животных. Никогда не отношусь по-верхностно к фильмам или кни-гам — всегда перенимаю на пол-ную натушку, если у тебя есть на-ние-то струны в душе, ты невольно перенимаешь вместе с героями.

— Не секрет, что для того, чтобы добиться успеха, особенно в шоу-бизнесе, многим приходится перешагивать через себя, через близких людей...

— Ни за что. За все подобные поступки когда-нибудь приходится платить — или себе, или близким людям, или, что еще хуже, — де-тям. Можно вспомнить множество примеров, в том числе и в шоу-бизнесе, когда этот закон срабатывал. И все, что у меня есть сейчас — любимая работа, друзья, замечательная дочка, муж — только пото-му, что я в своей жизни никому не делала зла.

■
Беседу вел
Рамазан РАМАЗАНОВ.

Что нужно сделать хозяйке уже сегодня, чтобы хранящиеся в шкафу меховые вещи выглядели к грядущим холодам как новые; как садоводу "подлечить" пораненные зимой грызунами яблоньки и груши; чем лечить разболевшийся желудок? Ответы — в нашем "Практикуме".

Готовь шубу весной

Радуясь солнцу и весенней налии, не спешите, сняв меховые вещи, побыстрее убрать их в шкаф. Меховые шапки, воротники, шубы будут дольше служить вам, если их правильно хранить, умело и вовремя за ними ухаживать. Давайте уже сегодня подготовимся к следующей зиме.

Нировые пятна с воротников, шапок и других небольших меховых изделий удаляют мягкой чистой тряпочкой, смоченной бензином. Протирать надо в одном направлении: слабо загрязненные изделия — по ворсу, более загрязненные — против. После такой обработки дать вещам просохнуть, а затем расчесать редким гребнем.

Пятна от жира и пота можно вывести раствором нашатырного спирта и поваренной соли в воде (чайная ложка спирта и 3 чайных ложки соли на 0,5 л воды). Тряпкой, смоченной в растворе, протирают загрязненное место.

Крупные меховые изделия чистят ржаными или пшеничными отрубями. Отруби нагревают в ме-

таллической или глиняной посуде, помешивая их рукой, пока они не начинают обжигать. Горячими отрубями тщательно, но осторожно протирают мех. Сильно загрязненные места обрабатывают 2-3 раза. Очистив весь мех, отруби

счищают щеткой и выколачивают вещь тонкой палкой. Вместо отрубей можно использовать подогретые опилки лиственничной (но не хвойной, смолистой) древесины. Опилки предварительно необходимо просеять и, желательно, смочить бензином. Цветной карандаш и мех зайца-беляка чистят также овсяной или ржаной мукой.

Для усиления блеска мех протирают тряпочкой, смоченной глицерином или столовым уксусом.

Блеск потускневшего меха можно также восстановить с помощью грецких орехов. Измельчите до порошкообразного состояния ядра грецких орехов, завяжите порошок в сложенную вдвое марлю и протрите этим тампоном мех по ворсу. После того, как ореховое масло впитается, мех приобретет красивый стойкий блеск.

Загрязненные вещи из карануля сначала выбейте, потом для придания блеска несколько раз протрите ладонью, смоченной растительным маслом.

Белый мех хорошо чистить картофельной мукой или манной крупорой. Пересыпав мех мукой или крупорой, его легонько трут руками, имитируя стирку. Если изделие загрязнено сильно, его чистят картофельной мукой, замешанной на бензине. Густую нащницу осторожно втирают в мех против ворса и затем легко протирают в обратном, вдоль ворса, направлении. Стряхнув загрязненный порошок, вещь осторожно выколачивают. Для полной очистки могут потребоваться 2-3 обработки.

Меховые шапки, вычищенные и высушенные, заверните в бумагу и уложите в коробки с плотно закрывающимися крышками. На дно коробки положите завернутую в марлю таблетку "Антимоли".

Если серый натуральный карануль пожелтел, его можно отбелить перенисью водорода с незначительным добавлением нашатырного спирта.

Мех бобра, выдры, крота хорошо чистится сухим горячим песком. Для этого нужно разложить изделие на столе, посыпать нагретым песком и протирать ладонью.

Помните, нельзя посыпать мех нафталином: от этого меховой волос становится ломким, а его окраска может измениться.

Домашний доктор

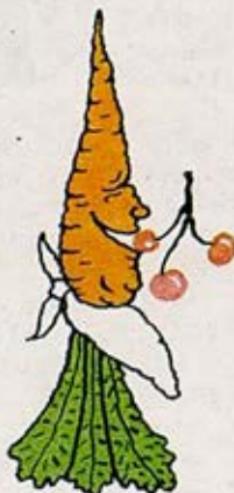
Дело житейское: вечером за ужином съели что-то неподходящее (не первой свежести или просто оказавшееся слишком тяжелой для вас пищей), и, пожалуйста, — с утра получили расстройство желудка. В "лучшем" случае — устойчивое неприятное ощущение тошноты. Естественно, бросаешься к домашней аптечке или бежишь в ближайшую аптеку за лекарствами... Подождите глотать таблетки! Многие подобные проблемы можно решить и с помощью матушки-природы. Просто знать, отвары, настои из каких трав, каше продукты, овощи и фрукты употреблять при желудочных недомоганиях.

Противоротным и противотошнотным свойством обладают терпкие и отварные плоды айвы, свежий картофельный сок, который следует принимать по четверти или половине столовой ложки перед едой.

А вот еще более простой способ исцелиться от тошноты и тяжести в желудке: выпить маленькими глотками стакан воды со льдом (можно до еды, но еще лучше — после).

При изножье хорошо помогает настой корня аира и тмина — по чайной ложке на стакан кипятка настаивать 2 часа; принимать по десертной ложке 3-4 раза в день.

Слабительное действие (при запорах или склонности к ним) оказывают молочнонисочные продукты — творог, сметана, кефир,

ряженка. Так же помогают фрукты и овощи — свекла, помидоры, груша, яблони, хурма. Их лучше есть в протертном виде.

В качестве слабительного употребляют и ревень. Только надо помнить, что при запорах принимать его следует не более 0,5-1 грамма за один раз. Меньшие дозы могут оказаться прямо противоположный — закрепляющий желудок — эффект.

При язвенной болезни желудка и двенадцатиперстной кишки, при гастрите рекомендуют применять аптечный желудочный сбор № 3, добавляя в него кунурузные рыльца, подорожник, зверобой (все это тоже можно купить в аптеке). По одной десертной ложке каждого ингредиента настаивают в 1 литре кипятка 2 часа. Принимать по 1 стакану 4 раза в день. При остром (хроническом) гастрите используют аптечный желудочный сбор № 5 с добавлением в него мяты, вишни, аира (по чайной ложке на стакан кипятка).

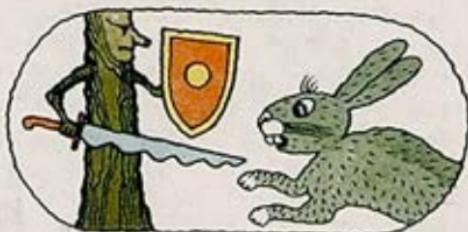
Многих родителей беспокоит плохой аппетит их детей. Мамам и папам полезно помнить, что возбуждают аппетит и улучшают пищеварение корень аира, айва, алоэ, вишня, валериана, морковь, репа, пижма. Можно использовать и аптечный аппетитный чай (полынь с тысячелистником) — по чайной ложке сбора на стакан кипятка. Дать настояться 2 часа. Принимать по 0,5 стакана за 10-15 минут до еды.

При столь распространенных (особенно среди людей пожилого возраста) заболеваниях, как водянка, отеки различного происхождения, задержка жидкости в организме полезны арбуз, брусника, айва, гранат, яблони, редис, терн,

шиповник. Хорошо помогают отвары из березовых почек, адониса, клевера, крапивы, лопуха.

Страдающим этими недугами рекомендован и аптечный мочегонный чай. В особо тяжелых случаях к нему добавляют полевой хвоц, зверобой, кунурузные столбники, березовые почки (по десертной ложке на литр кипятка, настоять 2-3 часа, принимать по 0,5 стакана 4-5 раз в день).

Столяр в саду

Ранней весной, когда сходит в саду снег, мы заходим на свой участок и ждем приговора судьбы: залезли ли в сад зайцы, не повредили ли штамбины яблонь и груш мыши и крысы, не обожгло ли молодую кору яркое весеннее солнечко? Если это все же случилось и рана на коре стволина оказалась сплошной, деревцу грозит гибель. Но его можно спасти. Для этого существует два вида прививки — "мостиком", который все знают, и гигантская прививка по Гоше. Правда, она требует тщательности и столярных навыков, но ведь речь идет о спасении уже плодоносивших ваших любимцев.

Если мыши съели кору у 5-7 летних плодоносящих деревьев, спасти яблоню, грушу можно, только соединив камбий выше и ниже поврежденного места. Поврежденное деревце перепиливают внизу под кольцевой раной, затем с отпиленной верхней части ство-

ла с кроной отпиливают поврежденный нусок штамба. Срезы можно делать различными способами. Один из них, например, повторяет столярный способ соединения деревянных частей в так называемый "замон".

В более простом виде он применяется так. Два конца штамба надпиливают до толщины 1,5-2 см на расстоянии 20-25 см от концов, скальвают острым ножом или топором надпиленные половинки, тщательно и аккуратно скланивают острым ножом, стамеской или прямым рубанком и подгоняют так, чтобы было полное совпадение (как при столярной работе по дереву) камбальных слоев в торце и по подпольному разрезу. Пропил, сделанный пилой, зачищают садовым ножом. Половинки приставляют друг к другу, чтобы совпали камбальные слои, сбивают оцинкованными гвоздями или (что лучше) свинчивают шурупами, тую обвязывают полихлорвиниловой толстой лентой или полотняным бинтом, последний обмазывают садовым варом. Такая гигантская прививка применяется при небольшой легновесной кроне и при тонком штамбе толщиной менее 5 см.

Крону подвязывают к толстому кольшну и тую привязывают в 2-3 местах. Побеги укорачивают на 1/3 — 1/2 длины, а лишние удаляют на кольцо. Все срезы замазывают садовым варом. Полив регулярный раз в неделю весной и в начале лета, по 3-4 ведра на растение.

Плодоносящие яблони и груши со штамбом диаметром более 5 см соединяют более крепким замочным соединением или привив-

кой "клином". Техника исполнения последней следующая. Выпиливают поврежденную часть штамба. Верхнюю часть штамба срезают двумя длинными сходящимися косыми срезами в клин с острым ребром; при малом диаметре штамба клин делают садовым ножом, при большом диаметре — плотницким или остронокническим топором и скланивают рубанком. На пеньке выпиливают или вырезают клинообразный вырез, полностью совпадающий с верхним клином.

Чтобы прививка удалась, следует соблюдать следующие правила. Боковые срезы должны быть не меньше 20 см и не больше 30 см. Плоскости срезов должны быть хорошо пригнаны друг к другу. Плоскости срезов нельзя трогать руками, пачкать грязью, так как перед соединением они должны быть чистыми, свежими, чтобы камбальные клетки верхней и нижней частей совпадали.

Обвязка должна быть очень плотной и крепкой, необходимо тую стягивать место прививки; через 2-3 недели ее ослабляют, а снимают через 2-3 года. Очень важно закрепить крону дерева, чтобы оно не раскачивалось при ветре. Лишние ветки удаляют, также дерево фиксируют с 3-4 сторон кольями, на штамб иногда делают деревянный лубон, как при переломах.

Поврежденные мышами двухлетки, как правило, срезают на обратный рост или прививают косым срезом копулированной. ■

Практикум вели
**Елена ЕВДОКИМОВА,
Евгений ПРОМОХОВ,
Александр КУЛЕНКАМП.**
Рисунки Виктора Ковали

Шахматная эпиграмма

Под редакцией международного гроссмейстера **Виктора ЧЕПИЖНОГО**
VIII международный конкурс составления шахматных задач-миниатюр

46. М. РЕЙТМАН
 Одесса, Украина

2

47. Н. ЧЕРНЯВСКИЙ
 Львов, Украина

б) $\text{Fa} \, 6, \text{e} \, 8 \, \text{Fb} \, 4$

2

48. В. ДЯЧУН
 Мукачево, Украина

2

49. С. РАДЧЕНКО
 Ростов-на-Дону

3

50. В. КОВАЛЕНКО
 г. Большой Камень,
 Приморский кр.

3

51. М. МАРАНДЮН
 г. Новоселица, Украина

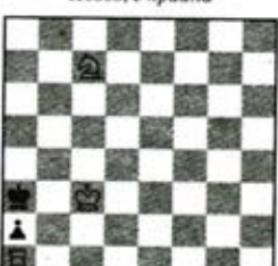
3

52. Г. АМИРЯН
 Ереван, Армения

4

53. И. СОРОНА
 Львов, Украина

7

54. В. МОРОЗОВ
 Москва

9

РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ, опубликованных в "Смене" № 5-7, 1998

Правильные ответы на все задания прислали **Ю. НАРТАШОВ** (Санкт-Петербург), **В. НОЖАНИН** (Магадан), **Г. ПОПОВ** (Якутск). **В. ГАТИЛОВ** (пос. Строитель, Белгородская обл.) и **А. МОТОВИЧЕВ** (Архангельск) не указали побочных решений в одной из задач. **Р. КУНУШКИН** (Новороссийск) и **В. СИМОНОВ** (Самара) не решили по одной задаче.

"Смена" № 5, 1998

58. В. Клипачев. 1. Cf7
59. Л. Лебедев. 1. Fa3
60. М. Матренин. 1. Kc6
61. М. Рейтман. 1. Lc4 Kpb5 2. Kpc6, 1... Kpb6 2. Lc5, 1... c5 2. Kpb7
62. В. Новаленко. 1. Kpb1 Fb6 2. La5, 1... Fd5 2. Cd5, 1... Fe4 2. fe
63. В. Антипов. 1. Hd4 f3 2. Kf3, 1... e1F 2. Fh3
64. В. Сунцов. 1. Kpb6 a1F 2. La1 Kpg8 3. Lh1

65. Ю. Сунцов. 1. Le1 Kph2 2. Ne3 g2 3. Ng2! Kpg2 4. Hd1 Kph2 5. Ne3!
66. В. Жеглов. 1. Ca6 Kpa8 2. Cf8! Hd6 3. Ce7 Hc4 4. Cc4 Kpb8 5. Ca6 Kpa8 6. Cb7, 2... Kpb8 3. Ce7 Kpa8 4. Cb7 Kpb8 5. Cd8

"Смена" № 6, 1998

67. Н. Чистяков. 1. Cf4
68. А. Слесаренко. 1. Fe1, 1. Kpe3? Lh2!, 1. Ch3? Kph2!
69. М. Чернушино. 1. Cb3
70. В. Клипачев. 1. Ph1
71. В. Новаленко. 1. Lh4
72. В. Оунев. 1. Fa5
73. М. Рейтман. 1. Ch7
74. В. Пилипенко. а) 1.. H5c4, б) 1. c3, в) 1. Kc6
75. Л. Лебедев. 1. Ce7, 1. Lh3? Kpb6
76. З. Гнат. 1. a7 e6 2. a8L, 1... Kpc6 2. a8F, 1... Kpa7 2. Leb
77. В. Зиновьев. 1. Ph1 Kpg3 2. Pg1, 1... Kpg5 2. Lf6, 1... h4 2. Lf5, 1... h2 2. Pg2
78. В. Сонин. 1. Ph6 Kpg2 2. Fe6, 1... g2 2. Fd4, 1... Kpf2 2. Fb2
79. В. Желтоночко. 1. Hg5 Kpd4 2. Fc3, 1... f4 2. Fb6, 1... g3 2. Fc5
80. В. Мельниченко. 1. Kpb2! (2. Cf4) Kph2 2. Lh8
81. В. Манвелян. 1. Fb8 Kpa3 2. Ff4, 1... f4 2. Fb6, 1... Kpa5 2. Fb7
82. В. Симонов. 1. Kpb1 Kpa4 2. Kpc1 Kpa3 3. Kc5
83. А. Налинин. а) 1. Ch4 d3 2. Ce1 d2 3. Cd2, 2... Kph6 2. Kpf5 6) 1. Hpg4 c3 2. Cc1 c2 3. Kpf4
84. В. Антипов и В. Никандин. а) 1. Hd3 g2 2. Ne1 g1F 3. Fe4, б) 1. Ne4 g2 2. Ph5 Kpg1 3. Kpb2, 1... Kpg1 2. Fe1 Kpg2 3. Fg3

85. М. и Б. Нормильцевы. 1. Fg8 Kpd6 2. Fg6 Kpe7 3. Hd5, 1... d5 2. Kf5 Kpf6 3. Kgb5

86. В. Воинов. 1. Cg3! f6 2. Kpe6 f5 3. Kpd7 f4 4. Kpc7, 1. Kpe5? f6! 2. Kpd5 f5 3. Kpc6 f4 4. Kpb6 — пат!

87. Ю. Сунцов. 1. Fc8! a4 2. Fc7 a3 3. Fc6 Kpa5 4. Kpb3 a2 5. Kpc4, 2... Kpb5 3. Kpa3 Krb4 6. Kpb4 a3 5. Krc5, 1... Kpb5 2. Kra3 Krb6 3. Kra4 Kra7 4. Krb5 a4 5. Krc6, 2... a4 3. Fc7 Kpa6 4. Kpb4 a3 5. Krc5

"Смена" № 7, 1998

88. В. Никоновиков. 1. Ph7
89. В. Крининовский. 1. cbN
90. М. Чернушино. 1. Cc4
91. В. Сонин. 1. c8F
92. В. Пилипенко. 1. Fc8
93. Х. Фреберг. а) 1. Fc6, б) 1. Fe4
94. З. Гнат. 1. La4
95. Л. Лебедев. 1. Fe6
96. Е. Чумбуридзе. 1. Pg1
97. В. Лукашев. 1. Kpf3 Kpf5 2. Fb6, 1... Kpf6 2. Kpe4, 1... Kpd5 2. Le8
98. З. Гнат. 1. Ce8 Kpe8 2. g7, 1.. Kpg8 2. Cf7.

Побочные решения (пропущен черн. Kb1): 1. Cd5 и 1. Kpd7

99. В. Зиновьев. 1. Ne5 Kpb7 2. Hd7, 1... Kpb8 2. Cc6
100. Н. Резов. 1. Ca7 Kpa7 2. Fc7, 1... Cc6 2. Fcb
101. В. Мансин. 1. Hd7 Kpd5 2. Fb6, 1... Kpc4 2. Fb3, 1... Kpc3 2. Fb4, 1... Kpe3 2. Fb2
102. М. Маранджон. а) 1. Hd6 Kpe5 2. Fe4, 1... Kpe3 2. La3, б) 1. Ph3 Kpe5 2. Fe3, 1... Kpg5 2. Lg6, в) 1. Kpc5 Kpe5 2. Ff1, 1... Kpf5 2. Kpd4

103. В. Желтоночко. а) 1. Kpe6 Kpe3 2.

Ph2 Kpd3 3. Kpd5, 2... Kpe4 3. Fc3, 6) 1.

Fe1 Kpd4 2. Cf3 Kpd3 3. Kpb3, 2... Kpc4 3. Fd2

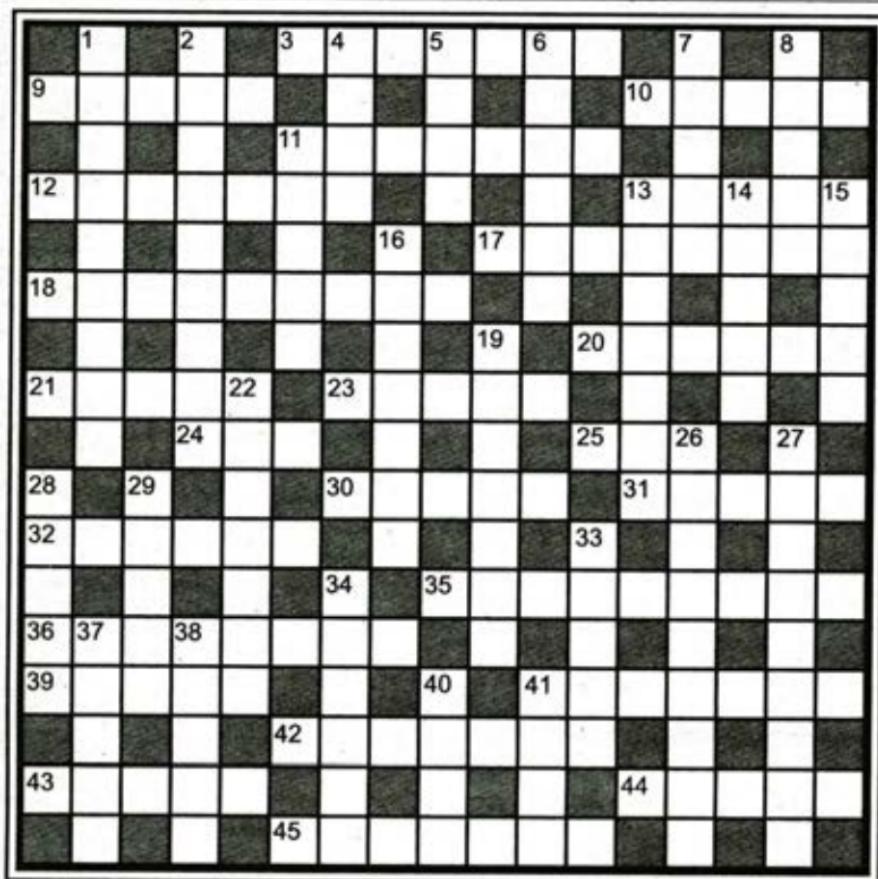
104. В. Морозов. а) 1. Kpb7 a6(a5) 2. Cc3(b2) a5(a4) 3. Ca5(a3), б) Ce5 d4 2. Cf4 d3 3. Cd2, в) 1. Kpb5 d6(d5) 2. Kpc4(c5) d5(d4) 3. Kpd4

105. М. Чернушино. 1. Cc7 Lc7 2. bc Kpa7 3. c8L, 1... Lb6 2. Lb6 Kpa7 3. cb, 1... La7 2. ba Kpa7 3. cb, 1... Lb8 2. cb Lb6 3. La5

106. В. Никонин и Н. Чистяков. а) 1. Ch3 d5 2. Ce6 d4 3. Ca2, б) 1. Ce2 e4 2. Cd1 ed 3. Lb1, в) 1. La3 f2 2. Lb3 Kpa4 3. Kc5

107. Н. Чистяков. 1. Cg3 Kpg1 2. Ch2 Kph2 3. Kpf2 Kph1 4. Lg1 Kph2 5. Lg3

108. М. Нормильцев. 1. Ch4 Kpb8 2. Kpf5 Kpc8 3. Kpe6 Kpb8 4. Kpd7 Kpa8 5. Hd7 Kpb8 6. Cg3 Kpa7 7. Kpc8 b5 8. Cf2 b6 9. Ce1 b4 10. Cb4 b5 11. Cc5x

ЭРУДИТ

По горизонтали. 3. Дочь М. Кутузова, прозванная "Лизой голенькой", безнадежно влюбленная в А. Пушкина. 9. Половинка тире. 10. "Он сидел на перемете, выбрав место посумрачнее, торчном подняв уши, выкатив желтые слепые зрачки" (Иван Бунин. "Суходол"). 11. Птица, которую в прямом смысле можно назвать курочкой Рябой. 12. Писатель, изображавший природу, в отличие от Н. Паустовского, с позиций охотника. 13. Американский физик, один из создателей лазера и мазера. 17. Адриано Челентано по своему увлечению. 18. "...грешница" — первое печатное произведение В. Хлебникова. 20. Одна из двух трав, венки из которых в старину надевали на женщин-пьяниц. 21. Мифический стрелок, чей лук его сын подарил Одиссею, и тот из него поразил женихов Пенелопы. 23. Шывал по сути. 24. Самый первый норабельщик. 25. Большая надь, в которой на Руси выделявали коню. 30. Один из трех периодов, название только и отмечал древнеегипетский календарь. 31. Жертва Адама во имя Евы. 32. Объект хиромантии. 35. Жена Сократа, правильно считавшая, что

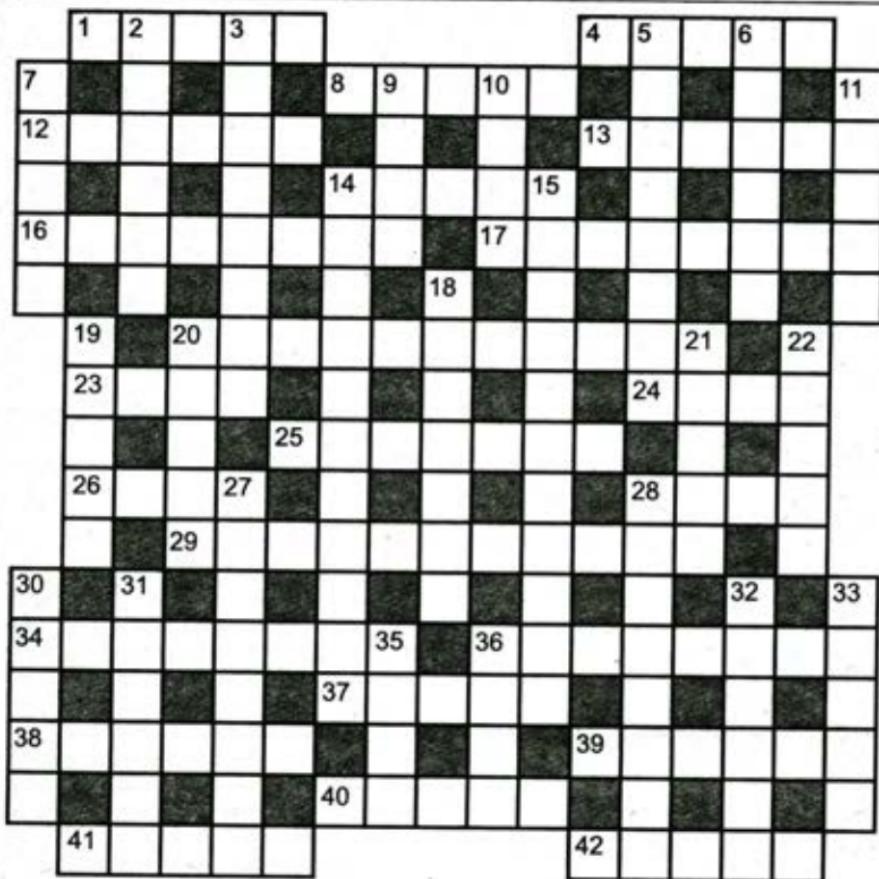
философскими рассуждениями сыт не будешь. 36. Древнегреческий философ и поэт, носивший медные сандалии. 39. Вчерашний день в нынешней моде. 41. Разбойничье общество в Неаполитанском королевстве, с которым считались даже правители. 42. Сегмент в математике. 43. Прибор, который в старину на парусниках заменял живой поросенок, подвешенный к мачте. 44. Нартина — мазон, рисунок — ... 45. Человек, помогающий больным (в СССР подвергался уголовному преследованию).

По вертикали. 1. Средство для здоровья, тридцать тысяч видов которого — больше всех — употребляют бразильцы. 2. Пигмент желчи, чье содержание в крови может указывать на некоторые болезни. 4. У Лондона — герой романа, а в Лондоне премьер-министр. 5. Человек, озабоченный единственной мыслью: ухватить. 6. Заведение, где в России в 1852 году впервые установили публичную новогоднюю елку. 7. Старое название восточного кушанья из риса и мяса, встречаемое еще у М. Шагиняна. 8. Средство защиты слона, ставшее для него смертельно опасным. 11. Нити из шерстяных ниток на еврейском молитвенном облачении. 13. Представитель народа, живущего, по словам В. Распутина, в "краю возле самого неба". 14. Лунный серп уменьшается (положение). 15. Ювелирная техника, которая на Руси часто сочеталась с финифтью. 16. Напиток, которого А. Пушкин, по свидетельству камердинера Никифора, "за ночь выдувал графина три". 19. Колено в пении жаворонка и других птиц. 22. Американский смерч. 26. Смысл старинной опалы. 27. Чин Н. Крыленко, назначенного В. Лениным Верховным главнокомандующим. 28. Советский композитор, автор симфонии "Илья Муромец". 29. Прозелит со станком. 33. Трава, которую верблюд предпочитает сансаулу. 34. Нолыбель культуры майя. 37. Г. Гельмгольц по образованию. 38. Литератор и ученый-самоучка, чья историческая компиляция была первой в России попыткой систематически изложить историю народов мира. 40. Шота Руставели по национальности. 41. Сумка с отделениями и нарманами. ■

ОТВЕТЫ НА "ЭРУДИТ", НАПЕЧАТАННЫЙ В № 3

По горизонтали. 3. Пчела. 9. Остол. 10. Рамадан. 11. Эрисман. 12. Купол. 14. ...факты... 15. Масонство. 16. Кожан. 18. Гиена. 21. Глас. 24. Хлор. 25. Арго. 26. Блок. 27. Испод. 28. "Федр". 30. Мане. 32. Ралли. 33. Золя. 34. Штат. 35. Швед. 36. Нитч. 39. Тяною. 43. Вьюяр. 46. Пьедестал. 47. Стужа. 48. Нерль. 49. Цвингли. 50. Реприза. 51. Шишка. 52. Майнц.

По вертикали. 1. Эскудо. 2. Солома. 4. Чарнота. 5. Лосось. 6. Пан. 7. Гавайи. 8. Дантон. 10. Развилка. 13. Ланг. 16. Квадрат. 17. Жигулин. 18. Грие. 19. Евпатий. 20. Аудитор. 22. Лье. 23. Сброд. 24. Хомян. 28. Фишю. 29. Дзельквя. 31. Нит. 37. Инсулин. 38. ...чван. 40. Ястреб. 41. Обжора. 42. Удинна. 44. Юление. 45. Яблоко. 49. Цзе.

КРОССВОРД

По горизонтали. 1. Картина Джорджене. 4. Кривой бельмес под горшон залез (русская загадка). 8. А. Пушкин: "Подъезжая под ..., я взглянул на небеса и воспомнил ваши взоры, ваши синие глаза". 12. "Детство..." — повесть Б. Пастернака. 13. Певунья юнных ночей. 14. Бунда музыкального занудства. 16. Город в "стране" А. Грина. 17. Городской источник хлеба. 20. Поэтическая сенстина по-русски. 23. Выключатель на ринге. 24. Болтовня. 25. Созвездие, чей Артур стал первой звездой, у которой в 1717 году Галлей обнаружил явное движение в пространстве. 26. Рекламный или музыкальный телесюжет. 28. Резкий звук при "пилении" скрипки. 29. Голубой цветок, которым лучше любоваться на лугу, поскольку он тут же вянет. 34. Русская мера сыпучих тел. 36. Чилийская поэтесса, ставшая

первым в Латинской Америке лауреатом Нобелевской премии по литературе. 37. "Король Лир" советского кино. 38. Непременный атрибут в руках денди. 39. Оппонент Тимура и его команды. 40. Полевой сорняк; хороший норм для скота. 41. Чертогон. 42. Самый восприимчивый к моде художник из "Мира искусства".

По вертикали. 2. Брат мужа. 3. Безопасный для судов проход по водному пространству. 5. Самоцвет, из которого на самом деле был выточен "изумрудный" мононль Нерона. 6. Милическая ткачиха, превращенная Афиной в пауна. 7. Имя писательницы Триоле. 9. Русский кувшин с крышкой. 10. Снособоченный квадрат. 11. Праздничная одежда. 14. Вкус к еде, в которой знал толк дедушка Крылов. 15. Минерал с перламутровым блеском, указывающий на цинковые руды. 18. Олух. 19. Наша птичка, обычный седок на спине дрофы в пустыне Калахари. 20. Кличка собаки, превращенной в повести М. Булгакова в человека. 21. Кустарниковые заросли в тундре. 22. Обычное дузльное оружие у французов. 27. Документ, пугающий выпускников наших школ. 28. Трехлинейка. 30. Предок калькулятора. 31. Ненасытная... (о прожорливом человеке). 32. У рыбака Коши — шаланда. А у Сони? 33. Мужички под мухой. 35. Крыша над головой. 36. Ресторанская "листовна". ■

Составил **В. ПРОХОРОВ,**

Астрахань

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 3

По горизонтали. 7. Фафнох. 10. Форшман. 13. Тамил. 14. Леший. 15. Казулька. 16. Пригород. 17. Канон. 18. Тулун. 19. Пингвин. 22. Дильтей. 23. Накао. 24. Хук. 26. Цимбалы. 29. Утнонос. 33. Ель. 34. Онапи. 37. Замашка. 40. Алгебра. 43. ...ламут. 44. Лалор. 45. Карамель. 46. Адюльтер. 47. Таран. 48. Зенит. 49. Читанье. 50. Финикия.

По вертикали. 1. Латания. 2. Ермунганд. 3. Вольнин. 4. Политин. 5. Эшшольция. 6. Майонез. 8. ...фазан. 9. Нилов. 11. Регул. 12. Мирут (Мератх). 20. Наая. 21. Жариков. 22. Дузль. 25. Яблочко. 27. Стела. 28. Катамаран. 30. Щавельник. 31. Юла. 32. Палатин. 33. Ектенья. 35. Иллюзия. 36. Арретир. 38. Марат. 39. Шуман. 41. Гален. 42. Ботик.

Обустраиваем домашний офис

Рубрику ведет
главный редактор журнала "Компьютер и мы"
Андрей БОРЗЕНКО

Итак, вы уже выбрали модель персонального компьютера. Осталось только заплатить деньги и привезти его домой. Но прежде стоит позаботиться еще кое о чём. Во-первых, в квартире следует подготовить место, где будет установлен компьютер, во-вторых, продумать вопросы электропитания и, в-третьих, позаботиться о приобретении различных полезных "мелочей".

Ваше рабочее место должно быть спланировано так, чтобы работать за компьютером было удобно. Мало кто сегодня может выделить для компьютера специальную комнату, но вот отдельный стол для него просто необходим. Не стоит занимать для этой цели письменный стол, если он у вас только один. В таком случае, планируя приобретение компьютера, нужно подумать и о лонгуне второго стола. Кроме того, может понадобиться небольшой дополнительный столик или тумбочка для установки печатающего устройства — принтера. Помните, что ком-

пьютер не стоит устанавливать рядом с батареей центрального отопления.

Наиболее удобен для работы стол с регулируемой высотой рабочей поверхности и выдвижной подставкой для клавиатуры. Дело в том, что монитор должен размещаться выше поверхности, на которой установлена клавиатура. Специальные кронштейны для мониторов дают возможность использовать обычный письменный стол как для работы с компьютером, так и по его прямому назначению. Но при этом размеры комнаты должны позволять "отодвинуть" монитор на кронштейне от стола. При размещении на столе монитора вы вполне можете положиться на свою интуицию — представьте, что вы устанавливаете небольшой телевизор, который будет смотреть с расстояния 50—70 см. Именно поэтому желательно, чтобы прямой солнечный свет не попадал на экран. По отношению к сидящему за столом онно, по возможности, должно

быть слева или спереди. Впрочем, от яркого света можно защититься плотными шторами на окнах. Однако "смотреть телевизор" в полной темноте не рекомендуется — необходим дополнительный источник рассеянного света: включите люстру, торшер, настольную лампу или, на крайний случай, ночник. Центр экрана монитора должен находиться примерно на уровне глаз, а минимальное расстояние между глазами и плоскостью экрана — 40-50 см.

Большинство современных мониторов отвечают весьма жестким международным стандартам (типа TC095 или TC099), которые предусматривают не только пониженные уровни электромагнитных излучений, но и регулируемое энергопотребление устройства, а также экологические требования и пожаробезопасность.

Клавиатуру лучше всего располагать на расстоянии 10-15 см от края стола, тогда запястья рук будут опираться на столешницу. Желательно приобрести специальную подкладку под запястья, которая, как утверждают медики, поможет избежать болезни кистей. Впрочем, существуют клавиатуры со специальными площадками для отдыха рук.

Для эффективного использования манипулятора типа мышь необходим специальный "коврик" — планшет, который должен удовлетворять нескольким критериям: во-первых, хорошо держаться на поверхности стола, ведь не дело, если он будет "кататься" вместе с мышкой; во-вторых, материал верхней поверхности планшета должен обеспечивать хорошее сцепление с шариком мани-

пулятора, не затрудняя при этом движения мышки.

Подставки для документов облегчают ввод текстовой информации с клавиатуры. Они могут либо крепиться, например, к монитору, либо непосредственно устанавливаться на столе. Многие из них оснащены линейками для выделения набираемой строки.

Дискеты рекомендуется хранить в специальных боксах (коробках). Они различаются по дизайну и вместимости (от 10 до 100 штук). В продаже имеются также мягкие конверты, вмещающие 5-6 дискет, которые удобно носить, например, в кармане пиджака.

Подобно электробытовым приборам, компьютер "питается" электричеством. На стене комнаты, вблизи которой расположен стол для компьютера, обязательно должна иметься розетка электросети. Для подключения компьютера и других устройств, работающих вместе с ним, удобно использовать именно ее. Для этой цели предназначены специальные распределительные колодки (аналоги привычных тройников), позволяющие подключать одновременно несколько устройств. Кроме того, как правило, распределительные колодки выполняют также функции сетевых фильтров или стабилизаторов напряжения.

Заметим, что по причинам, связанным со сбоями в электросети, часто происходит потеря информации в компьютере, а иногда выходит из строя и само электронное оборудование. Гарантировать надежную работу компьютера при любых "напризах" электропитания вплоть до полного его отключения могут только устройст-

ва, называемые бесперебойными источниками питания.

Периферийные устройства, наковыми являются, например, монитор и принтер, следует включать раньше системного блока. Если кабель питания монитора подсоединен к системному блоку, то сперва (при отсутствии питания) включите переключатель на мониторе в положение On. Убедившись, что тумблер на системном блоке находится в состоянии "выключено" (Off), включите сетевой фильтр-распределитель. Теперь, "набравшись мужества", можно смело щелкнуть тумблером системного блока. Выключать все устройства надо в обратной последовательности: сначала системный блок, затем все периферий-

ное оборудование и после этого фильтр-распределитель. В том случае, когда кабель питания монитора подключен к системному блоку, тумблер на мониторе можно не выключать. Стоит накрепко запомнить, что после любого выключения компьютера надо подождать хотя бы 30-40 секунд и только после этого снова его включать.

Запомните, что не стоит выключать компьютер, если вы вдруг решили перенуть или побеседовать с кем-нибудь из домашних. И вообще, если вы несколько раз в день эпизодически работаете за компьютером, то лучше его совсем не выключать в течение всего дня. Вреда от этого гораздо меньше, чем от частых включений. ■

Уважаемые читатели!

Все последние годы редакция "Смены" стремилась удерживать подписную цену на возможно низком уровне. Но стремительное дорожание бумаги и всех полиграфических услуг вынуждают нас во втором полугодии все-таки пойти на повышение цены — при растущей инфляции это единственная возможность обеспечить полноценный выпуск всех запланированных номеров.

Обращаем ваше внимание, что подписка на "Смену" на второе полугодие 1999 года и для индивидуальных подписчиков, и для организаций будет производиться по одному индексу — 70820 (каталог "Роспечать"). Несколько индексов да еще в разных каталогах вызывали путаницу, задержку доставки и, естественно, справедливые жалобы. Надеемся, что таких нареканий станет меньше.

Напоминаем, что оформить подписку на "Смену" можно и непосредственно в редакции с любого месяца.

Подписная цена одного номера с июля 1999 года — 23 руб. 50 коп., стоимость шести номеров — 141 рубль.

Такая подписка дешевле, чем в почтовом отделении, поскольку вы будете приезжать за журналом в редакцию. Если же вы не сможете забирать журналы ежемесячно, ваша "Смена" будет ждать, сколько понадобится, и вам не придется волноваться, что журнал пропадет из почтового ящика.

Телефоны для справок: **212-15-07, 250-49-98.**

Вниманию подписчиков!

Во втором полугодии 1999 года цена за один номер журнала — **23 руб. 50 коп.**, за три — **70 руб. 50 коп.**, полугодовая подписка — **141 рубль** (по каталогу "Роспечати" без стоимости доставки).

Подписка принимается без ограничений всеми отделениями связи России и стран СНГ с любого месяца.

Ф. СП-1

Министерство связи РФ

АБОНЕМЕНТ на журнал

70820

(индекс издания)

"СМЕНА"

Количество комплектов

на 1999 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс) (адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ

место

ли-
тер

на журнал

70820

(индекс издания)

"СМЕНА"

Стои-
мость

подписки
пере-
адресовки

руб.
руб.

Количество
комплектов

на 1999 год по месяцам	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонементе должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штемпеля отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах «Роспечати».

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ – МЕСТО» производится работниками предприятий связи и «Роспечати».

Никас Сафонов — автор по меньшей мере 1000 живописных работ. Ему заказывают портреты политики, деятели искусства, бизнесмены. Сафонов — модный художник, и многие ставят ему это в упрек. Ведь мода так изменчива...

И все равно о нем спорят, ему завидуют, возводят на пьедестал и низвергают. Художник привлекает внимание не только своим творчеством, но и личной жизнью. Нажется, ему удается все, за что бы он ни брался.

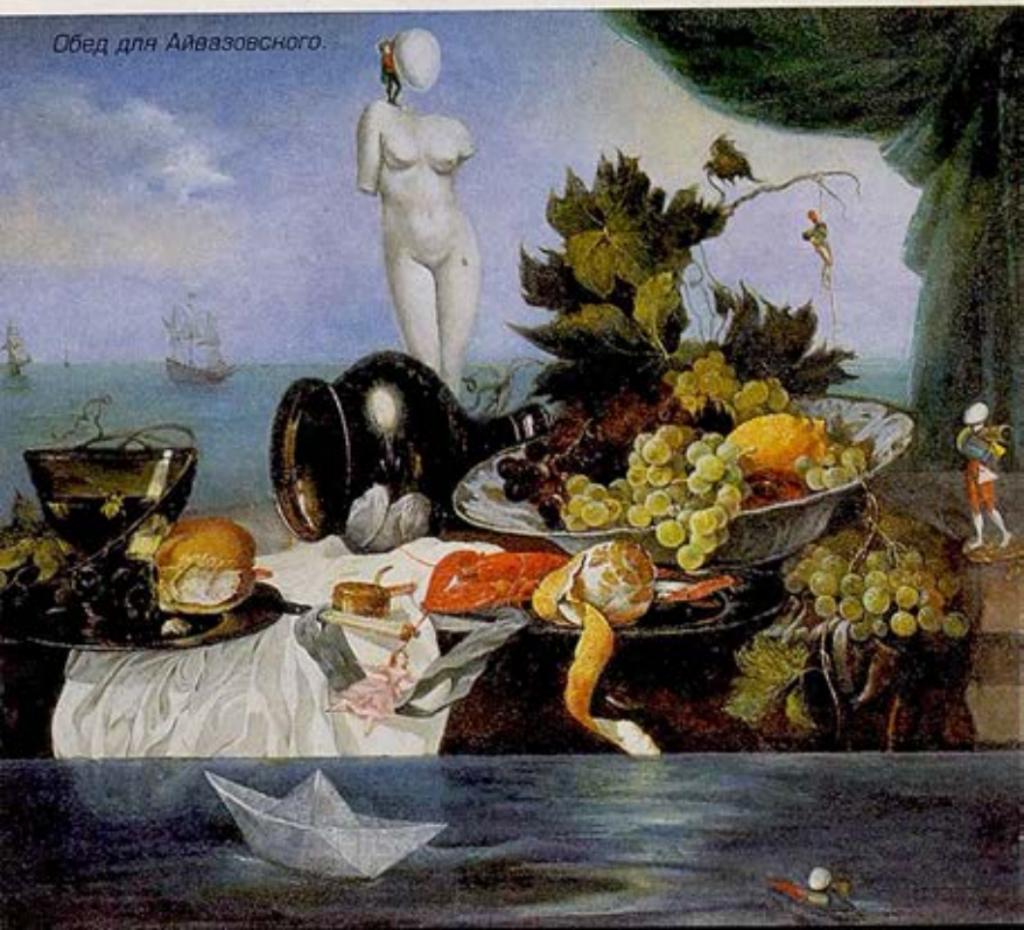
Учась в вильнюсской Академии искусств имени Чюрлениса, Никас часто видел красивую девушку, жившую с ним по соседству. Однажды он попросил разрешения отца Анны — так звали девушку — написать ее портрет. Тогда тот привел студента к себе в квартиру, стены которой были увешаны живописными работами. "Многие писали портрет дочери, но ни один не похож на нее", — заявил он.

В сеансах было отказано. А через три дня на свет появилась "Неуловимая" — портрет девушки с четырьмя глазами.

— Вернувшись домой, я вспомнил лицо девушки и те портреты, что были написаны с нее. Вдруг понял, что художники передавали внешнее сходство, не заметив, что у Анны дрожат веки. Они не смогли заглянуть ей в глаза. Я написал четыре глаза — и она стала узнаваема.

Никас Сафонов

Обед для Айвазовского.

Впервые имя Никаса Сафонова прозвучало в начале 80-х, когда репродукции картин молодого художника опубликовал журнал "Спутник". Когда же репродукции напечатали на Западе, его творчеством заинтересовались коллекционеры. Он заставил говорить о себе. Прошло 15 лет. Сейчас Никас Сафонов — член нескольких зарубежных академий художеств, американской Академии художеств награжден медалью "За вклад в мировое искусство", он почетный гражданин Мадрида. Его именем названа звезда в созвездии Андромеды.

Когда Никас еще учился в Ростовском художественном училище имени Грекова, с ним иногда происходили странные вещи. Вечерами, после напряженной работы в мастер-

ской, перед ним возникал образ позировавшей ему днем модели. Да так явственно... Друг-сокурсник сказал: "Избавься от этого состояния, иначе тебя не так поймут и отправят в сумасшедший дом".

— Только много позднее я понял, что это... дар. Ты придумываешь то, чего не видишь, это все появляется в воображении как голографический объем, и ты находишься в эйфории, состоянии самогипноза.

Рисовать он любил всегда. В раннем детстве — для себя, в тетрадях, на обложках учебников, на стенах. В десять лет Никас увидел альбом с репродукциями картин старых мастеров — они так его потрясли, что под впечатлением от увиденного он нарисовал на двери своей комнаты распятого Христа.

— Однажды я видел фильм "Бесконечная история". Сказка. Там есть гора, на ней — хрустальный замок, а в нем — принцесса. И есть бездна, которая все поглощает. После нее пустота, ничто. Она съедает мечту. Все ломается, рушится — сказка рушится, но мальчик из реальной жизни входит в сказку и пытается изменить катастрофический ход истории... Мне хочется романтики. Поэтому придумываю образы людей и отношения с ними конечно, идеализирую...

Юлия ГЕРРА

Цветы для духов

**ВЫ
НИКОГДА НЕ БЫЛИ
В РАЮ!**
ЭТО НЕДАЛЕКО —
ОСТРОВ **ИСКЬЯ** **В НЕАПОЛИТАНСКОМ
ЗАЛИВЕ (ИТАЛИЯ)**

Один из **самых красивых и известных островов Средиземного моря**. Кристально чистое море, великолепные пляжи, 300 гостиниц с термальными бассейнами. Непревзойденный эффект при лечении ревматизма и артрита, теохондроза, астмы, гинекологических и кожных заболеваний (в т. ч. псориаза).

ФЛЕГРЕАН ТУРИСТ СЕРВИС

Тел.: (095) 246-71-26, 246-71-32, 246-89-80